

ISSN 0130 — 1527

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

1990

2

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

1990

2

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
УЗБЕКИСТАНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 1932 ГОДА

№ 2

1990 ГОД

Ташкент. Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма

В номере:

ПРОЗА

АСКАД МУХТАР. Серебряная нить. Повесть. Перевод с узбекского И. Рогова 28
ЛАРИСА ШПАКОВСКАЯ. Призраки. Рассказ 84

ПОЭЗИЯ

ДМИТРИЙ ДЖУРАЕВ. Тойлакская сюита. Люди и звезды. «Пойми премудрость этих строк...».
«А как же! И мы в мушкетеров играли...». Кому водить? 73
ВЛАДИМИР ДАНЬКО. Человек в Длинной Шляпе. Фантазмагорическая поэма для детей
взрослого возраста 92

ПУБЛИЦИСТИКА

Арал в перекрестке мнений
ПИРМАТ ШЕРМУХАМЕДОВ. Трудно жить без Арала... 3
ДМИТРИЙ ОРЕШКИН. Аральский кризис в зеркале гласности 12
ИГОРЬ ЧЕРВАНЕВ. Отказ от стихийного — во имя разумного 23
БРУТТ КИМ. Ветры наших судеб 104

БОЕВОЙ ПУТЬ ТУРКЕСТАНЦЕВ

ГЕННАДИЙ ИВАНОВ. Верность долгу 76

ПУБЛИКАЦИИ. ДОКУМЕНТЫ. ВОСПОМИНАНИЯ

Неизвестный Лавренев. Публикация Б. Геронимуса 113

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

НИКОЛАЙ КРАСИЛЬНИКОВ. Тропы, годы, книги... 131

ПИСАТЕЛИ ЗАРУБЕЖНОГО ВОСТОКА

СЭЙИТИ МОРИМУРА. Суший дьяволенок. Р а с с к а з. Перевод В. Томилова 134

КОРАН

Сура 3. Семейство ʼИмрана 147
Комментарии 155

ПРИКЛЮЧЕНИЯ. ФАНТАСТИКА

ДОНАЛД УЭСТЛЕЙК. Горячий камушек. Р о м а н. Окончание. Перевод с английского
А. Зильберглейта 158

К НАШЕЙ ВКЛАДКЕ

И. ИВАНОВ. Что там, за этой красотой... 129

Главный редактор **С. П. ТАТУР.**

Редакционная коллегия: **В. А. АЛЕКСАНДРОВ, И. М. АЛЯБЬЕВА** (отв. секретарь), **А. Ф. БАУЭР, А. Р. БЕНДЕР** (зам. главного редактора), **Е. Е. БЕРЕЗИКОВ, С. А. БРЫНСКИХ, Г. П. ВЛАДИМИРОВ, Н. К. ГАЦУНАЕВ, М. М. МИРЗАМУХАМЕДОВ, Ю. А. МОРИЦ, И. Ф. РОГОВ, Р. А. САФАРОВ, Н. В. СТРИЖКОВ, А. А. УДАЛОВ, Ш. ХАЛМИРЗАЕВ, Н. ХУДАЙБЕРГАНОВ.**

АРАЛ В ПЕРЕКРЕСТКЕ МНЕНИЙ

Пирмат Шермухамедов,

председатель Комитета по спасению Арала
при Союзе писателей Узбекистана

ТРУДНО ЖИТЬ БЕЗ АРАЛА...

На сей раз еду к Аралу поездом. С самолета виден общий масштаб катастрофы, в длительной поездке замечаешь ее конкретные подробности. Но всякий раз перед любой поездкой на Арал сжимается сердце и не отпускает потом. Да, есть уже и постановления, и множество предложений, но боль не проходит.

Невесело вхожу в купе. Сидят двое: девушка и парень, о чем-то спорят. Я извинился и поднялся на верхнюю полку. Невольно становлюсь свидетелем человеческой драмы.

— Послушай, Нилуфар,— говорит парень.— Я и теперь, и тогда тебе не обещал остаться в городе.

— Да, помню... — Девушка тихо плачет.

— Ты не плачь, ты сама подумай: к чему же спорить.

— Хаким-ака, не могу жить без вас...

— А я без тебя могу? Вот и переезжай насовсем к нам.

— Куда же ехать... Скоро Арала больше не будет, везде соль, пыль, вода ядовитая. Где работать, как детей наших растить будем?

— Почему ты так уверена, что скоро не будет Арала?

— Везде говорят, пишут...

— Пишут такое те, кому безразлично — будет Арал или не будет. Я, наверно, не меньше их вижу вблизи. Но пойми меня, Нилуфар, я не могу жить без Арала, там останки моих предков, там все...

В купе воцарилась тяжелая тишина, прерываемая мерным колесным стуком. Смотрю в окно. Проплывают сады, поля, каналы, поселки...

— Не огорчайтесь, Хаким-ака, где вы, там и я.

— Спасибо, Нилуфар, — отзывается парень. Но особой радости в его голосе нет.

— Хаким-ака, скажите, — робко спрашивает девушка, — спасти Арал можно? Вы сами верите?..

— Конечно, верю! Но... — Последовал тяжелый вздох.

Я больше не могу лежать на своей верхней полке.

— Извините, мы вам помешали отдыхать, — смущенно сказала девушка.

— Раз уж вы все слышали, скажите, — обратился ко мне Хаким, — можно ли воскресить Арал?..

Так мы познакомились — благодаря общей боли.

Молодым, да и не только, разумеется, молодым, необходимо знать всю правду об Арале и о сути тех разговоров, что ведутся вокруг исчезающего моря.

Долгое время Арал был закрытой зоной для печати. Но и теперь мы не можем в полный голос говорить о тяжелом положении населения Приаралья и самого Арала. Вспоминаю рассказ председателя Госкомиздата Каракалпакской АССР Каллибека Бекжанова. Мы едем с ним по территории Караузакского района республики. По обе-

им сторонам дороги видны высохшие, как скелеты, карагачи, тополя, кусты джингиля. Палит солнце, жарко, дышать трудно, почти невозможно — не только из-за зноя, привычного степнякам. Каллибек-ага вдруг показывает на неказистый, как все здесь, домик.

— Там живет мой дядя. Может быть, на обратном пути заедем?

Каллибек-ага помрачнел, глубоко вздохнул.

— Моему дяде около семидесяти. Всю жизнь провел здесь, в родном кишлаке, только однажды оставил ненадолго свой дом.

Он опять вздохнул, остановился.

— Хотите послушать?

Я кивнул.

— Младший сын дяди служил в армии, в Казахстане. Долгое время от него не было вестей. Старик, конечно, тяжело переживал. И однажды попросил меня отвезти его туда, где служит сын.

И вот мы летим с ним в Алма-Ату и оттуда в Джамбулскую область. Без всяких трудностей находим парня, ему дают отпуск на двое суток, и отец с сыном общаются за пиалой чая. Затем возвращаемся самолетом в Ташкент. Здесь остановились — у меня служебные дела — в гостинице «Ленинград».

Утром встали, и я предложил дяде принять ванну. Старик сначала даже не понял, о чем я толкую. Пришлось свести его в ванную комнату и как следует вымыть.

— Давно не мылись в ванне или в бане? — спрашиваю дядю.

— Купался в Арале, но так мыться — это впервые, — отвечает.

По окончании процедуры дядя сказал, что будет отдыхать. Оставил его и целый день до вечера занимался своими служебными заботами. Вечером прихожу в номер. Вижу, старик спит. Утром хотел его разбудить, не удалось. Снова отправился по делам. Вечером — знакомая картина... Так он двое суток проспал. На третий день проснулся и говорит:

— За всю жизнь отдохнул здесь, отоспался. Спасибо, племянник.

Перед завтраком опять повел его в ванну.

Он уже сам, не спеша, с удовольствием намыливался и плескался. На сей раз я с тревожным удивлением обнаружил уже не черные потоки, а какие-то зеленые выделения из пор его кожи.

После ванны дядя опять долго отсыпался, а потом долго мылся, удаляя теперь уже ядовито-желтоватые пятна...

Мы жили в гостинице неделю, и за это время вид у дяди заметно изменился к лучшему. Как оказалось, за всю долгую и многотрудную дехканскую жизнь он ни разу толком не отдыхал, не ездил никуда на курорт, не видал ни единого санатория. Да что там санатория — приличной бани не видал...

Рассказ этот страшен в своей обыденности. И если мы раньше много лет привычно толковали о «родимых пятнах» феодализма, отсталости людей и прочем, то чем теперь оправдать такую жизнь труженика, «благоустроенную» по остаточному принципу? И чем объяснить, что прежний, врачевавший людей Арал стал их отравителем и мучительно погибает сам?

Прежде Караузакский район был прибрежным районом Арала. Теперь Арал отошел на сотню километров. Тем не менее, со всех сторон нас окружает то редееющее, то густеющее черное облако.

— Соленая пыль, поднятая разгулявшимися ветрами с обнаженного дна Арала, — поясняет устало мой спутник. — Притом, кроме природных растворов, здесь больше сконцентрированных ядохимикатов... Под этими облаками люди теряют аппетит, у них болят глаза, развиваются многие хронические заболевания. Народ тут живет тихий, не жалуется. Безропотно принимают все, а теперь, после заверений крупных чиновников и оптимистического тона некоторых газет, поверили, что все скоро изменится к лучшему. Но так ли это?

Когда нам показывают здешние больницы, особенно родильные дома и новорожденных, просто теряешь ориентацию — в каком углу планеты находишься? Я бывал во многих странах, и нигде не видел такой бедности.

Вот послеродовая палата. Здесь, как и везде в больницах, грязь, скверная питьевая вода, невыносимая жара при полном отсутствии кондиционеров. Подошел к одному из врачей.

— Как лечите больных матерей?

— Начали использовать финские спирали. Из-за этого в последнее время несколько сократилась детская смертность.

Исчерпывающий ответ, не правда ли?

В июне 1989 года в составе участников Байкальского движения я посетил Севан и Балхаш. Когда мы были у озера Балхаш, на каждом шагу на нас сыпались любезные предупреждения: здесь нельзя снимать, туда нельзя смотреть, нежелательно сообщать и т. д. И вот известный японский критик, заместитель Генерального секретаря

Ассоциации писателей Азии и Африки Юкицугу Курихара заметил, что официальные товарищи зря скрывают те или иные объекты, при современной технике они, их состояние давно известны за рубежом. Да, наши зарубежные друзья иной раз больше знают, чем мы. Но и нас все меньше удается вводить в заблуждение лживым ведомственным оптимизмом.

Кое у кого может возникнуть вполне резонный вопрос: «А где же были сторонники спасения Арала и Приаралья раньше? Почему молчали, безучастно глядя на агонизирующее море, на стремительное наступление пустыни на плодородные земли? Почему «безмолвствовал их глас, и оставалось неподвижным стило?»¹ Нет, не молчали они! И глас их не безмолвствовал.

Если перелистать подшивки местных и центральных газет даже четвертьвековой давности, то можно найти материалы, в которых неприкрытое беспокойство, тревога о судьбе моря, трудные вопросы — как помочь ему, как отвести беду? Вопросов много, ответов — ни одного! А на голоса протеста, возмущения накладывалось тяжелое и небескорыстное «начальническое вето».

Вот перед нами документ, который именуется «Протокол консультативного просмотра телефильма «Вокруг Арала» и датируется 24-м ноября 1983 года. На этом «просмотре» работы режиссера Ш. Мирхабибова, помимо руководящих работников Гостелерадио Узбекистана, присутствовали заведующий отделом водного хозяйства ЦК Компартии Узбекистана В. И. Сускин, тогдашний министр мелиорации и водного хозяйства И. Х. Джурабеков, директор института «Средазгипроводхлопок» В. И. Антонов, заместитель министра мелиорации и водного хозяйства Д. И. Афонин.

Просмотр, как таковой, был, но вот обсуждения увиденного не было. Было осуждение тех, кто оказался причастным к созданию документального фильма.

Главные вопросы, которые взволновали присутствующих: «Кто заказал фильм?», «Кто автор?»

А вот и оценки фильма:

Антонов В. И. — В таком виде показывать нельзя... Все драматизируется.

Джурабеков И. Х. — Фильм показывать нельзя. Нельзя так плакать об Арале... очень раздута трагедия... 20 лет назад решили судьбу Арала. Или орошение, или рыба...

Антонов В. И. — В начале фильма — развалины. Будто гибель цивилизации. Можно было фильм построить так: Арал гибнет, но — что за счет него приобретается?

То, что «приобретается», мы видим на пустых прилавках магазинов. Кто виноват? Только не настоящие виновники. И спустя шесть лет (из них почти пять перестроечных) по-прежнему продолжается преступное перекалывание с большой головы на здоровую. Директор САНИИРИ В. Духовный замечает, что «теперь те же оппоненты поют другую песню: «Всю сэкономленную воду отдать Аралу». Но ведь в этом случае, при росте населения, все показатели его обеспеченности становятся недопустимо низкими¹. Стало быть, либо резкое сокращение народонаселения региона, либо — как отставала социальная сфера и торжествовал экстенсивный вал, так и будет...

В. Духовный, категорически отвергая всякие альтернативные решения, предлагает: «Объединенный защитный испаряющийся пояс будет иметь площадь 800 тысяч гектаров авандельты и 200 тысяч гектаров лиманного орошения с общим ежегодным водопотреблением 9 кубокилометров и объемом накопления авандельты в 24 кубических километра. Таким образом, за 3—4 года попусков, или за полтора таких многоводных года, как 1988-й, авандельта могла бы быть наполнена.

В предложенном нами варианте за счет попуска через авандельту как минимум 2—3 кубокилометров воды в год не только создается проточность, но определенным образом путем регулирования «плотностных потоков» может обеспечиваться и улучшение качества воды в акватории. Одновременно эти попуски, а также излишки воды, сбрасываемой сверх регулирования, могут способствовать скоплению и постепенному осаждению солей в остаточной акватории моря».

За терминологическими хитросплетениями (а за ними спрятались и прежние провалившиеся «великие проекты») не каждому ясно, что речь идет не о спасении Арала, а всего лишь о косметическом ремонте. Можно ли согласиться с такими решениями? Людей интересуют не частные и мелкие попуски «излишков воды», а спасение, в самом крайнем случае — удержание нынешнего уровня моря. Любая иная цель, любые иные средства — губельны. Вот почему лозунг «всю сэкономленную воду отдать Аралу!» — верен и научно, и нравственно, и, в конечном счете, выгоден экономически и социально.

Другой пример. Председатель Гидрометцентра УзССР Н. Аксарин на всех официальных совещаниях утверждает, что соле-пылевые бури Арала, мол, далеко не распро-

¹ Духовный В. Еще раз об Арале. Журнал «Экономика и жизнь», № 5, 1989, с. 8.

страняются, и поэтому нечего тревожиться. Таким образом, продолжают попытки усыпить общественность, обмануть народ.

Давайте серьезно вдуматься в «застойный» период истории Арала, когда, как и общество, он впал в глубоко кризисное состояние. Начиная с 1965 года, из-за массового освоения земель под хлопчатник и бездумного возведения крупных водохранилищ, уровень моря стал интенсивно падать. В довершение беды площадь акватории сократилась до 40 тысяч квадратных километров, а объем уменьшился до 400 кубокилометров. То есть, море потеряло более трети площади и две трети объема. Постепенно росла минерализация, достигнув 22 граммов солей на литр. К 1983 году море полностью потеряло рыбохозяйственное значение.

Что же сейчас? Сейчас уровень моря падает со средней скоростью около 0,7 метра в год, то есть без чрезвычайных спасительных мер всего через десять лет море исчезнет полностью, превратившись в ряд небольших и опасно загрязненных водоемов.

Последнее правительственное постановление не решает вопрос о спасении Арала, по существу, официально утверждает медленную его гибель. В документе отразилась лишь позиция водников, которые сами поощряли экстенсивное расширение площадей и тем самым содействовали уничтожению Арала, а также питающих его Амударьи и Сырдарьи.

В том же «безводном» русле находятся положения другого документа — Заключения подкомиссии Государственной экспертной комиссии Госплана СССР по «Технико-экономическому докладу о комплексе мероприятий по регулированию водного режима Аральского моря и предотвращению опустынивания дельт рек Амударьи и Сырдарьи», подписанного председателем этой подкомиссии, членом ГЭК, членом-корреспондентом АН СССР Ю. А. Изразлем и 58 членами комиссии.

Казалось бы, состав специалистов представительный и заключение полностью отражает экологическое состояние Приаралья, указывает пути спасения и моря, и населения. Как не согласиться с тем, что «ход современных экологических и социально-экономических процессов дает основание считать Приаралье регионом экологического бедствия, что требует особого государственного внимания и принятия незамедлительных решений по ограничению негативных процессов.

Основная задача сегодняшнего дня в Приаралье — это практическая реализация системы мероприятий, направленных на коренное улучшение условий жизни и трудовой деятельности населения, ослабление негативных экологических и социально-экономических процессов в дельтах рек Амударьи и Сырдарьи».

Все верно. В общем. Однако как это выглядит конкретно, как реализуется?

В Заключении, к примеру, указано, что «принято решение уменьшить на 160—170 тысяч гектаров задание по вводу в 1988—1990 годах новых земель». Но как совместить это с фактом продолжения ввода новых земель площадью 200 тысяч гектаров?

Става вопрос о комплексе мер, «обеспечивающих сохранение Аральского моря в качестве природного объекта», правительственное постановление установило контрольные величины минимального притока в дельты рек Амударьи и Сырдарьи и Аральское море: 1990 год — не менее 8,7 кубокилометра, 1995 год — 11, 2000 год — 15—17, 2005 год — 20—21 кубокилометров.

Что же надо предпринять, по мнению экспертной комиссии, чтобы выполнить задания?

«Этот приток должен быть обеспечен в результате осуществления комплексной реконструкции оросительных систем на площади 3,2—3,3 миллиона гектаров, строительства и переустройства коллекторно-дренажной сети на площади 1,7—1,8 миллиона гектаров».

Сегодня практика показывает: такие темпы нереальны.

В Заключении вообще сплошь и рядом наталкиваешься на противоречия. Например, читаем: «Качество воды рек Сырдарьи и Амударьи по содержанию органических примесей, нефтепродуктов, фенолов и минерализации почти на всем протяжении не соответствует нормативам хозяйственно-питьевого назначения. В низовьях концентрации нефтепродуктов могут превышать ПДК в сотни раз, по фенолам до 50—60 раз». Серьезные откровения!

Читаем, однако, дальше и узнаем, что «планируется в 1995 году прекратить сброс коллекторно-дренажных вод в реки».

Возникает естественный вопрос: почему только в 1995 году должен прекратиться этот поток смертоносного яда? А до истечения такой «семилетки»?

Хранение и применение ядохимикатов в республиках Средней Азии и Казахстане давно уже вызывает серьезную озабоченность. Передо мной «информационная записка» прокурора Аральской природоохранной прокуратуры Ж. Б. Наримбетова «О нарушениях законов об охране окружающей среды в системах Госагропрома и Каракалпакского ПО «Узсельхозхимия». «Ни одно хозяйство, — пишет прокурор, — как рисосеющее, так и хлопкосеющее, — не имеет даже примитивного склада для сезонного хранения ядохимикатов, в т. ч. гербицидов. Токсичные гербициды, такие, как

пропанид, сатурн, базагроин на аэроплощадках и агроучастках в период внесения хранятся безнадзорно под открытым небом, транспортируются на неспециализированном транспорте...

На центральном складе города Нукуса хранятся запрещенные к применению и пришедшие в негодность высокотоксичные пестициды в количестве 2332 упаковки (бутифос, пропанид, препарат-30), которые подлежат немедленному уничтожению и захоронению. Транспортные средства спецавтобазы объединения «Узсельхозхимия», хозяйств Госагропрома не имеют маркировки по системе информации опасности.

Тахиаташское межрайобъединение «Узсельхозхимии» не обеспечено складскими помещениями для хранения ядохимикатов и минеральных удобрений. Под открытым небом на момент проверки хранилось 2540 тонн суперфосфата, хлората магния, фосфата калия, аммофоса и др. Транспортировка ядохимикатов и минеральных удобрений производится на необорудованном транспорте».

Хорошо, что сейчас мы, наконец, начали полногласно говорить о монокультуре хлопка. Ведь в конечном итоге все проблемы Арала опираются в нее. Сколько лет наши руководители заверяли общественность в том, что скоро будет сибирская вода и эта вода будет наполнять скудеющий Арал. Монокультура восторжествовала, а сибирская вода не пришла...

Высыхает Арал. Сегодня его иссохшее дно занимает более 27 тысяч квадратных километров. По данным космических спутников, каждый год со дна Арала поднимается в воздух 75 миллионов тонн песка и пыли. Они распространяются на расстояние до 500—800 и более километров, и с дальнейшим усыханием моря эпицентр этого «взрыва» продолжает расширяться. По данным Института почвоведения АН Казахской ССР (М. А. Орлова, Ж. У. Ахунов, Т. М. Некрасова), «это весьма легкие частицы. Поэтому они могут подниматься ветром на высоту нескольких километров, образуя соле-пылевые облака, и переноситься на расстояние до 5—10 тысяч километров»; «на место сдутой соли из глубин земли вертикальными токами испаряющейся воды поднимаются новые порции солей, которые при следующем ветре снова улетучиваются в атмосферу и т. д. Таким образом, солончак работает как настоящая «фабрика солей»...

Медики должны учесть, что причина массовых заболеваний людей и животных не только в том, что они пьют сильно минерализованную, отравленную ядохимикатами воду, но и в том, что они дышат отравленным воздухом, «содержащим большое количество пыли и тонкодисперсной химически активной соли, включая те же самые ядохимикаты, принесенные рекой, отложившиеся на дне Арала или попавшие в грунтовые воды, а оттуда подтянутые на солончаки...»

Наблюдения почвоведов подтверждены исследованиями института Госкомгидромета СССР (КазНИГМИ). Согласно этим данным, «1/3 поднятой со дна моря взвеси уносится на северо-восток и засоляет непосредственно целинные области Казахстана, а остальные 2/3 уносятся на юго-запад в сторону Каракалпакии, легко преодолевают плато Устюрт и, встретив над Каспийским морем вертикальный поток поднимающихся паров, образуют мощные соле-пылевые облака. В зависимости от направления геостраерического ветра (мощных воздушных течений на высотах от 3-х до 10-ти километров) эти облака могут разноситься в разные стороны: на Кавказ, Черноземные области РСФСР, Урал, Западную Сибирь и т. д. Большая часть соле-пылевых облаков западным циркуляционным воздушным течением и его окраинными крупномасштабными вихрями заносится на ледники Памира, Алая и Тянь-Шаньских гор».

Все это говорит о том, что соле-пылевые бури со дна Арала не только засоляют почвы и запыляют воздух, но и меняют климат региона — понятно, не в благоприятную сторону.

По данным Среднеазиатского регионального института (САРНИГМИ) имени В. Бугаева, в Янгйюльском районе минерализация осадков в 1968 году составляла 22 миллиграмма на литр, 1979-м — 49, а в непосредственной близости от моря в 1980 году — 158 миллиграммов на литр дождевой воды.

Как видим, возникла поистине мировая проблема. И решать ее надо, как говорится, всем миром. Тем не менее, масштабы аральской трагедии скрываются и от широкой советской общественности, и от зарубежных друзей.

Вот что пишет по этому поводу газета «Советская Каракалпакия»:

«Пилар Бонет — корреспондент испанской газеты «Эль-Панс», выходящей в Мадриде тиражом в 600 тысяч экземпляров и объемом в 80 страниц, работает в Москве пятый год. Хорошо знает русский язык, который изучила у нас. Так вот сотрудник столь солидного издания с понятным огорчением пишет: «Мне очень жаль, что мы не смогли попасть на Арал. По нему у нас достаточно научных данных, но хотелось бы иметь личные впечатления, самим увидеть корабли на высохшем дне. Ведь фотографии и кинофильмы не заменяют собственного восприятия трагедии. Поэтому нам сейчас трудно представить, как можно подключить мировое общественное мнение к Аралу».

Пол Куин-Денбдэн — московский корреспондент широко известного в мире бостонского еженедельника «Крисченс сайенс монитор» подчеркивает: «Я приехал

сюда, — говорит он, — из-за Арала, много читал специальной литературы, ознакомился с материалами и с некоторыми участниками экспедиции, организованной журналами «Новый мир» и «Памир». Очень сожалею, что не удалось побывать на Арале. Хотя наш коллега из газеты «Нью-Йорк таймс» посетил это море, но с другой стороны...

Таковы суждения зарубежных журналистов об отношениях официального руководства к Аралу и гласности вокруг него. А ведь не всегда существовала подобная изоляция. Возьмем историю Каракумского канала, который имеет прямое отношение к судьбе Арала. Еще Петр I по просьбе туркменского племенного старшины Ходжи Непеса организовал экспедицию для изучения возможности соединения Амударьи с Каспием, но люди погибли в песках... Идея однако не была оставлена; в частности, ею интересовались и американские специалисты. По приглашению царского правительства в пески была направлена экспедиция под руководством доктора Дэвиса. Она больше года изучала местность и сделала такое лаконичное заключение: «Строительство канала в сыпучих песках — безнадежное дело. Они поглощают даже Тихий океан...»

Тем не менее канал, как мы знаем, в наше время был построен. Последствия этого неоднозначны, но вот на что нужно обратить внимание. Для того чтобы «навести порядок в зоне канала», Минводхоз СССР создал водохозяйственное объединение «Амударья»: все каналы, водохранилища должны быть переданы в его ведение. Однако до сегодняшнего дня Совет Министров Туркменской ССР не желает отдать Каракумский канал под контроль объединения.

Кто здесь прав, кто виноват — должны разбираться сами «авторы» канала и те, кто столь по-хозяйски использует этот «Тихий океан». Мы же скажем прямо: тяжелое время для Арала наступило с вводом в строй Каракумского канала, отнявшего у Амударьи чуть ли не половину ее годового стока. И что же? — амударьинская вода полностью пошла на то, чтобы претворить в жизнь вековую мечту человека о превращении пустыни в цветущий край? Если бы так!

Уже сейчас сотни тысяч гектаров в зоне действия Каракумского канала требуют немедленного и эффективного мелиоративного улучшения. По признанию самих же туркменских ученых, освоение новых земель в республике уже достигло критической, «красной черты», когда из-за близости грунтовых вод, вторичного засоления из сельскохозяйственного оборота выпадает больше земельных площадей, чем вводится новых. (Заметим, что и в Узбекистане в настоящее время свыше миллиона 200 тысяч гектаров пашни нуждаются в безотлагательном проведении мелиоративных работ.)

Столица Туркмении — Ашхабад — всегда изнывала от неуголимои жажды. А в настоящее время в городе установлены и работают 150 насосных установок, чтобы откачивать подступившие грунтовые воды и спасти город от затопления! И это все та же вода, которая отнята у Арала!

Поистине, чудовищные переброски вод, уже осуществленные и, кажется, еще планируемые...

Министерство мелиорации и водного хозяйства страны, несмотря на многочисленные, многолетние протесты партийных и советских органов, широкой общественности, сменив название и обретя в ранге министра П. Полад-заде, продолжает «гнать» гектары вновь освоенных земель и километры новых водных артерий, губить и земли, и воды, и всю окружающую среду.

Примером нового головоуятия может в полной мере служить прокладка очередного канала по землям Хорезмской и Ташаузской областей, так называемой «Ташаузской ветки». Расчеты ученых и специалистов, представленные в самые различные инстанции, показывали, что улучшить водообеспеченность этой области Туркмении с успехом можно за счет незначительной реконструкции ныне действующих межреспубликанских каналов. В то время как сооружение нового канала, все с тем же земляным руслом, отрицательно скажется на мелиоративном состоянии даже старопашотных земель. Но строительство канала идет завидными темпами.

Длина первой очереди «Ташаузской ветки» — более 180 километров, причем свыше 145 километров — так называемая «холостая часть», то есть она пройдет среди песков, где нет ни окультуренной земли, ни населения. По подсчетам специалистов, потери воды на испарение и фильтрацию в зоне «Ташаузской ветки» составят до полумиллиарда кубометров в год. И это — в Средней Азии, в регионе, хронически страдающем от нехватки поливной, а теперь еще — и питьевой воды.

Пуск воды по каналу с легкопроницаемым ложем неизбежно вызовет подъем грунтовых вод и, следовательно, приведет к большому выпадению земель из сельскохозяйственного оборота в Хорезмской, да и в Ташаузской области. Но и это еще не все. По расчетам специалистов, влияние канала на уровень подземных вод будет неизбежно ощущаться на расстоянии 20—30 километров. Но всего в 10—12 километрах от трассы канала находится известная на весь мир Хива — город-музей, город-памятник уникальной восточной архитектуры, место паломничества миллионов людей со всех концов планеты.

Уже сейчас Хива с ее сказочной Ичан-калой испытывает страшные удары соляно-песчаных бурь, количество которых выросло в несколько раз в связи с гибелью Араль-

ского моря. А что же будет, когда поднявшиеся грунтовые воды вплотную подступят к дворцам и минаретам города-сказки? Хива, как и Арал, принадлежит всему человечеству, и мы должны оставить ее для грядущих поколений в первозданной красоте.

Какой вывод диктует создавшаяся ситуация?

Высыхание Аральского моря — результат как крупных просчетов, так и преднамеренных акций руководства бывших Минводхоза и Госагропрома СССР, и более того — руководителей партии, правительства страны и среднеазиатских республик в период застоя.

Восстановление экологического равновесия в Приаралье немислимо без стабилизации уровня моря на современной отметке — около плюс 40 метров. Эта отметка должна быть принята как экологически минимально допустимая. Дальнейшее снижение горизонта воды приведет к его расчленению на отдельные лагуны и к потере его роли как природного объекта вообще. Более того, море из фактора, смягчающего климат региона, превратится (фактически уже превратилось) в мощный источник выноса ядовитых кристаллов соли в атмосферу. Предлагаемая САНИИРИ польдерная зона вдоль южного естественного побережья не спасет море, а ускорит его гибель. Кроме того, усилит циклонические процессы, вызывающие поднятие на еще большие высоты ядовитой пыли и распространение ее на большие площади. Обеспечение сохранения Аральского моря на современной отметке недостижимо без пересмотра водохозяйственной политики во всем его бассейне (в первую очередь, в бассейнах Амударьи и Сырдарьи).

При выработке мер спасения моря следует исходить из следующих положений.

Предусмотренные постановлением от 19 сентября 1988 года меры недостаточны, они не приостановят высыхания моря и не обеспечат восстановления нарушенного экологического равновесия в Приаралье. Нужны более оперативные и более коренные меры по решению проблемы. При обосновании таких мер следует считаться с тем, что страна переживает глубокий экономический кризис, и в этих условиях отвлечение больших средств на решение этой проблемы было бы нереальным. Поэтому наука обязана предложить такие меры, которые решали бы проблему при минимальных затратах.

Сохранение Аральского моря по упомянутому постановлению предусматривает высвобождение воды для моря в результате осуществления комплексного водохозяйственного переустройства гидромелиоративных систем с достаточно крупными капитальными затратами и в сроки порядка 10—15 лет. За это время море окончательно погибнет. Следовательно, не в будущем, а уже сегодня нужно ежегодно подавать в него не менее 30—35 кубокилометров воды. При минимальных затратах материально-технических средств и финансов, за счет собственных (внутренних) водных ресурсов.

Имеются ли такие возможности? Да. Но для этого следует, наконец, повернуться лицом к проблеме, иметь желание и соответствующее мышление, чего, к сожалению, нет и до сих пор у большинства ответственных лиц в государственных планирующих органах, настроенных по-прежнему на экстенсивный путь развития экономики.

Как нам представляется, решать проблему необходимо в три этапа.

Первый этап. Стабилизация уровня моря на указанной отметке около плюс 40 метров. Строгий контроль за изъятием стока питающих его рек. Строго лимитируя водозабор в течение всего года во всей водохозяйственной системе, лишний сток следует пропускать в море, что в течение ближайших 10—15 лет обеспечит в среднем ежегодное поступление не менее 10 кубокилометров воды. (Реальность этого подтверждается на примере конкретных лет. Так, за сентябрь—декабрь 1987 года в море было сброшено 7—8 кубокилометров, а в 1988—23 кубокилометра воды.) Новому министерству срочно следует пересмотреть принципы эксплуатации гидромелиоративных систем, согласуя план водоподдачи с планом водопользования во всех среднеазиатских республиках.

Не оправданы затраты речной воды на создание заливных лугов для получения малоценного кормового камыша. Целесообразна с точки зрения экономии воды организация культурного кормоводства на орошаемых землях. Надо решительно запретить наполнение Кошбулакской, Султансанджарской емкостей в Туямуюнском водохранилище. Если это произойдет, то засоленная Султансанджарская чаша резко ухудшит качество воды.

Без промедления надо заменить нерентабельное рисоводство в низовьях Сырдарьи и Амударьи на кормопроизводство, развивать животноводство, садоводство и овощеводство. (Производство риса в Средней Азии должно осуществляться в ограниченных размерах, с использованием риса в качестве мелиоратора засоленных почв в составе севооборотных культур.) Это высвободит также до 10 кубокилометров воды в год. В дальнейшем следует пересмотреть структуру сельхозкультур, тщательно изучив опыт развитых стран мира (США) и уточнив сельхозспециализацию отдельных регионов страны (Приморского края, Нечерноземья и т. д.).

Следует обратить особое внимание на необходимость корректировки планов заготовки хлопка-сырца за счет резкого сокращения его использования для технических нужд и замены части хлопка-волокна искусственными и льняными волокнами.

Следует формировать сбор и вывод в море дренажного стока с территорий ККАССР, Хорезмской, Ташаузской, Кзылордынской областей, повернуть коллекторы Дарьялык и Озерный в Арал. Это даст морю не менее 5—7 кубокилометров воды в год. Нельзя допускать использование этих дренажных вод для обводнения дельты (она уже потеряна) и создания польдерной зоны вдоль бывшего берега моря, так как эти мероприятия, лишь частично решая отдельные хозяйственные задачи, ускорят гибель Арала.

Мероприятия первого этапа дадут в самые сжатые сроки 25—30 кубокилометров воды для моря и не потребуют дополнительных (к уже выделенным по постановлению) средств.

Параллельные коллекторы, с нашей точки зрения, не спасут Арал, не улучшат качества воды в реках, но потребуют длительного срока строительства (10—15 лет) и отвлечения миллиардных денежных и материальных средств. Кроме того, предлагаемые коллекторы превратят Арал в «помойную яму». Нужно ли спасенное, но мертвое море?

Альтернативой является осуществление комплекса водоохраных мероприятий (реконструкция водохозяйственных систем обязательна и при условии строительства коллекторов), требующих примерно таких же материально-финансовых затрат. Строительство коллектора отодвинет на неопределенный срок широкого внедрения очистки сточных вод и других водосберегающих мероприятий. Для исключения или ослабления влияния коллекторно-дренажных стоков с орошаемых земель на состояние водных ресурсов целесообразно широкое внедрение бессточной системы использования оросительной воды, разработанной в ТИИМСХа. Частичный переход на эту систему в условиях Ферганской долины в начале восьмидесятых годов привел к уменьшению минерализации стока Сырдарьи в отдельные месяцы до 0,5 грамма на литр.

Следует понять, что дренажно-сбросные воды, поступающие в Правобережный коллектор, все равно не дойдут в полном объеме до Аральского моря, так как он проходит по пескам Бузаубая и Таскадука, и вода в его русле будет расходоваться на насыщение толщи песков, как это имело место в зоне Каракумского канала.

Поскольку в любом случае восстановление качества воды в реках и вопрос о региональных системах водопровода не решаются в короткий срок, а нормальное водоснабжение населения Приаралья безотлагательно, следует осуществить внедрение опреснительных установок.

Второй этап. Выявление дополнительных резервов воды в процессе реконструкции действующих гидромелиоративных систем и критическая оценка эффективности отдельных из них. Повышение коэффициента продуктивности использования водных ресурсов, исключение непроизводительных потерь и загрязнения на основе внедрения водосберегающей техники и технологии водопользования. В системе орошаемого земледелия внедрение таких мероприятий обеспечит экономии не менее 10 кубокилометров воды. Эта вода может быть направлена в море или использована для расширения площадей орошения. Здесь уместно напомнить, что в США, например, наибольший прогресс в рационализации использования оросительной воды, мелиорации земель достигнут на основе совмещенного использования подземных и поверхностных вод. С помощью 358 тысяч скважин двойного действия (орошение и дренаж) в 1987 году получено 60 процентов воды, потребляемой для орошения, и тем самым исключена необходимость в строительстве и эксплуатации мелких ирригационных водохранилищ, проведении рассоляющих зимних промывок и т. д.

Следует разобраться с эффективностью отдельных оросительных систем, с целесообразностью сохранения равнинных водохранилищ, непродуктивно испаряющих около пяти кубокилометров оросительной воды. Как указывалось, использование Кошбулакского и Султансанджарского понижений в качестве наливных водохранилищ в Туямууне вряд ли оправдано. Следует рассмотреть целесообразность дальнейшей эксплуатации таких наливных и русловых водохранилищ, как Тудакульское, Шоркульское, Зейдское, Хаузханское, Куртепенское, Копеддагское, Туямуюнское, Чардаринское, и других.

В бассейне рек Аральского моря образуются в большом количестве дренажные воды, негодные для орошения. В настоящее время они отводятся в местные испарители типа Арнасай, Сарыкамыш или сбрасываются в песчаные массивы. Объем этой воды уже составляет около 15 кубокилометров в год. Существующая технология опреснения таких вод дорога и поэтому не находит широкого применения. Следует без промедления приступить к разработке научных основ и технологии выборочного удаления из состава дренажных вод вредных для полива сельскохозяйственных культур солей.

В целом мероприятия второго этапа капиталоемки, требуют длительного срока для осуществления и поэтому решающего значения для сохранения Арала иметь не

будут, хотя и высвободят достаточные водные ресурсы для дальнейшего развития орошаемого земледелия и других отраслей экономики в его бассейне.

Третий этап. Дальние перспективы восстановления Аральского моря за счет притока воды из соседних, избыточно обеспеченных водой бассейнов рек. При такой постановке вопроса пропагандируемый вариант получения воды из бассейна Каспийского моря беспочвен (т. к. в перспективе оно также нуждается в поддержке), а разработанный вариант переброски части реки Обь в бассейн Арала в размере 25—27 кубокилометров в год (головной водозабор) не решает проблему. При этих условиях вопрос нуждается в дополнительном изучении и, по-видимому, требует подключения и бассейна реки Енисей.

Следует добавить, что отдельные специалисты видят в решении продовольственного вопроса только экстенсивный путь, то есть решение проблемы за счет увеличения площади орошаемых земель, что не соответствует мировой практике. Доход американского фермера с гектара орошаемой земли примерно в пять раз превышает доход с наших земель.

Немаловажное значение в реализации указанных мер имело бы создание в системе Академии наук УзССР самостоятельного научно-исследовательского учреждения по водным проблемам. Этот вопрос уже в течение двух десятилетий не получает разрешения. В самом деле, нет в стране региона, где водные проблемы имели бы такое решающее значение, как в УзССР и соседних республиках. Что касается создания такого института в Нукусе, как указывается в постановлении ЦК КПСС и СМ СССР, то там нет для этого никакой базы. Водные проблемы на академическом уровне должны решаться в тесном контакте с родственными академическими и отраслевыми институтами.

Надо разработать и внедрить новые принципы эксплуатации гидромелиоративных систем. Логически было бы верным сосредоточить органы и функции планирования и эксплуатации гидромелиоративных систем в Госагропроме республики.

Назрела необходимость форсировать разработку новой схемы комплексного использования и охраны водных ресурсов бассейна Аральского моря с учетом приведенных выше предложений.

Сводная программа далеко не решает всех проблем. Ее необходимо доработать. И такой документ недавно создан по поручению правительства СССР Союзгипроводхозом Министерства мелиораций и водного хозяйства СССР — «Сводная программа и структура разработки и схемы комплексного использования и охраны водных и земельных ресурсов бассейна Аральского моря».

В целом состояние использования и охраны водоземельных ресурсов бассейна Аральского моря в нем освещено верно, но обойден ряд важных вопросов, не все предлагаемые меры глубоко продуманы.

Так, анализируя рост населения, удельные площади посева культур и сравнивая их со среднесоюзными показателями, не учитывается, что наши земли — орошаемые. Следовало бы сравнить отдачу орошаемых земель в наших условиях с таковой в развитых странах мира — США и Японии.

Проектная изученность и результаты научно-исследовательских разработок по бассейну оценены правильно, но, указав на неустановленность экологически допустимой отметки моря, схема не предусматривает решения этой проблемы. На наш взгляд, не решив ее, нельзя определить водные ресурсы для развития других отраслей экономики и решить другую важнейшую проблему — восстановление экологического равновесия в бассейне в целом и в Приаралье, в частности.

Состав схемы в принципе определен правильно, но не обоснованы концепции умножения продовольственного фонда, создания рабочих мест и трудоустройства населения. Нельзя согласиться с тем, что схема обходит задания на производство хлопка и других культур. При такой постановке вопроса не будут устранены экологические и экономические проблемы среднеазиатских республик. Обеспечение населения рабочими местами должно решаться исключительно за счет усиленного развития промышленности, перерабатывающей местное сырье.

Суждения авторов программы о роли и изученности подземных вод весьма запутаны и нуждаются в уточнении. Не поставлен вопрос о необходимости разработки и внедрения технологии выборочного удаления солей из коллекторно-дренажных вод, что обеспечивало бы их использование для орошения.

Не оценена эффективность работы и целесообразность сохранения и развития отдельных гидромелиоративных систем. В концепциях не обоснован оптимальный мелиоративный режим орошаемых земель с позиции минимизации затрат воды, автоматизации управления поливом, предотвращения ежегодного соленакопления в почве и так далее.

Раздел «Аральское море» содержит все необходимые сведения — за исключением ответа на вопрос: на какой экологически допустимой отметке будет сохранено море и будет ли оно сохранено как природный объект с огромным климатическим и психологическим значением? Этот вопрос — кардинальный.

В разделе о мероприятиях по улучшению экологической обстановки в Приаралье предусматривается выявление возможности воссоздания потерянной дельты подачи избыточного стока рек и коллекторно-дренажных вод, восстановления тугаев, сенокосов, озер, организации лиманного орошения и т. д. На наш взгляд, в условиях общего дефицита воды следовало бы рассмотреть как альтернативный вариант компенсацию потерянной продукции на основе развития орошаемого кормопроизводства, создания искусственных питомников для птиц и зверей, рыбных прудов, а лишнюю воду подать в Арал.

Следует мобилизовать усилия творческих союзов, кино, телевидения, радио на еще более широкую и целенаправленную пропаганду передового опыта в этой сфере и решение других природоохранных проблем.

Только воля и ум народа, серьезные научные подходы спасут Арал и сделают, наконец, Приаралье краем изобилия и здоровья.

Дмитрий Орешкин,

кандидат географических наук.

АРАЛЬСКИЙ КРИЗИС В ЗЕРКАЛЕ ГЛАСНОСТИ

Об Арале написано так много, что сам поток публикаций превратился в интересный объект для анализа. Что пишут о причинах кризиса? Ориентация на хлопковую монокультуру. Неверная хозяйственная стратегия с упором на расширение водоемких производств. Ведомственный диктат бывшего Минводхоза. Байские замашки и коррупция местного руководства. Давление Москвы. Бесправие Советов. Затратный механизм экономики. Экологическая и экономическая безграмотность. Запущенная социальная и демографическая политика. Безгласность и правовой нигилизм...

Список легко продолжить. Арал погублен неправильными решениями, ошибочно выбранными приоритетами в экономике, политике, экологии. Так? Кажется, так. А теперь сделаем маленький эксперимент: переведем эту формулировку на более общий язык философии. Выйдет, что общественное бытие (в Приаралье) определяется заскоками общественного сознания (в Москве, Ташкенте, Нукусе). Ибо что такое экономическая стратегия, законы, система оплаты труда, «телефонное право» и прочее, как не сфера идей?

Здесь предвижу первые протесты. Нет, скажут, вы нас не путайте, сознание определяется бытием, а не наоборот. Так нас еще в школе учили. Бывают, правда, диалектические превращения, когда все наоборот. Но в общем мы материалисты.

Ну и хорошо, я не спорю. Это, собственно, и требовалось доказать.

Самый опасный обман тот, к которому приучают с детства. На школьной карте Советского Союза Амударья и Сырдарья по-прежнему изображены впадающими в Арал, как и двадцать лет назад. Беда небольшая, ошибку раньше или позже исправят, тем более, все о ней теперь знают. Коварнее другая картографическая ложь, с которой мы так свыклись, что даже не замечаем. Обе реки нарисованы толстеющими от верховьев к низовьям. Понимай так, что чем дальше путь, тем многоводней река. Совершенно правильный принцип для зоны влажного климата. И совершенно неправильный — для засушливой Средней Азии.

Напомним, Амударья и Сырдарья выносят с гор около 110 кубических километров воды в год. В благословенные времена, до 1960-го года, в Арал попадало 55—60 кубокилометров. Остальное расходовалось на тысячекилометровом пути от гор до моря. Обе реки худели, а не толстели по мере движения через жаркую равнину. В наши дни правильнее говорить уже не о «похудании», а о смертельном истощении.

Карта же создает противоположное впечатление. Пустяк, но за ним просвечивает неосознанный евроцентризм (или, что в принципе то же самое, географическая безграмотность) кого-то из составителей. Он изобразил Амударью по аналогии с Волгой и Печорой. Хотя, например, Зарафшан показан иссякающим в песках. Не потому ли, что он был таким еще в XIX веке, когда картографы, не задумываясь об идеологии, фиксировали на картах все как есть.

Как бы то ни было, картографический обман бредет из книги в книгу и приучает школьников жить с искаженным представлением о действительности.

«Кто считал, сколько предрассудков мы впитываем порами кожи от окружающих?» — восклицает Редьярд Киплинг. Очень точное слово: предрассудок. Оно стоит перед рассудком, впереди, и потому не поддается сознанию. Ведь мы впитали его «порами кожи».

Трагедия Арала — во многом трагедия предрассудков. В публикациях, хлынувших через шлюзы гласности, нагромождено так много неточностей, тенденциозностей, тонкого и толстого вранья или увертливого умолчания, что поневоле задумаешься: какая сила заставляет людей так искренне и так добросовестно подтасовывать факты? Неужели лишь грубый меркантильный интерес или инстинкт самосохранения?

Мне кажется, ни то и ни другое. Произошла глубинная катастрофа в культуре и идеологии, сбилась точка отсчета в шкале моральных ценностей, и ложь — поскольку она, конечно, служит благой цели! — оказалась превыше правды. Главный предрассудок, о который мы спотыкаемся на пути к Аралу, формулируется так: «Правда хороша лишь до тех пор, пока она служит нашему делу». Что значит «нашему», увидим позже. Второй, связанный с первым: «Цена моей личности определяется командой, в которую я вхожу. Без команды я ничто».

В октябре 1983 года Институтом географии АН СССР, СОПСом Госплана СССР и Союзгипроводхозом была составлена докладная записка «О деградации экосистем Аральского моря, дельт Амударьи и Сырдарьи и антропогенном опустынивании Приаралья, вызванном безвозвратным изъятием стока среднеазиатских рек...» В записке более чем сдержанно — если мерить сегодняшними мерками — ставится вопрос о нежелательности дальнейшего расширения орошаемых площадей и сообщалось о тяжелом положении Арала. Минводхоз СССР реагировал быстро и очень агрессивно. Бывший министр Н. Ф. Васильев обвинил авторов записки в том, что она «содержит ряд необоснованных и предвзятых суждений... которые неправильно отражают существо важной народнохозяйственной проблемы и не дают каких-либо конструктивных предложений...» Одновременно появилась рецензия, подписанная семью академиками и членами-корреспондентами ВАСХНИЛ, которые в большинстве своем никогда не занимались Аралом, но посвятили свои усилия проблемам орошения и мелиорации. Другими словами, все семеро были связаны с Минводхозом.

О чем пишут уважаемые рецензенты? Для начала они обвиняют авторов в «...тенденциозности, прослеживающейся от названия записки до последней ее строки», а затем переходят к политическим обвинениям, хотя и прикрытым сослагательным наклонением. Сопоставление судьбы Арала с судьбой орошения Средней Азии они именуют «наивным и антигосударственным делом», после чего вновь упоминают о тенденциозности и «дезориентации общественного мнения».

Трудно понять, как служебная записка, пущенная по закрытым каналам административной системы в 1983 году, была способна дезориентировать общественное мнение. До общественности она так и не дошла, а теперь и не дойдет — ее содержание куда скромнее того, что ныне публикуется в открытой печати. Слова рецензентов — всего лишь заградительный огонь. Их стоит проанализировать как хороший пример реакции ведомственной науки на угрозу родному учреждению.

«Раньше сток р. Амударьи по руслу Узбой поступал не в Аральское, а в Каспийское море, площадь и объем Арала были значительно меньше. Несмотря на это, в Приаралье процветали древнейшие цивилизации, такие как Согдиана и другие», — пишут в рецензии академики ВАСХНИЛ Б. Б. Шумаков (Москва), Л. Г. Балаев (Москва), К. Ф. Артамонов (Фрунзе), Ц. Е. Мирцхулава (Тбилиси), А. И. Мурашко (Минск) и члены-корреспонденты той же академии С. М. Мухамеджанов (Алма-Ата) и А. М. Мухамедов (Ташкент).

Но Согдиана, столицей которой, как считают, был город Маракана (ныне Самарканд), вообще не имела отношения к Приаралью.

Она занимала территорию предгорий южного Узбекистана и Таджикистана. В Приаралье же в ту пору жили кочевники массагеты, которые легко мигрировали в зависимости от смены природных условий и почему-то не захотели оставить после себя памятников «древнейшей цивилизации», чтобы поддержать тезис ученых-мелиораторов.

Цивилизация, всерьез тяготеющая к Аралу, — древний Хорезм, который существовал через тысячу лет после Согдианы. Но он-то как раз во времена оживления Узбой и стока Амударьи в Каспий переживал период глубокого упадка и деградации. Кроме того, море для Хорезма имело совсем не то значение, которое сегодня имеет для Каракалпакии или Кызылордынской области Казахстана. Хорезм кормился от реки, а не от Арала. Недопустимая подмена понятий.

Наконец, по рукаву Узбой в Каспий поступал не весь сток Амударьи, а не более 20 — 25 процентов, что установлено по пропускной способности и размерам русла...

Слова, пустые слова, которые авторы рецензии безразлично произносят, чтобы подкрепить заранее ясный для них вывод.

Что касается современных негативных процессов вокруг моря, то они, по мнению великолепной семерки, вызваны серией острозасушливых лет, а также такими явлениями, как перевыпас скота, бесконтрольный самоизлив из артезианских колодцев, появление неупорядоченной сети грунтовых дорог на Устюрте... Чем угодно, но не деятельностью Минводхоза.

Даже если бы все известные на сегодня и прогнозируемые на завтра запасы подземных вод в Приаралье (около 1,5—2 млн. кубометров в сутки, по данным комиссии Ю. А. Израэля, «Метеорология и гидрогеология», № 9, 1988 г.) вдруг «бесконтрольно самоизлились» и испарились, за год потери составили бы около половины кубокилометра. Реки же за 30 лет недодали региону около 700 кубокилометров воды. Реально море недобирает 35—40 кубокилометров в год, затраченных на орошение, но рецензенты этого не видят, указывая перстом на фонтанирующие артезианские колодцы.

Грунтовые дороги, равно как и перевыпас, ландшафта, конечно, не улучшают. Но винить их в опустынивании Приаралья все равно, что кивать на комара, когда человек гибнет от потери крови. Не менее хорошо известно, что «серия острозасушливых лет» украла у моря лишь 20 процентов воды, в то время как мелиораторы — остальные 80 процентов. Рецензенты не могут всего этого не знать. И все-таки пишут, имея в виду перечисленные комариные укусы: «... В результате недоучета этих факторов складывается и широко проповедуется мнение о том, что интенсификация орошаемого земледелия в Средней Азии является антагонистом и разрушителем природных комплексов в бассейне Аральского моря».

Слово-то какое: «проповедуется!» Хоть краешком, а задеть. Но, рассудить по чести, разве эта проповедь ложна? Особенно если называть вещи своими именами и под термином «интенсификация» понимать экстенсивное наращивание площадей орошения с одновременным снижением средней урожайности, как это и есть на самом деле.

Не откуда-нибудь, а из этой основополагающей рецензии перекочевала в отчет правительственной комиссии Ю. А. Израэля, а затем разошлась по большому числу газетных и журнальных статей фраза: «Производство сельского хозяйства в регионе возросла с 1950 года — периода ненарушенного гидрологического цикла Аральского моря, в 4 раза — с 3,8 до 15,8 миллиарда рублей. При этом национальный доход на душу населения по республикам Средней Азии, несмотря на постоянный рост населения на 3,2 процента в год, вырос в 1,8 раза».

Почему с 1950 года? Ведь ненарушенным гидрологический цикл был и в 1960-м. Более того, в 60-м году Арал поднялся на 0,8 метра по сравнению с 50-м! Вот и сравнили бы прибитки с благополучным годом, когда и море было на месте, и каналостроение только начиналось. Нет, берут 50-й. Иначе прирост будет всего в два раза, а не в четыре. Ведь то был год глубокого послевоенного спада экономики. Тогда почему бы не взять за точку отсчета 1920-й?

Настоящая деградация моря началась в середине 60-х годов. Если до 1965 года в Средней Азии орошалось 4,5 миллиона гектаров и тратилось на это 50—55 кубокилометров воды, то за следующие 25 лет добавилось еще 2,5—2,7 миллиона гектаров и ушло еще 50 кубокилометров. Арал оказался оторванным от речных корней, а производство хлопка выросло менее чем на четверть. Да и то по цифрам, искаженным полуофициальными приписками.

25 ноября 1988 года на встрече участников экспедиции «Арал-88» с руководством Минводхоза инициатору рецензии, академику Б. Б. Шумакову (он, хотя официально не входит в министерскую команду, сидел среди «своих»), был задан вопрос:

— Вы и сегодня считаете защиту Арала и борьбу против расширения орошаемых площадей «наивным и антигосударственным делом»?

— Нет, — после легкого замешательства ответил независимый эксперт. — Теперь не считаю. Изменилась ситуация. Тогда планировалась переброска части стока из Сибири, теперь государственная политика другая...

— Значит, изменились взгляды правительства, и вы сменили свои представления об антигосударственных действиях?

— Конечно.

Вот и еще один человек перестроился... Есть, однако, одна вещь, о которой забывают рыцари служебной науки. Это русский язык. Волей или неволей он выдает самое замысловатое ведомственное вранье. Цифра стерпит, а язык нет. «Необходимо отметить, что, кроме огромного экономического и социального эффекта, использование речного стока в орошаемом земледелии имеет еще и определенный природоохранный эффект», — пишут авторы вдохновенной Б. Б. Шумаковым рецензии. Здесь спорить нечего — природоохранный эффект налицо. Какой? Определенный. Точнее, «...создан огромный искусственный оазис орошаемых земель, благотворное влияние которого на климат прилегающих территорий несомненно».

Трудно судить, что имеется в виду. Возможно, увеличение летней жары и зим-

ней стужи в Приаралье, так что амплитуда годового хода температуры увеличилась на 1—1,5 градуса Цельсия. Или появление соле-пылевых бурь и минерализация атмосферных осадков. В любом случае против «несомненного» и «определенного» эффекта не возразишь. Термины столь же неуловимы, как и «определенная работа», о проделывании которой мы докладываем друг другу на отчетно-выборных собраниях.

Чиновничество за десятилетия вывело целую породу таких слов-перевертышей, смысл которых или эфемерен или прямо противоположен изначальному значению слова. «Определенный» — значит нечто предельно неопределенное. «Ответственное лицо» означает лицо, с которого практически невозможно требовать ответ. «Дальнейшее совершенствование» означает застой. «Известная позиция г-на N по вопросу о правах человека», как правило, неизвестна никому из тех, кто о ней читает или слышит по радио. Вдумайтесь в термины «всевозрастной», «бесспорный», «общенародный». Если говорят и пишут о «всемерном стимулировании», можно быть уверенным, что речь идет не о всех мерах, а только о «согласованных».

Из мертвого чиновничьего языка племя этих извращенных слов перекочевало в омертвляющую чиновничью науку. С их помощью пишутся отчеты, смысл которых неуловим. Простой лексический анализ текста статьи, книги или бюллетеня показывает, насколько он заражен трупным ядом.

«Меры по предотвращению снижения уровня Арала рассматриваются в Генеральной схеме его бассейна, они включают максимальное использование коллекторно-дренажных вод, строительство дельтовых водохранилищ на притоках, переброску части стока сибирских рек и другие», — читаем в рецензии. Меры, действительно, рассматриваются. Коллекторные воды, видимо, используются максимально («всемерно»). Но что это значит в реальности, поди знай.

Настоящая наука стремится как можно яснее сформулировать мысль. Ей есть что сказать, и она хочет полонятнее растолковать идею. Служебная наука озабочена развешиванием лапши. «Меры по предотвращению» рассматриваются, а уровень падает. А теперь эти же меры и из этого же источника мы видим в известном правительственном постановлении. Будто под копирку — и водохранилища, и направление коллекторно-дренажного стока в Арал. Лишь переброска осталась за скобками. Но ненадолго: яснее ясного, что после того, как в новое строительство будут вложены миллиарды (35—37 миллиардов, по оценке экспертов), все мы (вдруг!) окажемся перед прежним разбитым корытом: Арал умирает! Давай переброску!

Чтобы стабилизировать Арал хотя бы в сегодняшнем, урезанном виде, надо минимум 30—35 кубкилометров воды в год. Правительственные документы обещают всего лишь 20, да и то к концу века. Спрашиваем Н. Ф. Васильева (в ту пору еще министра):

— Вы же понимаете, что постановление не спасет Арал. Давайте так прямо и скажем об этом?!

— Постановление принято после всестороннего обсуждения, оно взвешенно и объективно, — отвечает министр. — Цифры запланированного стока опубликованы, и мы гарантируем их выполнение. Что касается прогноза, то каждый может, исходя из этих цифр и здравого смысла, предвидеть развитие событий.

Ладно, политику иногда приходится играть в прятки. Но когда этим занимается наука, для оправдания места не находится. Остается сделать вывод: мы у себя в стране вырастили экзотический цветок субнауки, облик которой определяется не верностью факту, а верностью флагу. Лысенковские корни ушли гораздо глубже, чем кажется. И если во времена Сталина она присягала тоталитарному государству (или его ипостаси в лице диктатора), то сегодня, в эпоху плюрализма, оно ищет нового хозяина среди набравших силу кланов.

А кланы или флаги таковы: ведомственная мафия и административная система, с одной стороны, массовые национальные и экологические движения — с другой. И там и там ученому с независимой позицией неуютно. Да и остались ли такие ученые?

В столкновении «экологистов» и «ведомственников» вторые явно проигрывают в глазах общественности. За ними виден вполне определенный меркантильный интерес, у них суконный язык и слишком явная зависимость от начальства, вынуждающая искать обтекаемые формулировки. Им не хватает темперамента и бескорыстия.

Даже старающийся быть непредвзятым Л. Эпштейн, защищающий интересы Минводхоза из любви к чистой объективности («Звезда Востока», № 12, 1987), выглядит не слишком убедительно. Он прав, когда указывает на двукратный рост населения региона за последние 25 лет. Он прав, когда условно прогнозирует снижение удельной площади орошаемой пашни в расчете на душу населения с 0,25 гектара в 1965 до 0,14 гектара в 1985 году — не будь, понятно, новых каналов. Но поскольку каналы все же построены, пишет заслуженный ирригатор, на ту же самую душу приходится целых 0,21 гектара! Вот на что потрачены силы Арала.

Да, но!.. Во-первых, на новых гектарах удельный урожай стал меньше. Во-вто-

рых, приведена в негодность очень значительная часть старых площадей, так что орошение превратилось чуть ли не в переложное — засоленные земли бросаем, новые осваиваем. В-третьих, и это главное, куда такая пропасть земли? Ведь это только звучит страшно — съехать с 25 соток на 14, почти вдвое. А если вдуматься? В расчет входят и старики, и младенцы, и горожане... На один-то рот 14 соток! При этом только орошаемой пашни, а ведь есть еще богара, где тоже растет пшеница и овцы пасутся. Неужели мало, чтобы нормально жить? Ясно, огромные площади под хлопчатником. Но, чтобы освободиться от гипноза цифр, посмотрим на Японию, где на человека приходится лишь 4 сотки (Авакян, Полюшкин, «Водные ресурсы», № 5, 1988). Всего, а не только орошаемой пашни! И ничего, живут как-то со своим 120-миллионным населением. Правда, за хлопковую независимость не борются. Предпочитают компьютерную. У них, видимо, сознание вовремя сработало, и вот теперь совсем иное бытие.

Понятно, Япония далеко. За морем телушка полушка. Но все равно, так ли уж страшна угроза сокращения удельных площадей, которой пугает Л. Эпштейн? Может, надо было не наращивать орошение, а заняться интенсификацией? Тогда четырнадцать соток, полагаю, хватило бы. Хватило бы и десяти (в два с половиной раза больше, чем в Японии). Но что бы тогда делать Минводхозу и целому ряду других учреждений?

Точно так же обстоит дело с нормами полива, которые в 2—3 раза завышены. Л. Эпштейн убеждает читателя, что «... с развитием орошения и увеличением степени освоенности территории возможности... естественного дренирования («сухого дренажа») оказались исчерпаны, поэтому уровень соленых грунтовых вод начал катастрофически подниматься... Этого можно избежать, если при поливе расходовать воду в количествах, значительно (в 1,5—2,5 раза) превышающих расчетные оросительные нормы. Таким путем создается «пресная подушка», которая оттесняет в глубину соленые грунтовые воды».

Расчет на простаков. Еще в начале века М. Бушуев, «вневедомственный» почвовед и мелиоратор старой школы, у которого шкала моральных ценностей не была сплюсчена молотом торжествующей идеологии, просто и честно писал о том, что серьезное орошение без глубокого дренажа убийственно. Это было яснее ясного еще в пригнопамятном 1913 году и даже раньше. Не нужны семь пядей во лбу, чтобы понять: если мы закачиваем в ландшафт в десять раз больше воды, чем в естественных условиях, то надо как-то помочь ему переработать и отвести избыток. Ну-ка попробуйте пить в десять раз больше, что скажут ваши почки?

Не пронзительность ума здесь требовалась, а элементарная честность — один кусок заболотили, другой засолили, надо хоть перед третьим остановиться, сообразить, где что не так. Между прочим, именно так и шло дело в Голодной степи перед первой мировой войной. Столыпинская реформа направила туда из России состоятельных мужиков (каждый должен был иметь не менее 1000 рублей имущества). Многие по неумению и жадности загубили почву излишними поливами, разорили себя, изуродовали ландшафт, развели малярию. Другие, поумней, сумели понять и принять простые и толковые правила, которые проповедовал тот же М. Бушуев. Или сами нащупали режим работы. И вышли в крупные капиталисты. За три-пять лет сложилась нормальная пирамида капиталистической собственности: 10 процентов наиболее разумных и удачливых хозяев прибрали к рукам половину всей орошаемой земли и вели на ней высокоэффективное хозяйство. Каналы тех лет до сих пор верой и правдой служат в Голодной степи. Не хуже иных минводхозовских. В этом, смею думать, и корень проблем. Не расширять и увеличивать, накручивая кубометры земляных работ, а думать и оптимизировать технологию. Хочет того Л. Эпштейн или нет, но, говоря о дополнительной подушке пресных вод, он смотрит на землю Средней Азии, как душевный бригадир на рабочего-сдельщика в понедельник утром. «Видите, он стоять не может и руки трясутся. Нехорошо, конечно. Но без «утренней дозы» толку от него не ждите...» Двойная-тройная доза орошения необходима, чтобы встряхнуть землю, превращенную в алкоголика, и заставить ее работать. Хотя бы до следующего понедельника, сиречь весны. Соли отжимаются пресной подушкой в почву. Но одновременно еще больше увеличивается объем грунтовых вод, и через год прошлогодняя «пресная подушка» фонтанирует из-под земли с новой силой. Однако теперь уже она горька от солей! Не надо было в свое время экономить на дренаже.

Все это хрестоматийные истины, стыдно повторять. Сам Л. Эпштейн прекрасно видит, где корень зла: «Отсутствует хозяйственный механизм, обеспечивающий стремление водопотребителей к экономному использованию водных ресурсов». Верно. И земельных ресурсов. И трудовых тоже. Зато присутствует механизм, обеспечивающий стремление ведомства побыстрее расплескать воду региона и развести перед общественностью и правительством руками: «Вода йок! Давай, хозяин, 40 миллиардов на переброску!» Вот на мельницу этого механизма и льет воду служебная публицистика, выросшая под тем же солнцем, что и служебная наука.

И опять: виноват хозяйственный механизм. А кто виноват в том, что механизм у нас именно этот, а не какой-либо иной? Ужель тупик не был виден 10, 20, 30 лет на-

зад? Молчали, однако. И всемерно совершенствовались. А ведь еще в 1906 году специальная комиссия по эксплуатации орошаемых земель настаивала на отказе от однолетней земельной аренды, которая никак не стимулировала хозяйского интереса к защите земли, и рекомендовала увеличить ее срок минимум на 6 — 12 лет, при условии обязательных севооборотов для охраны пашни. 80 с лишним лет назад! Вот почему приходится признать, что трагедия Арала неотделима от кризиса идеологии и моральных ценностей. Дело в том, что «силы Арала» (если пользоваться несколько пышным выражением Л. Эпштейна), были потрачены не столько на обеспечение растущего населения, сколько на поддержание скомпрометировавшего себя политического догмата. Накормить людей можно интенсивными и экстенсивными методами (рост населения — рост площади). Вот где выбор! А наш автор его будто не замечает. И понятно почему: интенсивность — это частная инициатива и риск. Экстенсивность — госмонополия и ведомственный диктат. Предрассудок о преимуществах социализма не велит обсуждать эту тему. Мы трусим, а море платит.

Скучно ловить за руку вялых защитников ведомственного интереса. Иное дело их оппоненты. Она заряжена энергией бескорыстной веры. Не совсем, правда, бескорыстной, ибо нельзя сбрасывать со счетов такое явление, как политический капитал, который легко наживается на сокрушительной критике устоев. В условиях инфляции он дороже денег. Трагедия Арала служит хорошим трамплином для карьеры общественного деятеля. Да и журналистам здесь есть что поискать.

В цикле публикаций «Труда» по случаю 70-летия Октябрьской революции имеется статья о Средней Азии «Сотворенная земля» (30 октября 1987, авторы В. Белых и Г. Крюк).

Авторы захлебываются в восторге. Вот позитивный образ энергичного директора совхоза: «После работы на руководящих постах собирався он уехать на отдых в Кисловодск. Но узнал из газет: труженики Хорезма решили создать на бросовых землях образцовое хозяйство по выращиванию любимой на Востоке культуры — риса. И не выдержал NN¹, сдал путевку, отложил подальше пенсионную книжку и пошел вместе с людьми выкорчевывать тугай, выкашивать заросли камыша».

Полный набор юбилейной развесистой клюквы. Труженики, которые сами «решили»; бросовые земли (откуда они в перенаселенном оазисе?); руководитель, который «вместе с людьми» раскорчевывает ненужные тугай; образцовое хозяйство... Но опять язык, друг наш, не дает соврать. Текст звучит, как пародия.

Всего через несколько месяцев, 10 марта 1988 года, «Правда» публикует маленькую заметку Ф. Костюшкина: «В Хорезме начался отвод земель под необычную заповедную лесополосу. Шириной от 300 до 500 метров, она протянется вдоль левого, хорезмского, берега Амударьи... Это жизненно важно для нашей области, подверженной влиянию прилегающих пустынь. Полоса в определенной мере заменит раскорчеванные из-за головопаяства некоторых хозяйственников тугай — приречные леса...»

А это уже пример заказной экологической озабоченности. Хорезмская лесополоса еще только брезжит в мечтах руководства, а о ней уже сообщают с приличествующим сдержанным оптимизмом. Потом, отнюдь не в головопаястве «некоторых» («определенных»? «известных»? «отдельных»?) хозяйственников дело. Политика отведения под рис земель из водоохранной зоны санкционировалась на самом верху. Иначе кто позволил бы в открытую нарушать многочисленные постановления и уголовные законы на этот счет.

Мы существуем в извращенном информационном потоке, где рядом с бодрым старцем, корчующим тугай, идет дальновидный руководитель, их восстанавливающий. И то и другое, очевидно, во имя нашего общего блага. И уж конечно, за наш общий счет. Обе фигуры явно картонные. Обе заметки изложены канцеляритом («...в определенной мере заменит...»). Обем нет веры. Похоже, мы разучились писать и читать правду. Личное достоинство автора оказывается слишком слабой пружиной, чтобы перепрыгнуть стену законов жанра, идейных установок, местных или ведомственных интересов.

Пять деятельных защитников Арала, члены комитета по спасению моря из Узбекистана 19 ноября 1987 года публикуют в «Советской культуре» статью под названием «Арал должен жить». По тексту щедро рассыпаны восклицательные знаки: на 25 абзацев их оказалось 23. Никто авторов не неволил, они сами выбрали испытанный жанр юбилейных призывов, хоть и с обратным знаком. И не смогли прыгнуть выше поставленных жанром устоев.

«Особенно тяжелое время для Арала наступило с вводом в строй Каракумского канала, отнявшего у Амударьи чуть ли не половину ее годового стока...» Право, это уж слишком громко. Действительно, Каракумский канал остается самым крупным водозабором на Амударье и потребляет в год от 12 (официальные данные, видимо, зани-

¹ Имя директора опускаю. Винават не он, а журналисты. — Д. О.

женные) до 15 (экспертные оценки) кубокилометров воды. Но в любом случае это не «чуть ли не половина», а всего 25 процентов стока реки в месте водозабора. Также не пустяк. Но все же разница, тем более, что пишут авторы из Узбекистана, а обвиняют канал, принадлежащий соседней Туркмении. Тут надо быть предельно корректным.

Так же построено в статье обвинение против нового канала по землям Хорезмской и Ташаузской областей — так называемой «Ташаузской ветки». Сразу скажу, автор этих строк полностью солидарен с противниками «ветки» — зряшная трата денег, материалов, сил и амударьинской воды. Но не о том речь! Ташаузская область принадлежит Туркменской ССР. Между ней и Амударьей, единственной водной артерией региона, лежат территории Хорезмской области. Это уже Узбекистан. От реки через Хорезм к Ташаузу идут каналы. Значит, вода в Туркмению приходит, во-первых, сильно разбавленная бытовыми и сельскохозяйственными стоками с территории плотно заселенного оазиса. Вода, которую уже один раз пили, как выразился врач экспедиции «Арал-88» А. Д. Дериглазов. Во-вторых, она приходит не вовремя. В страду, когда надо поливать, жители верховьев, не стесняясь, берут себе сколько надо, а поля в Ташаузе остаются сухими. Позже им возвращают долг — но дорога ложка к обеду. В-третьих, туркменская территория служит областью сброса избыточных хозяйственных вод Хорезма. Вопрос — куда девать грязную воду после полива — один из главных в экологии Средней Азии. Здесь же ее просто спускают к соседям.

Водохозяйственники Туркменской ССР отлично знают, что вместо проектного стока в 50 кубометров в секунду коллекторы на границе республик пропускают вдвое больше. Они переполнены уже на входе в Туркмению, и ей, в свою очередь, собственные сбросные воды девать просто некуда. Кроме того, избыточный грязный сток из Узбекистана (около 3,5 кубокилометра в год, вместо проектных 1,5 кубокилометра, позволяет уверенно говорить, что в головных частях каналов соседи явно берут воду сверх лимита. Сброс обычно составляет около трети от водозабора. Отсюда вывод: Хорезм берет не меньше 8 — 10 кубокилометров, хотя в этом и не признается.

Как результат — несносная эпидемиологическая обстановка в Ташаузе, которому не повезло быть «нижним». Все мыслимые и немыслимые ПДК по качеству воды здесь превышены. Отсюда и межнациональные конфликты, о которых не принято говорить, но которые тлеют десятилетиями.

Отчаявшись (возможно, отчаявшись непозволительно рано) добиться решения водных проблем путем переговоров и консультаций, Туркмения избрала другой путь. Выше по Амударье, там, где ее территория подходит прямо к левому берегу реки, было решено построить свой собственный водозабор и провести канал в обход Хорезма напрямик в Ташауз по своим туркменским землям. Из 180 километров «ветки» около 145 идут через пустыню — холостая часть. Все ради того, чтобы Ташаузпил чистую воду и тогда, когда это ему удобнее.

Короче говоря, прежний перекоп. Две республики не смогли договориться о правилах удовлетворительного использования старой межреспубликанской сети каналов, и в результате одна из них строит новую «ветку» стоимостью 200 миллионов рублей. То есть по 50 рублей с каждого из жителей Туркмении, включая младенцев. Для Арала это означает потерю новых кубокилометров воды. За слабину в сфере сознания, то есть политики, юстиции, дипломатии, приходится расплачиваться материальной сфере: природе и хозяйству.

А кто виноват? После краткого экскурса в историю вопроса вернемся к статье защитников Арала из Узбекистана. Правильно они протестуют против Ташаузской ветки. Но почему-то опять за счет соседей. И в праведном своем негодовании допускают излишне много неточностей. «... Сооружение нового канала все с тем же земляным руслом отрицательно скажется на мелиоративном состоянии даже старопашотных земель...» Так-то оно так, но объективность требует сказать, что русло у канала в основном бетонированное. «По расчетам специалистов, влияние канала на уровень подземных вод будет неизбежно осуществляться на расстоянии 20 — 30 километров. Но всего в 10 — 12 километрах от трассы канала находится известная на весь мир Хива... Что же будет, когда поднявшиеся грунтовые воды вплотную подступят к дворцам и минаретам города-сказки!»

Пафос не всегда кстати. Почему не напомнить читателю о пустяке: между Хивой и каналом идет коллектор, то есть русло древней реки. Сейчас оно заполнено сточными водами — главным образом из Хорезма. Но все равно, грунтовые воды из канала хоть и лягут дополнительным прессом на коллектор (это плохо), взобраться на другой берег никак не смогут. Хуже, чем есть, «городу-сказке» едва ли будет. Грунтовые воды, ежегодно подпитываемые в Хорезме по рецепту Л. Эпштейна, двух-трех-, а то и четырехкратными дозами промывок, и так стоят в метре от поверхности. На кладбище покойников кладут либо в соленую воду, либо в специальные полунадземные саркофаги. Земля не принимает. Но не Ташаузская ветка убивает город, а давно сложившаяся система земледелия в Хорезмском оазисе. В остальном можно лишь присоединиться к авторам статьи: «Угроза, нависшая над Хивой, должна быть отведена!

Хива должна и будет жить такой, какой знают ее многие миллионы людей во всех уголках планеты Земля! И Арал тоже должен жить!» Лишь бы только забор из восклительных знаков не заслонял объективную картину и не разграничивал соседние республики. Ведь соседи обременены точно такими же предрассудками.

Один из руководителей Туркменгидрорводхоза, вполне разумный и квалифицированный специалист В. Купершинский, клятвенно уверял членов экспедиции, что с вводом в строй Ташаузской ветки суммарные потери воды на испарение и инфильтрацию не возрастут. А возможно, даже снизятся... Трудно поверить, что два канала могут терять меньше, чем один. Но авторы проекта верят — положение обязывает.

Другой, не менее крупный, гидростроитель из Туркмении по поводу аргументации коллеги развел руками: «Я-то лично против Ташаузской ветки. Но в республике такие страсти, что я уж молчу...» Квас локального патриотизма того гляди закипит. Это выгодно каналостроителям. А в республике, а природе, а всей стране? Мы не заметили, как перевели экологическую гласность из-под административного ига под диктат территориально-клановых амбиций. Сами перевели, высоко подняв голову и знамена. Что за проклятие такое. Неужели мы недостаточно мужественны и разумны, чтобы быть самими собой, не меняя одну форму зависимости на другую, более сладкую. Рассудок пасует перед предрассудком верноподданничества.

Замечательны искренние попытки приуменьшить беду Арала, с которыми экспедиция встретила, едва пересекла границу Туркмении. Авторитетный научный сотрудник ашхабадского Института пустынь Марлен Аранбаев неоднократно повторял минводхозовский тезис о том, что Арал прежде не раз деградировал и «ничего страшного не было». Он же в десять раз (на порядок) склонен снижать прогнозные объемы соли-пылевых выносов с обсохшего дна.

Ясно, ученый вправе и даже обязан иметь свою точку зрения. Пусть и ошибочную. Лишь бы она была именно своей, а не «впитанной порами кожи».

Ю. А. Израэль в интервью «Правде» (12.09.88) говорит об объеме выносов: «Точный подсчет труден. Пока сделаны предварительные оценки. По некоторым из них, здесь ежегодно поднимается в атмосферу 15 — 75 миллионов тонн пыли».

Доктор географических наук А. А. Турсунов из Казахстана чуть-чуть смещает акценты: «По данным Госкомгидромета, с этой площади во все стороны от Аральского моря уносится ежегодно до 75 миллионов тонн песка и пыли. Но это видимые крупные частицы. Со дна Аральского моря ежегодно выносятся еще и 65 миллионов тонн тонкодисперсной пыли и солей... Особую опасность представляют пыль и соль, достигающие ледников.... Кстати говоря, минерализация осадков возросла и в Литве и в Белоруссии...» («Новый мир», № 5, 1989).

Признаться, нигде, ни в докладе правительственной комиссии, ни в интервью Ю. А. Израэля, ни в последующих статьях не говорится, что упомянутые 75 миллионов — только видимые глазу крупные частицы. Речь идет о всем суммарном выносе, который, к тому же, оценен в достаточно широком интервале — от 15 до 75. К тому же «по некоторым оценкам». Здесь осторожность уместна, ибо данных почти что нет.

Уважаемый коллега из Алма-Аты склонен переместить центр тяжести к максимальным оценкам. Его право. Понаблюдаем за дальнейшим смещением оттенков и цифр.

Видный поэт и публицист, лидер экологического движения в Казахстане Мухтар Шаханов 5 января 1989 года пишет в «Казахстанской правде» (опираясь, очевидно, на мнение А. А. Турсунова, которое еще до публикации было высказано 23 ноября 1988 года на пресс-конференции участников экспедиции в Москве): «В правительственном постановлении... верно указано, что со дна высохшего моря в воздух поднимается до 75 миллионов тонн соленой пыли и песка. Но это лишь видимые глазу частицы... Дополнительно к этому с высохшего дна Арала в атмосферу Земли поступает почти такое же количество мелкой дисперсной пыли и солей, которые глазу невидимы и обычными приборами не улавливаются... Таким образом, общее поступление со дна Арала в атмосферу Земли песка, пыли и солей составляет около 140 миллионов тонн... Именно поэтому не только над Ташкентом, но и в Литве, и в Белоруссии в последние годы отмечается увеличение содержания солей в дождевой воде более чем в 2 раза... Именно по этой причине в последние годы происходит интенсивное таяние ледников Памира, Тянь-Шаня и Алтая».

Ученый аккуратно отсекает минимальные оценки выноса и высказал опасения насчет его глобальных последствий. Публицист же подает эти мысли уже как непреложный факт. В выступлении А. А. Турсунова говорилось о двукратном (точнее, почти двукратном!) росте минерализации в Приаралье. А. М. Шаханов переносит эту цифру на территорию Литвы и Белоруссии, не говоря уже о Ташкенте. Ученый, понимая неоднозначность вопроса, лишь дает понять, что таяние ледников и минерализация дождя в Прибалтике, скорее всего, связаны с гибелью Арала. Но не настаивает. А публицист уже спешит с вердиктом: «Именно по этой причине...»

Разве не может быть, что соль на горные ледники (там действительно увеличился

ионный сток) попала не из Аральской впадины, а с берегов деградирующего Балхаша, с засоленных почв Голодной степи или Ферганской долины. И не может ли минерализация осадков в Белоруссии быть вызвана раздуванием огромных отвалов под соседним Солигорском, а также выбросами из заводских труб в Швеции, Финляндии, ФРГ? Ведь над Прибалтикой и Белоруссией преобладает западный перенос атмосферы, отнюдь не со стороны Арала. Далеко не все ледники в горах тают. Скажем, Медвежий, напротив, катастрофически наступает. А те, что деградируют, скорее всего, испытали влияние глобального потепления, как их собирать в Альпах и на Кавказе.

В общем, здесь еще проверять и проверять. А нам уже несут на блюде готовый ответ по рецепту: «сыпь больше — худа не будет!» Наконец, откуда, уважаемому публицисту известно, верно или неверно оценен в правительственном постановлении вынос пыли. Он не проводил альтернативных исследований. Однако дает благословение: «верно!» А ну как нет?! Мухтар Шаханов сильный поэт, наверняка понимает разницу между словом «верно» и «верю». Он верит. А Марлен Аранбаев, исходя из тех же самых весьма ограниченных научных данных, не верит. И говорит, что цифры надо бы сократить в несколько раз...

Итак, оценка комиссии Ю. А. Израэля (15 — 75 миллионов тонн) в Казахстане надстроена до 140 миллионов тонн и ее минимальный рубеж отброшен. А в Туркмении, напротив, склонны приуменьшить официальные цифры.

Научный спор? Нет, пропаганда. Гибель моря, лежащего за пределами Туркменистана, у местных водников вызывает вежливое сочувствие и умеренный академический интерес. «Жаль, конечно. Но ведь не впервой. Не стоит так переживать...» А меры по его спасению, вполне возможно, приведут к урезанию водного лимита республики. Прежде всего Каракумского канала. Вот здесь олимпийское спокойствие как рукой снимает. Откуда только берется темперамент... Ну а в Узбекистане и Казахстане все наоборот: море свое, а канал соседский.

«Необходимо остановить разнузданную кампанию клеветы против Каракумского канала!» — требовал Марлен Аранбаев на встрече участников экспедиции «Арал-88» с академической общественностью Туркменской ССР в Ашхабаде. Снова лексика выдает — знакомые обороты!

Нельзя сказать, чтобы обида за канал была совсем беспочвенна. О нем сказано и написано много вздорного и несправедливого. Не в Туркмении, понятно. Случалось слышать и безграмотные требования вообще закрыть канал, а воду «вернуть Аралу». В Ташкенте на самом высоком академическом уровне произносились слова о ежегодных потерях в Каракумском канале в объеме 7—8 кубокилометров воды. В Ашхабаде дают оценку два кубокилометра. Четырехкратная разница — цена услуг местному патриотизму. Но платят ее не авторы предвзятых оценок (видимо, ошибочны обе, но одна с перелетом, другая с недолетом), а вся наука в целом. О каком доверии или престиже ученого можно вести речь, наблюдая этот межреспубликанский волейбол?

Несомненно, Каракумский канал обустроен хуже всех в Средней Азии, берет больше всех воды и очень плохо ее расходует. Это первенец каналостроительной эпопеи, и сделан он по самой примитивной технологии. Претензии к нему, вообще говоря, справедливы. И это сознают туркменские водники. Разумные, слава богу, люди. Но слышать критику от соседей не вмоготу! И вот в азарте дискуссии головные сооружения Каракумского канала уже всерьез провозглашаются «венцом инженерной мысли».

Ладно. Но у туркменских коллег была возможность защищать канал на встречах с общественностью и в Казахстане, и в Узбекистане. Там они, однако, больше слушали и запоминали предвзятые высказывания в адрес своего любимого детища. Чтобы потом все свои обиды скопом вывалить дома перед сочувствующей публикой. Вот еще одна форма несвободы сегодняшней нашей экопублицистики. И редко встретишь мужественного человека, способного остаться самим собой по обе стороны границы. Своим честно сказать о недостатках традиционного предмета гордости. Чужим открыто объяснить свои позиции и интересы.

Клановость нашего мышления, впитанная порами кожи, проявляется по-разному. В Москве это прежде всего бессовестная ведомственность плюс подсознательный евроцентризм. В Средней Азии скорее местные псевдопатриотические амбиции, а ведомственность уже на втором месте. Расстаться с этими стереотипами нам, видимо, удастся нескоро. Очевидно, несвободен от них и автор этих строк. Неловко ругать своих. Однако академическая география, надо прямо сказать, продемонстрировала в свое время чрезмерную гибкость в вопросе об Арале. Институт географии АН СССР скорее обозначал активность, чем реально боролся с минводхозовскими аппетитами. И то сказать, на чьей стороне была сила... Однако стыдно сегодня читать академические высказывания конца 70-х годов: мол, во всем мире идет опустынивание, а в СССР, в условиях плановой экономики, — нет. Не случайно, очевидно, была в свое время прикрыта в институте и аральская тематика — от греха подальше.

В общем, трудно было возразить участнику экспедиции, публицисту В. Селюнину,

когда он сформулировал со скифской прямотой: «Прежде академическая наука боялась связываться с мощным ведомством, а теперь боится противоречить общественному мнению, которое требует вернуть море. Вы сами-то верите, что Арал можно спасти?»

Гены боязливости послушания крепко в нас вколочены. Теоретически море можно спасти. А практически, с нашим общим неумением дать объективную оценку ситуации и страстью приврать ради клановой выгоды?

«Засоление целинных земель и пастбищ Казахстана и черноземов РСФСР в условиях засушливого климата... — пишет Казахстанский общественный комитет по проблемам Арала и Балхаша, — приведет к резкому снижению валового сбора зерна и продуктов животноводства в целом по стране. Запланированное умерщвление Аральского моря делает невозможным выполнение Продовольственной программы...»

Пустое это. Потеря Арала трагична сама по себе. И совершенно незачем пристегивать к ней «резкое снижение» по всей стране. Да и Продовольственную программу, которая тихо угасает, с Аралом ли, без него, едва ли следует ставить в строку. Ясно, аральский кризис не на пользу хозяйству страны. Но зачем все валить в одну кучу? Российские черноземы быстрее гибнут от переполнивания, от водной и ветровой эрозии, от утрамбовки колесами тяжелых «кирочцев», чем от аральских солей. Это уж так, для красного словца.

И дальше в тезисах экологов из Казахстана разумные соображения чередуются с пропагандистскими перехлестами. Бочка меда, ложка дегтя. И верится с трудом.

Пока чиновники от науки и экопатриоты играют цифрами и словами, в обществе катастрофически падает доверие к самому имени ученого. И, в общем, поделом. Беда, однако, в том, что возникший вакуум заполняется демагогическими химерами, которые прельщают людей мнимой простотой и радикальностью.

В статье «Диктует необходимость» («Ташаузская правда», 23.10.1982) Азад Хусаинов, начальник отдела лесостройматериалов Хорезмского УМТС Госснаба Узбекской ССР, доводит до общественности свои оригинальные взгляды, ранее опубликованные в Вестнике Каракалпакского филиала АН УзССР.

Идея проста и величественна: отделить северную часть Каспийского моря дамбой высотой в 10 метров, создать там бассейн площадью около 60—65 квадратных километров с уровнем на 3—4 метра выше нормы, поставить «мощные насосные установки» и закачивать воду на высоту 200—250 метров. Ну а потом блестящие перспективы: несколько кубокилометров через Устюрт пустить к Аралу, несколько по Узбою и даже дальше, в южную Туркмению к реке Атрек.

В авторах такого рода проектов подкупает, что им всегда все известно заранее. «После реализации предлагаемого проекта на просторах Устюрта, по берегам Сарыкамышы и Узбою станет проживать не менее 5 миллионов человек... По Узбою смогут курсировать морские суда, которые свяжут Туранскую низменность с мировым океаном...» — пишет А. Хусаинов в академическом журнале.

А если вдруг 5 миллионов человек не захотят проживать «на просторах», как это случилось, скажем, в Каршинской степи, где на обводненные земли людей калачом не заманишь? А если вдруг на Узбое окажутся двух-трехметровые водопады, затрудняющие движение океанских лайнеров? А если тектонические подвижки последнего столетия так исказили профиль древней реки, что вообще исключили возможность самостоятельного попадания воды из Сарыкамышы в Каспий? Если, наконец, четырехметровый подъем Каспия затопит огромные территории Дагестана, сгубит дельту и нижнее течение Волги, уничтожит Тенгизское месторождение нефти на берегу моря? Не говоря уже о судьбах миллионов людей, населяющих северный Прикаспий.

Если вдруг... Все эти «если» на самом деле не предположение, а давно известные факты. Они, однако, носителя глобальных идей не тревожат. Он развивает мысль. «Речь идет о ежегодном заборе 30—35 кубокилометров воды из Каспийского моря. Однако, если отделить его северную часть дамбой, может возникнуть угроза жизнедеятельности остальной части моря. Поэтому одновременно необходимо позаботиться и о помощи южному Каспию. Как это сделать? Для этого существует реальная возможность переброски стока Днепра и Дона».

Спасибо за работу. Это как песня. Хочется цитировать и цитировать, несмотря на отдельные грамматические погрешности. «Из реки Днепр ежегодно поступает в Черное море около 50 кубокилометров воды и 20 кубокилометров из Дона. Эти водные ресурсы в 70 кубокилометров **целесообразно** (выделено автором — Д. О.) перебросить по каналу Днепр — Каспийское море...» Затем надлежит отделить дамбой северную часть Азовского моря и превратить Таганрогский залив в пресноводное водохранилище.

«Забираемое количество воды по отношению к объему Черного и Азовского морей составит примерно 0,0001. Как видно, говорить об отрицательных последствиях не приходится. Переброска же 70 кубокилометров воды позволит увеличить площадь рисосеяния в Ростовской области, Ставропольском крае...»

А ну как все-таки придется говорить об «отрицательных последствиях»? Азовское море на грани экологической катастрофы. Донская вода, подобно амударьинской, содержит слишком много биогенных элементов, смытых с полей, бытовых и промышленных стоков. Вторая, еще более веская причина вызвана зарегулированностью стока. Раньше весенние половодья промывали Азовское море, выносили грязь и мусор дальше, в Черное. Теперь все это оседает на дно, разлагается, забирает из воды кислород, губит рыбу. Система водохранилищ на Дону выровняла паводковую волну и поставила Азовское море перед реальной перспективой превратиться в сплошной Сиваш — гниющий болотистый лиман.

И вот, как никогда кстати, начальник отдела лесостройматериалов предлагает сток Дона отвернуть в Каспий. Все равно только 0,0001 от суммарного объема!

О цифрах. Человек за раз вдыхает около полуграмма воздуха — грубо говоря, 0,0001 своего веса. Давайте лишим его этой пустяковой дозы. Говорить об отрицательных последствиях не придется — некому будет.

А автор не унывает. Если вдруг что-нибудь не выйдет с Каспием, у него готов другой вариант. В «Хорезмской правде» (16.03.1988), в статье с очень современным названием «Вопросы экологии решать комплексно» читаем: «Я предлагаю перекрыть Иртыш дамбой в районе города Серебрянска. Далее от южного берега озера Зайсан проложить канал-туннель по руслу реки Базарка в районе Кокжыра... Общая длина канала-туннеля составит 200 километров, из них примерно 150 километров приходится на туннель под Тарбагатаем...»

Сознает ли уважаемый автор, что предлагает рубить туннель минимум втрое длинней всех известных в мире? Представляет ли он, сколько это будет стоить и знает ли, что с нашей технологией вот уже почти 15 лет мы не можем завершить прокладку ключевого Северомуйского тоннеля на БАМе, который на порядок короче? Ответ таков: «Проложить канал в гористой местности и пробить туннель под хребтом Тарбагатай — дело сложное. Однако задача выполнима с помощью взрывных работ направленного действия. В целом строительство канала не вызовет больших затруднений и расходов, так как почти по всей трассе в 2200 километров вода потечет самотеком без единого насоса.»

Не вызовет, стало быть. Хочется схватиться за голову и бежать в пампасы. Зарыться под Тарбагатай. Но нельзя. Гласность так гласность. Каждый имеет право на свою точку зрения. А маршалский стиль отношения к природе, когда главное воткнуть флажок в карту и дать команду на взрывные работы направленного действия, мы сами воспитали. Если можно И. В. Сталину и Н. Ф. Васильеву, то почему нельзя Азаду Хусаинову?

Торжествующая демагогия, десятилетиями закачиваемая в народ, потерпела в нем какие-то таинственные изменения и теперь, подобно грунтовым водам, прет обратно. «Станет проживать не менее 5 миллионов» «Смогут курсировать...» «Сулит немалый экономический эффект...» «Говорить об отрицательных последствиях не приходится...» «Позволит увеличить площадь рисосеяния». «Обеспечивает производство электроэнергии, ... при этом себестоимость ее дешевая, потребители рядом, отдача — быстрая...» «Орошение плато Устюрт, района Узбоя и целинных земель Северного Кавказа можно осуществить за 3 года при значительно меньших капитальных затратах...» В этих оборотах узнаются произвольные, гладко обкатанные формулировки официозных указаний прежних лет. Где на Северном Кавказе целинные земли? Откуда три года? Почему дешевле?

Ну ладно, автор девственно чист в экологии. Но, работая в сфере экономики, он мог бы хоть затраты прикинуть. Уложимся в 50 миллиардов или нет? Однако на такие пустяки автор не разменивается. Все равно решает не экономика, а начальство. Понравится идея — построят любой ценой. Не понравится — зачем расчеты?

Подведем горестные итоги. Пока квалифицированные люди, которым крепко и не один раз дали по рукам, помалкивают в сомнениях, рынок захватили глашатаи новой волны. Их радикализм есть вывернутая наизнанку диктатура административной системы. Та давила инакомыслие, и эти давят, компрометируя независимо мыслящих специалистов. Та некомпетентна, и эти не блещут глубиной.

И все-таки это единственное, что у нас есть. В гомоне экологической гласности среди предвзятых, торопливых, жадных и не всегда умных суждений постепенно кристаллизуются рациональные подходы. Ограничивать этот процесс нельзя. Но надо понимать, что быстро такие дела не делаются.

Аральское море продано в рассрочку на 25 лет. По кусочку от этого пирога отламывали все. И центральные и местные ведомства, и большая и малая наука, и чиновник, и журналист. Москва, Ташкент, Нукус, Ашхабад... Прилично ли теперь, получив право голоса, яростно отстаивать интересы своего большого или малого клана и валить вину на чужих?

В экологической горячке рожден новый, искренний предрассудок: скорей спасайте море. Должен признаться, автор тоже испытал этот соблазн. Казалось, вернется море, вернется и жизнь. Нет. Это лозунговое самообольщение. Кризис лечится с дру-

гого конца. Никакая переборка не поможет в условиях ошибочной хозяйственной стратегии.

В. И. Вернадский предельно ясно показал, что мир вступает в ноосферный режим, где состояние природы определяется разумом человечества. Если разум лжет, или спит, или отягощен предрассудками, окружающая среда рождает чудовищ. Все-таки наше бытие зависит от нашего сознания. Значит, и в Приаралье надо начинать с поисков разумной модели. Пригласить независимых, совсем независимых, например, из-за рубежа, — экспертов. Открыть всю информацию. Дать всерьез поработать людям, а тем временем отложить каналостроительные инициативы Минводхоза-Минводстроя, запечатленные в правительственном постановлении.

Начинать в Приаралье, опять же, с людей. Они носители разума. Питьевая вода, жилье, медицина, школы, зеленые защитные пояса. Гарантированное право на землю и воду и на полученный с их помощью урожай. Стимуляция личной инициативы, продажа и сдача в долгосрочную аренду орошаемых земель. Частная торговля, льготные налоги. Привлечение приезжих и своих врачей, учителей, менеджеров — не только деньгами, но и землей, правом на застройку, акциями. Возрождение идей М. М. Бушуева, оборванных в начале века. Приаралье давно потеряно для плановой экономики. Пусть там испытает себя рыночная.

Если удастся возродить людей, их интерес к жизни и инициативу, легче будет бороться и за Арал. Обратный ход — сначала море, люди потом — иллюзия. Не деградация моря погубила оазис, а ложная экономика и политика.

Для упора на море уже нет времени. Слишком долго. Миллиарды уйдут в землю и воду, но не принесут существенного облегчения жителям. Питьевая вода не улучшится. Климат тоже. Море к прежним берегам не вернется.

Возможно, предложенное здесь — не самый лучший выход. Чтобы найти оптимум, надо пробовать и сравнивать. Пробы гарантируются инициативой. Объективное сравнение гарантируется гласностью. Пока состояние ни того ни другого не внушает оптимизма. Инициатива зарезервирована за ведомствами, а гласность... О гласности написано выше.

Кто-то нам мешает, или мы сами такие?

Игорь Черванев,

доктор технических наук

ОТКАЗ ОТ СТИХИЙНОГО — ВО ИМЯ РАЗУМНОГО

Трудно в настоящее время найти тему, более популярную, чем экологическая, и в то же время нет, пожалуй, другой сферы знания, которая так плохо была бы представлена в системе образования. Но экологическое невежество проявляется не только в оценке последствий человеческой деятельности. Более важно то, что отсутствие систематического экологического образования влияет на качество принимаемых решений, деформирует сознание, уводит человека в мир иных ценностей.

Примером тому являются оценки водных мелиораций в бассейне Арала. В плановых и директивных органах принимаются во внимание лишь прямые следствия мелиоративной деятельности, изменения земельного баланса, структуры посевных площадей, урожайности и валового продукта. Но людей, живущих здесь, в неменьшей мере волнуют и отдаленные последствия глубокой инженерной мелиорации земель: изменение качества среды, привлекательность и привычность ландшафта, здоровье и жизнеспособность детей... Эти обстоятельства никогда не учитывались, и в результате приходится говорить о бедственном положении целого региона.

Наверное, причин много, но одна из них, коренная: отсутствие надлежащего уровня экологического знания.

Этому надо учить. Учить, начиная с первых лет жизни и до конца дней, учить, как азбуку. Эта проблема не менее значима, чем логическое мышление или компьютеризация, которым уделяется в школе основное внимание. Они только средства достижения содержательных целей, а экологизация мышления — сама цель.

Экологическое мышление должно опираться на **систематическое** знание, получаемое в общеобразовательной школе. Не разрозненное по темам и дисциплинам, а целостное и, по возможности, завершенное, базовое для других срезов образования.

Нужна подготовка экологов-профессионалов, владеющих методами оценки и прогноза изменений, происходящих в окружающей среде.

Наконец, необходим социальный заказ на таких специалистов. Без этого разговоры об экологии, умозрительные прогнозы и общие суждения останутся досужим вымыслом. Увы, в рамках школьной реформы не происходит качественного обновления образования. Нас волнуют состояние среды и история народа, а школа все больше становится физико-математической и антигуманистической. Каждому интересно объяснение реальной картины мира (и ее стремительная метаморфоза) — а в школе изучаются разрозненные законы физики, химии, биологии, географии.

Дети разных народов учатся у нас по одним и тем же программам. Где уж тут проявиться национальному самосознанию, которое и формируется стихийно. Ведь у чукотских и среднеазиатских, к примеру, жителей разный взгляд на мир, всем окружением формируются различные иерархии ценностей. Та же вода — для одних зло, для других — высшее благо. Даже в одном Среднеазиатском регионе одна и та же проблема Арала воспринимается людьми по-разному: у каракалпаков бедствие связывается с прямыми последствиями усыхания моря (даже тогда, когда истинные причины могут быть иными); жителей нижнеамударьинских оазисов больше волнует качество и режим поступления вод Амударьи на поля. А в южной зоне Средней Азии ощущается даже скрытая враждебность к Аралу как водоему и уверенности, что благо — в полном отчуждении стока Амударьи ради освоения высокопродуктивных земель юго-западной Туркмении. Как примирить эти оценки, чтобы экологический антагонизм не привел в числе прочих возможных бед к антагонизму межнациональному — политический кризис взамен (или в дополнение) к экологическому?

Да, человек не вправе «зачеркнуть» море даже из самых благородных экономических соображений. Прецедент сознательной ликвидации одного моря порождает право задумать и осуществить последовательную систему геноцида по отношению к другим объектам природы, кажущимся бесполезными. К Каспию, например, большую часть дна которого можно было бы без труда осушить — сколько пресной воды, «бесполезно» испаряемой сейчас, освободилось бы сразу для плодородной Туркмении!; к Байкалу, на сохранение которого тратится столько средств в ущерб промышленности. Тайга тоже может при таком подходе оказаться бесполезной, ведь она приносит пользу только вдоль реки и транспортных путей, столь редких в этом краю...

Мне кажется, что это самая большая потеря — **именно в нравственно-этическом срезе жизни.**

А что же экономически? Стране нужен хлопок, скажете вы. Потеря моря дала стремительное увеличение продуктивности сельского хозяйства региона, ежегодные миллиарды национального дохода. Как без этого? Но весомые экономические результаты можно получать по-разному. И выгоднее оказалось осваивать новые площади, чем реконструировать, улучшать старые.

Безудержный захват ресурсов (водных и земельных), монокультура (**применительно к другим странам воспринимаемая как признак колониальной системы хозяйствования**), низкий уровень ведения водного хозяйства (земляные русла каналов, фильтрация и испарения; архаичные системы полива напуском и по бороздам — по существу простое увеличение объема сложившегося в средние века орошаемого земледелия до размеров сегодняшних потребностей, и реальных и дутых) с таким же — нет, ускоренным и усиленным — экспоненциальным нарастанием проблем и осложнений, вызванных средневековой трактовкой и реализацией экономической задачи в новых условиях второй половины XX века.

А где же альтернатива, скажете вы? Таковой является **отказ от стихийного во имя разумного.**

Уникальность обстановки в бассейне Арала, глубина изменений природной среды и острота проблемы природопользования, множественность и неизученность последствий и вместе с тем реальная возможность развернуть деятельность на практически стерильной территории и акватории — все это провоцирует создать новую региональную природно-мелиоративно-агротехническую систему, то есть спроектировать и реализовать новый ландшафт. Географы об этом могли бы только мечтать, им чаще приходится заниматься вопросами реконструкции или приспособления хозяйственной деятельности к природе или наоборот. Я вижу грандиозность и комплексность этой проблемы, ее огромное социальное значение и конструктивность возможных результатов.

Нельзя спасти Арал в том понимании этих слов, которое вкладывается в них, скажем, публицистами. Но можно помочь природе создать геосистему, которая будет функционировать так же отлаженно, как и прежняя.

Для этого необходимо срочно мобилизовать лучшие научные силы страны, использовать мировой опыт борьбы с опустыниванием и создать союзную программу «Арал», ставя в качестве основной ее цели проектирование и реализацию природно-технической системы Аральского региона с созданием и совершенствованием сложившегося типа природопользования и более рациональным использованием земельных, водных и трудовых ресурсов. Эту задачу нельзя решить ведомственно или средствами одной науки. В этом, я думаю, смысл понятия «Система Арала». Прежнего моря не будет. Не будет солонатоводного бассейна с уникальной биотой, сформировавшейся в определенных физико-географических условиях. Но будет вполне приемлемый и для органической жизни другого типа, и для хозяйственного использования водоема.

Если установить предел солености как в Мировом океане — 32-35 промиллей, то можно рассчитать минимальный объем водной массы, следовательно, объем водопользования, и потребность в воздействии на приход (через осадки) и расход (через уменьшения зеркала) водного баланса.

Поскольку уже сейчас средняя соленость водоема превосходит 25 промиллей (т. е. предел для солонатоводного бассейна), можно начать трансплантацию биоконспекса, сформировавшегося в любом другом море со сходными природно-климатическими условиями, в водоем Арала. Но нельзя просто переселить, например, одних только рыб или моллюсков. В водоеме существует сложная система связей — и пищевых (трофические цепи), и экологических (условия жизнеобитания, размножения), и биохимических, и многих других. Эта сложная система так медленно формируется в стихийных условиях, что нет ни малейшей надежды дожидаться, пока она сложится сама собой в новом Арале. Но трансплантация биологического комплекса — со всеми его связями и отношениями между организмами и со средой — необходима. Без этого живые организмы будут обречены. Помните обычный домашний аквариум? Сколько надо сил, терпения, знаний, чтобы сбалансировалась в нем жизнь, чтобы пришла в равновесие среда, исчезла надобность в постоянной опеке. То же и здесь. Говоря научным языком, в море необходимо наладить новый механизм самоочищения (как в аквариуме, но неизмеримо сложнее), без чего водоем не станет морем, т. е. средой, производящей самое себя. Аналогия: чем отличается посадка вдоль арыка или сад от леса? Лес создает среду для самовосстановления, посадка — нет; она требует затрат на поддержание жизни.

Это, повторяю, крупнейшая и беспрецедентная научная проблема — формирование нового биоконспекса Арала, обеспечивающего, вместе с неживой природой, самоочищение и средовоспроизводство. Ее решение в короткие сроки — и экологическая, и экономическая, и нравственно-этическая проблема.

Думаю, что вряд ли эту задачу можно решить сразу для всего моря, тут можно использовать созданные природой водоемы, отшнуровывающиеся от Арала, длительные существующие лагуны и т. д., если их соленость подходяща.

Чтобы показать значимость этой работы, приведу хорошо известный мне и понятный и близкий читателю пример. В начале века профессор Харьковского университета Андрей Николаевич Краснов буквально создал субтропики Черноморского побережья Кавказа, трансплантировав сюда чай, цитрусовые, эвкалипты. Вообразите себе район Сухуми и Батуми без этих культур. Что останется? Гнилое болото, непроходимый лес и холмы красной глины. Гиблое нелюдимое место — а сейчас цветущий край. Это сделал разум одного человека.

Не менее сложна, но не безнадежна проблема оживления осушенного дна моря. Уже сейчас его два с половиной миллиона гектаров. Мне известны земли и менее пригодные для жизни растений, даже токсичные, например, содержащие пирит, вскрышные породы Курской магнитной аномалии, но с ними возятся, трансплантируют почву и рекультивируют биологически. Это ничуть не более убыточно, чем такая же работа в Приаралье.

Думаю, что справедливо было бы затраты на освоение и моря, и осушенного дна отнести на счет отраслей, повинных в возникновении проблемы, — водхоза и агропрома.

Рекультивируя осушенное дно, агропром, ради которого Минводхоз вероломно лишил Арал живительного притока, будто тяжело больному перекрыл кислород, обеспечит не столько прирост земельных площадей, сколько уберезет освоенный регион от бедствия, им же инспирированного.

Кардинальным вопросом всей стратегии природопользования является выбор: или борьба с природой, или сотрудничество с нею. Окрыленные техническими достижениями, мы долгое время жили в пренебрежении сложностью и организацией природы. Все редуцировалось до простейших физических механизмов, но природа оказалась сложнее. Можно сказать, и мудрее, и хитрее, и коварнее — в зависимости от оттенка, который хотелось бы подчеркнуть. Я бы сказал: природа более организована, чем мы думаем.

Освоение Приаралья — пример примитивного подхода к регулированию природы. Ведь что такое мелиорация? По смыслу слова — это улучшение, но никак не полив,

не упрощение природной сложности, хотя на деле получается именно так. А что происходит в результате? Сложная природа ведет себя примерно так, как телевизор в руках самоуверенного неуча.

В прошлом орошение было оазисным, полив производился диспергированно, на наиболее удобных и доступных для воды участках и в условиях жесточайшего водного голода. Поэтому поливная вода редко, видимо, достигала зеркала грунтовых вод, образуя локальный круговорот в системе: верхний слой почвы — растение — приземный слой воздуха. Массированная атака на засуху, кроме гигантского экономического выигрыша — четырехкратного повышения продуктивности земледелия в регионе, создала и теневую сторону. На орошаемые земли выплескивается в течение года и большими порциями вода, образующая суммарно слой 1,5—2 метра. Представьте себе: земля, которая раньше редко получала 10—30 миллиметров влаги, вдруг сразу буквально утонула под слоем воды. Вернее, то тонула, то всплывала пять — восемь раз в году. У людей, проектировавших орошение, не хватило образования — оно оказалось слишком технократичным, чтобы осознать возможные последствия. Как в игре в бильярд: один — новичок, неумеха — видит только два шара, стремясь «впихнуть» их в лузу. Мастер видит все «поле», видит множество шаров, которые могут быть «втянуты» в игру даже одним-единственным ударом. Так и здесь: видела простую цепь: дефицит воды — ущерб урожаю. Больше выльем — больше уберем. И — вперед, на барханы, подальше от реки.

Но для почвы, да и всего ландшафта, (за исключением плавней и дельт рек, приспособленных к такому режиму обводнения) это должно выглядеть как гигантской силы стресс. И минералогический состав, и совокупность почвенных организмов (бактерии, водоросли и т. д.), сформировавшиеся в аридных условиях, вдруг оказываются в условиях периодического глубокого переувлажнения, результаты чего известны — засоление земель и потеря почвенного плодородия.

А как взглянуть на проблему орошения иначе?

Это не только и не столько обеспечение водой, но более или менее глубокое преобразование водного и энергетического баланса земель; который только в совокупности определяет и состояние земель, плодородие. Известно, например, что орошение более чем в полтора раза увеличивает энергетический баланс, существенно меняя его структуру. Именно от структуры энергетического баланса зависят условия среды. С этой точки зрения опустынивание — это изменение структуры энергетического баланса.

Причем, одни и те же изменения энергетического баланса могут быть следствием различных норм и способов полива (с существенно различными другими последствиями). Например, считают, что комфортные условия для растений можно создать не увлажнением почвы, а распылением влаги в приземном слое воздуха. (С точки зрения ортодоксального «поливальщика», это есть непродуцируемая потеря воды.) Тогда в приземном слое снижается температура, уменьшается дефицит влаги, т. е. происходит совокупность изменений, снижающих потребность растений в физиологическом испарении. Опыт показывает, что такой эффект можно поддерживать необычными, по сравнению с традиционным поливом по бороздам, дозами воды, вносимой с помощью различных дождевальных средств. А зачем это делать? Ради экономии воды. А также — ради повышения плодородия почвы, которая не будет испытывать глубокого переувлажнения. И еще одно: орошение воздуха (а не полив почвы) не повышает уровня грунтовых вод и, следовательно, не должно влиять на засоление — если последнее не инспирировано другими средствами, например, промывными поливами. А что же, спрашивается, об этом никто не знает? Наука знает (узнала, впрочем, не так давно), а в практике — все та же нацеленность на получение результата простыми средствами. Чем больше полил — тем лучше, хотя «перелил — пересолил» известно давно. Полив дождеванием требует технического оснащения, опыта и научного обеспечения: создания службы поливов, которая бы контролировала с помощью приборов состояние системы «приземный воздух — почва — растения».

Это лишь пример сложности задачи и ложного упрощенного понимания мелиорации, а не панацея от всех бед.

Еще один момент. В природе — почве, растениях, даже в воде — существуют своего рода мембраны — барьеры. Это поверхности, на которых происходит прекращение миграции химических элементов и соединений. Например: в пустынной зоне известен испарительный барьер, на котором прекращается капиллярный подъем воды. Соль при этом кристаллизуется. Если этот барьер высоко — образуется солончак. Низко — почва будет иметь нормальную соленость. На геохимических барьерах других типов может происходить фиксация различных веществ, в том числе таких, как пестициды, дефолианты и другие водорастворимые соединения. Следовательно, управляя геохимическими барьерами как незримыми мембранами, можно регулировать самоочищение почвы и грунтовых вод. Когда же мы с «позиции силы» перемещаем почву в процессе планировки полей, тем самым разрушаем такие мембраны, наруша-

ем процесс самоочищения или, как говорят, средовоспроизводящую функцию природы. И берем, следовательно, на себя те обязанности, которые ранее исполняла природная система. Тратим средства и воду на то, чего можно было бы при разумном взгляде на эту систему избежать.

Я мог бы приводить еще многие примеры, но, наверное, и сказанного достаточно, чтобы заключить: дефицит воды — это в известной мере следствие просчетов в стратегии природопользования и упрощенного понимания мелиорации как полива земли в достаточном количестве. **Я даже думаю, что пока дефицит воды в Приаралье — это спасительное благо, а не беда.** Залив водой регион, мы очень скоро вывели бы все земли из оборота, что и подтверждает опыт пионерного орошения в ряде оазисов, получивших относительный достаток воды.

Пока для полива нужны были только кетмень и руки — проблем не было. С внедрением современного орошения потребовалось владение техникой. А подход к орошению как комплексной мелиорации требует глубокого знания физиологии природы. Значит, требуются специалисты-естественники новой квалификации. Нужны люди, понимающие эту физиологию, как врач — человеческий организм. Иначе нам не выжить.

Пока мы только исправляем ошибки прошлого, продолжая, как нерадивый школьник, плохо учиться и дальше. И в фундаменте всего — экологическое невежество. Успеет ли мы чему-то научиться сами? Сумеет и успеет ли? Это вопрос вопросов. Пока сдвигов мало. Школа дремлет в райских кущах традиций. Где, скажите, научиться правилам, законам поведения в природе? Как расшифровать конституционное требование: «Граждане СССР обязаны охранять природу». Как бог на душу положит? Где комплекс знаний, умений и навыков, которые бы позволяли уберечь здоровье под натиском пестицидов и дефолиантов, не отравиться дыней или глотком воды из арыка?

Свет умирающего Арала позволяет отчетливо увидеть пробелы и просчеты в экономике, наше недомыслие в природопользовании.

Аскад Мухтар

Перевод с узбекского Н. Рогова

СЕРЕБРЯНАЯ НИТЬ

ПОВЕСТЬ

Червь, пожертвовав жизнью, стал шелком.
Разве у тебя нет благородства,
достойного червя?
(Алишер Навои «Багое-ул бидоя»)

Если случится пожар, то вы опять
будете звонить в тот же колокол.
Или пойдете искать новый?
(Из разговора)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1.

Постороннему человеку, случайно попавшему в эту комнату, невольно стеснит дыхание. Воздух, настоенный на листьях тутовника, кажется влажным и терпким, как в теплице. Однако он по душе Таджихан-ая.¹ И эта чистая, тщательно побеленная комната, затемненная занавесками, ее любимое помещение в доме.

— Что, гости появились?— спрашивают соседи.

— Да, милые, приехали аж на двух арбах,— отвечает она.

А через три-четыре недели эти пушистые «гости», выросшие из двух коробочек, не поместятся и на двух арбах.

А сейчас в комнате стоит тишина. Лишь чуть слышен таинственный шорох на стеллажах. Таджихан-ая, словно желая подсмотреть, как ее любимцы растут, проводит здесь целые дни: то плавно обходит помещение, то, прихватив складку широкого платья у груди и слегка опаживаясь ею, поглядывает на термометр, то, присев на табуретку и позевывая, наблюдает за своими питомцами покрасневшими от бессонницы глазами. А если кто из них в поисках корма свалится с края, она бережно положит его на место.

— Эх ты, малыш!

¹ Ая — тетушка, мама.

Дверь открылась, и в комнату вошла длинноногая девочка, в коротковатой для нее школьной форме.

— Пришла, Гульзира?— спросила Таджихан-ая не оборачиваясь. Гульзира — дочь одинокого учителя, который в прошлом году появился в кишлаке, учился в пятом классе. И как только освобождалась от уроков, так прибегала в этот дом. Видно, у Малахат-чарви,¹ где они жили, ей было неинтересно.

— Пришла, ая.

— Хорошо, что пришла, а то меня чуть сон не сморил.

— Не спали ночью?

Таджихан-ая не стала рассказывать ребенку о том, что не только поспать, но и поесть ей некогда. Недаром говорят, что тому, кто семь лет выкармливает червей шелкопряда, не страшны и семь кругов ада. День и ночь... и эти маленькие существа становятся как родные дети. И пусть про нее злословят: нет, мол, собственных детей, так она всю жизнь посвятила червям.

— Разве с ними уснешь!— ответила она девочке.

Гульзира прислонила школьную сумку к стене у двери и, заложив руки за спину, как Таджихан-ая, начала обходить стеллажи.

— Ух, большими стали!

— Я же из листьев приготовила этим обжорам лапшу. Видишь, как едят! Да я еще придерживаю их аппетит, понизив температуру в комнате. Корма не хватает, весна запоздала. А то хорошо, когда они большие,— коконы будут крупными.

— Еще будут большими, ая, с таким аппетитом!

— Как только вылупятся, сразу требуют еду. Вот ты сколько раз в день ешь?

— Бывает, два, бывает, три. Когда как...

— А этим обжорам подавай корм десять раз в день! Вот посмотришь, когда они станут большими, то начнут жрать листья вместе с ветками.

— Сколько их, ая?

— Тысяч пятьдесят...

— Вот это да! И все они помещались в двух коробочках?

— За три недели каждый из них отяжелеет в несколько тысяч раз. После мы освободим для них еще и ту гостиную.

— Стеллажи у Малахат-апа трехъярусные.

— Это нехорошо. Заснут в разное время, и коконы получатся разные — большие и маленькие.

— Почему? Разве они не одинаково кормятся, не одинаково растут?

— Очень уж они чувствительны к температуре. Если стеллажи трехъярусные, то и температура на них разная: внизу прохладно, сверху — тепло. А на них даже доли градуса влияют.

— Ой, какие нежные... Подашь — съедят, не подашь — умрут... Без человека же они погибнут, а?

— Да. Это единственное насекомое, которое, подобно домашней скотине, привязано к человеку. Диких не бывает. Целиком зависит от людей. Этому ленивцу и еду надо в постель подавать.

— В тот раз вы назвали их трудягами...

— Ленивые трудяги!

Они засмеялись.

— Малахат-апа, боюсь сглаза, не пускает меня в помещение.

— Что это она? Разве можно сглазить это безобразное существо!— Ая произносит «безобразное» ласково, и Гульзира это знает.— Ты не сглазишь, у тебя хорошие глаза. А вот болезней у них действительно много, и правда, очень уж они нежные. Сквозняка боятся, от дыма гибнут, от шума вянут, от сырых листьев сохнут, света не переносят, от жары и холода хиреют; пьющих и курящих к ним нельзя и близко подпускать: почернеют от одного дыхания... Вот такие они недоτροги и неженки. Но если оградишь их от всех болезней, то это просто сказочные существа: едят за пятерых, растут за десятерых. А теперь давай и мы перекусим, а то голова начинает кружиться.

Они вышли из дома и направились к полевому стану. Возле дома в тени карагача две девушки разбিরали ветки тутовника.

— Айхан,— сказала Таджихан одной из девушек,— пока солнце не начало садиться, проветри-ка гостиную. На окна нужно бы повесить мокрые занавески, видимо, сегодня перевалит за тридцать.

— Слушаюсь, ая, будет сделано.

— Опять срезали крупные ветки, непонятливые,— проворчала ая, на миг оста-

¹ Чарви — настырная.

новившись под карагачем. Потом обратилась к младшей из девушек:— Ханифа, не сдирай листья, ладно?

— Ладно, ая.

Опахиваясь на ходу, Таджихан повела Гульзиру в сторону стана. Широкое платье ее удобно для опахивания, оно словно создано для ходьбы вразвалку. Любит ая носить платья из цветастого шелка, старые, стиранные и ставшие мягкими. И Гульзира, выросшая из своих платьев, неумело подражает ей, и как она опахивается, и как она ходит. Привязалась к ней девчушка. Может, потому, что росла Гульзира без матери и жаждет ласкового слова. Только Таджихан думает, что если бы не полюбилась ей таинственная профессия шелковода и интереснейшие рассказы о ней, то вряд ли девочка была бы к ней так привязана. Впрочем, по правде говоря, один аллах знает, кто к кому больше привязался...

На полевом стане прохладно, тихо и безлюдно. Слышен только шелест листьев ивы на берегу пруда. На листьях цветов и кустарника играют солнечные блики. Меж столбов высокой открытой веранды гуляет легкий ветерок и доносит дыхание садов. Иногда он приносит издалека и запахи скотного двора.

Послышалось хныканье ребенка. На одной из застланных ковром деревянных кроватей лежал толстощекий малыш. По-видимому, почувствовав появление людей, он засучил полными ножками и заплакал.

— Эй, ты кто, почему плачешь?— спросила Гульзира, подбежав. Подошла и Таджихан-ая. Обе уставились на него, а мальчик, как соенок, остановил взгляд на одной точке и умолк.

— Эй, не узнал? Мы тоже тебя не узнали,— сказала Таджихан.

Ребенок, почувствовав ласковый голос, улыбнулся.

— Какой хороший ребенок!— сказала Гульзира.— Как звать, где мама?

Мальчик пошевелился, пытаясь сесть, опрокинулся, уселся с трудом и опять улыбнулся, словно говоря: «Вот!» Он был на самом деле хорошеньким и смешным. Таджихан захотела взять его на руки. «Чей же он?»— огляделась она вокруг и на миг замерла в нерешительности, а потом сама не заметила, как протянула руки к ребенку. И он доверчиво потянулся к ее рукам.

Когда Таджихан-ая прижала мальчика к груди, то дыхание ее прервалось от волнения. А когда невольно поцеловала его в круглое личико и вдохнула запах ребенка, смешанный с запахом материнского молока, то у нее закружилась голова, груди как бы наполнились и округлились, и она замерла, желая, чтобы этот сладостный запах наполнил все ее тело.

— Молодец какой, сухо под ним,— сказала Гульзира, кружась вокруг. В этот момент Таджихан почувствовала, как по ней побежала теплая струя.

— Ой, только что похвалила его, а он... ая, ая, не чувствуете, что ли, дайте его мне!

— Ладно, ладно, в такой момент нельзя прерывать... Сейчас, сейчас,— отозвалась Таджихан.— Ну, вот, молодец, парень!— и она подала ребенка Гульзире, а сама выжала из подола влагу.

Гульзира шептала ему на ухо укору: «Эх ты, писун! Посмотри, что ты наделал. Ая тебя любит, а ты?..»

Таджихан ополоснула в арыке штанишки мальчика, выжала, встряхнула, немало подержала на солнце и снова надела на ребенка.

— Надевай, ничего, на теле высохнут.

— Высохнут,— подтвердил мальчик.

Гульзира и Таджихан засмеялись. Наверное, и ребенок почувствовал смешное и снова повторил: «Высохнут».

— Ой, он еще и говорун!— заметила Гульзира и посадила его на одеяло.

Таджихан сняла со столба глиняную чашу и поставила на кровать.

— Сейчас мы втроем поедем сметану,— сообщила она и вынесла из помещения две лепешки. Накрошила их на платочек и подала мальчику кусок лепешки.

— Это за твоё «хорошее» поведение. Макай в чашку.

— Высохнут...— заявил ребенок.

Снова посмеялись. Гульзира макнула лепешку в чашку и сунула мальчику в ручку. Втроем весело начали завтракать. Увлекшись едой, мальчик весь измазался сметаной. Когда Гульзира начала его стыдить, он ответил:

— Высохнут...

Таджихан засмеялась, сняла с головы платок, взяла толстячка на руки и вытерла ему испачканные руки и мордочку.

В этот миг на веранду вошла дородная женщина, прислонила к столбу кетмень и вдруг замерла. Таджихан с одного взгляда узнала ее — Момохал. Жена Хасанарбакеша. В кирзовых сапогах, полы платья подоткнуты, цветастый платок сполз на шею. Немного постояв, она решительно подошла к Таджихан. Сросшиеся брови ее были нахмурены, черные, как у ребенка, глаза блестели недобрый светом. Говорят,

что тому, кто не любит, и родинка кажется пятном. Таджихан-ая тоже так показалась... Женщина вырвала ребенка из ее рук и молча пошла прочь. Шагала она быстро, и в такт шагам ее полные груди качались из стороны в сторону, а ребенок, не желающий уходить, с улыбкой оглядывался назад.

— Ваш ребенок, апа? Хороший мальчик, как его звать?

Не получив ответа, Гульзира так и осталась стоять с открытым ртом. Она удивленно взглянула на Таджихан, стоявшую с поникшей головой, и спросила:

— Что за женщина: ни привета, ни ответа. В чем наша вина?

— ...Стыдно в таком возрасте слышать столько укоров, такие упреки, — прошептала Таджихан, глядя в землю. По-видимому, она забыла, что рядом с ней находится девочка.

— Ой, она же вам ничего не сказала, ая? — прошептала Гульзира, у которой запрыгали ресницы.

Таджихан взглянула на нее удивленно.

— Нет, Гульзира, она говорила, очень громко, но я ни в чем не виновата.

— Знаю.

Ая погладила девочку по голове.

— Ты... теперь иди. Иди и до прихода папы будь дома, ладно?

— Ладно, — ответила Гульзира. Радость ее была омрачена, она взяла сумку и, обиженная, вышла с поникшей головой.

«Стыдно, — сказала Таджихан-ая, когда осталась одна со своими мыслями. — Неужели к пятидесяти годам не могу отвести от себя неприязнь людей... Когда это было! Что осталось у тебя, чтобы ревновать. Ведь Момохал на восемь лет моложе тебя...»

Она взглянула в зеркало на свое отражение и остановилась. После этого неприятного столкновения она вся горела, лицо ее было красным. Она показала себе взметнувшимся ввысь пламенем...

2.

Сам Хасан-арбакеш моложе ее на год. Кстати, он никакой не арбакеш, а агроном-шелковод. Арбакеш — это только его прозвище, оставшееся от времен войны. Вернувшийся с дипломом агронома, этот чернявый настырный солдат не давал покоя Таджихан. Всюду находил ее, два года как тень следовал за ней.

Четырнадцать лет минуло с тех пор. Вот эту гостиную каждый год перед выкормой шелкопряда сначала штукатурят, а потом белят известкой. Обычно Таджихан никому не доверяет эту работу, делает сама. В тот раз, когда сумерки натянули на окна свои синие шторы, а она только сняла рабочую одежду и надела стиранное-перестиранное и оттого мягкое платье из цветастого шелка, открылась задняя дверь и вошел Хасан.

Зачем-то он снова открыл дверь и повторно плотно закрыл ее, накинув дверной крючок. Потом уверенным шагом прошел к двери со стороны коридора и тоже запер на засов. Растерявшаяся было от удивления, Таджихан пришла в себя: наверное, агроном должен проверить двери — плохо, если будет гулять сквозняк в черводне...

Однако Хасан не уходил. Смутно виднелась его прямая фигура, поскрипывали сапоги, слышалось его прерывистое дыхание.

Таджихан раньше не боялась его, словно точно знала, что он ходит за ней зря, смотрела на это с насмешкой. А сейчас впервые испугалась его по-настоящему, приготовилась держаться твердо и достойно. Однако чем больше стремилась к этому, тем больше сомневалась в себе.

— Таджи... — сказал джигит тихо и подошел к ней совсем близко.

Она постаралась не выдать свои опасения:

— Мы отремонтировали двери, чтобы плотно закрывались.

— Я закрыл двери, Таджихан... — сказал Хасан, опершись рукой о стену и преграждая ей путь. Она отступила. Хасан другой рукой оперся на противоположную стену, прижав ее в угол. Теперь его дыхание касалось лица Таджихан. Запах табака слегка вскружил ей голову.

— Хасанджан... не стыдно вам? — проговорила она, ощутив свою беспомощность. Кроме слов, у нее не было другого оружия. — Постыдитесь, мы же не такие люди. Что будет, если я позову на помощь?

— Не позовете, — отозвался Хасан и придвинулся ближе. Когда волосы Таджихан, издающие такой пьянящий запах, начали щекотать его лицо, он перешел на шепот: — Вы не такой человек.

— Вы тоже... Ведь вы агроном!

— А если я специально выучился на агронома, чтобы беспрепятственно входить в эту гостиную!

— Зачем вам сюда входить?

— Знаете же.

— Пустите, прошу вас, Хасанджан.

— Нет, сегодня нам надо решить окончательно. Говорите. Я больше не могу так ходить. Устал, Таджихан.

— Между нами нет ничего такого, что надо решать, я уже вам говорила.

— Слушайте меня, Таджихан...— Хасан глубоко вздохнул, стараясь успокоиться, но это ему никак не удавалось.— Зачем вы препятствуете порывам своей души?

— Кто вам сказал... что у меня на душе?— прижатая в угол, Таджихан говорила с опущенной головой. И чувствовалось, что она не очень верит своим словам.

— Я сам это знаю!— сказал Хасан.— И сейчас чувствую.

— Оказывается, вы большой знаток женской души, все знаете, все решаете и сами в это верите. Пустите, уже стемнело, некрасиво, если кто услышит.

— Я уже устал бояться, столько лет жду...

— Сколько же я должна вам повторять... Кругом вон цветущие девушки... Хасанджан, умоляю, не мучайте меня. Вы молодой джигит. Найдете свое счастье. А я...

— Оставьте свои наставления при себе.

— Имею право советовать — я старше вас. Вы все говорите о своей душе, но не хотите понять, что раните душу другого.

Хасан опустил руки и спиной оперся о стену, устало нагнув голову.

— Стена еще сырая, гимнастерку испачкаете...— сказала она примирительно.— Отряхнитесь...

Они замолчали. В тишине теплой ночи квакали лягушки, стрекотали кузнечики.

— Таджи... так и будете жить? Чем я хуже его... этого... В чем моя вина? В том, что не стал калекой на войне?

— Это неприлично, об умершем не нужно так вспоминать. Вам я говорила и раньше: мой муж был достойным человеком.

— Вы же знаете, я никогда не сказал ни одного плохого слова о Тургунали-ака, однако его нет, нет! Таджихан! Вот уже девять лет его нет!— Хасан вдруг опустился на колени, обнял ее за талию, прижался к ее ногам. Дрожа всем телом, он зашептал:— Таджи, Таджихан, умоляю, кроме тебя, у меня никого нет, сколько лет... месяцев, дней... Пожалей меня, Таджихан!

Немного оставалось, чтобы Таджихан сдалась.

— Хасанджан, встаньте... — сказала она, вырывая из его рук подол платья и отступая, — в таком состоянии я не могу с вами разговаривать, Хасан...

Почувствовав в ее голосе теплоту, парень выпрямился. В темноте он увидел горящие глаза Таджихан, почувствовал жар ее тела.

— Нет,— сказала Таджихан, подавляя плач.— Я думаю о вашем же счастье, Хасанджан. Забудьте меня, потом будете рады. Хуже нет позднего раскаяния

— Опять? Я тысячу раз слышал это!

— Не заставляйте меня говорить то, что женщине не положено говорить. Потом... У меня есть сын, он уехал учиться, ведь вы это знаете. Что я ему скажу, когда он вернется?

— Бросьте! — махнул рукой Хасан. — Зря себя утешаете — «сын», «муж»... нет у вас ни того, ни другого, слышите? Поэтому я хожу тенью за вами, хочу, чтобы вы были счастливы. У вас должен быть свой собственный сын, Таджихан, я даю слово, Таджихан...

Таджихан оцепенела. Она пришла в себя, когда заметила, как вздрагивали плечи Хасана, уткнувшегося лбом в стену. «Заплакал, заплакал, бедный джигит...» — подумала она, жалея. Переживания Хасана потрясли ее. Не сдержав себя, она мягко положила ладонь на его плечо.

— Хасанджан... В другой раз не делайте этого, вы же видите — бесполезно. Я вам желаю счастья, — сказала она как можно тверже.

Потом подошла к двери, приподняла крючок и ускользнула, как тень. Была темная ночь, по сторонам мерцали огни. Таджихан оперлась о столбик веранды в надежде прийти в себя в ночной прохладе. Перед ее взором снова стоял Хасан, отвернувшийся к стене, со вздрагивающими плечами. Хороший парень... Золотой парень, достойный прекрасной подруги.

Таджихан надеялась, что все кончилось, что это ее последний ответ. Оба так измучились...

Это было четырнадцать лет назад. Многое изменилось за это время, изменилась и сама Таджихан. Она перенесла тяжелую болезнь. На больничной койке

часто вспоминала Хасана, но навещать ее не разрешала. Когда он попытался все же это сделать, она заявила, что не хочет его видеть. Эти безжалостные слова, сказанные вопреки чувствам, вырванные из сердца с болью и печалью, потрясли не только парня, но и саму Таджихан. Но изменить ничего уже нельзя было.

Потом... Потом Хасан-арбакеш, столько лет ходивший за подолом ее платья, вдруг взял и женился на этой Момохал. А теперь, глядите-ка, полон дом детей. Посмотрите на этого карапузика? Такой независимый мужичок. Все лепечет: «Вышохнут»...

А Момохал, дурочка, зря ревнует к своему мужу. Эта взбалмошная женщина не знает, что Таджихан спасла их обеих от несчастья. Оказывается, не обязательно лезть в огонь и в воду, чтобы спасти человека. Достаточно вовремя сказанного слова.

А Таджихан... У нее все еще перед глазами та ночь в червоводне. Словно тот разговор состоялся только что, а не четырнадцать лет назад.

3.

Она обогнула карагач, под которым девушки перебирали листья, и вошла во двор через заднюю калитку. Здесь два двора были соединены и на месте снесенного дувала весело протекал арык. На террасу, прилегающую к малой гостиной, опустилась вечерняя прохлада. Таджихан расстелила вокруг низенького столика курпачи, под бок подложила подушку и с удовольствием протянула ноги. Ух... она устает не от работы, а от переживаний. Неужели стареет! Раньше, бывало, как придет, так сразу хваталась за ведро, веник, хлопотала у тандыра, в хлеву, у очага. Домашних забот всегда по горло. Однако сейчас от них ни удовольствия, ни радости... Тяжко в одиночестве, одиночество старит. Если нет дома Айхан, не знает, куда себя деть. И куда пропала эта бедовая девчонка? Казан перевернут. Обычно в это время она бывала дома, разжигала очаг, поливала и чисто подметала двор.

Айхан — младшая сестра ее мужа. Единственная память от покойного. Она пришла к ней в тот день, когда по настоянию Тургунали, отправляющегося на фронт, был снесен этот дувал, разделяющий оба двора, и так у нее и осталась. В те времена косички у нее были, как хвост мышонка, сама она — худая девчонка, которая все время чего-то боялась и дрожала. «Брат вернется, а, ая?» — «Конечно, обязательно вернется...» Прижималась к Таджихан и засыпала, словно таяла.

А теперь... Раньше Таджихан считала ее единственной своей подругой, которой можно доверять тайны, а оказалось, что у Айхан самой накопилось немало тайн.

Время идет, Айхан уже под тридцать, и она стала не подругой, которой доверяешь тайны, а предметом забот и тревог. Разве думала Таджихан, что на ее одинокую голову ляжет тяжесть заботы о счастье этой девушки?

В сумерках, беззвучно открыв дверь, пришла сама Айхан. Ходила она, как тень, походка тоже была не слышна. Когда она молча взялась хлопотать у очага, ая увидела ее бледное лицо.

— Снова приходил? — спросила она.

Девушка продолжала молча хлопотать у очага, вроде даже как назло. Разожгла в тандыре огонь, бросила туда пучок стеблей хлопчатника. Ее фигура возле тандыра казалась горячей головешкой.

— Я покой уже потеряла, говори же, что случилось? Спрашиваю: опять приходил?

Айхан перебросила за спину косы и, не поднимая от очага голову, буркнула:

— Ну если и приходил? Наверное, мать повидать...

— Ма-ать!.. — вскинулась Таджихан. — Я ему покажу... Когда это он приходил расспрашивать про наше житье-бытье? Скажи ему, пусть не крутит здесь свой моток.

— Вас же не было. Ну, пусть и пришел, в конце концов, ведь он здесь рос.

— Повидать мать! — все еще горячилась Таджихан. — Мать, которая не смогла из ребенка вырастить человека!

На этот гнев Айхан, сидящая к ней спиной, ответила печальной улыбкой. Теперь ее лицо снова было милым.

— Каким еще должен быть человек, ая?

— Молчи! — оборвала ее Таджихан. — Ты снова защищаешь его? Прежде всего, ты сама виновата: вместо того, чтобы дать ему от ворот поворот, глазеешь на него, плутовка. После всего, что он причинил тебе, ты все ему простила? Где твоя честь, девичья гордость, — она взволнованно вскочила с места, и вдруг умолкла, держась за бок. Айхан поспешно обняла ее за талию и прижалась к ней. Приступ болезни они обычно лечили так, теплом тела.

— Не стоило вам так волноваться... Лучше бы к доктору пошли...

— Не крути, — сказала ая, почувствовав облегчение от родного тепла, — ты сама даешь ему повод. Тебя, плутовку, придется выдать замуж.

— Мы с вами мать и дочь, ая. Вы же лучше всех знаете, что у меня на душе.

— А вот и не знаю! Ты надеешься на него?

— Нет.

— Это хорошо. Ты все-таки умница.

— Я и так проживу.

— Дура.

— Значит, умная дура.

— Неужели моя жизнь не послужила тебе уроком... Старой девой проживешь?

— Сперва сами выходите... — сказала девушка, раздраженно смеясь.

Ая не обиделась. После этого они долго сидели обнявшись и молчали. Начал гаснуть огонь в тандыре. В темноте в сером пепле мерцали раскаленные угли.

Айхан завернула выпеченные лепешки в скатерть, чтобы они медленно остывали, уложила в корзинку чашку каймака и повесила на шпалер виноградника. Потом снова подошла к Таджихан.

— Как, болит?

— Годы идут, не вернуться, дитя мое. Не думай, что всегда будешь так молодиться и красоваться. Я забочусь о твоём завтрашнем дне.

— Мой завтрашний день... ладно. Однако оставьте человека в покое.

— Все равно я ему покажу!

— Любить ведь не грех.

— Любить? Кто любит? А ну-ка, скажи, кто любит, кого ты имеешь в виду?

— Ваш сын, кто же еще!

— Такого сына у меня нет...

— Вот это да: двадцать шесть лет называли его сыном, а теперь... Перестаньте, а то снова начнется приступ.

— Если он любит, где был все это время? Почему не думал о тебе? Не чужой же. Ответственный работник, имеет жену с детьми. Такое ли воспитание я ему дала?! Девушка почувствовала, что на глаза тетушки навернулись слезы. Чтобы не заплакать вместе с ней, она отодвинулась, присела, подперев подбородок рукой.

— Ты должна выйти замуж, — сказала через некоторое время Таджихан. — Тогда все станет на свое место. Знаешь, как это хорошо... свадьба, шелковый полог, таинственный шепот...

— Ох-хо... И это говорит женщина, вышедшая замуж, сидевшая за шелковым пологом! — заметила с иронией Айхан. Она знала все тайны своей тетушки. Таджихан рассказывала ей обо всем, ничего не утаивала. Поэтому иногда они разговаривали как мать и дочь, а иногда секретничали как подруги.

— И все равно я ему покажу...

4.

Они жили в кирпичном доме под железной крышей. Дом располагался в той части кишлака, где густо зеленели сады. В комнатах с городской мебелью было просторно и легко дышалось. Никого не встретив, Таджихан прошла небольшой двор и вошла в дом. Двери были открыты, никто не показывался, только из-под стола и дивана выпорхнули курицы, напуганные ее шагами.

— Караматхон! — негромко позвала она.

Невестка не работает и должна быть дома. Действительно, через некоторое время она оказалась в дверях кухни, видимо, опять что-то жарит-парит. Показалась, но не шагнула через порог, не поспешила навстречу. Испачканные руки развела в стороны и нехотя подставила плечо гостье, как здороваются женщины в этих краях.

— Проходите... — сказала она, смачивая завитки волос слюной.

На голове ее виднелись пластмассовые бигуди вперемежку с кудряшками. На буфете лежали накладные косы. Таджихан постаралась все это не замечать. Такая уж ее невестка: она может, месить тесто, кормить грудью ребенка, подводить брови над казаном, причесываться перед столом. Однако живут они по-городскому. Даже салат, который она делает, называет не салатом, а «оливье». Сейчас Караматхон как раз перемешивала в большой чаше салат. Она пополнила, пальцы стали толстыми, и вокруг неснимаемого золотого колечка появились пухлые подушечки. Застрявшее между наманикюренными ногтями «оливье» она снимала ногтями другой руки и стряхивала обратно в чашу. Таджихан опустила глаза. Низ штанов невестки обрамляла тесьма без вышивки. Курпача на сундуке пахла горшком.

— Тулкинджан в садике? — спросила Таджихан.

— Да.

Они замолчали. И в этом молчании чувствовалась взаимная неприязнь... «Если моей Айхан ты предпочел эту образину, то у меня нет больше сына», — когда-то заявила ты. И вот ты снова пришла, и я открыла тебе двери. Что тебе еще надо?» — словно бы таким упреком была полна наступившая тишина. У Таджихан задрожали колени. Перед глазами возникла Айхан, уговаривавшая: «Не ходите, ая!» Действительно, зачем она пришла сюда?

В этот миг открылись двери внутренних комнат.

— Бабуля! — с радостным криком бросился ей на шею внук. Караматхон развела запачканные руки и поджала губы. Она боялась привязанности Ильхама к этой женщине, хотя толком не понимала суть своей боязни.

Ильхам повел бабушку в свою комнату. Его юношеская радость оживила Таджихан, собиравшуюся было уходить. Вот такие бывают в жизни нечаянные радости, иначе зачем пришла бы в эту семью Таджихан, как могла бы выдерживать эти молчаливые упреки? В комнате Ильхама она с интересом стала рассматривать шкафы, полные книг. «Цицерон», «История римского права», «Что такое государство?...» Ой-ей! Таджихан даже в руках их не держала. Ильхам готовился поступать на юридический факультет.

— Намерения у тебя прежние? — спросила она. По отношению к этому угловатому, нескладному, только оканчивающему девятый класс и на первый взгляд простому парню эта мечта казалась очень уж серьезной. Однако лоб у него был широкий и ясные глаза.

— Почему вы так говорите, бабушка, мы ведь вдвоем с вами решили, — ястребиным взглядом уставился Ильхам в ее глаза.

— Мы говорили просто так...

— Нет, не просто так, я даже на факультет ходил, теперь там у меня есть друзья, они подсказывают мне, какие книги читать.

— Ты понимаешь эти книги?

— Что не пойму, вы поможете.

Таджихан засмеялась.

— Я их даже во сне не видела, сынок. Я просто народный заседатель...

— Ну и хорошо. Я буду посещать ваши судебные заседания. Пустят?

— Пустят. Когда станешь студентом.

Все началось с простой беседы прошлым летом в этой комнате. Таджихан спросила: «Кем ты хочешь стать?» То ли от того, что ее недавно избрали народным заседателем районного суда, то ли почувствовала у подростка тягу к справедливости, но она повела разговор о юридическом факультете. Не думая о том, что этот разговор оставит такой след в душе подростка. Она даже позабыла тогда об этой беседе. А теперь видит, что Ильхам принял решение. «Они становятся взрослыми, мы стареем...» — грустно подумала она.

— Дедушку навещаете? — спросила Таджихан.

Ильхам ответил не сразу. Может, потому, что подошла Карамат. Прислонившись к дверному косяку, она стала слушать их разговор.

— Мы туда не ходим, они кишлачные, — нехотя буркнул Ильхам. — Мы ходим в город к дяде Гуляму, он работает в обкоме!

— Не говори так, сынок, мы тоже кишлачные...

— Поэтому и к вам не ходим.

В этот момент Караматхон хлопнула дверь и удалилась. Таджихан посмотрела ей вслед и тихо открыла дверь.

— Кто научил тебя говорить такие нелепые слова, сынок? — спросила она.

— Так говорят у нас в доме, — сказал Ильхам нарочито громко. — Нас вывел в люди дядя Гулям. Все наше существование зависит от него! Захочет — превратимся в прах, захочет — поднимемся в небеса!

— Старайся все понять сам, дорогой! Ты уже взрослый... Когда приезжает отец?

Ильхам посмотрел в окно и радостно закричал, как ребенок.

— Вот он, приехал, машина стоит!

В это мгновение в дверях появился Саттар. Рослый, хорошо сложенный, красивый, он выглядел моложаво, хотя ему уже перевалило за сорок. Человек не пьющий, не курящий, со здоровым сердцем и свежим лицом. Когда снял с головы светлую шляпу, на лоб, не тронутый загаром, легли иссиня-черные волосы.

Караматхон, вытерев руки, поспешно вышла из кухни, обняла мужа за шею и демонстративно поцеловала его в щеку, словно говоря: вот, зря стараетесь, мы живем душа в душу.

— О, мама наша пришла, значит, плову быть на столе, — весело сказал Саттар, бросая газету на стол. — Правда, есть и другие причины для плова, если говорить откровенно. Как самочувствие, ая?

— Хорошо, сынок, вот поговорила с Ильхамджаном и обрадовалась.

— Ильхам молодец! Готовится идти по вашим стопам.

— Ну, по моим... нет. Пусть уж по своим идет.

— Если вы рады, ая, то этого нам достаточно! — согласился Саттар. — У нас есть еще кое-что радостное для вас. Газету читали?

Возле стола Ильхам читал областную газету. Здесь был опубликован большой очерк под заголовком «В почете у народа». Таджихан тоже подошла. И Караматхон, широко раскрыв глаза, тоже уставилась в газету.

— Про тебя?

— Про вашего скромного слугу. Садитесь, ая, — предложил Саттар, расставляя на скатерть кушанья. — Иди, иди, жена, ускорь плов. Потом будешь одна читать, лежа на диване, и получишь удовольствие. Чтобы ты не заскучала дома, и впредь буду приносить тебе подобные художественные очерки. — Довольный своей шуткой, он схватил жену за бока и направил ее на кухню.

— Вай, все вы со своими шутками! — воскликнула Караматхон и кокетливо зашагала на кухню.

Ильхам громко читал очерк, а Таджихан, сидя за столом, думала об отношениях в этом доме. Дай бог, чтобы это веселье и радость были искренними, настоящими. Если муж с женой будут жить в согласии, тогда и она в свой приход не станет лишней... А ведь раньше она не удостоивалась ответа на свое приветствие и уходила с болью в сердце. В прошлый раз, сидя на этом стуле, она своими ушами слышала слова, доносившиеся из кухни. Есть поговорка: «Если в доме гость, то не говори «брысь» даже своей кошке». Караматхон же бурчала нарочно, чтобы было слышно: «Если хочет уйти, двери не запорты! Пришла своими ногами, уйдет своими ногами, поклон ей за то, что навестила. Приходит и сидит на почетном месте развалившись, словно настоящая свекровь. С какой стати свекровь? Пусть сперва родит, потом уже будет свекровью. Подумаешь, в войну дала сироте кусок хлеба. Разве это героство? Вон, герои лежат в земле! Легко ли быть матерью? Мать еще, называется. Старше «сына» всего на десять лет. Кто поверит? Семь раз чужая, пусть лучше не вмешивается в чужие дела...»

А сегодня, слава аллаху, чистая скатерть на столе, радостные лица... Пусть это будет правдой, боже!

— Папа, папа! Председателей много, а почему пишут только о вас? И в тот раз тоже...

— Председателей много, однако мы работаем лучше других, шеф. Вы же сейчас только что прочитали! — Саттар в шутку называл сына шефом, когда бывал в настроении, говорил с ним на «вы». Сейчас хотел было схватиться с ним в борьбе, но Ильхам применил прием и загнул ему руку назад. — Сдаюсь, хватит, шеф, сдаюсь, вы силач! — сказал Саттар, еле вырвавшись, и сел за стол.

Подали чай, хлеб, фрукты, торжественно внесли «оливье». В большом круглом блюде принесли плов. Ильхам тоже сел, прибавив звук магнитофона в своей комнате. Вокруг стола царил веселый дух, и даже невестка, сидя возле мужа, иногда присоединялась к шутивому разговору.

— Наверно, многие работу делают превосходно, сынок, но про всех же не напишешь, в газете не уместится. Нужно выбирать, — говорила Таджихан.

— Именно! Если мудра мать, будет толк и из сына! — обнял ее Саттар. — Именно, надо выбирать! Будь среди избранных, Ильхам. «В почете у народа!» Уразумел?

— Честолюбивы вы, папа, три ордена у вас, еще кандидат наук. Не насытитесь никак. Кандидат, депутат, лауреат... Однако рифма должна быть полная, папа, где найдете четвертую?

Все засмеялись, даже Карамат присоединилась. На плечо Ильхама упал шутливый тумак.

— Не насмехайся, это не твоего ума дело! — сказал Саттар. Потом улыбнулся. — Поэт он, поэт Ильхам. Про рифму знает. А я было думал, что пойдет по вашим стопам...

Уязвленный тумаком, Ильхам заметил:

— Раис-ака, крыша высока.

Но больше крыши слава высока.¹

— Это тоже из сочинений поэта Ильхама.

В шутовых перепалках продолжался обед. И Таджихан-ая, хоть и грустно, но улыбнулась.

¹ Из старинной песни о мингбаши.

«Кандидат наук...» — для нее это было новостью. Когда успел? О боже мой, жизнь проходит.

Невестка не сводила с нее глаз. Они не переносили друг друга, и Карамат не забывала об этом ни при каких обстоятельствах. «По сей день твой сын ходил бы в поливальщиках или копался бы в земле кетменем! — читала Таджихан в глазах невестки. — А еще таращишь на меня глаза, неблагодарная. Если бы он был на самом деле твой сын, то, конечно же, ты не отказалась бы от такого его счастья!»

Запах еды возбуждал у Таджихан аппетит, однако, как посмотреть на это «оливье»... Конечно, еда не виновата, но никак не поборошь эту брезгливость. Говорят, пей простую воду у того, кто тебя угощает. Чтобы не нарушить приличия, она пила чай на пустой желудок и съела кусок лепешки.

5.

Когда после чая Саттар, накинув на плечи пиджак, провожал ее по тенистому безлюдному переулку, Таджихан доверительно начала разговор.

— У тебя хорошо идут дела. И дома тоже... Я рада, сын мой. — Со стороны показалось бы неправдоподобным: Саттар по возрасту не мог быть ей сыном, но она привыкла звать его «сын мой,» и это звучало вполне естественно. — Ты, оказывается, еще и диссертацию защитил... Я не знала об этом. Когда успел? Я это всегда считала чрезвычайно трудным делом...

— Еще как трудно! Не было времени даже известить вас...

— Хозяйство у тебя большое... Нужно ли тебе все это, когда ты будешь заниматься наукой? Если, конечно, ты защитил диссертацию не только для рифмы, как сказал Ильхам... Может быть, ты занял место настоящего ученого?

— Разве кто-нибудь считал, сколько там мест? Мир науки безграничен!

— Неплохо было бы сосчитать.

— Э, ая, это ведь тоже надо. На всякий случай. Говорят же: у кого есть, тот приказывает, а у кого нет, тот мечтает. Знаете, люди сперва смотрят в рот тому, кто со званием. Тот, у кого сильная рука, — свалит одного, а тот, у кого знания, — свалит тысячу. — Саттар притронулся к депутатскому значку на груди. — А если говорите про это, то... служим народу. Или вам не нравится?

— Почему же не нравится, сынок, к слову пришлось, вот и сказала. Только... чтобы ты не уподобился шелковичной куколке и, завернувшись в кокон, не заснул.

— Ох-хо-хо! — громко засмеялся Саттар. — Здорово вы сравнили, ая, перещеголяли даже нашего поэта Ильхама! Однако когда же спать? Горим же! Вас не поймешь: то спрашиваете «когда успел?», то говорите про сон.

— Ты всегда довольный, сынок, всегда тебе везет, это меня тревожит... По лестнице поднимайся не торопясь, не перепрыгивай через ступени, — так говорят. Слава и почет — изменчивы, рост свой не измеряй по длине тени.

— Какая слава, ая? О чем вы говорите? — разволновался Саттар. — Вы схоронились в своей червоходне и на мир смотрите через форточку... Как бы вы от жизни не отстали, ая. Оглянитесь кругом: мои сверстники носят Золотые Звезды. Все депутаты, лауреаты, кандидаты. Чем я хуже? Маяки нужны, ая!

— Мы тоже когда-то были маяками. Потом... мне кажется, что эти звания дают не для того, чтобы носить их как украшения. Покойный твой отец даже не знал этих слов. Плохой ли был человек? Если бы плохой — его имя не высекали бы на мраморе.

— Дайте благополучно пройти очередным выборам, мы потом развернем такие дела, что высекут и нас на мраморе... — сказал Саттар, глядя в сторону.

— Тебя опять изберут, сынок?

— Почему же не изберут, что плохого я сделал?

— А что хорошего...

— Раз я не сделал плохого — вот и есть хорошее, ая, таково время. А хорошее имеет свою цену. Раз хорошее сотворено мной, значит, я и должен получить положенное.

— Превращается жизнь в какую-то торговлю, это же не лук и не морковь.

— А?

— Говорю: привычкой стало — плохого не сделал, значит, хороший человек, надо награждать, избрать, поощрить... А действительно хорошее, а сама справедливость — где они? Будь большим человеком, сынок, ладно. Однако помни, что говорят: если даже можешь проглотить море, не проглоти совесть.

Саттар хмуро смотрел на складки брюк, на носки своих туфель.

— Вот вы говорили о чести и славе, — сказал он тихо. — Ну, есть у меня слава,

так что теперь делать? Разве она досталась мне зря? Или я отобрал ее у людей? Труд приносит славу. Или я, как некоторые, ем нечестно заработанное? Конечно, много и таких, кто живет за счет других, урвав у государства... Но ваш сын чист, как стеклышко!

— Что ты злишься, сынок, я же не сказала, что ты ешь нечестно заработанный хлеб. Пусть твои честь и слава будут при тебе, я рада, я только выразила свою тревогу. Лишь бы они не заняли у тебя место дела, место работы. Живут же люди без этого блеска и пышностей, и ничего... трудятся, растят детей. Спокон веков труд считался благодеянием. Богатство и радости — плоды труда. Только теперь, кажется, все смешалось.

Таджихан говорила спокойно. И Саттар, почувствовавший, что напрасно повысил голос, ласково тронул ее за плечо.

— Не беспокойтесь, ая, будем достойны вас, это наша мечта.

— Разговор наш потерял нить... — в раздумье заметила Таджихан. — Я-то приходила поговорить о других делах. — Нет, она пришла не поговорить, а как следует проучить, от души отругать. Но, оказывается, домашние заготовки на улице не годятся, вышло все по-другому. — Сынок, милый, ты, говорят, опять ходишь...

— Э, ая, интересный вы человек! — возразил Саттар, сразу поняв, о чем идет речь. — За кого вы меня принимаете? Газету ведь читали? Если говорить откровенно, будут еще и не такие радости! Будут, ая!

— Пусть будут радости. Однако...

— Айхан... Айхан — хорошая девушка. Она моя первая любовь, вы же знаете. Однако жизнь повернула по-другому...

На глаза Таджихан неожиданно навернулись слезы. Ей стало неудобно своих слез и, мгновенно вытерев щеки, она тихо произнесла:

— Иногда мне кажется, что мы чужие, сынок, не понимаю я тебя... Что означает твоя любовь и что такое «повернула жизнь»... Какие у тебя обычные дела, а какие — большие? Не понимаю...

— Зря беспокоитесь, ая. Будьте уверены, теперь я назад не поверну. Не только в районе, но и в области будут у нас громкие дела, будут большие радости.

— Пусть будет так, но оставь Айхан в покое. Это тоже будет одно из больших твоих дел, сынок.

Саттар пожал плечами, словно хотел сказать: «Как вы наивны».

— Ты мой родной, она — тоже... больно мне.

— Да, кстати, — переменял разговор Саттар. — Как ваше здоровье, печень теперь не беспокоит?

— Запретили работать на хлопке. Других ограничений у меня нет. Вымещаю свою досаду на коконах.

— Коконны — это мир, который вы увидели, впервые открыв глаза. А хлопок оставьте, держитесь подальше от него, сейчас применяют такие препараты! Вся эта химия вредна людям.

— Сынок, пусть твои самолеты высоко не летают. В прошлом году их видели над массивом Каразавур, там наш тутовый сад, который мы бережем, как зеницу ока.

— Странно вы говорите, почему они там будут летать? Сейчас, ая, мы вообще отказались от услуг авиации.

— Ты мог бы не сеять хлопков около тутовых плантаций. Ты знаешь, с каким трудом мы пересадили эти деревья из хлопковых полей.

— Как это вы, кстати, тогда заняли земли нашего колхоза, ая?

— Где там земли, какая это земля? Каразавур — это же было болото. В те времена не было и твоего колхоза. Вот эти земли тоже были дикими, рос один камыш, — сказала Таджихан и показала на широкую асфальтированную дорогу, по которой мчалась машины. Они вышли на автобусную остановку. В тот миг подъехал автобус.

Таджихан попрощалась, поцеловав в лоб склонившего голову сына. Этого председателя, одетого в белое, в шляпе с большими полями, хорошо знали люди. И многие в автобусе с интересом смотрели на мать, которую провожал такой знатный человек. Почувствовав это и вспомнив свое состояние, когда ехала сюда, Таджихан печально улыбнулась. Она приехала, чтобы отругать Саттара, поставить его на место. Сколько раз говорила себе: зачем так вспыхивать, Таджики-таджанг!¹ Ведь и верблюд садится только тогда, когда его хорошо попросят. И вот мило получилось, поговорила вдоволь, никому не испортила настроения и возвращается довольная. Пусть живут мирно. Чего добились раньше, когда вмешивалась в их дела? Слава аллаху, живут уже многие годы. Ильхамджан — умный мальчик, по-видимо-

¹ Таджанг — вспыльчивая.

му, ничего не знает. Лучше, чтобы не знал, правильно делают, что не говорят. Зачем все это знать ребенку?

Теперь устроить бы ту бедовую девушку и все стало бы на свои места. Ведь не повенчана... Видимо, и он не забывает годы юности. Однако те прошлые волнения почему так беспокоят и теперь этого солидного человека, председателя колхоза?

Окна автобуса были бледно-зеленого цвета, казалось, и поля рассеивают зеленый цвет, и небо. Дорога, обсаженная с двух сторон тополями, текла длинной лентой; подчиняясь этому движению, и мысли Таджихан текли своим чередом. Да, кто-то заблуждается сам, кого-то собьет с пути другой; один не найдет своей дороги, другой не может идти по готовому; друг другу мешают взаимные распри, вражда, зависть. Все разучились терпению, приязни, доброте. Не от этого ли таким тесным сделался для людей мир?

Таджихан снова вернулась к старым своим мечтам. Как было бы хорошо, если бы тогда Саттар остался с Айхан: сдвоенный двор полон народу, дети, родственники, шум и гам, все кипит жизнью, радостями и заботами, большой дом, большое хозяйство...

Позабитые мечтания, ушедшие волнения были снова разбужены в ее душе...

ГЛАВА ВТОРАЯ

1.

Таджихан устало опустилась на стул, упершись руками в колени. Живые существа, величиной с мизинец, сбросили шкуры и теперь приняли золотистый цвет. Они ползали и ели беспрестанно, так что в комнате стоял непрерывный шорох. Таджихан с детства любила этот шорох, похожий на шум летнего ливня, секущего листья тополей.

Дверь открылась и плотно закрылась, на пороге стояла длинноногая Гульзира.

— Пришла? — спросила Таджихан, как обычно, не оборачиваясь.

— Пришла, ая.

— Хорошо, что пришла.

Привычно заложив руки за спину, Гульзира обошла стеллажи. Теперь их подопечные занимали всю площадь большой комнаты, все уголки, шумели, как водопад, грызя листья.

— Ой, какие они жадные! — сказала Гульзира, радуясь. — Только на миг оставались, чтобы передохнуть.

— Теперь они вступили в настоящий возраст, аппетит у них здоровый, — сказала Таджихан, внутренне гордясь тем, что девочка обходит гостиную как хозяйка.

— Знаю, что сейчас они на восьмом дне пятого возраста, сожрали полтонны листьев, — засмеялась Гульзира. — Эй, обжора, чего спешишь, мы еще даже не пробовали плоды тутовника, все листья отдаем тебе.

Таджихан невольно улыбнулась. Вчера она заметила, как у Гульзире потекли слюнки, когда привезли на машине и свалили ветки тутовника, и она увидела на них спелые ягоды. К сожалению, это лакомство для детей рассыпается под ноги и пропадает меж поникших листьев. Однако теперь, даже когда она ест ягоды тутовника, Гульзира больше глядит на листья: по-видимому, перед взором ее возникает серебряная нить, опоясавшая земной шар, девушки мира в шелковых платьях...

— Ах, а те что, в малой гостини, отвернулись от корма и стали бледными и ленивыми. Расползаются в разные стороны.

— Ищут место, чтобы пряхть коконы. Сегодня, когда возвратится стадо, поставим им ветки. Ты видела сестру Айхан?

— Видела. Она сполоснула в базиликовом отваре ветки и расстелила их в тени... Почему надо ждать возвращения стада, ая? У нас в колхозе и стада-то нет.

— Так говорится, дочка. Если поставить их в сумерки, то эти ленивцы тут же оживут и поползут по веткам и пучкам.

— Значит, сегодня сна не будет! — сказала Гульзира радостно.

— Сегодня сна не будет.

— Я пойду отпрошусь у папы.

Вскоре пришла Айхан и позвала к столу. На широкой деревянной кровати из чаш поднимался душистый пар. Айхан еще с вечера заквасила молоко, и они сели есть маставу, забелив ее катыком. Потом Гульзира сходила к отцу и отпросилась на ночь. В дни учебы Таджихан не разрешала ей оставаться в червоводне, но теперь, в каникулы, девочка была свободна.

Не дожидаясь «возвращения стада», они начали работу с того, что навесили на окна плотные шторы. Гусеницы, беспокоясь, ползли во все стороны. Гульзира за-таскивала в помещение охапки веток, от которых пахло базиликом. Таджикиан на стеллажах расставляла их, прислонив друг к другу, за ней Айхан убирала остатки съеденных листьев и словно разговаривала с червями: «Куда, куда, эй! Вот, не видишь, что твой напарник сразу нашел себе место и устроился!»

Гульзира смеялась:

— Айхан-апа, вы что, каждую из них знаете лично?

— Как же не знать! Уже месяц вместе ложимся и вместе встаем. Вот этот вот волосатик никак не рос. Он чувствует даже легкий, как дыхание ребенка, сквозняк, до сих пор цепляется к листику.

Работа в малой гостиной продолжалась до полуночи. Таджикиан, вспотевшая и усталая, вышла наружу и, опахиваясь платьем, приказала:

— Сожги гана¹, Айхан!

— Ая... — слышался изнутри недовольный голос. Обычно мелкие черви, которые не перебрались на ветки, подбирались и их кормили дополнительно. Однако Таджикиан была против этого, три года, как она отказалась от лишних хлопот: все равно из дополнительно выкормленных червей не получались стандартные коконы. Вместо этого она предпочитала осенью получить хотя бы полкоробочки грены и вырастить второй урожай. Она уже все испытала: два сезона давала по полторы годовых нормы. И поэтому не ответила Айхан. Пусть выполняет приказание!

Гану сожгли. Ближе к рассвету в гостиной вдруг прекратилось шуршание и наступила такая тишина, что у всех, не сомкнувших ночью глаз, пропал сон. И они сами, боясь нарушить эту тишину, молча позавтракали.

Теперь тишина здесь будет царить три дня, до того, как начнут снимать ветки-пучки. В этой тишине в ветках и пучках трав появятся прозрачные словно кораллы, коконы.

Когда в большой гостиной работы поубавилось, там оставили Айхан, а Гульзира и Таджикиан пошли смотреть чудо — завязывание коконов.

Гусеницы теперь забыли про корм и обвязывались парой тонких нитей, которые выпускали из своих слюнных желез. Гульзира не сводила глаз с тихо качающихся продолговатых прозрачных шариков, она готова была смотреть на них часами. В слабом свете, который пробивался через шторы, некоторые коконы казались ей маленькими газовыми облачками, другие — серебристым туманом. Слово стремясь укрыться быстрее от чужих глаз, гусеницы непрерывно кружились, обматываясь нитями, будто купаясь в шелке.

— Крутятся... — сказала Гульзира, глядя на колеблющиеся прозрачные диски.

— Идет работа, — ответила Таджикиан тихо, будто боясь вспугнуть таинственное чудо.

— Долго будут крутиться?

— Каждая прокрутится внутри кокона несколько сот тысяч раз, выпустит километры шелковой нити и завернется в нее. Сама можешь судить — какой это труд. Гульзира покачала головой, поцокала языком.

— А нить целая? Без обрывов?

— Без обрывов, дочка, без обрывов... Вообще, серебряная нить не должна обрываться, — говорила Таджикиан в задумчивости. — Она очень тонкая, но в наших силах сделать ее прочной.

А вообще, хотя искусственных нитей у нас выпускается во много раз больше и они гораздо дешевле, однако таинственное чудо этой невзрачной труженицы до сих пор притягивает к себе людей.

Гульзира давно чувствует это очарование, потому и приходит каждый день в червопроводню. И сегодня она сразу заметила изменения:

— Ой, ая, вон те уже не двигаются!

— Потому что проворнее других. После окончания работ превратились в куколки и теперь отдыхают.

— А что потом?

— На шелкомотальной фабрике куколки превратятся в отходы, а коконы пойдут на шелковую нить. Из оставленных на развод коконов через две недели пробьются бабочки, бабочки снова отложат грону, которую мы с тобой оживим и будем кормить. Таким образом живая цепочка снова соединится.

Для Гульзир это удивительный мир, полный нескончаемых чудес. Эти пушистые обжоры, с которыми она дружит уже месяц, теперь кажутся не невзрачными гусеницами, а частью ее собственной жизни, таинственной красотой, достоянием ее труда и любви. Гульзира, надзирающая за этим маленьким миром, чувствует

¹ Остатки листьев с незрелыми червями.

себя доброй, сильной. Возле нее сидит солидная ая, словно царица этого царства. Во влажном воздухе полное лицо ее стало немного одутловатым, покраснело, усталые добрые глаза кажутся еще более прекрасными от далеких сладких грез. Прекрасная ая. Папа Гульзиры так и называет ее: «Ходила к прекрасной ая?», «Что сказала прекрасная ая?»

Сегодня Гульзира увидела, как прекрасная ая вдруг изменилась, поникла и стала невзрачной.

2.

Шел третий день коконообразования. Айхан была занята в малой гостиной. Таджихан с Гульзирой обходили большую, любовно глядя на коконы в пучках, они радовались, что завтра будут их снимать. Таджихан показывала Гульзире плохие коконы, называя их по-народному «карапучок», «букурма», отбирала и выбрасывала.

В это время дверь с шумом открылась и вошла незнакомая женщина невысокого роста с узелком в руках. На бледном лице и в покрасневших глазах ее блуждали тревога и страх.

Увидев Таджихан, она бросилась к ней:

— Вах, спасибо судьбе, нашла вас, тысячу раз слава аллаху, что вы оказались на месте!— говорила женщина.

— Закройте дверь, если можно...— попросила Таджихан, не понимая ее волнения. Женщина быстро закрыла дверь и вернулась.

— Добро пожаловать, в чем дело? Откуда вы меня знаете?

— Вах, как же вас не знать?! Кто же не знает знатную Таджихан-ая. Я сама голосовала за вас, милая моя. Знаю, дорогая, знаю, пришла к вам с поклоном, родная, над бедной моей головушкой нависла беда...— женщина заплакала.

Таджихан с самого начала поняла, что она пришла с жалобой. Она взяла ее под локоть и усадила на стул. Однако женщина снова стала.

— Я бедная вдова, беда у меня, помогите, дорогая аяджан...

Таджихан снова усадила ее и попробовала успокоить.

— Как вас звать, сестра? Возьмите себя в руки, расскажите все сначала.

— Звать Назми, лишаюсь единственного сына, аяджан,— опять вскочила с места женщина.— Что я теперь буду делать, есть ли к бедным вдовам жалость и сочувствие?

— Что случилось с сыном?

— Его арестовали!

— Объясните, пожалуйста, не плача, Назмихан, что я должна сделать?

— Помогите, дорогая, спасите моего сыночка, все в ваших руках, вы суд, мы избрали вас судьей, дорогая аяджан!— вскрикнула женщина, опускаясь на колени, так что Таджихан едва удержала ее. Догадливая Гульзира подала пиалу холодного чая. Женщина выпила, и на бледном лице ее появилась испарина. Она действительно казалась жалкой и убитой горем.

— Садитесь, спокойно начните сначала, когда, почему арестовали сына?— попросила Таджихан, садясь.

— Не плачьте, апа,— сказала и Гульзира.

— Сыну Байбусину еще не исполнилось и семнадцати, разве его можно посадить, ведь будет погублена его молодая жизнь! Рассудите справедливо, спасите сына, а я не останусь в долгу!

— Оставьте такие речи, в чем он провинился, когда арестовали, было ли следствие?

— Все было, аяджан, уже месяц сидит, только от вас зависит избавление, аяджан!

— Что он сделал?

— Вроде бы у кого-то из дома взял магнитофон, вроде бы стукнул по голове кого-то, короче говоря, ребячество. Разве можно посадить ребенка за шалость, скажите, ая?

— Дело в нашем районном суде?

— Да, да. От вас жду избавления, аяджан, птичий язык понимает птица, у вас вот, оказывается, есть дочь, пусть сбудутся все ее желания. Для сына ничего не пожелаю.

— Назмихан, пока я не ознакомлюсь с делом, ничего не могу вам сказать. Как фамилия высшего сына?

— Сами знаем, не можете сказать, дорогая, и не говорите. Фамилия моего сыночка Хакназаров.

— Потом, сами понимаете...

— Вах, понимаем, как не понять!

— ...Сами понимаете — я на суде только народный заседатель, не судья...

— Вах, да, да, дорогая, посоветуйте... Вас поставил народ, мы почитаем вас, аяджан!

— Суд будет справедливым, наша задача — добиваться, чтобы все было справедливо, сестра.

Назми приподняла голову и концом платка стерла с лица обильный пот.

— Вах, да, да, справедливость должна быть. Знала я, что вы понятливый человек. Хорошо, что вас увидела, сразу стало легче, дорогая.

Назми, словно все вопросы решены и Таджикихан тут же выдала ей сына, ушла довольная. После нее в черводне наступило молчание. Гульзира и Таджикихан посмтрели друг на друга и невесело рассмеялись.

— Вах, да, да, дорогая! — проговорила Гульзира, подражая голосу Назми. — Вах! — засмеялась она снова, развлекая свою наставницу.

— Не будем смеяться, дочка, — остановила ее Таджикихан, — кто бы ни была эта женщина, но у нее горе.

Она села на свое место и задумалась: что бы это значило? Женщина вошла с таким нетерпением, волнением, плакала, тараторила, ушла обрадованная, как будто сделала дело? Ведь Таджикихан ничего ей не обещала. Обещать было нельзя. Есть следствие, есть закон. Бедная, видать, выговорилась, облегчила душу и ушла. Мать есть мать.

— Ая, ая! — взволнованно вскрикнула в это время Гульзира, показывая узелок.

— Что это такое?

— В углу стеллажа лежал.

— А ну-ка дай!

Гульзира притащила узелок, осторожно держа за кончики платка, словно он, мог взорваться. Когда Таджикихан раскрыла узелок, у нее захолонуло сердце — деньги. Приблизительно три-четыре тысячи, а может, и пять... Может быть, больше... Вот негодная, а мы-то ее пожалели. Таджикихан стало нехорошо. Несколько минут она стояла молча, а потом собралась с силами и сказала Гульзире:

— Иди, беги... Забыла она. Найди и верни! Я буду дома...

После того, как Гульзира выбежала, она с усилием встала, прошла через двор, и зашла в свою комнату. Села на диван, на котором обычно спала Айхан. В комнате было темно, белел только узелок, лежавший на столике. Сердце билось учащенно, было трудно дышать.

«Сейчас придет, что скажу? Возьми себя в руки, сдержись. А может, ничего и не потребуется говорить...»

Таджихан показалось, что разговор с женщиной будет неожиданно легким. Отдаст ей узелок в руки, и конец. Второй раз они не увидятся.

Однако Назми вернулась радостная, уверенным шагом, так что Таджикихан некоторое время не могла говорить. Считая, что эта беседа не для ушей ребенка, она выслала Гульзире. Назми поняла по-своему (что и ребенок, мол, лишний свидетель), еще больше обрадовалась:

— Знаю, дорогая, иногда и брать неудобно, но легко ли давать? Ох, ведь эти деньги не выходят из кармана легко, как волосинка из теста!

Уверенная в том, что дело сделано, женщина пустилась в разговоры о душевном состоянии «берущих и дающих».

— Слушайте, — не вытерпела Таджикихан, обрывая ее разглагольствования, — вы говорили, что у сына нет отца.

— Вах, да, да.

— Но если вы вдова, — продолжала она, кивая на узелок, на который смотреть не было сил, — откуда у вас столько денег?

— Вах, покойный муж, бедняга, был человек с достатком. Думая о сыне, он ушел в иной мир, во всем отказывая себе. Все, что заработал, оставил ему в наследство, дорогая, наследство его, наследство. И как раз наступила пора, чтобы он встал на ноги за счет этих денег, однако грянула беда... — Женщина снова было перешла в плач, но Таджикихан не обратила на это внимания.

— Значит, вы говорите, они должны были съесть друг друга: сын — наследство, а наследство — сына.

— Вах, о чем вы, дорогая, разве...

— Возьмите это и уходите! — сказал Таджикихан голосом, не допускающим возражения.

Назми повернула потное лицо в ее сторону, но, видимо, не поняла, и ее глаза настороженно забегали между деньгами и хозяйкой дома.

— Вах, если не возьмете вы, возьмет другой! Наверное, в вашей конторе есть понятливые люди, дорогая. Я не пожалею... Будьте матерью.

— Слушайте меня... мать!— поднялась Таджихан.— Мой дом не базар, где продается честь и совесть, вставайте и уходите!

После этих слов, прозвучавших железным звоном, наступила тишина. Между двумя женщинами возникла невидимая пропасть. Таджихан попыталась было смягчить тон своих слов, но не сумела.

— Я понимаю беду, павшую на вашу голову, но все равно должна сказать откровенно: вы недостойная женщина. Идите, и чтобы я вас больше не видела!

— Так, значит, так!— Назми решительно встала и подхватила узелок.— Значит, так! Ладно, не один, так другой, увидите — найдутся люди, которые за руку приведут моего сына домой! Вах, она не берет, еще как возьмут!

— Честный не возьмет!

— Честный, когда вы мало даете! Дайте столько, чтобы он не смог отказаться! Две не возьмет, три не возьмет, вах, а пять? Деньги же это!— сказала она, потирая пальцем о палец.— Они ворота рая открывают. Однако вы сами еще подумайте. Сказали, что не хотите больше меня видеть, но если все же захотите, дом Хакназаровых все знают в районе.

Эта негодница словно оставила свой адрес. Идя к двери, показала узелок, словно напомнила: «За ним пойдешь и найдешь». Бросила напоследок победный взгляд и скрылась.

Таджихан, которую резануло внутри, почувствовала, что от этой женщины легко не отделаешься. Она была встревожена, словно за ворот платья попало насекомое и его никак нельзя было вытряхнуть. После столь шумной беседы она, оскорбленная, ходила по опустевшей комнате, потом снова села на старый диван. Почувствовав боли, возникшие после пережитого волнения, приложила руку к боку. «Куда все пропали?»— подумала она, пытаясь рассеяться. Вспомнила про Айхан и Гульзиру: «Где они ходят? Завтра надо поднимать все ветки. Может быть, Айхан постелила в тени карагача циновки и проветривает корзины? А Гульзира? Надо бы ей позвать девчонок для переборки коконов еще с вечера...»

Однако, сколько ни пыталась она думать о других заботах, мысли ее снова возвращались к недавнему скандалу. Таджихан мучали противоречивые чувства. Эта несносная женщина, как бы то ни было, беспокоилась о своем сыне. А Таджихан, когда речь шла о детях, хорошие они или плохие, не могла оставаться равнодушной. И на этот раз все лишнее, связанное с приходом этой женщины, понемногу улетучилось, а все, что было связано с ее злополучным сыном, осталось в душе. Бесстыжая Назми повела разговор о сыне и затянула Таджихан в силки своих горьких переживаний. Если ему еще не исполнилось и семнадцати лет, может быть, мальчик невиновен? Завтра, оставив все дела, надо съездить в район и ознакомиться с его «делом».

3.

На другой день Таджихан сходила в правление колхоза и вызвала дежурную машину районного суда. Она надела серый костюм, предназначенный для судебных заседаний, помчалась в райцентр. Дорога пролегла среди полей. Солнце поднялось высоко, и сады уже поникли, даже в тени тополей тайлась духота. Только тутовники на массиве Каразавур, несмотря на то, что в период выкормки шелкопряда их беспощадно обкорнали, как бы распространяли издали свои зеленые волны.

Молодец Хасан-арбакеш! Дорогие ее сердцу тутовники не оставляет без воды, и его труд есть в этом зеленом богатстве. Самый тяжелый, самый счастливый период их юности связан с этой тутовой рощей. В далеком прошлом остался тот юный арбакеш, который в первый раз украдкой бросил взгляд на солдатскую жену Таджихан. Правда, бывший арбакеш и сейчас есть. И сейчас он предупредителен, заранее предчувствует ее планы и тайком бескорыстно выказывает преданность. Однако теперь это другое чувство, это только проявление уважения и человечности, выросшее из тех безответных чувств. Агроном Хасан знает, что бригада Таджихан к концу августа снова будет дополнительно выкармливать шелкопряда, и поэтому листья не должны затвердеть. Он перелистал много книг, поставил немало опытов и выработал способы сохранения листьев тутовника мягкими с помощью особого водного режима. Они об этом не говорили, однако оба знают.

Таджихан вспомнила наивную простоту влюбленного арбакеша и улыбнулась про себя. Это были незабываемые воспоминания. Хотя она в то время не дала даже поддержать руку, все встает перед глазами так, как будто это было вчера, и ее охватывает удивительное чувство. Отрадно жить с такими чувствами, они украшают жизнь.

Машина выехала на асфальтированную дорогу. Вновь построенная административная часть райцентра выглядела вполне современно, только была слишком распутой, так как вобрала в себя и окраинные кишлаки.

Таджихан, в своем костюме похожая на городских женщин, зашагала в отдел внутренних дел. Она пыталась вспомнить имя мальчика. В ушах звенел голос той сварливой женщины, однако имя ее сына она запомнила. Что-то связанное с бай... Баймат... нет. Бай... Бай... да, Байбусин! Байбусин Хакназаров. Нерадивому даст бог сына, он его назовет Сапча — недозревшая дыня. Тоже мне, нашла сыну имя!¹

Ей сказали, что «дело» Байбусина Хакназарова у следователя Василева. В его комнате было несколько столов, старые шкафы, железный сейф. Люди в форме и без формы встретили Таджихан в окутанной табачным дымом комнате шумными приветствиями.

Таджихан до сих пор не могла привыкнуть к этой своеобразной среде, до конца еще не понимала этих людей. Когда ее впервые избрали народным заседателем, то в душе ее долго царил смятение. В этой комнате расследуют несчастные случаи, по ночам о всяких ЧП в первую очередь сообщают сюда, много темных историй, запутанных судеб разрешается здесь. Она думала, что работа у этих людей невыносимо нервная. А потом увидела, что все как обычно, и обстановка мало отличается от той, что царит в других учреждениях. Вот и сейчас один уплетает бутерброд, у другого во рту сигарета, и он неумело острит, третий над стопкой дел считает чужие деньги... Неужели в сердцах этих людей, разбирающих столь сложные судьбы, есть место для подобных мелочей? Или все от того, что большинство из них — молодежь? Или ко всему привыкли за годы работы?

Хотя и с шутками-прибаутками, но сотрудники выказали ей уважение, поинтересовались о житье-бытье, об урожае коконов в нынешнем году.

— Проходите, ая, добро пожаловать! А что, есть заседание суда, что в такой горячий сезон оказались здесь? — спросил усатый капитан, начальник отдела. Таджихан изложила свою просьбу. Начальник указал на Василева.

Следователь Василев был в штатском, плосколицый чернявый молодой человек. Когда Таджихан спросила про нужное дело, он в ответ спросил: «Какое еще дело?»

— Лейтенант, встаньте! — резко бросил начальник отдела.

Василев растерянно встал, но Таджихан попросила сесть и сама села напротив.

— Только посмотрю, товарищ Василев, мать его приходила с жалобой, надо познакомиться с делом. Не могу же я оставить жалобу без внимания.

— Жалоба? Какая жалоба? У нас навалом этих жалоб. Работа такая.

— Я говорю, что хочу посмотреть дело Хакназарова, — сказала Таджихан, глядя на этого грубого молодого человека. Она чувствовала, что ее просьба не нравится следователю.

— Но ведь дело закончено, — нехотя заметил Василев. — Все в порядке, ая, можете не беспокоиться.

— Все-таки...

— Дело передано в прокуратуру. Нет никаких оснований для доследования. Послушаете на суде, товарищ народный заседатель, — перешел следователь на официальный тон.

— Можно не ворошить, ая, все в порядке, — отозвался сосед Василева, ладонью сметая со стола крошки. — Откровенно говоря, это первое дело, кое-как законченное Василовым, причин для проверки нет. Допросы прошли, потерпевший жив, доказательства собраны, обвиняемый все признал. Оставьте, пусть и ему улыбнется удача.

— Все так, все признал, — подтвердил Василев, разводя руками. — Дело в прокуратуре, если уже не направили в суд. Никаких сомнений, все ясно, как божий день, все в порядке, ая...

Таджихан недоверчиво поглядела в его просящие глаза и молча вышла.

4.

— Сядет на три-четыре года. Все может быть. Меня интересует, в каких условиях вырос такой подросток. Душа чувствует, товарищ прокурор, здесь виновата нравственная среда...

Таджихан только было начала объяснять прокурору цель своего прихода, как за ней вошел и Василев. По-видимому, на молодого следователя давила солидность

¹ Байбусин — букв. «Пусть будет богатым».

и строгость кабинета, потому что он, потирая вспотевшие руки, повторял одни и те же слова. «Разве не видите, эта женщина обвиняет нас в формализме» — как бы говорили его глаза. Видимо, боялся, что найдут в материалах следствия какие-то недочеты или ошибки и передадут дело другому следователю.

Прокурор, солидный, в годах, объяснил, растягивая «и» и картавя:

— Товарищ лейтенант, следствие, может быть, не противоречит закону, как вы заявили, однако дело интересует товарища народного заседателя в нравственно-воспитательном смысле, эта тревога уместна. В этом отношении нам известны слабые стороны наших законов. Иногда мы цепляемся к закону, только к закону, и занимаемся буквоедством. Только закон! Доказал — приговаривай! Словно ничего другого нет, ни морального состояния, ни духовной среды, ни нравственно-психологических факторов... Мы вовсе забываем о человеческом, воспитательном значении наших приговоров. Мы должны радоваться, что матери, женщины — народные заседатели — интересуются этой стороной дела.

Васлиев выслушал эти слова равнодушно. Видимо, он до сих пор не был уверен в бескорыстном вмешательстве этой женщины в дело, которое он закончил, строго руководствуясь законом.

Действительно, материалы следствия были подобраны основательно. Все факты были подтверждены доказательствами, Байбусину Хакназарову ничего другого не оставалось, как полностью признать вину, его признания были четки, сомнениям не оставалось места. Но мальчик не достиг и семнадцати лет, к тому же чистосердечное признание вины... Может, есть возможность помочь этой крикливой женщине, которая никак не представляет себе, что можно освободить сына без взятки... Однако было бы здорово доказать ей, что дело можно решить и без подношений.

В душе Таджихан стало чуть светлее.

В помещении районного суда почти никого не осталось. Когда она закончила изучать «дело», наступил уж вечер. В сумерках она закрыла его в сейф и, когда возвращалась домой, каждая страница шелестела в ее памяти, маячила перед глазами. Фотографии Байбусина анфас и в профиль. Молодой, красивый, с виду неглупый парень. Показания свидетелей, потерпевшего. Все ясно, четко... Но именно то, что следствие прошло без сучка и задоринки, наличие всех доказательств заставили Таджихан усомниться. Ведь это не просто — влезть в чужой дом, открыть его своим ключом, взять японский магнитофон стоимостью в две тысячи рублей, а заставшего преступника хозяина оглушить ударом по голове. Такое дело вряд ли может совершить вор в одиночку. В крайнем случае, на углу поставил бы своего сообщника. Однако... Ребенок же действовал, не опытный вор. И магнитофон сейчас самая модная вещь среди юношей. То, что ничто другое не было взято, указывает тоже на ребячество...

5.

Назавтра, когда она вошла в следственный изолятор, то увидела «ребенка» своими глазами. Удивительно: неужели разрыв между внешним видом и внутренним миром человека может быть настолько разительным!

Байбусин, рослый, приятной наружности юноша, с уже пробивающимися черными усиками, увидев, что в камеру вошла женщина, красиво улыбнулся. Несмотря на то, что он был острижен, мать могла гордиться таким сыном, девушки должны были о нем мечтать. В его остром взгляде сверкнула радостная надежда.

Таджихан впервые видела камеру. Не такая страшная она была. Однако бьющая через край юность и эти камеры с решетками на окнах, безлюдные коридоры, железные двери с запорами — как они противоречат друг другу! Может ли представить себе этот подросток строгий режим колонии? Таджихан, переживая и сочувствуя этому юноше, не заметила, как начала:

— Сынок... — потом, как будто опомнившись, села на табуретку, ножки которой были привинчены к полу, и продолжала: — Я народный заседатель, зовут...

Байбусин, словно не слыша ее, потирая ладони, ходил взад-вперед под окном, сквозь решетку которого пробивались солнечные лучи, и как бы разговаривал сам с собой:

— Так значит... все идет по намеченному...

— Что ты сказал?

Парень устался на нее, будто только что увидел, спросил:

— В чем дело? Урвали ведь порядочно? Чего надо еще?

Вначале Таджихан не поняла и нахмурилась.

— Что? Я...

— Подождите, вас послала моя мама?

— Да... да, но...

— Ну и ладно. Раз заграбастали, давайте короче.

Таджихан опешила, задрожала. Перед ней уже не было того чернобрового, красивого парня с ореховыми глазами, на его месте стоял преступник, верящий только в зло, в то, что от любого наказания можно спастись, не раскаиваясь. Она видела на заседаниях суда всякое, но такого... Это и помогло ей прийти в себя.

— Садитесь. У меня к вам несколько вопросов.

— Задавайте, задавайте ваши вопросы, чтобы все было четко, — сказал Байбусин, садясь напротив на откинутую кровать и закидывая ногу на ногу. — Потому что на этот раз я ценюсь дороже.

— Почему вы говорите «на этот раз»??

— Раньше я не доходил до этих мест, дешево стоил. А на этот раз... Пахнет четырьмя годами, как говорит тот плосколицый. Сам-то, я уверен, представления не имеет, сколько стоят четыре года. Вы, вижу, хорошая женщина, берите, не стесняясь, сколько влезет, не скоро еще опустеет мешок у мамы.

Как и думала Таджихан, получалась совершенно другая картина, нежели в «деле». Несмотря на это, нужно было идти по следам материалов следствия.

— Скажите-ка, этот... кто такой Шадиев? — спросила она, листая дело.

— Шадиев? Шадман, что ли? — сказал Байбусин и вдруг, словно споткнулся. Усталился на «дело» и остановился. — Да это тот, которому я продал магнитофон. Разиня испортил все дело, сразу отнес его в комиссионный.

— Не похож на разиню. Слова складные... да ладно. Ему перевалило за сорок, зачем ему магнитофон?

— Погнался за дешевкой.

— Да-а, вещь стоимостью в две тысячи — за сто рублей... Почему так дешево?

— Да чтоб его не видеть, хотел быстрее сбыть с рук. Ветром принесло — ветром сдуло...

— Нельзя сказать, чтобы ветром принесло: чуть-чуть было не убили человека. Кстати, на очной ставке хозяин дома заявил, что вас не узнает. Почему?

— Ночь была. Сам виноват, как тень появился из своей спальни! Я подошел осторожно сзади да и стукнул по голове. — Байбусин показал сцепленные кулаки. — Он и потерял сознание.

В тот момент, когда он сцепил кулаки, ей снова показалось, что он еще ребенок. В душе снова зашевелилось сомнение. Юность, которая сидела перед ней, была юностью, падающей в пропасть. Нельзя ли ее вытащить?

— Сынок... — сказала она опять невольно. Байбусин склонил голову. — Действительно ли это дело ты совершил в одиночку? Скажи откровенно?

— Следствие закончилось... кто вы такая? — вскочил с места Байбусин. Повидимому, вопрос попал в точку, лицо юноши изменилось и подурнело, в волнении обозначились вены у горла.

— Ты еще тюрьму не видел. Это место... Ты не шути с жизнью, с правдой, иначе эти каменные стены тебя...

В этот миг Байбусин уперся лбом о стену, руками заколотил о бетон, и плечи его затряслись в плаче. Напуганная, Таджихан подошла к нему поближе, несмело подняла руку и осторожно погладила его по голове. Парень задрожал и, повернувшись, склонил голову на грудь, Таджихан осторожно отстранилась.

— Мама твоя... Она еще молода. Подумай серьезно. Я еще приду.

Когда она направилась из камеры, послышался хриплый голос юноши:

— Тетя... вы приходите еще. Вот это письмо... — на кусочке бумаги, оторванном от края газеты, огрызком карандаша он торопливо написал несколько слов. — Это передайте, тетенька, Кариму-насвайщику в нашей махалле. Чтобы вернуть насвай, он собирает старые книги. Скажите, пусть передаст хоть пару штук, а то, мол, заскучал, повеситься может. Тетя, если желаете меня спасти... Чтобы с этого сырого колодца не вынесли мой труп, дорога тетя... Скажите от «Моля», он знает.

Таджихан положила «письмо» в карман и, выходя на улицу, подумала про себя: «Вот так книголюб!» С одной стороны, чем может утешиться в камере юноша? Эти длинные ночи, эти долгие дни одиночества... Книги-то она может принести и свои. Однако этот парень ей казался загадкой. То плачет, как ребенок, то становится наглым, как настоящий преступник. Драгоценную вещь, украденную ценою жизни, продает почти задаром. Говорит «мама», но трудно понять, есть ли у него действительная привязанность к матери.

Во всяком случае это «дело» не что иное, как результат некачественной, равнодушной, формальной работы. Надо взяться за него, если даже придется все остальное забросить. Надо узнать про его семью, школу, махаллу, знакомых... Ведь дети не падают к нам с неба...

В школе на незнакомую женщину, которая расспрашивала о Байбусине, ученики и учителя сначала смотрели с любопытством, а потом разошлись по-одному.

Некоторые учителя даже не помнили его: «В каждом классе по пятьдесят, разве запомнишь?» Вообще-то в прошлом году после кончины отца Байбусин ушел из девятого класса. Кто-то посчитал, что из-за семейных обстоятельств, кто-то решил, что из-за умножившихся «двоек». В общем, его отсутствие не стало происшествием, никого не беспокоило, а некоторые, по-видимому, даже вздохнули с облегчением. Иные его вспоминали случайно, как о прошедшей болезни, иные, узнав о его аресте, заявляли, что так и должно было случиться, и уходили, а другие, совестясь, стояли молча и не знали, что сказать. Короче, судьба юноши не стала для школы чрезвычайным происшествием.

А в махалле было много таких, кто, узнав о его аресте, говорил: «Наконец-то!» Большинство было уверено, что очищение махаллы от ему подобных — долг органов милиции и суда.

— Его же не милиция, не суд испортили, вырос он на ваших глазах... Вы выращиваете, милиция забирает, словно конвейер, так, что ли?

Однако только однажды Таджихан сказала эти резкие слова. Сказала и извинилась. У нее не было прав на такое расследование. Она хотела просто познакомиться со средой, с людьми, узнать о нравах махаллы.

Однако, когда зашла к Назми, то перестала понимать саму себя. Назми, увидев Таджихан, расцвела и не знала, куда ее посадить и чем угостить, болтала без конца, расстелила дастархан с фруктами, чаем. Таджихан думала, что она вначале спросит про сына. Но она не спрашивала, и вид у нее был торжествующий, как будто для нее все было ясно: как задумала, так и получилось.

И только в середине беседы Таджихан вдруг вспомнила, как еще в кишлаке эта женщина, стоя на пороге ее дома с тем проклятым узелком, сказала: «Подумайте, если захотите увидеть меня, то наш двор все знают!» И ушла, словно давая понять: «На запах этих денег найдете меня, как сыскная собака». Вот и пришла теперь собственной персоной, по-видимому, думала она. Таджихан затосковала, но не находила слов для оправдания. Она пришла в этот дом попросту, ни о чем не думая. Она молчала и ругала себя за происшедшее. Но, как говорится, кинь камень в болото, обрызгаешь себя...

Когда хозяйка пошла на кухню заварить чай, Таджихан встала и, не прощаясь, ушла. Она знала, что поступает невежливо, не по обычаю, но не было больше сил оставаться, она выскочила из дома с тем освободившись от удущья.

И в автобусе долго не могла прийти в себя, лицо горело, не хватало воздуха. Она села на последнее место, схватившись за бок, пытаясь спастись от боли, идущей из глубины тела. Дорога была длинна. Мысли растекались сотнями ручейков. Была ли необходимость в этой поездке? Как-будто мало своих забот, да и под силу ли ей подобные расследования?

Наконец она отбросила весь этот хаос чувств, решив освободиться от унижительных воспоминаний, и у нее полегчало на сердце. Мысли стали прозрачными, и перед глазами, нанизываясь, как на нитку, стали возникать картины того, что она сегодня видела и слышала.

Народу в автобусе было мало, ласковый ветерок задувал в окна, все молчали, занятые своими мыслями или созерцанием пейзажей, а дорога, между тем, бесконечной лентой убегала под колеса машины.

...Хакназаров был круглым рябым человеком. И прозвище его должно бы быть «рябой». Но еще во время войны, когда он был в мясном ларьке на побегушках, получил прозвище Хоназар-мясник. И потом, когда окончил техникум пищевой промышленности, и когда работал заведующим столовой, а потом и руководителем треста столовых, он не мог избавиться от этого прозвища. Ладно, это все же лучше, чем «рябой». Все равно в махалле без прозвища не проживешь. Однако, как некоторые мясники, он не выставлял напоказ свое богатство. Трехкомнатный с террасой дом, небольшой дворик, машина, но не его, а из конторы. А у него есть одно богатство — это сын Байбусин, который родился, когда отцу стукнуло сорок шесть лет. Придет с работы — Байбусин лезет ему на колени. «Мой Бай, — ласкает он сына. — А ну-ка, Бай, улыбнись!»

Жил этот достойный человек мирно-спокойно, имея столько знакомых, никуда в гости не ходил, в разговоры на улицах не встречал, ни тебе прогулок, ни чайханы, ни аскии. Место всего этого занимал его сын Бай. Сидит Хоназар на работе, сидит в машине, и дома тоже сразу сядет и возьмет на колени своего Бая. Пополнел, даже рябинки на лице сгладились. Теперь прозвище «мясник» ему очень подходило.

— А ну-ка, мой Бай, подойдите сюда! — говорил Хоназар-мясник, приглашая

к себе на колени красивого, рослого сыночка. И хотя Байбусин перешел в третий класс, вытянулся, все равно садился, привык.

— Байбусин бай будет.
Едой ему май¹ будет, —

припевает Хоназар и качает сына на коленях. А потом вдруг спрашивает:

— А где Ав?

Ав — это собачка Байбусина. Иссиня-черная, блестящая, тоненькие ножки. Нос тоже чёрный, блестит, как пуговица. Папа подарил. Услышав свое имя, Ав выскакивает из-под кровати.

— Ну-ка, покажи, чему ты его научил!

Байбусин слезает с колен, помогает собачке встать на задние лапы: «Ав, становись! Ав, становись!» Собака не соглашается.

— Э, надо ему давать! Дай мясо. Что, он тебе будет стоять бесплатно? Не дашь, и человек не станет делать того, что ты хочешь.

Со школьной сумкой Байбусина входит Назми. Она еще молода, на первый взгляд можно подумать, что Хоназару она приходится дочкой. Женится он поздно. Однако есть чем утешиться: прибрал к рукам двадцатичетырехлетнюю Назми. Да еще такую, которая понимает его с полуслова. Крепко привязалась, можно сказать, кружится вокруг него, как мотылек. Большой преданности мужу нельзя и представить!

— На, сынок, — говорит Назми, кладя в сумку четыре конфеты. — Съешь сам, никому не давай.

— Почему же не давать, мамочка, пусть дает, — говорит отец. — Вот та, что сидит рядом с тобой, такая шустрая. Ведь ты списываешь ответы на задачи у нее, так дай ей одну конфету.

— Она не возьмет.

— Если не возьмет, значит человеком не станет. Найди берущего и пересядь.

Байбусин ушел в школу.

— Боже мой, — сказал Хоназар после того, как освободились колени и он начал скучать. — Говорит, что не берет. Если с детства не берет... Куда смотрят их родители? Разве можно прожить, если не давать и не брать?

— Оставьте чужих детей, думайте про своего, отец, — заметила Назми, хлопота в комнатах.

— А что случилось с нашим?

— Снова то же самое: «двойка», «тройка», велели вам прийти в школу.

— Ну их с «двойками». Сходи сама... прихвати что-нибудь. Пусть не мучают ребенка. Ты про эту татарку, что ли? Хорошая женщина. Есть же, наверное, у нее день рождения или другой праздник. Вам атлас очень идет, скажи ей. Если возьмешь по восемнадцать рублей за метр, то до самого четвертого класса будешь спокойна.

Когда Байбусин перешел в четвертый класс, то однажды прибежал домой встревоженный, с расширенными глазами. По лицу было видно, что он сильно испуган. Оказалось, что одним разом выбил два окна в кабинете директора школы.

— В мяч играл, что ли? — спросил Хоназар. Теперь он еще больше потолстел и редко вставал со своего мягкого кресла.

— Нет, просто на спор кинул камень так, чтобы рикошетом попал в окно.

— Интересно. И есть такая игра?

— Да.

В разговор вмешалась Назми, испуганная больше, чем сын.

— Баловство, отец, баловство. И теперь завхоз угрожает обсудить поступок сына на педсовете и заставить нас уплатить.

— Кто?

— Завхоз школы.

— Тот инвалид? Так дай ему...

— Не возьмет, отец, он бывший фронтовик.

— Да, бывают такие. Однако для того, чтобы выпросить усьму у соседки, тоже нужен свой способ, жена. Если знаешь, как давать, берущий найдется, дело не надо доводить до педсовета. Если заплатишь за стекло в пятикратном размере, то он сам его вставит, пусть только не мучает ребенка.

Для этой семьи люди делились на две части: плохие, то есть не берущие, и хорошие, то есть берущие. Как следует уразумевший это Байбусин поверил, что теперь он выберется из любого трудного положения. Когда он заканчивал восьмой

¹ «Май» — жир, сало, масло (узбек.).

класс, в лексиконе семьи появилось слово «суд». Руководитель треста столовых, за долгое время работы не встречавшийся с этим понятием, вначале растерялся. Но вскоре взял себя в руки, вспомнив, что на этом свете всегда найдутся «хорошие люди». Разбираться в «хороших» и «плохих», заранее наметить «хороших», срочно находить их тогда, когда они нужны, — в этом деле и Назми набралась ловкости. На этот раз Байбусин с тремя друзьями пытались изнасиловать дочь уборщицы школы. Дело было деликатное, это не стекла бить. Однако в семье Хакназаровых не было легкого или трудного дела, а бывало только дешевое или дорогое. Вырвать «Бая» из среды четверых преступников оказалось делом хотя и нетрудным, однако дорогостоящим. После этого случая Хоназар-мясник даже слег. Не с горя, конечно, а от тучности. Ведь толстому человеку лежать удобнее, чем сидеть, а тем более стоять. Слег и не встал, бедняжка. Умер от ожирения.

Перед смертью позвал Назми, подал завернутые в целлофан шестьдесят тысяч и завещал:

— Это Байбусину. В руки не отдавай, но и копейку не тронь на другие дела. Видишь, у ребенка расходов становится все больше. Что бы то ни было, трать деньги только на него. Не жалея. Это мое завещание и наследство.

Что наследство — ребенок или деньги? Назми до сих пор не могла этого понять. Когда она беседовала с Таджихан, то заплакала, причитая, словно муж умер вчера. Громко жалуясь, что она одинокая вдова, нарушила покой всей махалли. Таджихан растерялась, не сумев ее утешить. Этот запоздалый траурный плач казался неправдоподобным, нисколько не подходил к обстановке благополучия, царящей в доме.

— После этого вам приходилось еще расходовать деньги? — попробовала выяснять Таджихан.

— Вах, один раз шесть тысяч, другой раз заплатила три тысячи и выручила сыночка. Что вы! Разве я пожалею для сына, дорогая, что такое деньги? Все от бога...

— Что он совершил?

— Да... баловство одно. Не стоит даже говорить. Раз он вынул стекло из окна лавки и взял, кажется, два ящика пива... с товарищами. В другой раз...

— Вот видите! Были бы хоть честные деньги...

Назми вскочила.

— Не трогайте покойного, мой муж ушел к престолу аллаха из-за бедняжки сына. По-вашему, я, горемыка, теперь должна нарушить его завещание, принять на себя грех и попасть в ад! Вах! Скажите, сколько возьмете, и не спрашивайте, где взяла. Следовательно обо всем допросил сына, да! — долго шумела она.

Таджихан как раз в этом месте прервала беседу и ушла. Теперь, когда картина полностью возникла перед ее взором, она освободилась от утреннего униженного состояния и легко вздохнула, словно сделав доброе дело. Ребенок — словно кусок глины, и мастер может слепить из него и глиняный кувшин, и фарфоровую пиалу. А жизнь горемыки Байбусина разбилась, не успев даже сложиться. Таджихан вспомнила его карие глаза, которые то возбужденно блестели, то смотрели без выражения, словно стеклянные. Сперва он дерзил, что не боится ни тюрьмы, ни судьбы, похвалялся, что признался во всем, скрывая за нахальством какую-то застенчивую обиду. А когда Таджихан собралась уходить, голос у него переменялся, и поникшим тоном он попросил: «Тетья... приходите еще». И лицо его стало снова красивым.

На самом деле надо было судить сварливую Назми. Однако этого не допускает закон. У Таджихан нет оснований требовать, чтобы следствие провели заново. Преступление доказано. Остальное — душевное состояние, мать и дитя, любовь и наследство, чувства и мысли — закона не касаются.

Но именно об этом Таджихан решила сказать на суде, а если понадобится, то и написать «особое мнение». Должны же быть учтены безнравственные условия в семье, среда, в которой рос не достигший совершеннолетия обвиняемый. Хоть немного облегчит участь подростка...

Автобус остановился, проехав полевой стан. По тесным улочкам вразнобой двигались коровы, подгоняемые пастухом. В лучах заходящего солнца легкая пыль казалась красной занавесью. Когда пыль улеглась, Таджихан увидела возле полевого стана знакомый карагач, а под ним девушек, перебирающих коконы в больших корзинах. Оттуда слышались веселый говор и звонкий смех. Руководила девушками Айхан. Услышав ее бодрый голос, Таджихан обрадовалась: значит, в ее отсутствие ничего не случилось, и жизнь продолжается.

Когда Таджихан подошла к своему двору, она увидела человека, стоящего у калитки. То, что этот человек стоит одиноко, как тень, показалось странным. Таджихан сама удивилась, почему у нее сердце забилося учащенно. Всмотревшись, она поняла, что это стоит отец Гульзиры. Она не была с ним знакома, лишь видела

издали, слышала о нем от дочери. Видимо, он искал свою дочь. И Таджихан, словно выдавая свое беспричинное волнение, тихо произнесла:

— Это вы, учитель, входите...

— Здравствуйте!

Учитель тоже не видел Таджихан в городском, облегающем стан костюме и поэтому застеснялся. Рослый, с изящными усами на худощавом лице, интеллигентного вида человек, он уткнул глаза в землю и стоял в замешательстве. Таджихан тоже слегка растерялась.

— Наверно, вы Гульзиру ищете? — спросила, чтобы ободрить его.

— Да, да... Гульзиру.

— Вон там, под карагачем, коконы с девушками перебирает.

— Да, хорошо, очень хорошо, — сказал учитель, не двигаясь с места. Таджихан заметила, что он хочет сказать нечто для него важное, но не может. Она собралась было предложить: «Вот наша калитка, входите», — но тоже застеснялась. Нетрудно было угадать чувства этого скромного человека, таящего под внешней простотой настоящую культуру. Он не решался сказать и, видимо, не решится. И Таджихан молча отступила к калитке.

— Материнскую заботу проявляете о моей девочке, уважаемая Таджихан, благодарю вас, — сказал только. И пошел на длинных ногах в сторону карагача.

Войдя в дом, Таджихан села на старый диван, обтянутый вельветом. В комнате было прохладно. После того, как вещи были поставлены на свои места, в ней стало просторно и больше воздуха. И в гостиной, двухстворчатые двери которой раскрыты настежь, тоже свободно: стеллажи сняты, полы вымыты, ковры расстелены, занавески повешены. Кто же помогал Айхан убирать комнаты?

Таджихан расстегнула пуговицы пиджака. Казалось, в мыслях бродит нечто важное, но на ум ничего путного не приходило. Да, Гульзира. Нет, Байбусин... О чем думала-то? Учитель — странный человек. Зачем приходил? Да, Гульзира... Ищет Гульзиру.

Таджихан внезапно встала с места. Впервые за многие годы рука потянулась к дутару. Старый женский дутар с перламутровыми украшениями висел на коврике на стене. Неторопливо настроила, сыграла пару музыкальных фраз, вслушиваясь в их звук, и повесила инструмент на место. Мысли катились волной.

Учитель не высказался. Нет, почему же, может быть, он это и хотел высказать. Его Гульзира — хорошая девочка. Росла в одиночестве, без матери, не избалована, ребенок мыслящий, любит труд, всегда со старшими. Действительно, если вырастут цветы — краса земли, если вырастет девушка — краса людей.

В этот миг Таджихан неожиданно задела за листок бумаги в кармане и замерла. Словно вдруг найдя вещь, которую недавно потеряла, она достала и обеими руками разгладила кусок смятой газетной бумаги. Это было письмо, написанное Байбусином. Чуть было не забыла! «Тетья... у него книги мешками. Пусть передаст одну-две...» — донесся до ее ушей ломающийся голос подростка. Несчастный. Ведь тоже ребенок, похожий на Гульзиру. Видимо, и у него были чистая душа, детские мечты. Низкая женщина, столкнувшая своего ребенка в пропасть!

Может быть, еще представится возможность помочь ему. Говорил про книгу, тетенькой называл, наверное, нуждается в ласковом слове. Надо повидать его еще раз и поговорить. Так о ком он говорил, о каком-то торговце насваем?..

Таджихан поднесла кусок газеты к свету. На обратной стороне бумаги было начертано: «Кариму-насфурушу». А письмо состояло всего из нескольких слов: «Дорогой Карим-ака, за счет Кукушки хотя бы две. Моль». Прочитав, она улыбнулась: посмотрите на эту страшную тайну! «Кукушка», «Моль»... Ребячество. Сидит в заключении и в детские игры играет... Но вдруг обидная мысль погасила улыбку: странно, книгу для чтения берет не из библиотеки, а у торговца насваем. Да, что делать, таковы воспитание, среда...

7.

На следующее утро Таджихан, одевшись как обычно, снова отправилась в райцентр. Айхан жалостливо посмотрела ей вслед. Всю ночь пролежала с рукой на боку, от боли в печени тихо стонала, но опять спозаранку побежала хлопотать по чужим делам, за постороннего для нее человека. «А я бы, — подумала Айхан, — давно плюнула бы в морду той сварливой женщине, которая хотела дать ей взятку!»

Районный центр испокон веков был большим кишлаком с пятничным базаром, а теперь стал маленьким городком с запутанными улочками. В махалле ремесленников, примыкавшей к торговым рядам, Таджихан без труда нашла дом Карима-насвайщика. Когда она постучала в калитку, дверь ей открыл маленький

человек неопределенного возраста с кувшином в руках и полотенцем на шее, в легком летнем халате, на ногах — кавуши. Глаза забегали, когда увидел незнакомую женщину, постоял на нерешительности, потом распахнул калитку.

Таджихан узнала его по аккуратно подстриженной рыжеватой бородке и круглому млажавому лицу — Карим-кари, Карим-грамотей. Это один из стариков-плутов, которые из одного глаза пускают слезу, а другим подмигивают. Раньше он в табачном ряду продавал наи — трубки для чилима, в последние годы, как слышала Таджихан, заперся дома и только иногда, якобы для развлечения, торговал насваем.

Карим-кари ждал, что скажет женщина, чем объяснит свое появление у него в доме. Таджихан достала из кармана письмо, написанное на клочке газеты, и протянула ему. Карим-кари быстро прочитал его и снова уставился на эту кишлачную женщину.

— Бедный малый страшно заскучал. Жизнь не мила, очень мучается. Попросил меня: «Если еще придете, дорогая тетя, принесите книги...»

Карим-кари, как будто не понимая сказанных слов, еще раз осмотрел гостью с головы до ног и задумался.

— Так, значит, говорит: «Дорогая тетя?» — Карим-кари пробежал глазами письмо и, видимо, узнав почерк, успокоился.

— Да, да, дорогая, говорит, тетя! Очень просил, бедняга...

Карим-кари подумал еще немного и, снова посмотрев на Таджихан, положил письмо под тюбетейку. Потом проводил ее на террасу, а сам пропал в темноте внутренних комнат.

Таджихан огляделась. Возле ворот, огражденное плетенкой из камыша, хранилище для угля. Посреди двора глиняное возвышение, на нем медный таз, рядом валяется ступка, позеленевшая от табачной муки. Между поникших роз нехотя течет грязный арык, со стороны навеса остро пахнет известью, золой и хлопковым маслом.

После долгой возни Карим-кари вышел с книгой под мышкой.

— Вот, заверните во что-нибудь...

Этот старик оказался скупым, даже не дал газету или тряпку. Таджихан обернула в свой платок истрепанную, пожелтевшую, однако в твердой обложке книгу, сказала «спасибо», и глаза ее встретились с глазами хозяина дома: в них мерцала какая-то тайна. Этот немногословный старец, на вид добрый мусульманин, даже не спросил ни слова о несчастном Байбусине, назвавшем его «дядей».

Взяв книгу под мышку, Таджихан поспешно вышла. Откровенно говоря, ей хотелось побыстрее уйти из этого дома. Когда она торопливо шла по улочке, перед глазами все еще стоял этот цепкий, таинственно мерцающий взгляд, который словно говорил: «Ты тоже стала моей». Встреча с этим человеком почему-то утомила ее. На одном из безлюдных перекрестков под ивой было полито и подметено, и ей захотелось присесть там на деревянную скамейку и немного отдохнуть. Но не успела она сесть и выровнять дыхание, как сердце снова забилось учащенно. Книга под мышкой... кстати, почему только одна? Ведь в записке Байбусин просил две. Да еще истрепанная, оторванная от обложки... Да какая, собственно, разница, это ведь для утешения человека, который не знает, в какую стену удариться головой. Так что в камере любая подойдет.

Таджихан положила книгу на колени и начала ее листать. Смотрит — слова какие-то странные, звучат не по-узбекски, а, вроде, по-азербайджански. Неужели карим неграмотный? Как же юноша прочитает ее?

Базар начинался с крытого торгового ряда бакалейщиков, дальше — чайная, лавка медника. На перекрестке стало оживленно. Видимо, базар кончился. Люди с мешками, сумками, корзинами проходили мимо и, глядя на женщину, листающую книгу под ивой, наверное, думали: «Не гадалка ли?»

Что там гадание, загадка на загадке! Все еще невольно листая книгу, Таджихан между листами заметила вроде как прилипшее зернышко маша. Таджихан хотела сперва выбросить его щелчком. Ведь книга старая, мало ли что могло попасть в нее, тем более в амбаре торговца насваем. Однако нет, прилипло как приклеенное. Может быть, это и есть капля клея? Таджихан стала соскабливать ее ногтем. Поднесла ладонь к лицу и понюхала палец — запах дурманящий, удушливый. Сразу вспомнила: в прошлом году на одном из судебных заседаний она видела такие же черно-серые липкие шарики, похожие на овечьи катышки, на столе вещественных доказательств. Это же гашиш, анаша!

Таджихан вскочила с места, но, словно забыв, где находится, остановилась, не зная, куда идти. Снова полистала книгу и опять между пожелтевших страниц нашла зерна «маша». Вспомнила, как Байбусин в своем письме просил: «Дорогой дядя, хотя бы две...» Сколько он получил бы наркотика! «Моль». Почему «Моль»? Она удивилась, что до сих пор не обращала на это внимания. Как жалко, что отдала

письмо торговцу. Неужели... Неужели юноша в своем возрасте уже пристрастился к наркотику? Неспроста выходец из кальянных рядов Карим-кари стал торговать насваем. Неужели он не понимает, что дал ребенку яд? Не может не понимать! Может быть, у него еще много клиентов, у которых не обсохло материнское молоко на губах. Перед глазами Таджихан возник цепкий взгляд его немигающих глаз. Змея, настоящая змея! Ей захотелось сплунуть от отвращения. А когда она очнулась, то увидела, что стоит перед калиткой Карима-кари. Побелевшая от дождя и снега резная дверь. Таджихан пинком открыла ее.

8.

Открыла, но, почувствовав, что дрожат губы, на минуту остановилась у входа: надо прийти в себя, а то со своим горячим характером может испортить все дело. Она же не следователь, у нее нет никаких прав внезапно врывать в чужой двор и расспрашивать хозяина. Она сама до сих пор удивлена, как ноги привели ее сюда. Значит, не смогла не прийти.

Торговец насваем, увидев возвратившуюся женщину, поднял голову и замер посреди двора с метлой в руках.

— Это ваша книга...

Старец нехотя подошел к ней, коротко кашлянул и протянул руку за книгой.

— Ладно, дам другую. Я их не читаю, так, собираю старье для заворачивания насвая...

— Вы меня не узнали, Карим-ака? — спросила она, приподнимая летящие брови, придававшие ее лицу смелость. — Я Таджихан.

— Таджихан?... — переспросил побледневший Карим-кари. Потом глотнул воздух. Он знал это известное в районе имя, даже слышал, что она имеет отношение к суду. Кляня себя за ротозейство, он принял добродушный вид. — Смотрите, а я и не узнал вас, вот помешанный... — Карим поковылял к супе, разостлал свернутую кошму, постелил курпачу. — Ох, память же у меня, тысячу извинений, сестра Таджихан, как же не знать, знаю вас, у хорошего человека слава идет впереди, как говорят в народе. Садитесь, пожалуйста...

Вмиг была разостлана скатерть, появились лепешки, чай. Таджихан, у которой язык прилип к небу, сама не заметила, как оказалась на супе. После пиалы чая она заметила, как изменился старик. Казалось, он стал ниже ростом, лицо уменьшилось, а от мерцания глаз не осталось и следа.

— Дело не в книге, Карим-ака, — сказала Таджихан, когда пришла в себя и мысли снова стали отчетливыми, — дело вот в чем, — она раскрыла ладонь и показала темно-серые лепешки гашиша.

— Эти... эти, — проговорил торговец насваем, делая глотательные движения, словно курица, подавившаяся зерном. — Это...

— Вы прекрасно знаете, что это, — сурово прервала его Таджихан. — Знаете также и то, что это наказывается по закону.

— Сестра Таджихан! — он сполз с супы и преклонил колени. — Это так себе, забава, всего чуть-чуть...

— Не имеет значения — мало или много.

— В вашем присутствии брошу в огонь, сестра Таджихан, пусть бог даст здоровье вашим детям, не надо оглашать, дорогая...

— Если мои дети будут здоровыми, а другие дети отравятся вашим наркотиком, разве бог примет такую вашу молитву, Карим-ака?

— Я готов на все, что вы скажете, только никому не говорите, дорогая сестра, стар я стал, одинок, умру — некому будет похоронить, сами видите... — заплакал торговец насваем.

— Есть закон, Карим-ака... — сказала Таджихан, смущенная его плачем. — Мой совет: все это вы сами отнесете, сами расскажете о том, у кого брали, кому продавали, все-все расскажете, закон может это учесть и облегчит вашу вину.

— Все расскажу, лишь бы вы не оглашали, дорогая Таджихан, все вам расскажу!

— Я вас не допрашиваю, это не мое дело, идите в следственные органы, — Таджихан хотела встать и уйти, но Карим-кари ухватился за ее подол.

— Дорогая сестра...

Подумав, Таджихан села. И кари тоже, не поднимая глаз, поднялся с земли и опустил на супу.

— Вот что мне нужно... скажите, откуда вы знаете Байбусина?

— Моль? — спросил кари с готовностью.

— Почему «Моль»? И кто такой «Кукушка»?

Карим-кари, приготовившийся было обо всем рассказать, причмокнул и снова умолк, словно слова застряли у него в горле.

— Я... обновлю чай, Таджихан... пустая скатерть... ведь стыдно. — Не дожидаясь ответа, кари засеменил к очагу, присел на корточки и из черного кувшина налил в чайник воды. Таджихан глядела на его плечи, на старческую шею, стараясь понять, что это за человек. Хозяин дома по пути взял из ниши в террасе поднос и вместе с горячим чайником поставил на супу. Потом пошел, ковчеляя и подпер палкой наружную дверь. Видимо, разговор предстоял обстоятельный.

Однако он, вернувшись, сел и в томительном ожидании снова усталился в землю. Наконец сказал, понизив голос:

— Послушайте, сестра Таджихан... если я вам скажу обо всем, то назавтра придет Шадман-вор и зарежет меня... Чем вот так, не лучше ли, если вы меня отведете в тюрьму?

— Шадман? Шадиев, что ли? — спросила Таджихан, вспомнив фамилию, которую встретила в «деле» Байбусина, и насторожилась. — Почему вы называете его вором?

Кари жалостно взглянул в ее лицо и снова усталился в землю.

— Если скажу... если скажу все, вы действительно попросите власти простить мою вину?

— Придется отвечать по закону, Карим-ака, однако искреннее признание вины облегчает наказание. Теперь скажите, откуда вы знаете, что Шадман Шадиев — вор? Он упомянут в «деле» Байбусина Хакназарова в качестве свидетеля, только и всего.

— Да, этот человек всегда только «свидетель». А если разобраться поглубже...

— Ну?

— Ладно, сестра, теперь я конченый человек... некуда деться, — приподнял голову Карим-кари. — Все дело в этом воре Шадмане. Все собраны вокруг него, все в его власти, в его тисках...

— Что значит «все»?

— Байбусин, еще другие... ребята.

— Те, которые берут у вас вот это, так?

— Тот же Шадман научил их, он оплачивает.

— Ворованными деньгами... А вы, зная это, берете...

Голова кари снова поникла.

— Говорите.

— Об этом трудно говорить... Трудно и сложно. Ну вот, есть в часах то, что одно соединяет с другим...

— Механизм.

— Да, механизм, целый механизм.

— Так, так?

— Шадман находит у каждого из ребят какую-нибудь слабость и подчиняет его себе.

— Байбусин...

— Покорность Байбусина основана на том, что Шадман знает о нем все. Он знает, что отец оставил Байбусину шестьдесят тысяч, что эти деньги хранятся у матери, знает, сколько раз попадался парень, когда и за какую сумму мать выручала его. Зная, что мать за деньги может спасти его от всякой беды, даже от ареста, однажды позвал его к себе и поговорил с ним откровенно:

«Ты знаешь, сколько оставил тебе отец?»

«Да», — отвечает Байбусин.

«Тебе оставил?»

«Мне».

«Так почему молчишь и слоняешься без дела?»

«Деньги в руках матери».

«Надо взять».

«Взять? Каким образом?»

«Я возьму».

«Вы что? Фокусник? Каким образом? Только мать не трогайте».

«Не бойся, сиди. Не понял ты. Возьмем без боли, как из теста волосинку. Постепенно. Все возьмем. Ведь деньги-то твои, так?»

«Мои».

«Раз так, будешь с нами».

«А что я буду делать?»

«Ничего не будешь делать. Будешь среди нас, и все. Станешь получать свою долю».

«Да?»

«Да. Однако, если что случится, всю вину возьмешь на себя. Милиция заберет тебя одного. Назавтра мать отдаст часть тех денег кому следует и освободит тебя. Не в первый же раз. Сколько раз ты возвращался, улыбаясь до ушей. В общем, будешь жить припеваючи и получать свою долю».

«Ничего не делаешь?»

«Да. До других тебе нет дела. Все будем делать мы сами».

И юноша, привыкший к тому, что мать спасет его от всякой беды, не отказался от этой игры. Ни на этом, ни на том свете мать по-хорошему деньги ему в руки не отдаст. Действительно, их можно вытянуть постепенно только таким путем. И он поставил условие:

«Только до шестидесяти тысяч! До тех пор, пока все мои деньги не перейдут в мои руки! Потом я свободен!»

«Идет! — Шадман похлопал его по плечу. — Работать будем мы, а ты, как моль, будешь лежать и есть!»

— Значит, «моль» отсюда? — спросила Таджихан.

— Да, отсюда. Все винты механизма на месте, делают свое дело. Один сторожит, другой доносит, третий срывает замок, четвертый сидит в тюрьме. Компания. Только Шадман ничего не делает — теоретик. Однако все богатство, все права в его руках. Не пашет, не сеет, а на току от тут как тут... Вот теперь конец, сестра, весь разговор, остальное поймете сами, не мучайте меня.

— Нет, стойте. Ведь как установлено расследованием, все совершено Байбусином, он даже сознался, что ударом по голове свалил хозяина дома. Потерпевший тоже...

— Потерпевший сам большой мошенник, боясь откровенно назвать сумму украденных денег, он признался только в краже магнитофона. Вообще-то у Кукушки ушло много денег...

— Значит... — рассудила Таджихан, — Шадман Шадиев в безопасности, даже если нападут на след. Юноша арестован. А он уверен в том, что его выручат. Симулируя воровство, зарабатывает деньги, грабит свою мать. Легкий путь. Страшный путь. Юноша встал на него... — Она взглянула на собеседника.

— А «Кукушка» — это кто?

— Да он же, Шадман.

— Почему «Кукушка?» — спросила Таджихан, нахмутив брови.

— Не знаете, кукушка сама не высиживает яйца. Она кладет свои яйца в гнезда других птиц. Высиживает другая птица. Кукушку никогда не посадишь.

— Да, действительно... механизм... — сказала Таджихан.

— Механизм, механизм, — подтвердил торговец насваем. Выговорившись, вздохнул облегченно.

— Слушайте меня, Карим-ака, что-то я не могу понять одного... Вас... вас не понимаю. Вы попытались передать вот этот яд подростку, который под арестом. Тут бы вам остановиться! Разве деньги выше бога, неужели не боитесь брать такой грех на душу?!

— Кукушка приказал. Если привыкшему человеку захочется этой напасти, то ребенок он или взрослый, ничто его не остановит.

— Ладно, скажем, будет мучиться, но что он может сделать?

— Нет... Мучение куда ни шло. Может убить человека, стражу, например, наркоман способен на все. Однако самое опасное — может все раскрыть. Тогда... короче, Шадман-вор схватил за горло и приказал: «Будешь доставлять». И вот вы пожаловали. Я, дурак, не узнал вас... — кари заплакал. — Что теперь буду делать? Вы уйдете, я останусь в этом дворе.

Таджихан хотела сказать: «Скоро переедете в другой двор», — но воздержалась, поняв, что шутка эта неуместна. И ей стало жалко этого старика. Однако не было времени долго предаваться жалости.

Когда она собралась уходить, кари снова ухватился за подол ее платья:

— Вы не оставите меня в такой опасности?!

— Человек, ставший не только свидетелем, но и соучастником стольких преступлений, до сих пор не боялся, а испугался только теперь? Доля преступника — постоянно дрожать, если желаете, сидите и дрожите! Я не гарантирую вашу безопасность. Сказала же, чтобы вы пошли в следственные органы с повинной. Если расскажете всю правду, то можете искать у них защиту. Вот таков вам мой совет! — сказала Таджихан и быстро вышла.

Таджихан шла меж пустующих торговых рядов, нервно поеживаясь. Мысли начали понемногу проясняться. Сперва надо сходить к Назми. Пусть она возьмется за ум, пока не произошло несчастье. Потом надо показаться и Байбусину, ведь она же обещала.

Солнце перевалило за полдень, пыльный воздух на горизонте казался бледно-розовым. На улицах поредело движение. Шумные голоса девочек, балующихся водой у колонки, были слышны на обоих концах улицы. Нервы Таджихан немного успокоились. Решив основательно поговорить с Назми, она ускорила шаг.

Однако Назми встретила ее рыданием. Двор без присмотра, на супе столпотворение мух, комната заполнена дымом от того, что на кухне что-то жарилось и подгорало. Назми вытерла покрасневшие глаза фартуком и продолжала плакать, не давая гостю вставить даже слово. По-видимому, она еще не нашла того, кому можно всучить взятку, и теперь с надеждой глядела на Таджихан. В ее плаче чувствовались и радость, и скорбь. Плача, она начала умолять:

— Спасите сына! Чтобы не погиб во цвете лет, мой единственный, мой сиротинушка, на всем белом свете кроме него у меня никого нет, дорогая ая! Ничего не пожалею! Правильно вы называете это плохим словом «взятка». Но разве благодарность матери можно назвать взяткой, скажите сами! Ведь все те, кто копошится вокруг вас, тоже не ангелы же, Таджихан, а люди! Все мы рабы, просящие у бога воздаяние за грехи свои. Милости бога добьется и тот, кто дал, и тот, кто взял. К тому же — никакого запаха, ая...

Таджихан сидела смущенная. Все слова, которые она собиралась сказать, смыли бьющие через край материнские чувства, и они осели в душе, словно прибитые водой. Если плач этой женщины, чтоб ей было пусто, действительно плач, то могла бы она говорить такие разумные слова? Нет, она снова плутует.

— Не учуют запах, так найдут плоды, сестра Назми.

— Если вы не возьмете сами, то можно ведь найти другого берущего. Если хотите исправить мир, то ваши старания зряшны, Таджихан. Нет теперь тех людей, которые откликались бы на пустые посулы. Сейчас алчность заставляет преклонять голову даже высокомерных. Отдал, говорят, и богу понравился...

...Снова те же слова! «Берущие...» Конечно, они, как и Назми, претендуют на то, что не только себе, но и другим делают добро. Но молчат о том, что они способствуют искоренению человеческого в людях.

Таджихан, которой надоели эти причитания, не выдержала.

— Оставьте куплю-продажу! — сказала она, с трудом сдерживая гнев. — Сына своего вы превратили в предмет купли-продажи. Однако дело сложнее, чем вы думаете. — Таджихан села на сундук и кивнула хозяйке. После того, как села и Назми, она рассказала все, что сегодня узнала от Карима-кари.

— Теперь вы, наверно, поняли, что сын ваш оказался заложником в руках воровской шайки? — заключила она рассказ.

Назми вскочила. Лицо ее изменилось. Куда делась плачущая мать!

— Вы... — ее голос слышался, как шелест змеи, — где вы откопали все это... — В голосе Назми не осталось и следа плаксивости. — Я знаю, что вы хотите сгноить в тюрьме моего сына! Или я просила вас все это ворошить? Вах, смотрите, она, как курица, копается в чужом навозе!

Назми так раскричалась, что Таджихан сама не заметила, как оказалась у дверей. У нее тоже есть нервы, она тоже хочет иметь уважение. Для кого она тут старается в этих запутанных делах? Она оглянулась с порога и негромко произнесла последние слова:

— Нет, не в тюрьму его надо, а в наркологическую клинику. А в тюрьму пойдете вы!

...Рано наступившая душная ночь затрудняла дыхание, она поискала платок, чтобы вытереть пот с лица. Руки дрожали, в правом боку снова дала о себе знать привычная боль. Однако пройдет, не первый раз. Опершись на первую попавшуюся акацию, она отдышалась. Вспоминая, как была несправедливо унижена крикливым голосом, и сейчас отдававшимся в ушах, стояла, обиженно прикусив губу, пока немного не утихла боль. А потом быстро зашагала прочь.

А в душе будто кто-то спрашивал ее: что ты делаешь? Нужны ли тебе эти мучения? Ты же не следователь! Не мать же этого несчастного ребенка. Семь раз чужой, выродок, наркоман...

Однако если ты не развяжешь этот проклятый узел, то кто же? Бестолковый следователь Василов? Или же несчастная Назми, которая сама себе копает яму? Нет, теперь отступать нельзя, дело стало большим. Дело уперлось в Кукушку... Однако исправить мир можно, Назми, мир нужно исправлять, да!

Наступили сумерки, боль не отпускала. Но нельзя отступать, хоть ползком, а надо добраться. Боль должна отпустить под горячей ладонью, всегда так бывало. Единственное лечение — это руки Айхан, подержит пять минут — и все пройдет... «Как вы чувствуете себя, милая ая?» — услышала она голос Айхан. Убыстря шаг, Таджикихан прошептала: «Хорошо, доченька, хорошо, сестра, хорошо, мое дитя, хорошо, мой доктор...»

В управлении рабочий день кончился, кроме дежурных и охраны, никого нет, холодные коридоры пусты. Здесь с восьми часов начинает гаснуть жизнь, люди еще не заснули, но ничто живое не двигается, царит только тишина, наполненная тяжкими ночными думами. В такое время следственные изоляторы хуже тюрьмы, красноватые лампы в железных сетках еле мерцают над дверями, как тающая надежда. В такое время большое событие даже обычный звук шагов. Скрип железных дверей отдается во всех коридорах.

В свете тусклой лампы в углу показался длинный Байбусин. Он вначале чуть не вскрикнул от радости. Вдруг прыгнули сросшиеся брови, рот широко раскрылся. Таджикихан испугалась его состояния: смех это был или припадок, лицо парня белое, глаза расширились, зрачки нетерпеливо блестят. Уставился на руки, на сумку вошедшей. Уму непостижимо, что за три дня человек может так измениться. Почему-то Таджикихан поторопилась высказаться:

— Байбусин, сынок... На этот раз мать не может выручить тебя. Если отменят прежнее расследование и снова начнут допрашивать, ты должен четко и открыто рассказать всю правду. И про Шадмана Шадиева, и про Карима-кари, и о деньгах, оставшихся от отца, про все, уразумел? Если ты не сделаешь так, то будешь осужден на длительный срок, ведь все равно все раскроется. Ты понимаешь, какие преступления ты укрываешь? Самое трудное — найти утерянную честь. Ты мужчина, не должен быть игрушкой в мерзких руках!

Байбусин не изменился, теми же глубоко провалившимися, холодно блестящими глазами он смотрел на руки Таджикихан, которыми она машинально рылась в сумочке. Она вдруг поняла, что все ее глубоко продуманные и осторожно высказанные слова не дошли до него. Увидев, что юноша шагнул вперед, она застыла, вспомнив слова кари: «...в такой момент они способны на все».

— А где... где книга? — спросил Байбусин.

Оказалось, что это действительно страшно, если даже известие о собственной судьбе не доходит до его ушей... Увидела его глаза — и сердце ушло в пятки: сейчас у него ни памяти, ни чувств, он, наверно, даже не соображает, кто перед ним стоит. Таджикихан невольно подалась назад.

Потом она долго вспоминала этот миг, ее разбирал смех, а иногда она вся холодела от стыда. Никогда она так позорно не трусила. Все произошло вмиг, невольно. Женщина есть женщина, хуже слабой девочки оказалась, а думала, что ничего и никого не боится. Когда юноша сделал еще один шаг, она пулей вылетела из камеры и снаружи со стуком закрыла дверь. Она только это и запомнила. Смотрит, вокруг нее люди: «В чем дело, ая? Что случилось?»

— Все спокойно, все спокойно, ничего не случилось. — С этими словами она вышла, но чувствовала растерянность людей, которые смотрели на ее побледневшее лицо. Может быть, через некоторое время они захохочут. Недовольная собой, она ни с кем не поздоровалась в автобусе. Кажется, были знакомые, что они могут подумать?..

Она сошла в своем кишлаке в полночь. Чтобы не разбудить Айхан, вошла, сняв туфли, включила лампу на маленьком столике и бросилась на диван. Заложив руки за голову, задумалась. Свет ночника, падая через зеленый абажур, соединялся с лунным светом и тускло освещал комнату.

Одна из бессонных лунных ночей Таджикихан. В окне — прозрачная темень неба. Чем ниже ущербно плывущая луна склоняется к горизонту, тем больше темнеет в небе, тем больше мучает бессонница. В жизни было много таких ночей, иногда по причине, а иногда вовсе без причины, так вот найдет, и словно что-то давит на душу, до рассвета не может заснуть.

А что случилось на этот раз? Почему она думает только о своем состоянии? А ведь положение-то у подростка тяжелое! Если ты бросила его в одиночестве в ночной камере, то теперь должна совершить решительный поступок. Никто кроме тебя не знает о наступающей беде. Только ты можешь предотвратить. Для этого надо завтра же обратиться в прокуратуру.

Таджихан взяла карандаш и бумагу.

А что писать? Что это безответственное, поверхностное расследование должно быть отменено. Легко осудивший юношу неопытный, нерадивый следователь, сидя

в кабинете, сотворил «дело», а сам не потрудился даже изучить ни знакомых юноши, ни его связей, ни окружения, ни среды обитания, ни привычек, ни интересов. Воспитание? Если подросток уже заложил свою жизнь за деньги, то о каком воспитании может идти речь? Он становится жертвой крупных преступлений! Ведь он уже ожесточился, верит, что деньги избавят его от любой уголовной ответственности. Шадман Шадиев... Назми. Они друг друга не знают, но узами зла так крепко связаны, что кажутся близкими людьми. Чувство чести продают они по цене мыльного пузыря. Рабы денег! Бог голодной собаки — кость. Эти кусают хуже собаки. Могут же жить в облике человека и такие хищники! Нет, мальчика надо вырвать из их когтей. На самом деле он по сравнению с ними просто ребенок.

Однако как трудно оказалось заполнить листок бумаги, не думала, что это будет так мучительно.

И луна, потускнев, легла на горизонт. В раскрытое окно глядела бездонная ночь. И ночной ветерок, гонявший туда-сюда пожелтевшие листья, тоже устал, затих. Таджикихан в голову приходили тысячи мыслей, перед мысленным взором оживали разные лики, доносились обрывки разговоров. Она душевно устала: чьи-то безобразные улыбающиеся лица, чьи-то умоляющие шумливые голоса, дети, свои и чужие...

В комнате возле окна пошевелилась Айхан. Таджикихан она показалась тусклой тенью. Девушка тоже лежала какая-то потерянная, видимо, ночь провела без сна, то улыбнется, то по лицу пробежит тревога, склоняет голову, словно плачет. Видимо, вся она в своем мире, плутает в далеких видениях, то вздрогнет, то всхлипнет, а то прошепчет ласковые слова...

Похоже, что он опять приходил. Или она мучает себя оттого, что не пришел. Конечно, Таджикихан помнит, что она тоже была молодая, тоже загоралась, терзалась. Любовь... Открытые чувства Айхан иногда чуть не заставляют ее сдаться. Однако, нет... разве любовь может быть такой нечестной? Любовь не должна заставлять других горько плакать. Неужели Айхан этого не знает? Откуда к ней все это прицепилось?

Ну, она ладно, она вроде тоненького ростка. А Саттар? Неужели не жалеет? Говорят, что у серны нет другой вины, кроме прелестных глаз. Нет, Саттар не охотник с каменным сердцем.

Оба они ее дети, заблудившиеся дети. А она все думает о чужих детях.

Бедная девочка! Дочкой звала, сама вырастила. Однако не смогла дать счастье. Почему? Ведь ничего не пожалела — ни любви своей, ни жизни. Если бы вручила ее суженому, может быть, избавилась бы от забот, однако Айхан и слышать не хочет о замужестве. Думает о нем, о беспутном. Думает, хотя и знает, что это бесполезно. Вот сейчас тоже...

А он... Он тоже ее сын. Однако обманывает самого себя. На самом деле и он не нашел своего счастья. Живет с этой безразличной грязнулей. Думает о карьере, наградах, званиях, славе... Хотя внутренне он понимает, что это не счастье, а так, просто «парад», хвалит этот «способ жизни», утешает себя. А душа его здесь. Откуда пришла эта лживость, когда?

Она тоже знает, бедовая девчонка, все знает. Только не знает, какими мыслями мучается Таджикихан.

— Дочка...

Айхан вздрогнула, будто проснулась, протяжно зевнула. Ничего не сказала. Поглядела, не узнавая.

Таджихан похолодела, как будто осталась на свете одна. Когда появилась эта отчужденность, подумала она, побледнев.

— Айхан!

— Что скажете, аяджан?

Айхан встала и подошла к столу. Взглянула на беспорядочно лежавшие на столе записки. Глаза их встретились, и они, кажется, полностью поняли друг друга. «Почему пришли поздно?» — «Почему не спала?» — все было понятно само собой. Девушка села возле Таджикихан и обеими руками обняла ее. Возвратились теплота, любовь, единодушие. По лицу Таджикихан девушка поняла, что сегодня опять был приступ. Через старое мягкое платье целебные ладони Айхан легли на правый бок и принесли неизмеримое блаженство. Сидели на старом диване, прижавшись. Закрылись уставшие глаза Таджикихан. Айхан беззвучно плакала. Не открывая глаз, Таджикихан пальцем сняла с ее круглого лица капли слез.

1.

Он сидел на двухместной кровати, застеленной покрывалом поверх множества одеял, она, как бы случайно, на краю низенького сундука. Словно чего-то ожидая друг от друга, оба смотрели себе под ноги. Тургунали в рубашке, без головного убора, и оттого, что все лето был в поле, на лбу округло белел след от тюбетейки. Он вошел сюда, сняв туфли на красном ковре, и теперь не знал, куда девать свои ноги в носках, и лишь изредка растерянно поглядывал на Таджихан. Как вошли, так друг другу слова еще не сказали, только сердца их бились учащенно, и мысли разбегались в разные стороны. Что сейчас будет? Что надо сказать, что делать? Как восседала Таджихан в глубине свадебного стола, так и сейчас сидела, не поднимая с лица белую прозрачную вуаль, накинутую поверх цветастой тюбетейки. Туфли на высоком каблуке с непривычки жали ноги и отвлекали от переживаний.

Сквозняк, пробивавшийся в окно, слегка шевелил занавеси из белого шелка. Во дворе, после того, как разошлась шумная родня, соседи, молодежь, царила ночная тишина. Казалось, еще недавно кругом было полно народу, на груди девушек красовались подвески, в руках джигитов звенели парные кастаньеты, все вертелось и кружилось, и во всем свадебном дворе стоял веселый шум, а сейчас тишина снаружи казалась выжидающей, настороженной.

Сегодня их первый вечер, таинственный первый вечер, который они ожидали три года. Хотя Таджихан не могла представить, сколько бы ни старалась, каким он будет, этот вечер, однако не думала, что он станет таким странным, длинным и безмолвным. Лампа в спальне такая яркая, что лучи ее даже через занавес слепят глаза. Таджихан взглянула на мужа: хоть бы подал голос, хоть бы что-нибудь сказал!

— Тургунали-ака... — обратилась она вполголоса, не выдержав. — Ассалом алейкум!..

Почувствовав свою вину, он встал и, слегка поклонившись, принял приветствие.

— Поговорим о чем-нибудь... — попросила Таджихан нерешительно.

— Конечно, конечно, — подхватил Тургунали, словно вспомнив, где он, и чуть оживившись. — Теперь откройте лицо. И туфли снимите, — став на колени, он сам снял туфли невесты. — Не сюда, садитесь возле меня.

Избавившись от тесных туфель, Таджихан с удовольствием ступила ногами на мягкий ковер и тихонько присела на край кровати. Из горячего чайника, стоявшего на сундучке, налила в пиалу и подала жениху. Услышав стук своего сердца, невольно опустила глаза.

Тургунали глотнул чаю, поставил пиалу, снял с лица девушки покрывало с тюбетейкой и поцеловал в щеку. Таджихан, у которой замерла душа, не зная, что сказать, снова повторила:

— Посидим, поговорим... Столько надо сказать, Тургунали-ака.

Словно из-за дувала слышались ее слова: «Тургунали-ака...». Они жили по соседству, через дувал. Иногда, возвратившись с поля, Тургунали замечал, как девушка хлопчет у очага, подходил к дувалу и потихоньку звал: «Таджихан...» Тогда и она, если была во дворе одна, точно так же шептала: «Тургунали-ака...» Они всегда были рядом, общались тайком, чувствовали себя счастливыми. Но прошли те удивительные, нетерпеливые времена. Вот когда, казалось бы, достигли счастья... Что теперь будет? Если поговорить, то о многом можно сказать. Однако в такой вечер Тургунали рассеян, немногословен, словно что-то потерял. Таджихан согласна на все, лишь бы не остыло его сердце.

— Дувал, который посередине, надо снести... — сказал Тургунали. В его голосе слышался тревожный, горестный звук. Таджихан подняла голову и быстро взглянула на него. Тургунали тотчас обнял ее и поцеловал в губы. Это вышло грубовато, в тишине неловко прозвучал и звук поцелуя. Они еще долго молчали. Эта тишина особенно беспокоила Таджихан. Она попыталась шуткой разрядить обстановку.

— А что такое «гушанга»¹, знаете? — спросила она, тихо смеясь и закрывая пальцами губы. — Это означает — «все слышно». Свахи прислушиваются.

У Тургунали чуть поднялось настроение, и он поддержал шутку:

— Ничего подобного, тут нет ни ушей, ни свах. Это от слова «гуша» — укромное место, если хотите знать. Во-вторых, всех свах я прогнал за порог.

— Они хитрые, все равно услышат.

¹ Гушанга (тадж.) — занавес, за которым проходит брачная ночь. Гуш — уши, янга — свахи.

— Пусть слушают. Теперь я могу поднять вас на крышу и поцеловать перед всем кишлаком.

— Ой, бесстыжий! Вам все равно, если я так опозорюсь?

— При чем тут позор! Мы муж и жена, бумага от ЗАГСа в кармане...

В кармане еще была другая бумага — повестка из военкомата. Сегодня при-
слали, бессовестные. Это знали оба, все дело и заключалось в этой бумаге. Поэтому
они долго не могли одолеть молчание и повести веселый разговор.

— Таджи... мы еще очень молоды, все хорошие дни впереди. Я верю... ты бу-
дешь ждать.

— Тургунали... говорите вот так, на «ты», — сказала Таджихан. В голосе ее
слышался упрек: «В такие неповторимые часы...» Впервые Тургунали с любовью
широко улыбнулся...

— А помнишь, той весной, вечером... в тени трактора. Положил руки на твои
плечи, ты промолчала... потом моя рука невольно коснулась, где не дозволено...
Тогда мне показалось, что ты будто избита мной, оскорблена... ты так посмотрела,
что я был поражен. С тех пор, как виноватый, мучился, и теперь...

Таджихан промолчала, улыбнулась, склонив голову, незаметно пододвинулась
к нему. Тургунали вдруг прижал ее к груди. Девушка утонула в его широких
объятиях, словно стала маленькой. Тогда парень пожалел ее и, видимо, хотел сдер-
жать себя, а девушка, почувствовав это, прижималась всей грудью, задыхаясь от
страсти, и шептала: «Тургун-ака... для вас... теперь... такого места... нет.. совсем
нет...» Они стали единым существом, не могли насытиться друг другом и долго
глядели друг на друга. Первым пришел в себя Тургунали. Выпустив девушку из
объятий, обе ладони сложил на коленях и уткнулся в землю.

— Ты знала Ганиджана-ака из совхоза «Сырдарья»? Он научил меня водить
трактор. Женился на Хайри из вашего класса...

— Да, да.

— От него пришло «черное письмо».

— Боже... — Таджихан закрыла руками лицо и склонила голову.

— Ты знала Акмаля, который учился со мной. Сообщили, что пропал без
вести...

Таджихан поникла на месте. Тургунали почувствовал себя виноватым и стал
утешать ее:

— Да он сам был безалаберный, может, и на самом деле пропал...

Это у него получилось еще более неловко. И он снова прижал невесту к груди.
Но уже прежнего горения не было.

...Нет, Тургунали не оставит ее несчастной. А вдруг не сможет вернуться... Как
тогда будет носить эта нежная тростинка горькое имя «вдова»?

— Вы... ты живи в радости и веселье, как можешь. Жди. Я все равно вернусь, Та-
джи...

Эти слова были готовы выскочить из сердца самой Таджихан, в волнении она
положила голову на грудь жениха. Все существо Тургуна снова загорелось. Широ-
кая мягкая кровать, застеленная множеством одеял, белая простыня, скомканная
с края... Только в последний миг Тургунали сдержал себя, сказал: «Стой!» Сидел,
опираясь на обе руки, и полной грудью дышал ночной прохладой. Стой. Ради од-
ной ночи? Совесть есть? Если сорвешь цветок, он увянет, а если не тронешь, будет
цвести долго. Мир надежд не только твой, в нем много чудес. А вдруг не вернешь-
ся?.. Тогда это чистое существо должно найти свое счастье. Почему ты обязательно
должен украсть? Ладно, сосватана, однако, если что случится, она, может быть,
сыграет свадьбу с любимым...

Увидев блеск влаги в глазах молчавшего Тургунали, Таджихан соскользнула на
ковер и, преклонив колена, обняла ноги любимого. Она поняла мучительные думы
Тургунали. Однако сам Тургунали не мог понять пути и тропы, по которым блуж-
дали эти думы, существо его то загоралось, то леденело.

...В какой-то день все раскроется, все узнают... Кто что подумает тогда? Э,
после... какое значение это будет иметь! Пусть назовут кем хотят! Не буду делать
ее несчастной из-за одной ночи.

Прижимая к своему лицу холодные, дрожащие руки Таджихан, Тургунали
даже не заметил, как продолжение своих дум высказал вслух:

— Однако, если вернусь, то счастливее нас никого на свете не будет! Может
быть, в течение двух месяцев кончится война, может быть, в течение двух лет...
Ведь конец-то будет. А сейчас необходимо быть разумным... Иначе — преступле-
ние. Моя любовь... маленькая моя, очаровательная моя, почему я ее... вместо того,
чтобы лелеять...

Таджихан сейчас действительно была словно маленьким ростком, Тургунали
осторожно поднял ее с ковра, держа на руках, обошел комнату и уложил, как
малое дитя, на кровать, а Таджихан обеими руками обвивала его шею.

Он осторожно снял пальцами капли с ее глаз. Таджихан повернулась набок и прижалась губами к его руке.

— Бензином пахнут.

— Это хорошо, запомнятся руки, — грустно улыбнулся Тургун, ложась рядом набок. В таком положении, глядя друг на друга, словно желая запомнить любимый образ, лежали они долго.

Во дворе что-то стукнуло, вдали и вблизи один за другим пропели петухи. Кажется, рассвело. Тургунали пошел и потушил лампу. Уставшие за ночь глаза отдыхали в пробивавшихся сквозь занавес мягких красках рассвета.

— Сбереги занавес, пригодится для бешика...

— И люльку Айхан сберегу, — сказала Таджихан.

— Ты сперва сбереги саму Айхан, умная она девочка... Ведь знаешь, если будет у нас мальчик, потребуется другая люлька, курносая, — сказал шутливо Тургунали, потрогав пальцем губы невесты.

Эти полушутливые, легковесные слова были сказаны для утешения. А на самом деле рассвет тревожил сердца обоих: первая ночь их прошла не так, как представляют себе другие, однако будут ли снова такие ночи в их жизни? Эта надежда, хотя и тайная, жила в уголке их сердец.

Тургунали обнял любимую в последний раз, наслаждаясь ее запахом, долго целовал, потом надел костюм и, оставив по обычаю под матрацем деньги для свах, вышел.

2.

— Как будто и не было двух дворов, взгляните, как мы могли жить в такой тесноте! — сказал Дадаали-ака, закончив ломку глиняной стены и развев землю на приусадебном участке. Надев свою барашковую шапку на ручку кетменя и опускаясь на колени у арыка, он посмотрел на неожиданно открывшийся перед ним широкий двор, словно не сам создал все это. Действительно, двор был теперь просторный, ветер гулял из конца в конец. Вначале четырехлетняя Айхан, словно удивляясь чуду, бегала по белеющему следу дувала. А потом этот след исчез и забылось, что здесь стоял дувал. С этой стороны виноградник, с той стороны терраса с вьющейся изгородью. Начали жить в большом дворе одной семьей. Дадаали-ака — худощавый, со впалыми щеками, малорослый старик, был немногословен и трудолюбив. На голове летом и зимой носил барашковую шапку. Поэтому его друг Мадраим — председатель, дал ему прозвище Кузы-тельпак¹. Кузы-тельпак то хлопчет в хлеву, то бечевкой привязывает лозы винограда, то сидит затачивает тещу, словом, работает. Мать Таджихан — бабушка Икрама, со сползшим на плечи головным платком, ходит, как утка, вразвалку, она тоже из тех, кто не устает от хлопот.

Вечерами сват и сватья ставили на деревянный настил, расположенный между старыми дворами, две лепешки и блюдо с выжарками, горсть джиды и чайник чаю, изливали душу, точнее, говорил Дадаали-ака, довольный тем, что сполна выполнил поручение сына.

— Слушайте, сватья, удивляюсь я людям: отгораживаются дувалами, задыхаются от тесноты и духоты! — говорил он, теребя реденькую бороду. — Вот наш хлеб и чай между нами, сидим лицом к лицу, настроение радостное. Вскорости живым-здоровым вернется Тургунали, во дворе этом широком начнут бегать внуки...

— Ой, сбилось бы сказанное вами, сват дорогой, сахар вам на язык! — воскликнула старушка Икрама. — Вот сделала, как желал мой зять, все меж нами поровну, дай бог, доживем и до светлых дней...

— Пусть будет угодно аллаху. Слава ему, и невестка моя проворная, бог даст, счастье свое найдет в труде. Вчера увидел ее фото на Доске почета возле правления... «Дадаалиева Т.» — так прямо и написано, даже на глаза мои навернулись слезы. Вся она в нас, дай бог им долгой жизни, да прожить им до старости вместе!

— Я тоже видела, дорогой сват, но вместо того, чтобы обрадоваться...

— А?

— Одни женщины: девушки да девчонки... Только недавно на той доске висели фото наших мужественных джигитов...

Было поздний вечер. Икрама-буви раскрыла ладони:

— Ладно, сватушка, мы еще поговорим, дорогой, сватовство — сорок лет, сказано мудрецами. Пусть все будут здоровы в отпущенные им годы, аминь.

¹ Кузы-тельпак — барашковая шапка.

Она поднялась с места. В это время на вынесенной из гостиной на террасу широкой кровати, обняв прижавшуюся к ней маленькую Айхан, дремала Таджихан. Сейчас, в период выкормки шелкопряда, она возвращалась усталая, но все равно настоящий сон не приходил. До ее ушей доносился говор матери и Дадаали-ака (она до сих пор не привыкла называть его отцом), ее мучали взявшиеся откуда-то тревожные думы, тело горело, так и поворачивалось с боку на бок. Снесенный между дворами дувал ей кажется знаменем их вечной привязанности. Теперь этот дувал не может снова возникнуть. Ладно, раз так, но почему Тургунали оставил ее свободной, как будто хотел сказать: твоя воля, сама можешь распоряжаться своей судьбой. Или не поверил, что я смогу его дождаться? Что за жизнь? Не невеста, не вдова. Не жена, не девушка...

Словно недовольная этими думами Таджихан, Айхан заворочалась. Будто хотела сказать: никто же кроме вас этого не знает! Таджихан прижала к груди ее маленькое тело, словно желая насытиться от нее запахом Тургунали. Эти мысли стали приходить к ней в самые трудные минуты. В глубине сердца она понимала честное и чистое намерение Тургунали, однако оттого, что никому не могла раскрыть свою тайну, снова и снова думала: почему он оставил ее непорочной?

3.

Эти мысли снова вернулись к ней, когда она, неся на голове охапку тутовых веток, переходила через ряды недавно пробившегося хлопчатника. Тяжелые ветки тутовника перевешивались через голову, висели перед глазами, шея устала, со лба текли ручьи пота. «Почему он не верит? — будто кто-то все время спрашивал внутри нее. — Покажи всем, вот, мол, каково бывает ожидание! Или у тебя нет терпения? Или ты похожа на такую девушку?!»

— Или я похожа на такую! — сказала она вслух, когда дошла до арыка. Душный запах увядающих листьев стеснял дыхание, она начинала задыхаться. Нагнув голову, еле заметила арык, хотела перепрыгнуть, но задрожали колени, она присела под тяжестью веток. Дадаали-ака, который обрезал ветки на краю поля, прицепил ножницы на поясную платок и тотчас прибежал.

— Э, доченька, сказал же тебе не таскать такие тяжести. — Он хотел снять с головы невестки охапку и переложить на свое плечо, но Таджихан быстро встала на ноги.

— Нет, нет, папа! — сказала она и молодыми сильными руками резко подняла охапку. Волосы запутались между листьев, цепкие пальцы крепко ухватились за ветки.

— Я покажу, покажу, каково бывает терпение! Всем вам покажу! — говорила она себе. Дадаали-ака услышал, как она шепчет, но не понял ее слов. Услышав впервые от невестки слово «папа», он словно растаял и, сев на берегу арыка, глядел ей вслед. Что-то мучает ее. Себя не жалеет, чувства свои хочет выместить на работе. Нервничает, весельчаки даже дали ей прозвище Таджи-таджанг. Девушка она серьезная, терпеливая. Но что же делать, если милый, который мог бы ее утешить, далеко?

Хасан, остановивший на краю карты своего любимого гнедого, увидев Таджихан, вскочил на арбу и приготовился принять с ее рук связку веток. Взяв ее в охапку, словно обнимая девушку, он переложил зеленую вязанку на арбу.

— Хватит, Таджихан! — сказал он, стоя на груди веток и вытирая пот тряпичной кепкой. Потом перепрыгнул через высокое колесо кокандской арбы и, будто падая, ухватился за плечо девушки. С извинением взглянул в глаза Таджихан и стал снимать листья, прилипшие к ее растрепанным волосам. Пробивающиеся усики его казались намалеванными сажей.

— Я поехал. Джигита кормит дорога! Передайте вашему отцу, пусть заранее не обрезает много листьев, а то вянут. Сейчас отвезу и мигом обернусь, — сказал Хасан и этим вывел Таджихан из неловкого положения.

Его арба всегда исправна, никогда не скрипит, хозяин выбирает дорогу с мелко-травьем. Тщательно заботится о коне. Севший на коня забудет про отца, говорят в народе. Хасан же, если сядет в седло, сам себе бек, сам себе хан. Не тот наездник, говорит он, кто садится на коня, а тот, кто понимает его повадки. Без конца моет, расчесывает гнедого. В общем, достойно носит прозвище «арбакеш».

Хасан в этом году закончит десятый класс школы, в которой училась Таджихан. Его заявление лежит в военкомате. У лука много кожицы, у хорошего человека много друзей — все ровесники его вместе с ним подали заявление. Меня возьмут в кавалерию, говорит он и ждет. Идет истребление людей танками, истребление самолетами, а он на коня надеется. На коне собирается воевать... Хотя Тургунали

и его сверстники воюют в пехоте. Еще как воюют! В каждом письме сообщают, что судьбу войны решим мы, пехотинцы. «Решайте, побыстрее решайте, Тургун-ака, дорогой, я здесь, обо мне не беспокойтесь, лишь бы вы себя сберегли, я умею ждать, Тургун-ака...»

Не может Таджикихан изложить эти мысли в письме. На ум приходит много хороших слов, а когда садится писать... «В первых строках моего письма сообщаю вам привет и добрые пожелания от...» — так и строчит рука, а дальше длинного-предлинного списка имен никак не хочет идти. Наверное, в тяжелые минуты, ночи в сырых окопах или перед боем Тургунали нужны другие слова... Однако Таджикихан все скажет, с каждым днем в ее нетерпеливой душе накапливаются и горькие, и счастливые слова, собираются, переполняют ее, и когда он вернется, она все выложит перед ним, если не словами, то жаром души... «Тургун-ака, лишь бы вы вернулись живым...»

Издали послышался веселый голос: «Чу!» Таджикихан вздрогнула. Подтянула обтягивающую стан жилетку, поправила волосы и, стоя на краю карты, с улыбкой глядела на едущую вдаль арбу. «Таджихан» — еще говорит. Сам на два года моложе ее, хотя бы раз назвал «келиной», как ласково называют жену старшего! Или что-то знает этот арбакеш? Вдруг посмотрит в глаза, а потом опять уставится в землю, то шутит, а то в зрачках жалость или мольба... Не может быть, чтобы действительно знал ее состояние! Просто нетерпеливый, неутомимый подросток. Однако не ветреный, чертенок, умный мальчик, Хасан-арбакеш.

Позавчера, когда еле успевали доставлять корм червям, Хасан здорово устал, нося на голове тяжелые охапки листьев. Снял взмокшую рубашку, облил темное жилистое тело водой, черпая из арька ведром, потом сел, опершись о ствол тутовника.

— Таджикихан!

— Слушаю.

— Вы звеньевая, так?

— Да.

— Неужели нельзя этот проклятый... посадить как-то кучкой на одном месте?

— Что посадить?

— Тутовник, что же еще? Не видите, что ли, на таком огромном поле деревья торчат поодиночке там и сям. На той стороне — четыре, на этой — три... Там задел трактор, а здесь химикалиями обрызгали. Один пучок тащим за километр, а другой за полкилометра, тащим, затаптывая ростки хлопчатника... Три года вы получаете по девяносто килограммов коконов с каждой коробки грены, имя ваше известно, везде слушают вас. Скажите председателю, давайте создадим большой массив тутовника. Зеленые листья пусть шумят, как волны морские! А на этих полях и трактора, и машины будут разворачиваться привольно. Или я не так сказал?

Слушая его, Таджикихан сидела, чертя землю прутиком, и в последующие дни перед ее взором возникал Хасан, сидящий в тени тутовника. Никак не забывались эти его слова. Подумала: действительно, половина времени коконоводов уходит на то, чтобы доставлять листья, иногда бывает, что листья, доставленные с полей, заражены химикатами, отчего черви болеют. Иногда домохозяева не дают обрезать тутовые деревья в своих дворах, в пути увядают с таким трудом собранные листья, которые потом сжигаются вместе с мусором! Как было бы хорошо иметь свой тутовый сад! Сахар тебе на язык, Хасанджан! Те зеленые волны снятся и Таджикихан. Однако что же ей делать, когда кругом одни женщины, старики, дети, инвалиды... Даже работавший ранее на рытье каналов Мадраим-раис, сильный кетменщик, вдруг состарился за год. Налитых силой сыновей по одному, с болью, как выдирают зубы, отправил он на фронт. Позавчера, раздавая их детям джугару, ослаб и осел в углу склада. Говорят, что заявил так:

— Лучше копал бы я день и ночь сырую землю.

Разве Таджикихан сейчас сможет возбудить такой разговор перед этим чело-веком?

После того, как много раз вспоминала она эти слова Хасана, Таджикихан вдруг испугалась и сказала себе: «Стоит! Что же меня мучает? Его разговор? Или... он сам? Надо забыть все это. «Зеленая волна...» — выдумал тоже. Колхоз и так еле держится на ногах. На половину трудодня распределяют ячмень, на другую половину — жмых. Приди в себя, Таджикихан, подумаешь, увлеклась мыслью подростка... Да, подросток же зеленый, а кто же еще?! Арбакешем еще зовется, смотрите какое величавое имя. Предложения вносит всякие, за кого он себя считает?! Слово «келиной» стесняется сказать».

Потом Таджикихан стала меньше об этом думать. А когда черви вошли в возраст и беготни стало больше, она почти забыла о разговоре. Переборщицы в тени карагача, доверительные беседы, огромные корзины, полные коконов, переливающихся серебром, демонстрация друг другу атласа, бархата и других материалов, полученных за сдачу продукции. Жаркая пора. Период сдачи урожая, когда души девушек и женщин полны радостью. Но эти дни тоже отшумели. А через два месяца вместе с четырьмя опытными шековедами области Таджикихан наградили орденом «Знак Почета». Не успели большую червоводню освободить от стеллажей, как нагрянули гости с поздравлениями. Этот случай произошел в то время, когда Тургунали почему-то замолчал и Таджикихан была растеряна. Пришел председатель, явились близкие; народ, которому надоели похоронки, несколько оживился. И бабушка Икрама все выложила на стол, еле успевала подавать, а Дадаали-ака по обычаю встречал гостей у ворот. Счастливая Айхан переходила с рук на руки, двери открыты днем и ночью, даже цветники во дворе были истоптаны.

Однако Таджикихан быстро взяла себя в руки, вдруг вспомнив слова Хасана, и так задумалась, словно не она получила орден. Домашние чувствовали себя неловко за нее перед теми, кто приходил с подарками, цветами, приветствиями.

Таджихан сама знает тайну высокого урожая.

Кокон — это золото, добытое из воздуха, — говаривал ее дед. Это он вместе со старухой Гульбазар привел четырехлетнюю Таджикихан в червоводню. Не только «добываемое из воздуха золото», но и ползающие по листьям и шумящие словно водопад пушистые черви, и белые, как кораллы, коконы на ветвях с запахом базилики — все казалось девочке чудом.

Дедушка ее, хорезмиец Матюсуф-хукки, что значит сутулый, был веселым человеком, даже в старости поплясать рад был. Если бывал в настроении, говаривал: «Дим яхши, адаб!»¹, если не в духе — «Навало!»². Не любил споры и ссоры. Скорее ветер мог угомониться, чем он. На голове — феска, руки всегда в глине. Вот эти гостиные, которые дважды в год превращаются в червоводни, он возвел своими руками, таская болотную глину из Каразавура. К чему были эти мученья? Люди зовут соседей на хашар, с радостью и весельем строят дом, который когда нужно превращается в червоводню. Нет, Матюсуф-хукки не согласился на хашар, заявив, что никто из местных не умеет строить так, как надо. Проработал шесть месяцев и построил дом с этими двумя большими комнатами. Стены такие, что ни зимний мороз, ни летняя жара не проникают: температура всегда одинакова. Очень хорошо, удивительно!

А мать? И ее жизнь прошла в этих комнатах, на коленях возле этих стеллажей, и слава ее тоже пошла из этой червоводни. Времена, когда она еще носила паранджу, остались в памяти Таджикихан. В те годы входило в обычай распределять грену после централизованного оживления в специальном инкубаторе. Когда Икрамахан возвращалась из района и снимала с головы паранджу, дом заполнялся запахом формалина. Она посещала лабораторию в районе, в те годы там обучали первых женщин-шелководов. Каждой весной Икрамахан возвращалась из инкубатория с полкоробочкой червей. Это, кроме сокращения на десять дней периода кормления, избавляло от больших трудностей вегетационного периода. Черви росли бодрыми, сильными, с хорошим аппетитом, давали обильные коконы.

Эту тайну в то время большинство червоводов еще не знало. Может быть, Икрамахан вначале даже скрывала это от соседей, кто знает, может, так и было.

Таджихан помнит: в те годы мать поработала еще и в специально построенных в районе больших червоводнях, рассчитанных на десять-пятнадцать коробок. Поработала один сезон и бросила.

— Разве это заменит глиняные стены, сложенные дедушкой, доченька! — говорила она. — Ни женщин, ни червей не нужно отделять от дома, да. Бетон — это такая холодная вещь: то втягивает сырость, то увеличивает влажность. А бедные женщины то и дело бегают от печки к термометру, от термометра к печке, забывают при этом о живых существах. Половина мыслей про дом, про детей. Один раз черви заболеют, в другой раз — ребенок.

— Э, они узнают запах человека, да, — продолжала мать, подавая мелконарезанные листья. — Они любят человеческое жилье, чувствуют тепло тела, проказники. Ты видишь, ползет по стеллажу, но никуда не уползает, если даже голодный. С надеждой лежит здесь и ждет!

¹ Очень хорошо, удивительно! (хорезмск.)

² Что за беда! (хорезмск.)

Таджихан знала, что благодаря этим «тайнам» получают большой урожай. Однако ведь нужны и новые знания.

5.

В том углу, где стоит знамя колхоза, торчит и прошлогодний куст хлопчатника. Хлопок в коробочках весь пропылился и потерял свой цвет. Стоят начальные дни осени, однако в кабинете уже сыро, и большой сейф, покрашенный в белый цвет, словно еще более холодит помещение.

Мадраим-ата один сидел за столом. Когда увидел Таджихан, нерешительно вошедшую в кабинет, кажется, в его старое тело влилось человеческое тепло. Как быстро подрастают наши дети. Помощники! А эта — лучшая из них, орденосеиц! Хотя и за шелк, но все равно орден. Во время войны! А сама еще девочка. Непростое это дело! Кем был Мадраим в ее возрасте?

Однако председатель, сперва приветствовавший ее ласково: «Проходи, дочка, садись!», затем выслушал ее необычные слова, уму непостижимые предложения, нахмурил поседевшие брови и огорчился. Хотя государство и повесило ей на грудь орден, она, оказывается, все еще ребенок! А он хотел выдвинуть ее бригадиром. Однако стоит послушать, что она мелет! Думает, если уж ее имя упоминают в газетах, то...

Выпрямившись за столом, он устало улыбнулся, поднялся и обошел вокруг стола. Борода отросшая, на голове старая ушанка с торчащими ушами, на них висят шнурки — эту ушанку Таджихан знает еще с детства. Заметив, что председатель не принял всерьез ее предложение, она решила не отступать.

— Вот так. Из-за хлопка тесно стало нам, раис-аксакал,— заключила она.

Услышав это, Мадраим-ата уставился на нее бесцветными глазами. Старик, жизнь которого прошла в рядках хлопчатника, первый раз в жизни услышал такие неуважительные слова о хлопке.

— Механизация, химизация... — продолжала Таджихан.— Все это нас, шелководов, вытесняет с поля.

И эти слова задела председателя за живое. Откуда она взяла такие слова? Недаром, оказывается, прозвали ее Таджи-таджанг!

— Послушай, цвет дехканства — на фронте, не задевай ты технику в такое время, когда нам ее не хватает.

— Наоборот, — сказала Таджихан. Она тоже встала с места.— Тутовники вынесем с полей, карты расширятся, выровняете поля, и будет простор для техники.

— Говоришь ты, как будто семечки лузгаешь... Восемь-девять гектаров! Откуда я возьму тебе восемь-девять гектаров? Люди в такой нужде живут, а отдают свои огороды под хлопчатник. Ты сама-то знаешь, что значит хлопок во время войны? Каждый со своего минарета призывает на молитву... Говори дело, не будь фантазеркой, еще молода. Земля-то не моя собственная.

— Поставьте вопрос на правлении, оно вынесет решение и выделит землю.

— Не вынесет решения. Потому что на заседании правления я такой вопрос не поставлю, понял? Когда будешь председателем, тогда сама и поставишь. А теперь иди. Иди, дочка, придешь после войны,— Мадраим-ата попытался взять ее под руку и отвести к дверям.— Да, кстати, от Тургунали так и нет известий до сих пор? Эх-хе... Будет, обязательно будет известие. Моему другу Дадаали передай наилучшие пожелания, в свое время мы были с ним очень...

Таджихан вырвала руку.

— Вы, раис-аксакал, научились утешать посетителей хорошими словами, наполнять пазуху пустыми орехами, выпроваживать под руку.

Мадраим-ата огорчился от этих слов. Чтобы не показать вида, сел на место. А Таджи-таджанг продолжала:

— Засиделись вы, раис-аксакал, на этом стуле... Вы сказали — время войны, но в такие тяжелые дни, наоборот, надо уметь выслушивать людей. Может быть, помогут думать по-новому. Глядишь, возникли бы разные полезные предложения...

Человеку, занятому день и ночь нуждами бедных вдов, состарившемуся и уставшему, такие слова, женщины не женщины, а так, молодухи, показались несправедливыми, неучтивыми. Он сгорбился и вытер пот со лба, не понимая, откуда взялась в этой сырой комнате испарина.

А Таджи-таджанг, горячась как обычно, теряя способность понять состояние собеседника, говорила:

— Хороший хозяин, если желает получать доход в течение всего года, должен поддерживать шелководов, раис-аксакал. Доход от шелководства здорово поможет тогда, когда от других отраслей его не поступает. Так? Это во-первых.— Таджихан

загнула мизинец левой руки, утверждая сказанное.— Как вам известно, другие места страны, которые давали шелк, заняты врагом. Вы понимаете, что я хочу этим сказать. Это во-вторых! — Она загнула и безымянный палец.— В шелководстве, дедушка-председатель, могут работать и люди, трудоспособность которых ограничена. Я говорю, зная внешнее положение, это в-третьих! — Таджихан загнула еще один палец. — В-четвертых... Вы говорили о значении хлопка в дни войны. Вот, прочтите в газете о героизме десантников в тылу врага. Они опустились туда на парашютах...

Она замолкла, столкнувшись взглядом с глазами Мадраима-ата. Эти глаза словно просили жалости и сочувствия. Однако, встав с места, председатель чуть улыбнулся. Потому что слова, подготовленные Таджихан для выступления на заседании правления, вышли чересчур официальными, даже чуть смешными в их совместной беседе.

В холодной, сырой конторе воцарилась тишина. Таджихан было подумала, что испортила все дело, но председатель неожиданно сказал:

— Доказала, дочка, очень хорошо доказала, молодец! Стала большой, умной девушкой. Война заставляет вас расти быстрее... Теперь я обращаюсь к твоему взрослому уму. Слушай и думай, невестка: вот уже два года подряд колхоз не может рассчитаться с государством. В прошлом году урожаем снизился до одиннадцати центнеров с гектара! На этот год, если сумеем, соберем по тринадцать. Так знаешь, какого труда, каких жертв потребуют эти два дополнительных центнера? Когда расплатимся с долгами? Колхоз никогда так не позорился перед государством. Ты не думай, что замучила дедушку-председателя. Меня ты не мучаешь, выслушав твои умные слова, я и сам вроде стал моложе. Меня мучает другое. Что мне делать, дочка, я не думал, что, когда состарюсь, окажусь таким слабым. Не годен я на войне и тут довел хозяйство до такого состояния... Говорят, когда волк состарится, то кажется смешным в глазах собаки.

— Раис-аксакал...

— Извини, я не хотел показаться тебе таким слабым, беспомощным, другу моему не говори ничего об этом.— Он расправил плечи, поискал в карманах тыквугорлянку для насвая, но, передумав, положил ее обратно и официальным голосом подытожил разговор: — Землю для тутовой плантации дать не могу, лишней площади нет, не только десяти гектаров, но даже и десяти пядей! Вот так...

Не ожидавшая такого окончания беседы, Таджихан постояла с широко раскрытыми глазами, потом, словно кто подтолкнул ее, резко повернулась и вышла.

6.

Однако через четыре дня она, волнуясь, снова вошла в эту контору. Пришла и не отыскала председателя. Сторож сказал, что в одном из домов поминки, может быть, он там. Она пошла туда, но председатель уже успел уйти. До вечера тщетно бегала от бригады до склада, от склада до заготпункта. Как нарочно, осенний дождь лил беспрестанно, иногда она была не в силах вытащить из грязи намокшие кирзовые сапоги. Наконец, когда она притащилась на ферму, председатель оказался там. Была корова, дающая много молока, называли ее Пеструхой. Вот эта Пеструха не могла разродиться, и испуганные женщины вызвали раиса на ферму.

В брезентовом фартуке, без головного убора, Мадраим-ата, улыбаясь, на руках вынес из хлева блестящего, как медь, длинноногого теленка. Руки и сапоги мокрые, фартук весь испачкан. Но, несмотря на усталость, он довольно улыбался.

— Его надо внести в теплое помещение и завернуть. Смотрите за матерью,— сказал он окружавшим его женщинам,— бедняга, очень уж она худая...

Когда председатель умылся и оделся, Таджихан нашла его под навесом, где хранилась шелуха.

— Я знаю, зачем ты пришла, доченька,— сказал Мадраим-ата, поискав тыквенную горлянку в поясе. Такая у него была привычка: когда волнуется, то отыщет горлянку для насвая, повертит ее в руках и снова положит на место.— Слышал, что ты зачастила в Каразавур.

— Оказывается, Каразавур никому не принадлежит, раис-аксакал, там более шести гектаров...

— Болота, заросли дикого камыша, гиблое место. Не зря называют Каразавур¹, кому он может принадлежать, кому нужна малярийная яма...

— Теперь будет принадлежать нам, разрешите, как раз нам подходит.

¹ Каразавур — кара — черная, завур — старая дренажная канава.

Председатель наморщил лоб.

— В твоём звене три с половиной рабочие руки, и те... Осушить болота, превратить в плодородное поле, в зеленый массив столетние заросли камыша — мыслимое ли для вас дело? Ты подумала об этом?

— Подумала.

— Я не смогу достать вам и посадочного материала!

— Выкопаем подвой на простях полевых тутовников, привезем к ним новые сорта «Сурхутут» или «Мирзачуль». Ваш друг... Мой свекор...

Тут Мадраим-ата схватил обеими руками ее непокрытую голову, с которой стекали капли дождя, и прижал к груди. Поцеловал в лоб. Таджихан, чуть не плача от радости, глядела в его морщинистое лицо.

— Упрямство твое мне понравилось. Мой друг Дадаали знал, кого брать в невестки. Бери, даю один трактор.

— С ковшом!

— Если с ковшом, то он уже называется экскаватором.

— Да, он самый.

— Найдем. Как-нибудь найдем. Благословение тебе, молодец, доченька, так держи! Однако будь осторожнее, это ведь дело мужское. Чтобы Тургунали потом не был к нам в претензии.

Но в это время Таджихан, словно бабочка среди трав, вдруг исчезла. Услышала она или нет последнюю шутку, Мадраим-ата не знал, шумела только дождевая вода, стекающая с навеса.

Сердце старика, которое задело дыхание юности, затрепетало, он замер, вглядываясь вдаль. Дождь, дождь... Снова идет осень, за ней зима. Идут, побеждая все на свете. К сожалению, и людская жизнь не исключение.

7.

Когда тутовники начали желтеть, Дадаали-ака, бабушка Икрама, Таджихан, Хасан и маленькая Айхан — все сели на одну арбу и отправились в путь. Хасан в кепке набекрень сидел в седле, обеими ногами опираясь на оглобли арбы, и, как бы измеряя путь, говорил:

— Двенадцать верст туда, двенадцать — обратно мне на лошади путь в час, каждый день вечером даёте разрешение на три часа, договорились, звеньевая? — перед родителями Таджихан ради беспристрастности Хасан называл ее звеньевой. — Должен навеститься на почту, может быть, поступит повестка. — В этих словах чувствовался укор Таджихан: «Может, уеду, завтра, а может — послезавтра».

— Съездишь, сынок, съездишь, под тобой гнедой, езжай хоть каждый день, может быть, будут какие известия от Тургунали, — отвечал Дадаали-ака.

Лишь после упоминания о Тургунали умолк Хасан. Эти слова отца заставили задуматься и других. Белели в тумане тополя кишлака, дремлющего на лоне адыров, на высохших листьях деревьев вдоль дороги блестела роса, арба качалась и скрипела, конь шагал мерно, позвякивая удилами, гулял холодный порывистый ветер. Хорошо, что не мешкая отправились в путь, а то может пройти благоприятное время. Дадаали-ака в душе намечал сроки всех дел, затем твердил Таджихан: если этой осенью успеет выкачать подземные воды Каразавура и вспахать один раз, то ранней весной можно и привить тутовники, а осенью следующего года перенести на новый массив. Глядишь, за два года зашумит листва!

— На новом массиве вы должны будете ухаживать за тутовником, как за настоящим садом. Это такой сад, чьи плоды — драгоценные листья. Если сад сумеешь орошать разумно, то сможешь в нужное тебе время получать листья, мягкие, как шелк.

Однако когда они достигли цели и бросили первый взгляд на поросшую камышом болотистую низменность, то слова Дадаали-ака о саде улетучились, как прекрасные грезы. И Дадаали-ака, и Таджихан, и Хасан, хотя и видели не раз болотные заросли, сейчас были смущены видом этих мест. Черная вода, желтый камыш, бурые тугаи, а над ними серые рваные облака — все это теперь бросалось в глаза раздельно и крупно. Сам Каразавур, заполненный густой вонючей жижей, виднелся посередине камышовых зарослей, с двух боков спускавшихся к болоту. Предстояло приложить руки к этим диким местам, поэтому, пока страх не обуял души, надо было быстрее слезть на землю и не мешкая начать действовать.

— Слезаем, вот здесь хорошее, высокое место, просторно! — сказала Таджихан нарочито бодрым голосом, чтобы отогнать крадущиеся к сердцу сомнения, и сама первая спрыгнула с арбы. Она была в брюках и сапогах, на плечах — мужская телогрейка.

Пока сгружали с арбы палас, одеяла, матрацы, котел и посуду, Дадаали-ака сходил поразведать тугай.

— Отличный камыш, такой растет только на заболоченных местах. Незаменимый материал для крыши.

— Я говорила, чтобы скосили камыш,— Таджихан обвязала шарфом шею маленькой Айхан, а рукавицей вытерла ей нос.— Но кто сейчас сможет это сделать, у кого хватит сил!

— Ладно, самим пригодится,— заметил Хасан, стреноживая коня.— Сейчас соорудим шалаш и отличную землянку.

— Отцу твоему благословение! — сказал оживившийся Дадаали-ака.

Попив чайку под оглоблями арбы, приступили к работе. Первый день очищали облюбованную высотку от черной лебеды и сооружали шалаш из камыша. Сапоги Таджихан были в глине до голенищ, пушинки и семена камыша сыпались за шиворот, вызывая зуд, шея и лицо были в порезах.

— Это еще ничего, вот, боюсь, комары житья не дадут,— слышался глуховатый голос Хасана.— Даже осенние холода им нипочем, только тронешь камыш, они тучей взлетают и лезут в лицо!

— В низину не спускайся, утонешь!

Их веселые голоса слышались среди густого камыша двух-трехметровой высоты, шелестящего под ветром.

— Вай, о боже! Крыса!

— Может быть, ондатра!

— Где тут в дюны болоте может быть ондатра. Надо поджечь это проклятое гнездо малярии!

К вечеру Дадаали-ака соорудил шалаш. Бабушка Икрама и Айхан настелили на землю камыш, сверху расстелили кошмы.

— Шабаш, завтра обмажем снаружи глиной! — сказал Хасан.— А мужчинам выкопаем землянку. Посмотрим, у кого будет уютней.

— Я буду спать в шалаше, я буду спать в шалаше! — кричала, бегая, Айхан. Здесь все для нее было чудом...

8.

Назавтра Хасан поджег тугай. Вот теперь посмотреть на чудеса бегали не только Айхан, но и бабушка Икрама, и Таджихан. Утренний ветер бросался клубами дыма и копоти то сверху, то снизу. А когда утихал немного, то огонь лез вглубь, пожирая сухие заросли. За облаками дыма скрылся горизонт. Поднявшиеся стаи птиц металась в небе, а потом вдруг умчались. Когда ветер усиливался, языки пламени удлинялись, наступали на заросли, а повстречавшись с зелеными островками осоки, снова укорачивались и выпускали горький дым.

— Вон лягушки поджарились! — кричал Хасан. Айхан, не видевшая в жизни подобного пожара, то пугалась, то, глядя с удивлением, вдруг вскрикивала и улыбалась. В волнении Айхан не стала даже есть кукурузную лепешку, все бегала и смотрела, как пламя пожирает камыши.

Казалось, тугай будут гореть день и ночь. Однако к сумеркам осталась только дымящаяся земля.

— Божья сила! Огонь — страшная вещь... — сказал Дадаали-ака, качая головой. Густой запах гари наполнял воздух. Дремавшая черная земля соединилась с черным небом ночи, осевшей на Каразавур.

Через день Хасан привез на арбе еще целый кузов мешков, тачки, разномерные доски, корзины с ручками, лопаты, кетмени. К арбе была привязана коза.

— Отец сам привязал к арбе. Говорит, если утром не пить шир-чай, то откуда возьмутся силы. Это правда, бабушка Икрама?

— А как ее зовут? — спросила Айхан.

— Супи.¹

— Супи! Ну, иди сюда! — повела Айхан на веревке козу. Ей очень понравились и коза, и ее прозвище.

— Будешь шефом Супи! — сказал ей Хасан.

— Ладно, травы скошу. Можно ей укоротить бороду, а то пожелтела.

— Нет, так не пойдет. Разве супи бывает без бороды! Если вымоешь — другое дело.

— Хорошо, — согласилась Айхан, нашедшая себе дело.

¹ Супи — муэдзин (нар.)

Чаще всего возле шалаша она оставалась наедине с Супи, потому что все работали в завуре, и они стали с козой как бы понимать друг друга. Если коза была голодна, то она ела все подряд: гумай, вейник наземный, заразиху, щавель. Супи оказалась умной, ручной, что прикажешь — исполняла. Айхан проделывала с ней все, что хотела, только вот не могла доить.

Когда все приходили вечером, измазанные вонючей глиной, Айхан тоже бывала усталой и, выпив пиалу козьего молока, засыпала.

А взрослые, умывшись и почистив сапоги, ужинали и ложились спать кто в шалаше, кто в землянке.

Звездная ночь холодна. Полевой сон крепок. Только три-четыре зеленых «островка», полуживые от огня, все еще дымят, все еще распространяют кислый запах гари. Стреноженная лошадь беспокоится от этого запаха. Время от времени ржет, нарушая сны и тишину ночи.

9.

Ширина дренажной канавы более двух метров, глубина — в рост человека, она полна болотной жижи. Последние десять лет нога человека не ступала в этих местах. Поверхность болота — серого цвета, болото не жидкое и не густое, а мягкое. Кетмень вонзается легко, да вытащить массу трудно. Самое страшное — это вонь, особенно в тех местах, где пожиже, так воняет, что становится трудно дышать.

Дадаали-ака с кетменем, бабушка Икрама с лопатой перекадывают глину. Хасан и Таджихан вначале таскали жижу на берег в носилках. Потом Хасан придумал другой способ: на берег канавы бросили доски и по ним начали катать тачки. Одна у Таджихан, другая — у Хасана, две тачки задвигались безостановочно, и пошло дело. К вечеру образовалось порядочное углубление, которое наполнилось просачивающейся водой.

— Эх-хе! — сказал Дадаали-ака, потирая испачканные в глине руки. Сбывались его предсказания. — Вот так будем постепенно отводить воды болота. Для этого завур должен быть целиком чистым. Тонок хворост, а соберешь — дрова будут. Понемногу и закончим.

— Ворона каркает и себя радуется... — сказала, задыхаясь, бабушка Икрама. С грустью взглянула она на Каразавур, распластавшийся на сотни метров и наполненный болотной жижей, и, еле вытянув сапоги из глины, вылезла на берег. Ей уже пора было зажигать огонь в очаге. Когда позади себя услышала, как сват ухает кетменем, выворачивая землю, тихо прослезилась. Лишь бы старик не получил грыжу... Эх-хе, где же наши джигиты, где молодцы, которые за сорок дней отгрохали Ферганский канал! Где они сейчас? Если бы были здесь даже только зять Тургунали и братишка Инамджан, и то не дали бы старику и старухе копаться в болоте! Тяфу-тьфу, что она говорит, о аллах, лишь бы были живы, лишь бы вернулись домой живыми и здоровыми, а мы выдюжим с божьей помощью...

Над зарослями осоки, чьи стебли от ветра трутся друг о друга и шелестят, летит сорока с неприятным криком. Бабушка Икрама зачерпнула воды и поставила на огонь кумган. Засохшие ветки тамариска горят с треском. Кумган вскоре зашумел.

Пришел сват. Сели, скрестив ноги, и молча стали пить яблочный чай. Дадаали-ака не выдерживает и начинает успокаивать себя и жену.

— Говорят: глаза трусят, а руки работают, если будет угодно аллаху, то одолевем... Мы, сватья, не будем бахвалиться: «Хлынула вода — выпили, камень упал — сгрызли». Пока живы — в почете, будем мертвы — в могиле, говорят в народе. Вообще это удивительно, что мы вместе. В одном доме десять живых существ — друг другу гости.

Бабушка Икрама сильно загрустила после таких слов, на глаза навернулись слезы. Когда сват встал и перекинул кетмень на плечи, она долго еще не могла встать, все сидела и сидела у очага, уморилась старая.

Айхан торопит подоить козу, а бабушка Икрама не может встать с места. Давно тяжкие думы — обессилела. Инамджан был призван в армию до войны, теперь письма идут с фронта. Взрослым становится его сын Саттарджан, не помнит отца. Может быть, это зависит и от матери; почему бы ей не показывать почаще фото отца и не твердить: вот это твой отец, с фронта он вернется героем! Напоминать бы почаще! Нет же, с самого начала невестка не понравилась бабушке Икраме. Кокетлива она, глаза какие-то блудливые... Как бы ребенок не отбил от рук, о аллах!

В это время в сумерках Дадаали и Хасан привели Таджихан под руки. Она завязла в болоте, ее начало тошнить. Еле вытащили, вся дрожала и все время мучительно икала. Таджихан сама смущена случившимся, умываясь, старалась улыб-

туться окружавшим. Она заявила: «Этот запах идет следом, никак не покидает меня» и, обессилив, долго лежала возле матери, потом, завернувшись, уснула.

Бабушка Икрама не спала. Какие только мысли не приходили в голову, обвиняла себя: она, как мать, должна была спросить у юной невестки, прежде чем пускать ее в болото...

Однако утром Таджихан была бодрой. Когда мать на ухо зашептала, засмеялась громко:

— Ой, какая вы интересная, мама, что вы говорите! Только вот... едкий запах преследует меня до сих пор.— Чтобы окончательно избавиться от вчерашнего смущения, весело прикрикнула:— Эй, просыпайтесь, покорители Каразавура! Дадаали и Хасан выскочили из землянки.

— Эй, покорители Каразавура!— как эхо, повторила Айхан. На стоянку вернулся бодрый дух.

— Ты стереги Супи,— сказал Хасан, надевая набекрень тюбетейку, принявшую цвет болота.— Чтобы она не ушла в кишлак, дорогу она знает.

Снова потекли обычные дни. В сумерках возвращались усталые, все в глине. Ужин, чистка и сушка обуви и одежды у очага теперь происходили без слов, в тишине. И погода стала неопределенной: в небе повисли кучевые облака, то начинает капать осенний дождь, то ветер несет дыхание снега. Холодный ветер качает шалаш и заставляет дрожать пламя лампы, неприятно шуршит засохшей колючкой. Беспокойный сон на сыром полу; старики, у которых ломит кости, встают в полночь и поправляют одеяла на молодых, затем в думах дожидаются рассвета.

Однако держатся стойко. Если имеется даже половина кукурузной лепешки, Дадаали-ака зовет всех: «А ну-ка, подходите, говорят, что к еде, употребляемой в одиночку, присоединяется сатана!» А кивает на закур: «Где работа, там и еда, нажимай, пока закур сонный!»

— Да будет благосклонность бога!— присоединяется к нему бабушка Икрама.

Молодежь, особенно Таджихан, очень изменилась. Глаза ввалились, и сама вроде уменьшилась. Пытается показать себя веселой, но не получается.

С утра хваталась за тачку, несмотря на то, что у нее дрожали колени, зло старалась выместить на мучительном труде. «Простудилась, простужена она,— горевала мать.— Ждет известий от Тургунали, бедная. Если вечером Хасан отправляется в кишлак, то не смыкает глаз до его возвращения, лежа в шалаше, прислушивается к топоту гнедого. Засыпает после того, как Хасан, вернувшись, скажет: «Никаких вестей». Видя, как она плачет во сне, у бабушки Икрамы сердце обливается кровью. Пришло бы хоть самое малое письмо... хоть какое...

Через неделю из МТС прислали экскаватор. Это был Э—153 с маленьким ковшом. Дай бог здоровья Мадраиму-ата, хоть такой прислал! Однако машина начала портиться со дня прибытия. В первый день, упершись железной «ногой» о берег канавы, вонзив железные когти в болото, словно в сливочное масло, начала она опрокидывать глину.

— О боже, этот молодец делает работу пятнадцати человек!— сказал Дадаали-ака и, опершись на кетмень, с торчащим ухом бараньей шапки, долго смотрел. Над почерневшими зарослями камыша голубело небо. У всех поднялось настроение. Особенно Дадаали-ака повеселел, как будто перед ним уже зазеленел тутовник. Сияющими глазами он взглянул на невестку: «Ну как?»

— Хотя ваш друг и грубиян, но хороший человек, папа.

— Этот железный богатырь молодец. Нам станет полегче,— сказал отец.

Но только он сказал это, как вдруг заглох мотор, кругом наступила тишина. Экскаваторщик соскочил с сиденья и посмотрел на Дадаали-ака:

— Вы сглазили, бабай!

Это, конечно, была шутка.

Этот глухой длинноволосый парень, от одежды которого всегда пахло мазутом, был шутником. Из кожаной сумки с шумом вытряхнул инструменты и, улыбаясь, полез под машину. Хасан поспешил на помощь.

— Конь лучше, друг, не портится!— выкрикнул он. Тракторист все равно не услышал. Прошлой осенью, работая на тугаях, он схватил малярию, после чего малость оглох.

— И здесь есть малярийные комары! Не бойшься?

Тракторист не услышал. Хасан побежал и, поймав прилипшего к листу комара, притащил его к машине.

— Вот! Если заснул, выставив задницу вверх, как кокандская арба, то считай, что это малярийный! Знать надо!

Тракторист понял, улыбнулся дружелюбно:

— Теперь об меня обломает зубы! Иммуניתет! Понимаешь? Подержи вот это,— сказал он и дал Хасану большой ключ. А сам стал бить с размаху молотком

по концу болта. Всем понравилось, как они сразу сдружились: что с них возьмешь, не держатся у них печали, подростки, выросшие в совместных играх...

К полудню снова зарокотал мотор. Этот шум оживил всех, звал на работу, прибавлял силы. С трудом, но дело пошло.

Только было плохо то, что ухудшилось состояние Таджихан. На другой день она вышла работать вся в жару, это заметили сразу. Вначале она прилегла было на пожелтевшую траву, чтобы немного отдышаться, однако это не помогло, и ее отнесли в шалаш. Ее вид расстроил всех. Люди, которые не жаловались на ночные холода с инеем, на то, что бабушка Икрама не испекла лепешки, так как кончилась мука, на то, что трактор беспрестанно выходил из строя в горячую пору работы, теперь были сражены болезнью Таджихан. Только сейчас они осознали, что она была и главой семьи, и невесткой, и дочерью, и душой этого маленького коллектива. Это стало понятно на другой день, когда они вышли на работу без нее.

После полудня прибежала взволнованная Айхан.

— У ая зубы стучат!— сообщила она, широко раскрыв испуганные глаза.

Бабушка Икрама пошла в шалаш и, видя, что дочь без движения, испугалась. Оказалась, что Айхан укрыла ее еще и своим матрацем и одеялом. Потрогала тело.

— Боже мой, вся мокрая, доченька!

— Я уже согрелась, согрелась, мамочка. Укройте меня еще, вон вашим одеялом,— проговорила Таджихан. Желая успокоить мать, она не стала рассказывать о том, как она только что металась в жару, как ее трясло. Через некоторое время она обессилела и уснула.

Наутро почувствовала себя бодрой, посмеялась над вчерашним своим состоянием, собралась было на работу, но снова почувствовала лихорадку и вынуждена была лечь. Полчаса металась в жару, а затем стала мерзнуть.

— Ивв-ввв-в... Мамочка, замерзаю, укройте меня... Набросьте одеяло Айхан, мамочка...— выговаривала она, не попадая зуб на зуб.

Айхан бегала от шалаша к завуру, от завура к шалашу и передавала известия. Все по одному навестили Таджихан. Тракторист посидел, покачал головой и оставил пять-шесть таблеток акрихина.

— Кто пережил, говорят, тот и лекарь. Это малярия, дитя мое, это малярия,— сказал Дадаали-ака.— А ну-ка, проглоти две штуки, это лекарство.

Когда больная заснула, снова пошла на работу. Вечером Хасан оседлал гнедого и отправился в райцентр. Ночью разбудил аптекаря, попросил лекарство от малярии, получил акрихин и привез его на место. Почувствовав воздействие лекарства, Таджихан начала вставать, обошла место работы. Однако сил не было, она вынуждена была часто садиться. Иногда весь день ходила нормально, а к вечеру, когда все возвращались усталые, как нарочно, малярия забирала ее в свои толедяные, тоогненные объятия. Бабушка Икрама даже через три одеяла ощущала, как она мечется в жару. А когда давала лекарство, то зубы больной стучали о пилу так, что проливалась вода.

— Надо вернуться, дорогая, поедем домой, все же теплое место, горячий чай...

Таджихан молчала. А после приступа начинала утешать мать:

— Мамочка, ну какая вы, малярии что дом, что поле — все равно. Столько дел сделали, а теперь бросим и уедем? Видите же, что надвигается зима. Если этой осенью не сумеем высушить болото и хоть раз пройтись по нему плугом, то посадка тутовника отодвинется еще на целый год.

Вечером, когда возвращался Дадаали-ака, снова возобновлялся этот разговор. Старики были за то, чтобы повезти больную домой.

— Мама, отец, и дома те же лекарства, что и здесь. Не переливайте из пустого в порожнее, вот ведь я поправлюсь,— уговаривала их Таджихан. И видя, что собеседники хмурятся, шуточно прикрикивала:— Или я уже не звеньевая здесь? А?

Однако ночью опять случился сильный приступ. Ее так трясло, что она не узнавала мать, сидящую рядом. Ночью никто не уснул, тем более, что больная начала бредить.

— Хасан... Хасан ездил на почту?— спрашивала она. Хасан, который вечером ездил в кишлак, сейчас нервно ходил вокруг шалаша.

— Что так рано встал, друг?— удивлялся тракторист.

— У того, кто встает рано, кобыла приносит двойняшек...— пытался пошутить упавший духом Хасан.

А в шалаше бредила Таджихан:

— Мама, пусть Тургунали сходит на почту!

Бабушка Икрама уставилась на свата вопросительным взглядом. Оба подошли к изголовью Таджихан. В свете неказистой лампы ее лицо показалось желтым. «Бедное дитя!»— заплакала бабушка Икрама. А когда утром больная успокоилась и уснула, она с Дадаали спустилась в землянку, но заснуть не смогла. Имя Тургунали, произнесенное в беспамятстве, витало над ними, словно глас из небытия. И Да-

даали-ака спросонья шептал: что ты наделал, сын мой, ведь эти люди устали от работы, всю ночь не сомкнули глаз, сейчас они смешают ложечку козьего молока с морковным чаем и, выпив его, приступят к работе. Мы знаем, тебе тяжело, одна-ко им тоже не легко, не беспокой их души, дитя мое...

Старик не знал: то ли прошептал он эти слова, то ли подумал о них, и в свете туманного рассвета смахнул с морщинистой щеки капнувшую слезу.

10.

Утром приехал председатель. Взглянув на осунувшееся лицо Таджихан, вздохнул и сел возле ее постели.

— Не узнал я Каразавура. Шалаш, очаг, арба, лошадь, гудит мотор. Жизнь! А раньше, когда приезжал сюда, то надо было крепко держаться за луку, потому что лошадь пугалась! Смотри, как все изменилось.

На лице Таджихан возникла улыбка, похожая на плач.

— Отцу и матери скажите об этом, раис-аксакал. Говорят: бросим все и уедем.

— Ну, дочка, сама понять должна! Один — отец, другая — мать... Тебе ведь нездоровится, поэтому они и говорили. Но я тебе привез такое лекарство, что мигом поднимешься на ноги.

Мадраим-ата вытащил из-за пазухи треугольное письмо и протянул ей. Таджихан обеими руками осторожно взяла его и прижала к глазам. Председатель тактично вышел.

Снимая с лошади большой хурджун и мешок, он увидел перед собой Таджихан с ввалившимися глазами и ощутил боль в душе: бедная, ей самое время сидеть у зеркала, обводить глаза сурьмой, а она здесь загибается от непосильного труда.

В это время пришли, волоча облепленные глиной сапоги, старики. Дадаали-ака скинул грязный ватник, и друзья распростирали объятия.

— Как дела, баранья шапка? — спросил председатель.

— Ходим пока над землей, как говорится, рябая коза — в поле.

— Доля такая, значит, не отступай.

— Есть ли у тебя что-нибудь пожевать?

— Вот, немного овсяной муки, в мешке — свекла...

— Выжмешь камень — вода потечет. И за это спасибо. В хорошие дни все рядом, а в плохие — только друг. Здоровья тебе.

— Что делать, голод не тетка... Надо терпеть. Только вот вы невестку не сберегли... Письмо привез, зайдите к ней, — сказал председатель, смахивая с бровей муку.

Когда бабушка Икрама и Дадаали-ака вошли в шалаш, Таджихан все еще лежала, прижав письмо к глазам желтыми пальцами. Бабушка Икрама взяла намокшее письмо.

— От Тургунали! Треугольник! Прочитала?..

Таджихан расцвела в улыбке:

— Нет еще, мамочка!

Письмо уже перешло к Дадаали-ака. Он подносил «треугольник» к лицу, нюхал и снова прижимал к лицу.

— Прочтите же, дорогой сват!

— Что бы ни писал, сыночек мой жив! Это же треугольник, солдатское письмо! — сказал он, раскрывая письмо.

Оказывается, Тургунали в курсе всех здешних дел, получил все письма Таджихан. А причина того, что четыре месяца не писал, заключалась в том, что он, как назло, три раза подряд попадал в госпиталь. «Вы ждете от меня известий о том, как я воюю. А я, не успев попасть на фронт, внова возвращаюсь в госпиталь. Пули, проклятые, преследует меня. После того, как первый раз выписался из госпиталя, во втором же бою был ранен, а когда вышел во второй раз, то в первый же день опять угодил на госпитальную койку. Времени здесь много, а писать... Боюсь, что письмо будет сплошь из жалоб и боли. Вот так и получается. Плохо ногам. На одной ноге рана так и не заживает. Что будет дальше — не знаю. А на фронте ведь еще работы много... Таджихан, дорогая, теперь я совсем другой, и вид, и настроение... Если не сумеют поставить на ноги, то не знаю, что и делать. А здесь вокруг каждый миг — боль, мучение. И своя, и чужая... Таджихан, дорогая!»

Глаза старика застил туман, он не мог дальше читать и сказал:

— Остальное, кажется, для тебя, невестка, — и вручил письмо Таджихан. Что бы оставить ее наедине с письмом, старик и старуха вышли...

Таджихан и Тургунали словно остались одни. Она читала каждое слово в отдельности, и в каждом из них как будто видела его руку, взгляд, с каждым шепта-

лась: «Я не больна. Я нисколько не больна, Тургунали-ака. Извините, я не знала... Перед вашими мучениями эта моя болезнь... Тургунали-ака, это просто так... Умоляю, извините. В другой раз так не буду делать. Я не знала... Вы ведь сами не писали писем. Когда бы писали, то не думала бы так. Почему это у вас «не знаю, что и делать?» Что это значит?!»

Таджихан вспомнила, что она сама лежит вот уже четыре дня без движения. Насыпала на ладонь акрихина из пакетика, кинула в рот и запила водой из чашки. Поморщившись, попыталась встать. Не смогла, в ногах нет сил, в ушах — шумит...

Все узнали, что пришло письмо от Тургунали. Когда председатель уехал, по одному входили в шалаш и поздравляли Таджихан.

— Пришла повестка Саидалиму, который подавал заявление в один день со мной, — сказал Хасан. — И мне скоро придет.

Таджихан дружелюбно улыбалась.

— Арбакеш, гляди на меня. Я очень изменилась?

— Нет, получив письмо, вы очень даже расцвели! — сказал Хасан и вышел. Он сказал от души, правду, как ему показалось.

На самом деле состояние Таджихан было нелегкое. Тревожные мысли, бессонные ночи отняли у нее еще больше сил. А утром, когда началось приступ, она приняла двойную дозу акрихина и поднялась с постели. Удивительно, когда сильно захочешь, оказывается, можно собрать все силы и встать. Несмотря на предостережения, она пошла и позавтракала вместе со всеми, поговорили и посмеялись с Айхан.

— Айхан, почему ты не ела свеклу?

— Не буду свеклу кушать. Если ее поем, то еще больше проголодаюсь, — сказала девочка.

Это было действительно так, однако взрослые не признавались об этом вслух, Таджихан засмеялась от того, что ребенок высказал правду. Хотя на скатерти было не густо, но тем не менее застолье ей показалось сладостным, сидели и беседовали долго. Подумали, что сейчас звеньевая даст указания, а сама пойдет приляжет, однако Таджихан сказала:

— А ну-ка, пошли! Чем десять раз говорить «персик», лучше съесть его один раз!

В белесом тумане Каразавур казался черным провалом, метров на пятьдесят он был очищен и наполовину был заполнен болотной жижей. Таджихан почувствовала силу в своем теле, которому было просторно теперь в широкой одежде. Как и все, она спустилась вниз по доске и взяла в руку лопату. Ее выздоровление сегодня придало работе как бы новый смысл. И старики, чтобы не вспомнить прошлые дни, не стали ее умолять: «Вернитесь, дочка, чтобы хуже не стало». На туманном берегу загудел мотор. Лопатой, кетменем и ковшем глина подавалась на берег, росла мокрая гора, в канаву, по которой текла черная вода, падали куски глины. Когда переворачивали пласты болота, вокруг распространялся удушливый запах, который перемешивался с запахом многодневной гари. Было неприятно дышать, однако все уже к этому привыкли.

В горячке работы никто не заметил, как Таджихан упала поперек доски. «Споткнулась!» — подбежали к ней люди, но оказалось, что она без сознания. Хасан бережно поднял ее с земли. Взяв на руки, выскочил на берег и как ребенка понес ее в шалаш. Она была действительно легка, как ребенок, сквозь намокшую одежду чувствовалось, что ее тело испускает таинственное тепло. Хасан, тайно мечтавший поддержать Таджихан хоть за локоть, сейчас чуть не плакал, глядя на ее побледневшее лицо. Его сильные руки не чувствовали тяжести, он бегом донес ее и уложил на матрац. Айхан громко плакала, люди, задыхаясь, бежали к шалашу, заглох и мотор. Освободившиеся от тумана поля Каразавура казались темно-серыми.

Порывы ночного ветра принесли с собой холод. С утра пошел снег, ветви тополей согнулись от тяжести мокрых хлопьев. Обновляя путь, из района приехала доктор, а с ней семеро мужчин на арбе с продуктами и постельными принадлежностями. Это были члены передовой бригады, раньше всех очистившие поля от стеблей хлопчатника: два старика, один инвалид и остальные подростки моложе Хасана.

Возле землянки они вырыли очаг и развели огонь, и всем показалось, что кругом стало теплее.

— Молодец, мой друг понимающий человек, спасибо его отцу, — сказал Дадали-ака, готовя в дорогу сватью и невестку. Они заторопились после того, как доктор велела на этой же арбе увезти больную. Только Айхан с Супи не спешили, девочка попрощалась с козой, поговорив с ней и почесав бороду.

Окончание следует

Дмитрий Джураев

Тойлакская сюита

памяти поэта Игоря Васильевича Северянина

I. Тойла.

Тойла —
 деревушка у синего моря.
Стоило
 мне приехать сюда, в тишину,
Сразу же
 был укутан я миром покоя,
Радужно
 колыхавшим морскую волну.
Тойла!
 И куда ты ни взглянешь, то видишь —
Вторили
 легкую кисть лазурь, изумруд!
Только ты
 много свежести этой не выпьешь.
Только бы
 посмотреть, как цветы ее пьют...

II. Воспоминание.

Я читал тебе венок сонетов,
Ты плела мне из цветов венок.
Шел июль, и середина лета
Задевала теплым ветром желтый стог.

А когда закат-пожар багряный
Свою кровь пролил на землю и залив,
Встретился нам... Игорь Северянин.
Помнишь?... У аллеи старых лип?

Сапоги, рюкзак, тросточка и ножик,
Трубка с огоньком, ступал легко.
Поздоровались. И странно все же:
Сколько лет, как нет его!..

И сказал мне Игорь Северянин,
Встав с пенька и подойдя поближе к нам:

— Чьи стихи читал ты на поляне?
И не пишешь ли стихов случайно сам?

Вон, в траве, перо от птицы.
Обмакни в чернильницу его
И попробуй-ка до утренней зарницы
Помечтать о холоде снегов.

Вспомни, что приносит людям счастье,
Помечтай, как... Шарль Перро.
Возможно, и в ненастье
Ты найдешь СВОЕ перо...

И поэт чему-то улыбнулся,
Затянул на рюкзаке тесьму,
Попрощался, неуклюже повернулся
И шагнул в ночную тьму...

Я читал тебе венок сонетов,
Ты плела мне из цветов венки.
Тойла сохраняла память о поэте
Как прекрасного и вечного залог!

Люди и звезды

памяти Анны Тимофеевны Гагариной

Люди	Запела
Открыли	В ночи
Звезды,	Андромеда,
Впервые	Разлил
Взглянув	Млечный Путь
На них.	Водолей...
Тогда
Они были	И вот уже
Просты,	Мчатся
И люди,	Ракеты
И звезды,	К свиданиям
И мир...	Завтрашних
	Дней!..
Но время	
Всегда	Вибрируют
Стремилось	Сопла
Сблизить	Грозно.
Глядевших	Земля,
В глаза.	Жди
И люди	Своих
Со звездами	Сыновей!..
Слились —	Завидуют
Сошлись	Люди
Человек	Звездам,
И Звезда.	А Звезды
	Зовут
	Людей!

Мое последнее слово о боге
(из Аль-Намангани)

Пойми премудрость этих строк:
К себе будь строг,
К другим будь добр.
И вряд ли нужен будет бог.

Пойми премудрость этих строк.

А как же! И мы в мушкетеров играли
И рдяной малиной усы малевали.

Рапиру из проволоки, майку на плечи..
И охали бабушки в окнах весь вечер.

Малинник... Он помнит те свалки-сражения,
Те драки с соседним двором за владения,

За старый сарай, за дворнягу-щенка
(Чей двор ему завтра нальет молока),

За горку, откуда все видно окрест,
За жезл, в ней закопанный, — стащенный пест;

За дам?..

Девочки в бантах над битой скакали,
На них мы внимания не обращали...

Кому водить?

(игра-считалка)

Нечет, чет, нечет, чет...
Поселился в доме черт.
У него — рога, копыта,
Шерстью тело все покрыто,
Лепесточек — язычок,
Хвостик — маленький крючок,
Словно бусинки, глаза...
Кто же этот черт?
— Коза!
И людей чтоб не страшить,
Будешь ты, коза, водить!

С болью сжимаются наши сердца при слове «Афганистан». Тысячи погибших, десятки тысяч искалеченных... И погибшие, и возвратившиеся живыми солдаты не принимали решения о вводе войск в чужую страну. На их долю выпало лишь честно и мужественно исполнить воинский долг. За это им — наше всеобщее уважение. Достоин светлой памяти каждый павший воин. Среди невернувшихся Юрий Исламов. Указом от 3 марта 1988 года Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил ему звание Героя Советского Союза. Памяти нашего земляка посвящается очерк военного журналиста полковника Геннадия Иванова.

Геннадий Иванов

ВЕРНОСТЬ ДОЛГУ

Красивым, похожим на чертежный, почерком солдат заполнял строчки анкеты. «Фамилия, имя, отчество — Исламов Юрий Верикович. Национальность — узбек. Член ВЛКСМ...» Управившись со всеми пунктами, поставил дату, подписал, отодвинул лист в сторону, осмотрелся. Сослуживцы, такие же как и он, остриженные ребята-новобранцы в до невозможности новых «хэбэ», еще трудились над анкетой. Табурет под Юрием скрипнул.

— Исламов... — негромко, но с изрядной порцией «металла» в голосе произнес сержант.

Юрий открыл лежавшую перед ним в коленкоровом переплете общую тетрадь и на одном дыхании написал тем же аккуратным почерком:

«Здравствуйте папа, мама, сестра Таня и все родственники!

Призвался 16 ноября, 18 ноября стоял в команде воздушно-десантных войск. Сегодня, 22 ноября 1986 года, нахожусь в Туркестанском военном округе. Сажу в ленкомнате, ответил на вопросы анкеты и теперь пишу письмо. С первых дней всегда, говорят, не хватает времени.

У меня все в порядке: жив-здоров, аппетит нормальный... Здесь неплохо. Сегодня выдали полевую форму: тельняшку, «хэбэ», сапоги, шапку, шинель. Все на мне висит, но это ничего. С 1 декабря начинаются учебные занятия... Если будет желание и возможность, можете приехать».

Поставив точку, Юрий подумал, что в следующем письме, пожалуй, надо будет обстоятельнее описать пока непривычное и для него самого солдатское житье, то бишь службу в учебном десантном подразделении. Что он попадет в эти войска, не верилось даже самому, ведь всего полгода назад чуть было не оказался в военно-строительном батальоне, так как на медкомиссии обнаружили у него плоскостопие. Ну и поволновался он тогда! Сейчас и не помнит, как удалось убедить офицеров в военкомате отсрочить призыв на полгода. Вняли его мольбам, видимо, очень уж горячо убеждал, что хочет служить только в десантных войсках. Сначала посчитал, что полгода слишком много для того, чтобы окончательно избавиться от плоскостопия, но оказалось, вовсе

нет. За дело взялся в тот же день, как вернулся с призывного пункта в родное общежитие Уральского лесотехнического института.

В общем-то, от плоскостопия он стремился избавиться давно. Много ходил босиком. Потом срезал с отцовских сапог каблуки, прибинтовал к подошве и так ходил целыми днями. На ногах появились даже водяные мозоли. Тогда прикрутил каблуки к кроссовкам. Кто-то из студентов подбросил Юрию идею насчет бутылки, мол, помогает. Юрий ухватился за эту рекомендацию. Каждый вечер стал не менее получаса катать ногами бутылку: туда-сюда... Занимался еще и со скалкой... И вот, наконец, желанная цель достигнута — он в учебном десантном подразделении. По его окончании будет сержантом.

— Встать! — подал команду заместитель командира взвода. — Выходи строиться на обед!

«Здравствуйте, дорогие мои, мамочка, папочка и Танечка! С огромным солдатским приветом к вам — ваш сын Юра. У меня все нормально, за меня не переживайте: жив-здоров, чувствую себя отлично, кормят хорошо. Вторые сутки идет дождь. Занимаюсь строевой подготовкой с оружием и без оружия. В воскресенье сфотографируюсь, в следующем письме вышлю снимки.

О службе своей пока все. Одним словом, время идет, два года пролетят быстро. Вот уже двенадцать дней службы за спиной.

Ну а как дела дома? Как здоровье бабушки Тургун? Очень скучаю по дому. Первый раз в жизни я понял, что такое родной дом, родители, сестра, наши края. Раньше я на это как-то поверхностно смотрел. Здесь, в армии, на все смотришь совсем другими глазами. Вспоминаешь прошлое и думаешь: как много свободного времени уходило впустую!

Здесь мне не трудно. Очень помогло то, что раньше занимался спортом.

Мама, пишите чаще, денег не высылайте, здесь они совсем не нужны. Те, что у меня были, еще не израсходовал. Тем более, что каждый месяц получка.

Ну вот, в общем пока все. Как живут Исламовы, как дядя Тельман? Всем большой привет! Крепко целую и обнимаю. Юра».

Прежде чем сложить письмо, Юрий решил перечитать его. Дошел до того места, где писал о том, что скучает по дому, и остановился.

«Любопытная штука получилась, — подумал он. — Ведь не первый раз уезжаю из дома, пора бы уже привыкнуть жить вдали от родителей. К тому же, отсюда до них ближе, чем от Талицы».

В город Талицу, расположенный примерно в двухстах километрах от Свердловска, родители привезли Юру после того, как он окончил в родном поселке Арсланбоб, что на окраине Ферганской долины, четыре класса. Вопрос насчет переезда сына отец и мать обсуждали недолго. В Талице родилась мать, Любовь Игнатьевна, там жили ее родители. К ним с согласия мужа (несколько лет назад) мать уже отправила старшего сына — Александра.

— А как с Юриком быть? — спросила мужа Любовь Игнатьевна.

— Как, как? Будто сама не знаешь, — произнес Верик. — Парня надо на большую дорогу выводить, а тут он говорить по-русски как следует не научится, знаешь, какие в нашей школе учителя.

— На большую дорогу — это верно, — согласилась жена. — Только чтобы по ней идти, немалое здоровье нужно. А к мальчишке хвори одна за другой липнут. Разве забыл, как умирал он, еле вытянули... Тут материнский догляд за мальчонком, молочко от своей коровы, свежий воздух.

Желание отца вывести младшего сына в люди оказалось все же сильнее сомнений. Согласилась Любовь Игнатьевна с тем, чтобы Юрий учился и жил в Талице у бабушки вместе с братом Александром.

— А-а, «больной» приехал! — встретил Юрия старший брат. — Бегать ему, видите ли, нельзя, тяжелое поднимать не рекомендуется. Придется заняться лечением. Иди-ка в детско-юношескую спортшколу, займись лыжами! Если попадешь к тренеру Бабинову, считай — тебе здорово повезло, об Александре Алексеевиче в городе идет добрая молва. Он растит сильных спортсменов, а главное — крепких парней.

Юре повезло, он записался в ту самую секцию, которую вел Бабинов. Через три года упорных занятий Юрий выполнил по лыжам норму первого разряда для взрослых. Последние три года перед призывом в армию он побеждал почти на всех районных легкоатлетических соревнованиях. В мае 1986 года стал победителем в соревнованиях на первенство Свердловского областного совета добровольного спортивного общества «Урожай». Соревновались тогда на дистанции пять километров, результат Исламова — 17 минут 28 секунд.

После завоевания звания чемпиона области Юрий продолжал увеличивать нагрузку. Окончив школу, стал студентом Уральского лесотехнического института, за-

нялся еще и боксом. Ему не нравилось собственное сложение: вес 68 килограммов при росте 170 сантиметров. Это во-первых. А во-вторых: Юрий считал, что парень при необходимости должен уметь постоять за себя.

Тренировался, как и прежде, целенаправленно, продуманно, точно выполняя план. Общая тетрадь в красном коленкоровом переплете стала с весны 1986 года его спортивным дневником.

Составил жесткое ежедневное расписание на март, апрель, май — до начала летних каникул. Продолжительность кросса постепенно доведена до 56 минут (11 километров), количество подтягиваний на перекладине до сорока раз, кроме того, включено плавание в бассейне до четырехсот метров. И само собою — соревнования на ринге.

Юрий аккуратно вел дневник до начала летних каникул. Летом, как обычно, домой, в Арсланбоб. А спортивные занятия? Общая тетрадь заменяется записной книжкой, в которой на первой странице Юрий вывел: «Тренировки шесть раз в неделю: 30 минут зарядка, 60 минут тренировка». Это домашнее задание самому себе.

Задание есть задание. А дом есть дом: в хозяйстве восемь голов скота, к тому же, десять соток огорода. Для скота на зиму надо готовить сено. Лугов в окрестностях нет, арсланбобцы косят траву на лесных полянах в горах. Огород Исламовых тоже в горах. Как совместить легкоатлетические тренировки с сенокосом, работами на огороде? Юрий нашел выход. К полянам, на огород можно идти, а можно и бежать. Юрий предпочел второе. Бегом туда, бегом обратно — вот и тренировка. Дома оставалось выполнить только силовые упражнения: подтягивание на перекладине и с резиновым жгутом. Домашние знали: пока Юра не закончит упражнения, из него слова не вытянешь, молчит. Убегал он в горы обычно на рассвете, возвращался зачастую после захода солнца. Другой на его месте от усталости валился бы, а он улыбался и «мучил» себя дополнительными упражнениями.

— Юрик, пожалел бы себя! — не выдерживала иногда мать. — Приберег бы силы.

— Э-э, мам, — отвечал Юра во время перерыва в упражнениях. — Чем больше сил расходуеть, тем их больше прибавляется.

Мать молча смотрела на сына, и ее лицо светилось счастьем: не думала она, не гадала, что хилый, болезненный в детстве Юрик превратится в крепкого, прямо-таки семижильного парня.

В те недели, что Юрий жил у родителей в Арсланбобе, у него, считай, часа свободного не было: то работа, то спортивные занятия. Когда же он успел рассмотреть неповторимую красоту родных мест, запечатлеть их в своей душе, прикипеть к ней сердцем? Он и сам не знал. Может быть, на рассвете, когда спускался по деревянным ступенькам крыльца и подходил к бегущему через двор и далее через сад студеному говорливому арыку? Арсланбобцы, как это принято у горцев, отвели от протекающей рядом реки ручеек и пропустили его через дворы, сады, огороды. Удобно — чистая свежая вода всегда под рукой. Хочешь — черпай ковшом и пей, хочешь — пускай на полив сада, хочешь, умывайся или используй для хозяйственных нужд.

Правда, умываться из этого арыка совсем не просто: даже в разгар лета плеснешь пригоршню-другую в лицо, и чувствуешь, как заколечели руки. Зато по лицу, всему телу такая бодрящая свежесть разольется, такую силу в себе ощутишь, словно вода в арыке животворная и сам ты стал наполовину былинным богатырем.

А может быть, чувство любви к родным местам зарождалось и крепло в те минуты, когда смотрел Юрий с крыльца на широколобые нахмурившиеся утесы пятисотметровой высоты, что нависали за рекой прямо против дома? Вот так же угрюмо смотрели они, наверное, и шестьсот лет назад, когда арсланбобцы соорудили на берегу горного потока свои домики. Только тогда, пожалуй, земляные насыпи у подножия утесов были пониже. Но с веками разгульные ветры намели, нанесли к утесам землю с окрестных холмов и гор, и поднялась насыпь почти по пояс каменным исполинам, густо заросла кустами и деревьями.

Издали утесы кажутся неприступными, но Юрий знает, что это не так. Показал ему отец одну неприметную тропинку. Надо перейти реку по гудящему от водяных бурнов мостику, наискось пересечь густую рощу из сплетшихся кустов и низкорослых деревьев, ту самую, которая разрослась на насыпи, и можно точно выйти к расселине в скале. По ней, цепляясь за корни, ветки и каменные уступы, рискуя сорваться и сломать себе шею, можно подняться на утесы. Там, немного левее расселины, и бурлится картофельными грядками огород Исламовых. Работать на нем для Юры одно удовольствие. Когда рубака на спине пропитается потом и мышцы запросят отдыха, можно сделать перерыв. Это значит — вскипятить на костре чайник, заварить зеленого чаю и, держа пиалушку в руке, сесть на краю утеса. Есть там травянистый карнизик: два с половиной шага в ширину, десять в длину. Над карнизиком нависла крона экзоторды — редкого дерева, занесенного теперь в Красную книгу. А под ногами, на полукилометровой глубине, — долина с извивающейся речкой, привольно раскинувшимся родным селом. Прямо перед тобой — широкая каменная грудь вершины, голова которой в тюрбане вечных снегов затерялась в непрестанно клубящихся облаках на

пятикилометровой высоте. Справа и слева от пятитысячника горы пониже. На каждую из этих вершин Юрий поднимался, с каждой окидывал взором уходящие в бесконечность каменные волны Тянь-Шаня.

Если, сидя на карнизике, чуть повернуть голову направо, то взгляд заскользит по лесистым вершинам, которые постепенно становятся все ниже и ниже, пока не сольются с лоном Ферганской долины. Леса на них непростые, сплошь орешник, дающий в урожайный год тысячи тонн знаменитого грецкого ореха.

Это только с тех угодий, которыми заведует отец Юрия — Верик Исламов. Его лесничество даже с такой вершины сразу не охватишь взглядом: шутка ли, пять тысяч гектаров. Много чего растет в хозяйстве лесничего Исламова, но больше всего дорожит он грецким орехом, любит это дерево. И Юрию сумел передать свои чувства.

За спиной у Юрия, примерно в двухстах метрах от него, растут две величественные шестисотлетние орешины. Их могучие ветви с плотной листвой накрывают густой тенью огромный круг. В этой тени смог бы, пожалуй, разместиться батальон воинов.

Юрий, попивая чай, следит со своего карниза за неторопливым полетом орла, ловит взглядом блики дальних водопадов, заглядывает в зеркала голубеющих справа под утесом озер. Здесь он ощущает себя умиротворенным и счастливым.

«Здравствуйте, дорогие родители! У меня все в порядке. Вчера был очень интересный день, самый яркий из тех, что уже прошли. Мы ходили на стрельбище. До него 12 километров. Шли пешком. Обратное тоже. Нам показывали оружие, технику; проходила показательная стрельба из бронетранспортеров, боевых машин десанта, автоматов, пулеметов и прочего оружия. Все было очень интересно. Сегодня воскресенье — день, в котором больше свободного времени. Смотрим телевизор, кое-кто пишет письма. Через неделю будем принимать присягу...»

Юрий спохватился, ведь он хотел еще написать о том, как на стрельбище их всех покорила стрельбой из пулемета команда взвода старший лейтенант Олег Онищук. Все другие стреляли лежа, тщательно целясь, а он — стоя, с бедра. Казалось, даже не смотрел в сторону мишеней, но все они падали от его точных очередей.

— Вот это класс! — восхищались ребята.

Вообще командир взвода Юре нравился все больше, хотя в роте о нем говорили разное. Утверждали, что на тренировках сгоняет с молодых солдат семнадцать потов там, где можно обойтись одним. Настоящий фанатик. Самое главное, считал Исламов, было бы у офицера то, чему можно поучиться. Онищук по легкой атлетике кандидат в мастера спорта, а военное дело, это все подчеркивают, знает отменно. Разве этого мало?

«Еще раз здравствуйте! Сегодня пишу вам второе письмо. Только что получил фотографии. Высылаю. Здесь я после девяти дней службы. Я всегда на фото плохо выходил. Ну, какая есть, все же память. До встречи. Юра».

Еще одно письмо написал бабушке Тургун. Вложил в конверт и фотографии. «Бабушке, — размышлял Юрий, — конечно, будет приятно увидеть внука. Но бабушка есть бабушка. Вот если бы дед посмотрел». Однако нет уже в живых обоих дедов. Отца матери, Игнатия Никандровича, доконали фронтовые раны и контузии. Оказалось, до последних дней носил он под сердцем стальной осколок с рваными краями. Лицо деда было покрыто синими пятнами — следы близких разрывов пороховых зарядов. Семь контузий выпало на фронтовую судьбу командира телефонного отделения старшего сержанта Игнатия Корякина. Да ведь и путь он прошел немалый: от Москвы до Берлина. Если по прямой брать, и то больше двух тысяч километров. А телефонисты на фронте, известно, ходили не по прямой, к тому же, в основном, вдоль траншей. Да и не ходили они вовсе, а, как правило, ползали. Так что одному старшему сержанту Корякину была известна протяженность его фронтовых путей-дорог.

После смерти Игнатия Никандровича остался орден Красной Звезды, медали «За отвагу» и «За оборону Москвы», да еще всякие фронтовые бумаги.

Вот те бумаги и стал просматривать двенадцатилетний Юра, только что приехавший из Арсланбоба в дом деда в Талицу. На глаза попала бумага, похожая на его «Похвальный лист», только чуть меньше размером. Оказалось, это благодарность от Верховного Главнокомандующего за отличные боевые действия при овладении городами Лодзь и Любомил... Потом увидел еще похожую бумагу, еще. Всего десять благодарностей за активное участие в освобождении от гитлеровцев разных городов.

Юра и не предполагал, что дед так хорошо воевал. Это открытие взволновало паренька. А когда волнение улеглось, Юра задумался о дальнейшей судьбе фронтовых документов. Скорее всего, они постепенно затеряются. Нет, этого допустить нельзя!

На следующий день Юрий пошел в магазин и на деньги, что дали ему родители, купил альбом для черчения. В него аккуратно вклеил все десять листков-благодарно-

стей от Верховного Главнокомандующего. На обложке альбома крупными печатными буквами написал: «Никто не забыт, ничто не забыто».

Позже от бабушки Тургун и родителей Юра узнал и о судьбе деда по отцовской линии. Эргеш родился в Арсланбобе, с помощью грамотных людей выучился писать и считать, потом удалось поступить в Ташкентский университет. По его окончании вернулся в родные места учить земляков жить по советским законам. На каждом шагу давали себя знать еще горячие угли недавно полыхавшего пожара басмачества. Эргешу грозили расправой, нападали с ножом. Оказывали давление на родных. Это не помогло. Тогда затаившиеся басмачи сожгли дом.

Неравная борьба изнурила Эргеша. Решил пойти в лесничество. Природа отзывчивее людей на доброту. Заботу о природе Эргеш-ака сумел передать своим сыновьям: Тельману и Вериду.

Это по совету отца Юрий поступил в лесотехнический институт, хотя все пророчили ему физкультурный.

«Здравствуйте, дорогие мои родители и сестра! Сегодня воскресенье — торжественный день. Сегодня мы приняли присягу, тем самым дали клятву быть преданными Родине. Все было очень торжественно. К сегодняшнему дню начали готовиться еще с вечера. Подъем был в семь ноль-ноль, после подготовки и завтрака — торжественный митинг. Затем с автоматами все пошли к монументу павшим героям. Когда выходили из ворот, на нас смотрело много родителей, их глаза искали своих сыновей. Мы же искали родителей. Я не знаю почему, но было грустно. Со мною так никогда не было.

Здесь, в армии, я очень глубоко ощутил, что роднее родителей на всем свете нет никого. Мама, оказывается, попадая в армию, перерождается, вся гражданская дурь вылетает, ты больше задумываешься над смыслом жизни, больше ценишь свое свободное время.

В армии я понял, что такое дисциплина, опрятность, поведение. Все плохое здесь выливается наружу, и всем это видно.

Пока нет у нас в роте дружного коллектива, каждый живет для себя, заботится только о себе.

Да, я же о присяге писал. Все время нас сопровождал оркестр. После принятия присяги — торжественный обед, после — собрание и концерт... Мне больше всего понравился военный оркестр. После концерта смотрели фильм об округе.

Если бы вы могли видеть форму наших офицеров: сама темно-синяя, а петлицы светло-голубые. Так красиво! У многих ордена, медали. Многие офицеры нашей роты служили в Афганистане.

Мама, если только будет возможность, приезжайте с папой. Я очень хочу увидеть вас. Вы только не подумайте, что мне так тяжело, напротив, меня еще и комсгруппоргом избрали. Продукты ни в коем случае не везите...»

Да, Исламову многое нравилось в армейской жизни: и военный оркестр, и форма офицеров, и служба в карауле, и выходы на тактические занятия в горы. Сослуживец Олег Беленикин предложил Юрию вместе поступать в Рязанское высшее воздушно-десантное командное дважды Краснознаменное училище имени Ленинского комсомола. Но Юрий отказался. А когда узнал, что его как комсомольского активиста могут оставить в «учебке», упросил политработника освободить его от обязанностей комсомольского группорга. Просьбу уважили. Юрий был удовлетворен — дорога в Афганистан стала открытой.

«Здравствуйте, дорогие родители! Вот уже прошел месяц, как я на действительной службе. Дни летят так быстро, что и не замечаешь. За этот месяц меня и моих товарищей многому научили. Сейчас смотришь назад, и кажется, что на гражданке жил и вел себя неправильно. Я вправе сказать, что уже воин СССР, также могу сказать, что в службу втянулся. В армии нет слова «не могу», а есть понятие «должен». Трудно было первую неделю, а сейчас все делаешь вовремя. Выполняй приказы честно, будь внимательным — и все будет в порядке. Все зависит от тебя. Началась настоящая солдатская жизнь.

Ну а как вы там, дорогие родители? Что теленок потерялся и корову загнали, очень жалко и обидно, ведь столько труда и сил было затрачено на то, чтобы вырастить, выкормить. Ну, ничего, все будет в порядке. Не переживайте, вырастим еще. Какие новости дома? Очень соскучился...»

«Настоящая солдатская жизнь» продолжалась в стремительном темпе. Но даже и такой темп не мешал Юрию осмысливать происходящее, вслушиваться и всматриваться в самого себя, подмечать перемены, радоваться каждому новому шагу. С кем поделиться радостью, как не с другом по институту Андреем Михалевым?

«С огромным приветом к тебе, Андрюха, без двух с половиной месяцев младший сержант Исламов!

Сейчас получил от тебя письмо. Так как сегодня суббота, «стирались» всем взводом. Белье сохнет, поэтому времени много, решил, не задерживаясь, дать ответ. Спасибо, что не забываешь! Письмо твое очень было интересно читать: насыщено юмором.

Немного о себе. Жив-здоров, аппетит отличный. Служба идет своим чередом. Скоро, через два с половиной месяца, экзамены, а там начнутся отправки...

Начались учебные стрельбы. Отстрелялся плохо. Будем ходить каждую неделю. До учебного центра и обратно — 25 километров. Ходим с вещмешками, загруженными щеченкой, пять-шесть километров бегом. Часть бега в противогазах. Вещь тяжелая, скажу тебе, Андрюха. Бежишь и думаешь: «Почему я не попал в другие войска?» А на привале — и жить хорошо, и жизнь хороша.

Я не представляю себя в других войсках... Андрюха, если я все это пройду и выдержу, считай, что стал десантником. Пока все...»

Пришла и как-то незаметно ушла короткая южная зима. Все ближе день выпуска из «учебки», и все больше Юрий ломает голову над тем, как сообщить родителям о предстоящей службе в Афганистане. Вернее, как не сообщить об этом. Он уверен, что родители не разделят его радужного настроения. В письме в Арсланбоб для начала сообщает неопределенное:

«Служить в учебке осталось немного, потом распределение. Считаю дни. Слышал, что распределять будут в группы войск».

Вот уже проведены последние тактические учения. Прошел спортивный праздник с марш-броском на десять километров. Бежали со скаткой, автоматом, в средствах индивидуальной защиты. Исламов выполнил норму первого спортивного разряда, во взводе финишировал первым.

Марш-бросок проводился на приз Героя Советского Союза Валерия Арсенова. Валерий окончил эту «учебку», служил в Афганистане. Там, в одном из боев с душманами, уже раненный, закрыл своим телом офицера, спас его от душманской очереди.

И не ведал тогда Юрий, что несколько месяцев спустя в «учебке» будут проводиться легкоатлетические состязания и на приз Героя Советского Союза Юрия Исламова.

«Здравствуй, друг Андрюха! С огромным приветом — Юрик. Получил от тебя письмо, за которое большое спасибо! Сразу ответить не успел. Очень рад за тебя, за твои успехи. У меня тоже все нормально...

Сегодня 11 апреля, 25-го последний экзамен, а там отправка в ДРА. Сейчас решается вопрос: кого оставят здесь. Всего необходимо оставить двенадцать сержантов, то есть нас. И вот я очень не хочу оказаться в их числе. В Афганистане настоящая служба, настоящие боевые действия. Одним словом, я тебе не могу все объяснить, но хочу сказать, что Афган — это не то, что ты представляешь себе. Приду через полтора года, расскажу.

Восьмого апреля сделал первый прыжок с АН-2. Ощущения отличные, тем более, что парашют Д-6 со стропами управления. Сегодня второй прыжок после обеда. С оружием...

Да, не сказал, после прыжков нас сразу посвятили в десантники. Командир части всех поздравил, каждому лично вручил знак парашютиста...»

Выпускные экзамены сданы. Юрию Исламову присвоены звания младший сержант, классная квалификация разведчика, он объявлен отличником боевой и политической подготовки, командование учебного подразделения послало его родителям благодарственное письмо. Объявлен и час отлета в Афганистан. К этому времени Юрий продумал план дезинформации родителей. Он послал им открытку.

«Добрый день, мои дорогие родители и сестра! У меня все отлично, сегодня ночью еду в ГДР. За меня не беспокойтесь. По окончании службы увидимся. Целую. Юра».

Через два часа полета самолет с молодыми десантниками приземлился в Кандагаре. Оттуда вертолетом доставили в батальон, располагавшийся в Шохджое. Сначала, понятно, карантин. Жизнь в палатках через речку от военного городка. Опытные сержанты под контролем офицеров знакомят новичков с районом боевых действий, помогают изучить приемы боевых действий мятежников.

Десантники называли себя «караванщиками», так как главной их работой было перехватить направляемые мятежникам из Пакистана караваны с оружием, боеприпасами, военной техникой. Двигались колонны большегрузных, трехосных грузовиков, шли караваны верблюдов, насчитывавшие порой несколько сот голов.

Но перехватить их было не так-то просто. Местность вдоль караванных дорог постоянно обследовали оснащенные современными переносными радиостанциями группы душманских разведчиков. Многие жители кишлаков, пастухи за хорошую плату

сообщали о появлении разведгруппы шурави — советских. В кишлаках вдоль караванного пути частенько располагались и отряды мятежников.

Остановленную автомашину с оружием охрана обороняла ожесточенно. По существу, не было случая, чтобы десантники овладевали караваном без боя. Нередко на помощь охране почти сразу же подходил ближайший отряд душманов. Тогда уже разведгруппе приходилось обороняться до подхода поддержки. В коротких ожесточенных схватках за караван и в последующих, порой затяжных, боях гибли, увы, не только душманы.

Юрию Исламову, как и прибывшим вместе с ним девяти младшим сержантам — Борисюку, Голышкову, Богушу, Князеву, Ольховскому, Распутину, Супе, Юнусову, Куцевичу, — предстояло овладеть рискованным ремеслом «караванщика».

Маленькая хитрость Юрия в отношении службы якобы в ГДР довольно быстро раскрылась: разве обманешь чуткое сердце матери? Пришлось объясняться в письме.

«Мама, да, я действительно нафантазировал, что служу в ГДР. На самом деле я в Афганистане. Я хотел скрыть, но ложь всегда выплывает. Так вышло. Теперь будет полтора года буду думать, что вы беспокоитесь. Не переживайте за меня, все идет нормально, через год и три месяца увидимся. Место здесь спокойное. Служба идет, а мы лепим кирпичи, строим. Через три месяца, считай, уже отслужил половину срока...»

Безмятежность, спокойствие, эдакий курортный образ жизни — тон всех писем родителям. Другое дело — брат Александр, с ним можно пооткровеннее.

«Здравствуй, брат! Служу я в боевой роте. В первом своем выходе получил, так сказать, боевое крещение. Трое суток ждали мы караван на «духовской» дороге. «Духами» здесь называют мятежников.

На третьи сутки, прочесывая сопки, «душки» каким-то образом обнаружили нашу группу. Обложили сопку кругом, подтянули силы и утром третьего дня начали в нас бить из всех видов оружия, начиная с автоматов и кончая минометами. Есть у них на вооружении и английская винтовка «Бур». Короче, два часа шел бой, пока, вызванные по рации, не прилетели «вертушки». Одну из них на моих глазах «духи» сбили из зенитной установки, командир погиб. После на аэродроме построили батальон, провожали его в последний путь. Вот каким оно было, мое боевое крещение. Жму руку. Юра».

Наверное, переживания, вызванные гибелью прямо на глазах у Юрия экипажа вертолета огневой поддержки, помешали ему рассказать в письме о том, что делал в том бою он сам. Между тем, младший сержант Исламов показал себя не хуже опытных товарищей.

Во время стычки нашего и душманского разведдозоров сержант Бахтиер Алимов ранил одного моджахеда. Группа десантников, в которую входил и Исламов, бросилась в погоню за отходившими моджахедами. Один из душманов укрылся за крупным валуном, поджидая, когда шурави подойдут поближе, чтобы ударить наверняка. И ударил бы. Но Юрий Исламов увидел притаившегося противника чуть раньше, чем тот успел выстрелить.

— «Дух» за камнем! — крикнул Юрий.

— Гранатой! — скомандовал старший.

Все же валун есть валун. Пришлось произвести пять выстрелов из гранатомета, прежде чем автомат моджахеда умолк.

За первым боевым выходом последовал второй... десятый... двадцатый... Участвовал в перехвате караванов, блокировке дорог, чтобы обеспечить проход нашей или афганской колонны. В горы Юрий ходил чаще, чем многие его товарищи, командир набирал группу сам. Разумеется, предпочтение отдавалось наиболее выносливым, сообразительным и смелым парням. Некоторые просились в группу, но офицер им отказывал.

Младшего сержанта Исламова охотно включал в свою группу любой из офицеров, зная, что на Юрия можно положиться. Но чаще других брал его с собой на задания старший лейтенант Олег Онищук, который за короткое время сумел приобрести репутацию рискованного и результативного «караванщика».

Одной из наиболее удачных получилась их совместная засада, когда Онищук первой же очередью уложил наповал водителя и сидевшего в кабине охранника, а Исламов с товарищами сосредоточенным огнем уничтожили остальных моджахедов. Досмотрев «забитый» автомобиль, десантники обнаружили в нем боеприпасы, противотанковые и противопехотные мины, пулеметы, гранатометы, радиостанции. Но самое интересное — в машине оказалась зенитная горная установка «Эрликон».

Десантники понимали, что такой транспорт моджахеда просто так не отдадут. И верно, до утра группе пришлось отбить не одну и не две попытки душманов снова овладеть машиной. Но к ней так никого и не допустили. А утром в сопровождении боевых вертолетов пришли МИ-8. В них перегрузили все из машины и доставили груз в батальон.

«Здравствуйте, дорогие мои: мама, папа, Танечка и Саша! С огромным солдатским приветом к вам, ваш сын и брат Юрий...

Я очень рад, что дома у меня все в порядке, что урожаем собрали, сено привезли. Мам, ты пишешь, что в этом году не консервировали ничего. А зимой как будете? А для меня-то сделаешь следующим летом? Я ведь приеду осенью.

Мам, я тебе хочу еще раз сказать, что не стоит смотреть телевизор, там показывают небылицы. Вообще, мой совет: на один год телевизор выключи. Приеду я через одиннадцать месяцев — вместе включим. Потому как все то, что показывают по телевизору, не относится ко мне.

Крепко целую и обнимаю. Ваш сын и брат Юрий. До скорой встречи».

Это был последний, как выражались солдаты, конспект на Родину. В состав группы, которую возглавлял старший лейтенант Онищук, вошел и Исламов. 26 октября 1987 года вышли на задание. В ночь с 30 на 31-е на караванной дороге близ кишлака Дури десантники остановили трехосный мерседес, набитый оружием и боеприпасами. Душманы из кишлака обстреляли было группу, но Онищук вызвал пару боевых вертолетов. Они нанесли по противнику удар реактивными снарядами, подавили его огонь. Все стихло.

Из штаба батальона сообщили по радио о том, что в шесть утра прилетят вертолеты с резервной группой для досмотра мерседеса и эвакуации разведгруппы.

Десантники, находясь в нескольких сотнях метров от «забитого» автомобиля, ждали наступления утра. Между тем, душманы за ночь скрытно подтянули к кишлаку и ближайшим сопкам несколько отрядов общей численностью до двухсот человек. Кроме того, ввели в действие минометы и пулеметы.

В половине шестого старший лейтенант Онищук выслал расчеты пулеметов во главе с Маратом Мурадяном и Яшаром Мурадовым на сопки напротив, чтобы эти расчеты в случае чего перекрыли с противоположной стороны подходы к мерседесу. Пулеметчики заняли позиции. Казалось, ничто не предвещало неприятностей.

Примерно без четверти шесть, оставив на позиции пулеметчиков, радиста и еще несколько человек, старший лейтенант Онищук вместе с семерыми десантниками, в числе которых находился и Юрий Исламов, направился к мерседесу.

Старший группы весь расчет строил на том, что в шесть часов прибудут вертолеты. Он не мог знать, что из-за несогласованных действий командира батальона и командира вертолетной эскадрильи вылет вертолетов значительно задержится.

До мерседеса оставалось пройти примерно пятьдесят метров. Пятьдесят метров ровного голого поля.

В этот момент земля вокруг десантников вдруг вспучилась разрывами мин и гранат, рядами пыльных фонтанов расчертили поле очереди автоматов, крупнокалиберных пулеметов. Кто-то из десантников схватился за бок и осел. Остальные тренированно бросились на землю, открыли ответный огонь. Помогая товарищам, ударили из пулеметов Мурадян и Мурадов.

Командир группы принял решение вывести находившихся с ним людей под прикрытие огня двух пулеметов, куда, к тому же, было в два раза ближе, чем до ночной позиции. Однако требовалось кого-то оставить для прикрытия маневра группы. Остался Юрий Исламов.

Когда Онищук броском повел десантников по неглубокой ложбине к вершине сопки, душманы пошли в атаку из расположенного невдалеке сада, где до тех пор укрывались. Юрий сначала вел огонь из автомата. Когда патроны кончились, положение его было еще не безнадежно, ведь оставалось еще восемь гранат. Четыре в виде накладного стволика и четыре ручных. Сначала он израсходовал накладные стволики. Потом одну за другой — три ручных. Моджахеды рвались вперед, несмотря на огромные потери.

Четвертую гранату Юрий оставил для тех, кто подбежит к нему вплотную. Заодно и для себя. Этот, восьмой, взрыв прозвучал глухо. Так он звучит, когда граната взрывается в руке.

Юрий уже не слышал и не видел, как вели свой последний рукопашный бой у самой вершины его товарищи, как вместе с Олегом Онищуком пали они один за другим на безымянной высоте в чужой стране. Как оставшиеся на ночной позиции отбивались от моджахедов и все же отбились, не подпустив их даже к мерседесу. Как потом пришли вертолеты... Но все это было потом, когда Юрия Исламова уже не было.

Лариса Шпаковская

П Р И З Р А К И

РАССКАЗ

После второго развода Стелла решила, что с нее хватит. Конечно, «хватит» — не вообще, а именно замужество по любви, ибо слишком дорого они ей обошлись.

Правда, в первый раз все было довольно просто. За того Алешу она выскочила, совершенно потеряв голову, еще во студенчестве и почти год прожила, как в тумане. После шумной и пьяной свадебки жизнь молодых, в сущности, почти не изменилась, если не считать того, что они больше не скитались по чужим, одолженным на часок, квартирам, а законно обитали в однокомнатной кооперативной, ключ от которой, обвязанный розовым бантиком, преподнесли им на свадьбе родители с обеих сторон.

Правда, в первое время Стелла никак не могла привыкнуть к тому, что все здесь — их собственное, и при малейшем шорохе вскакивала и хваталась за одежду, над чем не раз смеялся ее молодой муж, но правда и то, что скоро она пообвыкалась, и этот, доставшийся как бы от доброй феи, ее дом некоторое время спустя уже не вызывал в ней никаких других эмоций, кроме раздражения — оттого, что здесь постоянно надо прибираться, стирать на двоих, как, впрочем, и готовить...

Она попыталась было взбунтоваться: попросила несколько раз Алешу помочь ей. Он не отказывался, но как-то так выходило, что тут же бывал вынужден, с сожалением, конечно, покинуть ее ради каких-то тут же объявлявшихся дел: то он вспоминал о вчерашнем звонке приятеля, которому обещал прийти, — нельзя же, в самом деле, подводить человека, — то вдруг оказывалось, что нужно срочно бежать в институтскую библиотеку, где ему отложили книгу, то... В общем, фантазия Алешки на этот счет была неиссякаема, и вскоре Стелла вынуждена была признать, что им было гораздо лучше и удобнее, когда встречались они по чужим углам или прогуливались по стильным улицам, чем теперь, когда исполнилась их мечта, согревавшая обоих в продуваемых насквозь подъездах: мечта о тихом уголке, где бы их никто не смог потревожить.

Приняв как должное этот райский приют, они оба поселились в нем как в гостинице. Но если Стелла довольно скоро осознала, что это — та гостиница, где живут по неудобному принципу самообслуживания, то ее супруг не брал этого в голову: он просто переехал из одного дома, где его девятнадцать лет холили и нежили, в другой и был искренне уверен, что и здесь все будет точно так же, только еще лучше — Стелла была такой приятной девочкой...

Но Стелле тоже хотелось ходить по дискотекам и по вечерам есть мороженое, запивая его разноцветными соками, в кафе, где играет тихая музыка и завсегдагаи, примелькавшиеся друг другу так, что считали себя уже давно знакомыми, до поздней ночи переходят из одного заведения в другое; ей к тому же до слез становилось жалко своих тоненьких и нежных пальчиков, когда-то любовно украшаемых красивыми недорогими колечками и длинными накрашенными ноготками, — им,

этим еще по-детски слабым пальчиком, приходилось сейчас в ускоренном порядке осваивать низменную практику домашних дел, без которых, как оказалось, вообще невозможно прожить. Хорошо еще, что ее мать — молодая еще, в сущности, женщина, помимо службы обремененная мужем и сыном, — договорилась с какой-то прачечной, где быстро и, главное, в свежем растворе стали стирать Стеллино постельное белье, за особую плату, разумеется. Мать же Алеши вообще не снисходила до решения таких нестоящих вопросов: она была физиком, несколько лет писала докторскую и не имела возможности заниматься даже собственным домом, — всеми делами в ее семье заправляла Алешина бабушка с помощью приходящих работниц...

В конце учебного года, когда в зачетке у Стеллы оказалось несколько «неудов» и над ней нависла угроза исключения, она, после короткой, но бурной сцены с Алешей вернулась к родителям, чтобы спокойно позаниматься. Муж ее тоже возвратился в родные пенаты. Не погибать же одному в пустой квартире, — сообщил он Стелле по телефону. Вначале все это мыслилось как нечто временное, — ну, там, неделька или две, — но затем получилось как-то так, что никто больше и не заговорил о возвращении.

После недолгой процедуры в ЗАГСе, освободившей их друг от друга, родители Стеллы выплатили другой стороне необходимую сумму, и квартира, со всем, что в ней было, осталась их дочке в утешение...

Сейчас та давняя история казалась детским сном — по сравнению с тем, через что пришлось пройти Стелле совсем недавно.

Она сидела в залитом ярким светом невидимых светильников салоне аэробуса — в самом центре, в среднем ряду — и вяло размышляла, откинувшись в мягком кресле и закрыв глаза.

Пожилый мужчина, сидевший слева от Стеллы, — грузноватый и явно стеснявшийся собственной неповоротливости, — несколько раз пытался было всхрипнуть, но без конца просыпался и виновато поглядывал на свою соседку, как бы оправдываясь. Но Стелла понимала его: рейс был ранним, почти ночным, человеку не удалось отдохнуть как следует.

Раздражал же ее другой сосед, лет так сорока, но выглядевший моложе, тот, что вальяжно раскинулся справа от нее. Он ни на минуту, с тех самых пор, как она протиснулась мимо него к своему креслу, не оставлял ее какой-то карамельной галантностью. Для того Стелла и закрыла, наконец, глаза — чтобы дать понять настойчивому ухажеру, что она устала от его внимания.

А сосед, оказавшийся кларнетистом, все продолжал:

— И вот, понимаете, он берет меня за челюсть, вот так... Нет, ну вы посмотрите, пожалуйста! — и он в который раз притрагивается к Стеллиной руке, — ...вот так легонько тербит ее и говорит мне: «Отпусти челюсть, Гоша! Ну как ты можешь так играть, не пойму!» И, верите ли, я вдруг почувствовал себя так легко, будто снова у мамы родился!..

Он осекся — Стелла резко поднялась. Ей пришлось вновь соприкоснуться с экспансивным музыкантом, но другого выхода не было: старик наконец-то снул, а кларнетист и не подумал встать, чтобы пропустить ее.

В самолете, несмотря на его внушительные габариты, все равно было не разгуляться. Стелла прошла сперва в отсек к бортпроводникам, спросила про газеты и немного поболтала. Затем не спеша, стараясь не притрагиваться к спинкам кресел, — самолет все же покачивало, — продефилировала в самый его конец, к туалету, — надо было посмотреться в зеркало — посадка-то приближалась.

В тесной кабинке, насквозь продымленной подпольными курильщиками, она достала из сумочки пудреницу — и замерла, разглядывая свое отражение: на нее пристально глядела молодая — уж тридцати-то никак не дашь! — женщина, очень привлекательная и даже пикантная при своей намечающейся полноте. Ее каштановые волосы, слегка тронутые гидроперитом, были коротко острижены, а на осветленных концах закручивались в колечки; умело подкрашенное лицо выгодно оттенялось эффектным платьем в изумрудно-черных разводах — в дорогу Стелла всегда одевалась нарядно...

Обновив на губах розовую блестящую помаду и полюбовавшись своими маленькими белыми ручками, Стелла горько усмехнулась: обручальное кольцо, надетое на левую руку, — сегодня впервые за много лет, и совершенно сознательно — напомнило ей о ее сомнительном статусе разведенной женщины. Стала понятна и назойливость слащавого музыканта...

Она еще раз придирчиво осмотрела себя в зеркале, взбила пальцами волосы чуть ниже висков, прикрывая слегка оттопыренные ушки, — недостаток, по ее мнению, не из самых существенных, — и крутнула замок на складывающейся дверке туалета.

Соседа пришлось-таки поставить на место, он ей только мешал, и вообще cere-

мониться с ним было нечего. Что?.. Роман с рядовым музыкантом? Духовиком?! Не смешно...

Москва встретила Стеллу сухой прохладой, которая обещала теплый безмятежный день. По короткой аллейке, устланной разноцветьем мягких осенних листьев, голубое такси подвезло ее к самому подъезду.

Ее ждали, Отговские приятели — пожилая супружеская пара — с радостью восприняли идею о том, что дочь их друга, которую они знали с детства, поживет в их московской квартире, пока они прогреют свои старые кости в благодатном Крыму. Это было удобно всем: во-первых, не надо беспокоиться за сохранность имущества, оставляемого на своего человека; во-вторых, Стеллочке необходимо — как решили между собой старики — отдохнуть после неудачного замужества, отвлечься и развлечься в новой обстановке...

Вскорости, введя Стеллу в курс дела насчет того, где что лежит, старики укатили, оставив после себя впечатление назойливой заботливости, суеты и шумного многословия, и Стелла с облегчением вздохнула, подумав о том, что не смогла бы прожить с ними вместе и двух дней...

В Москве было все еще только десять часов, хотя там, откуда она прилетела, наступил уже обеденный перерыв. Стелла усмехнулась, представив себе, как носится сейчас по коридору с чайником и многочисленными пакетиками ее приятельница Ася, которая уступила ей, причем без всяких просьб, время своего отпуска, поменяв его на неудобный во всех отношениях февраль.

Стелла не могла понять, и чего это они все так болеют за нее даже тогда, когда она сама, вроде бы, уже окончательно успокоилась. «Они все» — это были ее родители, брат, немногочисленные подруги, некоторые даже с мужьями. Именно от их опеки она и сбегала сюда, не в силах выносить больше эту унижающую ее жалость к себе, тогда как она и сама могла бы пожалеть кого угодно.

Но тут Стелла одернула себя: ей давно уже не нравилось то, насколько она обозлена на весь белый свет, и она старалась время от времени быть объективной и не срывать обиды на неповинных людях, тем более, что никто из них в свое время не являлся сторонником этого ее повторного, еще более неудачного замужества.

Придирчивым взором Стелла осмотрела всю квартиру: надо же было знать, где она будет принимать своих гостей, или гостя, смотря как сложится, и что она в силах здесь хотя бы временно переустроить, чтобы окружение не выглядело таким мешански-безвкусным.

Поснимав кое-какие салфеточки и убрав фарфоровых собачек, Стелла вышла на маленький балкон с красивой кованой решеткой, смотревший на скверик, за которым тихо, но настойчиво шумела улица, разгороженная посередине низкой чугунной оградой; внутри этой ограды росли деревья и стояли редкие скамейки, глядя друга на друга через дорожку, посыпанную толченым кирпичом.

Бульвар, подумала Стелла, и ей захотелось тут же, ни к чему не готовясь и ни о чем не думая, выйти на полузабытые московские улицы.

Но она заставила себя подумать о деле, ведь не просто же так прилетела сюда, это пусть остальные думают, что она будет здесь ходить по музеям и театрам и кататься на речном трамвайчике, она же не имеет права тратить время попусту: за этот неполный месяц ей надо найти себе в Москве ни много ни мало — мужа, и по возможности быстрее расписаться с ним, после чего заняться такими вопросами, как обмен квартиры, перевод на работу и всякое подобное...

Плотно прикрыв высокую балконную дверь и задернув шитые кружевами шторы на ней, Стелла вытащила из сумочки свою записную книжку и поудобнее устроилась в низком кресле, поставив телефонный аппарат на колени. Она листала исписанные странички, и легкая улыбка морщила ее перламутрово-розовые губки: Стелла предвкушала, с каким удивлением и с какой благодарностью воспримет Станислав Петрович ее внезапное появление здесь, у него под боком...

Надо сказать, что у Стеллы уже был заготовлен довольно определенный план, в котором главные роли должны были играть кое-какие герои, если говорить открыто, то ими исчерпывался круг ее поклонников в Москве. С другой стороны, их преимущество и состояло как раз в неизменной симпатии к Стелле, испытанной на протяжении вот уже десяти лет, правда, симпатии эти подтверждались большей частью заочно, с помощью поздравительных открыток да изредка телефонных звонков.

Их знакомство началось, когда Стелла — подумать только, что прошло уже столько лет! — приехала в маленький захолустный городок на практику. Она сразу же затмила всех местных красавиц, хотя, честно говоря, никаких усилий к этому не прилагала, напротив, тяготилась этой своей внезапной провинциальной популярностью. Однако буквально через несколько дней после приезда ее пригласили в гор-

ком комсомола, где учтивый улыбчивый товарищ предложил ей, как комсомолке и образованной девушке, помочь организовать местную молодежную газету.

Делать здесь было почти нечего, знакомых — никого, и Стелла согласилась. И надо было такому случиться, что вскорости сюда же нагрянули два деятеля из Французской компартии, совершавшие поездку по стране и пожелавшие воочию убедиться в том, насколько успешно осваивается пустынная в прошлом зона...

Один из француз был коренным парижанином, и Стелла восхитилась его произношением: она со школьных лет увлекалась французским, и ее интерес всерьез подогревала преподавательница, по семейной традиции в совершенстве владевшая этим языком. Что и говорить, Стелле здорово повезло с изучением иностранного...

Второй из француз был также «неподдельным», но имел существенное отличие от первого: он уже много лет жил в Москве как корреспондент «Юманите» и успел завести там, как вскоре выяснилось, обожаемую русскую жену и сына Петю.

Французов сопровождали двое наших, один из которых был фотокором, второй же как раз и являлся этим самым Станиславом Петровичем.

Однажды вечером тот же учтивый комсомольский работник вдруг на черной «Волге» подкатил к клубу, где за сценой жила Стелла, и пригласил ее, вполне официально, на встречу с приезжими французами, в узком кругу — как он заговорщически выразился. От этой таинственности Стелла вначале оробела и подумала было невесть что, но потом, поразмыслив, решила, что терять ей, собственно, нечего, а от скуки помирать — тоже не дело.

Встреча эта оказалась очень приятной и интересной и принесла ей лично троих московских поклонников. Позже ей были любезно присланы Максом Тигром две парижские газеты с ее фотографиями и текстом, в котором она представлялась как «молодая и прелестная покорительница пустынь». По-французски это звучало вовсе не напыщенно, а вполне мило и изящно, и Стелла, довольная, повесила тонкие и эластичные, точно шелковые, газетные листы у себя в прихожей — так поступают артисты со своими афишами.

Через три месяца, когда Стелла была уже дома и, по правде говоря, и думать забыла о летней встрече, ей вдруг позвонил Станислав Петрович. Если можно было верить его словам, то свою командировку он выбил специально, чтобы повидаться со Стеллой. Она была польщена: как же, видный московский журналист, да к тому же — международник!

Он возил ее на предоставленной ему мягкой и бесшумной машине за город — в колхозы, по бригадным полевым станам и пыльным районным центрам. За всю свою жизнь, что она прожила тут, Стелла не повидала столько, сколько в эти несколько дней; осень стояла, как всегда, теплая и безоблачная, и им было хорошо вместе.

Стелла приходила — тайком, пряча опущенное лицо, — к нему в гостиницу всю ту неделю, что он оставался там. Она даже особенно не сомневалась насчет того, правильно ли поступает, допуская близость с мужчиной, в сущности, вовсе ей неизвестным, да к тому же гораздо старше нее. Впрочем, она полагала, что ему где-то около тридцати, и сильно ошибалась, так как мало еще разбиралась в мужском возрасте. Станислав Петрович был ухоженным и элегантным, и редкостные по тем временам джинсы очень молодили его вполне спортивную фигуру. Не очень трогало ее и то, что он вовсе не скрывал своего статуса семейного человека: ей было достаточно того, что Станислав Петрович с первого же дня начал рассказывать о своей жене с легким оттенком сожаления и даже пренебрежения — он был из таких. Стелле, глупенькой, это тоже льстило — а вот ее, Стеллу, этот человек, не понятый собственной половиной, отличил среди многих других...

В это время она уже встречалась с парнем, за которого вскорости вышла вторым браком, однако это не помешало ей с головой окунуться в новое приключение.

Станислав Петрович со слезами на глазах расстался с ней, а через какое-то время прилетел Муса Караханов — друг и коллега Станислава Петровича, тот самый фотокор, что приезжал с французами. И позвонил ей.

Поначалу Стелла была удивлена: номер ее домашнего телефона из той группы знал лишь Станислав Петрович, но потом, расчувствовавшись от признаний Мусы, — вот уже столько времени он не может забыть о ней, — она махнула рукой на «эти предрассудки» и не усмотрела ничего из ряда вон выходящего в том, что прямо из ресторана, где на правах старых знакомых они пили коньяк и танцевали, они поднялись, обнявшись, к нему в номер. В затуманенной голове Стеллы только и всего, что мелькнула мысль: хорошо, хоть гостиница другая...

Муса был старый — не меньше сорока пяти, — это она видела. Но с ним было забавно: он рассказывал такие смешные азербайджанские анекдоты, хотя говорил по-русски с чисто московским произношением, так как он всю жизнь прожил на Малой Бронной. К тому же, неожиданно для Стеллы, он доставил ей ощущения

столь сильные, что она еще долго помнила о нем, и именно Муса был причиной того, что Стелла так долго тянула со своей второй свадьбой: она все ждала, не позвет ли он ее к себе, на Малую Бронную, насовсем. Но он объявился лишь через год, когда Стелла была уже в положении и, естественно, не пожелала его увидеть...

Вот, если вкратце, и вся история с ее кандидатами в мужья. На этот раз Стелла твердо решила, что выйдет замуж лишь по-расчету, а расчет ее сводился к тому, чтобы, во-первых, вырваться из города, вызывавшего у нее столь мучительные воспоминания, а во-вторых, чтобы муж ее на этот раз оказался человеком «с положением» — это позволило бы вести тот образ жизни, которого она и достойна при ее внешности и врожденном вкусе к изящному.

Во всех этих смыслах личностью, наиболее для нее привлекательной, был Станислав Петрович. Даже то, что Муса был холост, а Станислав Петрович женат, не перевешивало чаши весов на сторону первого: престиж журналиста-международника, по мнению Стеллы, не шел ни в какое сравнение с профессией фотокора, и даже выставки его произведений, проходившие, вроде бы, с успехом, дела не меняли. Да и вообще, Станислав Петрович заметно шел в гору: не так давно его показывали по телевидению...

Немного волнуясь, Стелла набрала номер. Наконец на другом конце провода ответили, однако это был отнюдь не Станислав Петрович. Узнать же его новый номер не составило труда, и вскоре Стелла, возбужденная этими поисками, а также известием о том, что ее друг пошел на повышение, услышала в трубке: «Да, это я...»

Голос был совершенно тот же — молодой, с неуловимо ласковыми интонациями, — и Стелла искренне расчувствовалась. Станислав Петрович в свою очередь шумно обрадовался и долго бушевал по телефону, вспоминая ту теплую осень, виноград и дыни.

Наконец они стали сговариваться насчет встречи. Оказалось, что именно сегодня Станиславу Петровичу очень удобно.

— Ты знаешь, какое чудное совпадение, — со смешком проговорил он, и Стеллу невольно покоробили и тон его, и сам смысл того, о чем он говорил. — Мои-то на даче, я сегодня холостяк!

Однако Стелла, помня эту его непосредственную манеру без тени смущения с кем угодно говорить о своей семье, постаралась пропустить мимо ушей его заявление, подумав не без злорадства, что и поделом ей, этой старой корове, его жене, и что уж о ней, Стелле, когда они поженятся, ему и в голову не придет говорить вот так о какой-нибудь...

Подумать эту мысль он ей не дал, подробно выпрашивая о ее местонахождении. После того, как выяснилось, что Стелла в Москве одна, и одна она также в целой отдельной квартире, радость Станислава Петровича стала еще более бурной, и она, поломавшись самую малость, только для вида, дала ему свои подробные координаты. Уговорились они на шесть часов — так велико было нетерпение Станислава Петровича увидеть ее.

Чувствуя какой-то радостный подъем духа, — все пока что складывалось отлично, — Стелла вышла на Калининский — присмотреть что-нибудь к столу, а заодно и пробежаться по-быстрому по магазинам — чем на этот раз столица порадует?!

Однако вернулась она не через часок, как намеревалась, а лишь к обеду, усталая и разочарованная. Московские магазины были полны, но не изысканными яствами и не заморскими нарядами — они были полны народом, растревоженным и злым. Отчаявшись купить в гастрономе что-либо из съестного, она забежала в «Кулинарию», где, выстояв огромную очередь, нахватала винегрету, цыплят-табака и арбатских колбасок. Спиртного нигде не было видно, а спрашивать насчет этого предмета ей было неловко, пришлось положиться на авось: авось Станислав Петрович сам догадается и принесет.

Она успела все: и прибрать по своему вкусу в квартире, и принять ванну, и даже соснуть часок, что было ей совершенно необходимо после бессонной ночи, да еще в новом временном поясе. Накрасившись и слегка взбив свои короткие волосы, она надела скромненькую, но страшно дорогую кружевную блузку фирмы «Эль», черную велюровую юбку, туго облегавшую ее ставшие несколько тяжеловатыми бедра, замшевые английские туфельки на высоком тончайшем каблучке. Поколебавшись, прибавила к своим маленьким, но настоящим бриллиантам в ушах еще и нитку японского жемчуга, хоть и не была уверена в том, насколько эти украшения гармонируют друг с другом. Станислав Петрович должен был понять, что она понимает толк и в одежде, и в сервировке стола. Короче говоря, его надо было настроить на серьезный лад...

Но тут Стелле пришла в голову другая мысль, и она стала размышлять о том, сколько же лет может быть сейчас Станиславу Петровичу. По ее подсчетам выходило — не меньше сорока. Конечно, это многовато, но и ей-то ведь уже не де-

вятнадцать, как тогда, — так чего уж там считаться, если разница в какой-то десяток лет. Вот и хорошо, уговаривала она себя, в самый раз!

Решив для себя этот вопрос, она повеселела и побежала на кухню переворачивать цыплят.

Минут за десять до шести раздался веселый и нетерпеливый звонок, а за ним и стук ладонью в дверь. Торопливо сняв полотенце, которым она обязалась вместо передника, Стелла поспешила к двери, на ходу взбивая кудряшки над висками, сквозь которые так и норовили выглянуть круглые уши.

За порогом стоял... Нет, этого не могло быть!.. Этот старик, с багровым лицом и носом, похожим на пемзу, с тонкими, почему-то укоротившимися ногами, над которыми нависал огромный живот, не умещавшийся в красивой куртке, с маленькими голубыми глазками, спрятавшимися за тяжелыми мешками, это был — не Он.

Стелла застыла на пороге в полной растерянности, не зная, что сказать. Первым ее желанием было — захлопнуть дверь перед этим чужим, незнакомым человеком. Да ведь этому — хорошо за пятьдесят, и он, видно, полная развалина... Но голос!..

Да, голос его не изменился нисколько. И тот же тенорок, что и десять лет назад, в то время как его обладатель оттеснял Стеллу своим раблезианским животом все дальше и дальше в прихожую, чтобы закрыть за собой дверь плотнее, ласково проворковал:

— Милая моя! Кисанька! Как же ты похорошела, золотце мое!

Одной рукой — в другой он держал яркий полиэтиленовый пакет, в котором позвякивали бутылки, — он неожиданно крепко обнял Стеллу, и она задохнулась от отвращения. Судорожно высвобождаясь от омерзительного объятия, — вот что испытывают, попадая в щупальца к спруту, подумала она, — Стелла зацепила ниткой бус за металлический замок его куртки, и жемчуг вдруг, как частые слезы, посыпался к ее ногам...

Только этого ей не хватало!

С великим удовольствием Стелла сейчас бы расплакалась. Но нельзя было: черная тушь, густо махрившаяся на ее ресницах, мгновенно бы размазалась, разведая глаза, и пришлось бы начисто смывать весь грим, а этого допустить, именно сейчас, она не могла.

Задыхаясь от переполнившего ее негодования, она опустилась на колени, собирая в ладонку драгоценные бусины, не произнеся еще ни одного слова. Станислав Петрович, искренне огорченный таким поворотом дела, однако не чувствующий за собой никакой вины, отставил свой дребезжащий пакет в сторонку и неловко топтался на одном месте, не зная, что предпринять.

Положение действительно было затруднительным, и, несмотря на то, что Стелла все отмалчивалась, он попытался перевести в шутку весь драматизм этой сцены. Возвышаясь над ней, — не мог же он, в самом деле, при своей комплекции вместе с ней ползать на коленках по пыльной дорожке в передней! — он вытягивал шею, стараясь сквозь свое обширное чрево высмотреть жемчужинки, матово сиявшие тут и там, и примирительно частил добродушной скороговоркой:

— Да будет тебе, чес-слово! Кончай, слышишь? Подмети — и все дела!

Но, видя, что Стелла продолжает тщательно выискивать каждую бусину, он начал понимать, что все не так просто, и заговорил по-другому:

— Японские, что ли?.. Так бы и сказала, а я-то думал... Ну ладно, не расстраивайся. У моих баб дома полно этого добра, я им понавезу... Завтра принесу... Хочешь тройную нитку?

Но Стелла и на этот раз промолчала. Первый шок от встречи прошел, и теперь она была даже рада этому нелепому происшествию с бусами, позволившему ей как-то прийти в себя и продумать свое поведение в дальнейшем; удачным было и то, что теперь появилась причина, на которую можно было свалить свое плохое настроение на предстоящий вечер.

Наконец весь жемчуг с дорожки был убран, и Стелла пошла за веником, чтобы, не откладывая, промести все углы в поисках закатившихся зернышек. Мимоходом, с вымученной улыбкой, она пригласила своего гостя пройти в гостиную, что он с облегчением и сделал.

Когда она, по истечении довольно долгого времени, вошла в комнату с серебряным подносом в руках, уставленным тарелками и тарелочками, Станислав Петрович возился у старенького телевизора, переставляя с места на место комнатную антенну. Повернувшись к Стелле, он оживленно заговорил:

— Вот уж не думал, что в Москве еще водятся такие допотопные бронтозавры! Чес-слово, я и забыл уже, как с ними обращаться-то! Здесь что, старики живут?..

Стелла кивнула, и он понимающе протянул:

— Ясенько! Им, конечно, ни к чему телек с дистанционным управлением... О, да ты, я вижу, с ужином! Ждала меня, значит, моя кошечка!

Стелла взглянула на него, увидела, как плотоядная улыбка раздвинула его и без того широкие, мясистые щеки, и поторопилась выйти, невнятно сославшись на кухонные дела. Но без конца торчать на кухне было невозможно, и она, поминутно вздыхая: «Ну и влипла же я!» — вновь нагрузила поднос, на этот раз чем попало, и пошла в гостиную, как на добровольное заклятие.

Станислав Петрович уже выставил на стол бутылки, принесенные им из прихожей, и Стелла невольно ужаснулась:

— Но их же надо было вытереть!..

Он хохотнул:

— Не надо, радость моя! Они — из «Березки», стерильные...

Стелла пожала плечами и пригласила Станислава Петровича за стол, демонстративно сев напротив него. Он не понял вызова — или в который уже раз за вечер сделал вид, что не понял, — и, подхватив свой прибор, попытался было пересесть к ней поближе, однако встретил решительный взмах маленькой белой ручки:

— Нет-нет! Сядем так...

Но, увидев его оторопелые глаза, смягчила свои слова:

— Сидя рядом, неудобно разговаривать, не правда ли?

Он неопределенно хмыкнул: «Ну-ну!» — и водворился на прежнее место.

Какое-то время они молчали, занятые едой, и только посматривали на мелькающее в черно-белом телевизоре изображение. Но вскоре две рюмки шотландского виски сделали свое дело, и она совсем разомлела. Станислава Петровича же хмель вроде бы и вовсе не брал, хотя он здорово налегал на густо-золотистый напиток. Стелла с неприязнью подумала: «Чувствует, что я его больше не пущу сюда, и торопится допить эту драгоценность...» Ей самой вкус этого «пойла», как назвал его Станислав Петрович, понравился, и хотя специально для нее он открыл высокую бутылку итальянского вермута, в следующий раз она все же предпочла выпить из той посуды, где был нарисован стрелок в красной юбке.

Стелла старалась ни о чем не думать, пустив все на самотек. «Пусть будет все так, как будет...», — с какой-то обреченностью повторяла она про себя. Едва поднявшись, чтобы пойти приготовить кофе, которого запросил Станислав Петрович, она, немало удивившись этому, почувствовала, до чего у нее ослабли ноги.

На кухне замедленными и излишне точными движениями она приготовила крепчайший сладкий кофе, не упустив даже пенку, хотя ей приходилось время от времени резко вздергивать падающую голову. И тут вдруг поняла, что не донесет «турку» до стола. По счастью, рядом оказался Станислав Петрович.

Он галантно налил Стелле в чашку дымящейся жидкости и сел напротив, с прищуром глядяываясь в ее вдруг побледневшее лицо.

— Ты что, милочка, — спросил он, — давно не пила?

Стелла с усилием сосредоточилась на его глазах и медленно, слабым голосом ответила:

— Лет десять...

Станислав Петрович недоверчиво повел головой, потом спохватился:

— Ты прихлебывай, прихлебывай кофе-то! Вот еще лимончика очень полезно прихватить в таком случае... Да, не думал я, что ты окажешься таким слабаком в этом деле. Раньше-то, помнится, ты ничего, не отказывалась от выпивона, а?

И он, потянувшись через стол, похлопал ее по руке.

После двух чашек кофе с холодной водой Стелла немного пришла в себя, но сидела вялая и безучастная ко всему. Станислав Петрович, не переставая, балагурил, рассказывал что-то смешное из своей московской и зарубежной жизни и сам же первый смеялся собственным шуткам. Вдруг что-то задело внимание Стеллы в этом мягком и убаюкивающем словесном потоке, и она встrepенулась.

— Как ты сказал? — с усилием переспросила она. — «Покойный Муса»? Это какой Муса?..

Станислав Петрович перестал улыбаться и испытующе посмотрел на молодую женщину.

— Ты что, не знала?.. — тихо проговорил он.

— О чем? — забеспокоилась Стелла. — Объясни же, наконец...

Он взъерошил седые волосы в своей мальчишеской прическе.

— Да уже несколько лет тому... Постой, а когда же это случилось?.. Сразу и не вспомнить...

Он пошарил по карманам и пошел в прихожую, оттуда вернулся с пачкой «Пелл-Мелл». Прикурил от плоской зажигалки и невнятно продолжил:

— Короче, разбился наш Муса. Ты спрашиваешь — какой? Да тот самый — Караханов... — Он откинулся на стуле, выпуская в потолок сизый раструб душистого дыма, надолго замолчал, казалось, позабыв о Стелле.

Однако она сама напомнила ему о своем присутствии.

— Расскажи, — тихо проговорила она, глядя на него вдруг широко раскрывшимися глазами.

— Ну, что рассказывать-то... Интересного мало. Была у него машина, синий «мерседес». Зверь, а не машина. Гордился он ею и нежил, что твою бабу... — Станислав Петрович осекся и коротко взглянул на собеседницу, — ты уж прости меня, такой разговор...

Стелла кивнула, не поднимая головы от своих рук, крутивших салфетку.

— Да... В общем, возвращался он ночью с дачи, а был ноябрь, гололед, сама понимаешь... Ну и — вдребезги. Девчонку, которая с ним была в ту ночь — ребенок вовсе, лет шестнадцать, — насмерть. А его — отходили. Да только зачем — неизвестно. Лежал он долго. Парализованный, без речи и смысла в глазах. Что дитя малое, кормили его с ложечки, и все такое... И кто, ты думаешь, ухаживал за ним? Простынки менял под ним каждые полчаса, кто протирал его водой с лосьончиком да подушечки под его пролежни шил?.. Ни за что не догадаешься.

Станислав Петрович усмехнулся, глядя куда-то в сторону, сказал неожиданно с напором и вызовом:

— Да бывшая жена его... Дочка — она взрослая уже, между прочим, тоже международница — так та всего раз и пришла в больницу да матери запретила там появляться. Но мать, представь себе, не послушалась единственной дочери, забрала его к себе и, как проклятая, возилась с ним целых полтора года... Работу даже бросила, это перед пенсией-то...

Стелла, закрыв глаза, сидела, как каменная.

— А ты и не знала, оказывается, — продолжал Станислав Петрович. — Да и правда, откуда тебе было... Да... А ты знаешь, — оживился он, — на всех нас, мужиков, его друзей и тех, кто просто его знал, огромное впечатление это произвело. Ну, то самое, насчет его бывшей жены. Гулял-то Муса, прямо скажем, по-черному. Из-за этого она и ушла от него, и дочка не смогла простить ему материной беды: большая уже была, все понимала. А вот поди же ты... Значит, вот вы какие, женщины... Ну, не все, конечно. Но мы после того случая здорово все задумались... Помню, как-то один из наших, Игорь Морсков, забуддыга страшный, хоть и классный журналист, всех, кто с ним в кабаке тогда сидел, всю честную компанию, заставил покаяться: не обижать своих половинок! — Станислав Петрович засмеялся и поперхнулся дымом. Откашлявшись, он посмотрел на затихшую Стеллу и продолжил: — Главное, говорит, не изменять им и не грубить. Вот это, говорит, для них самое страшное. Ты как думаешь, прав он? Ну, насчет грубости?

Но Стелла молчала, невидящим взглядом уставившись ему в переносицу.

— И что это я все говорю, говорю, а ты знай отмалчиваешься...

Стелла не отвечала, и он нашел выход из положения:

— Слушай, давай выпьем, а? — Он быстро наполнил рюмки. — За упокой его души... Великий был грешник, земля ему пухом, а помереть довелось ему счастливым...

Он говорил еще что-то, к чему Стелла не прислушивалась. Она уже ничего не чувствовала — ни обиды, ни разочарования, на душе у нее было поразительно пусто. И, хоть какие-то мысли и роились у нее в голове, ей еще только предстояло осмыслить то непоправимое, что рано или поздно приходится осознавать каждому: невозвратность утрат...

Как бы очнувшись, Стелла вылила вино из своей рюмки в большой стакан для лимонада, не вполне твердой рукой взяла бутылку и наполнила его до краев. Неопределенная улыбка скользнула по ее губам, когда она потянулась к Станиславу Петровичу с этим стаканом. Однако он осторожно и быстро отвел свою руку с полной рюмкой:

— Что ты, что ты, милочка, в таких случаях не чокаются... Выпьем так...

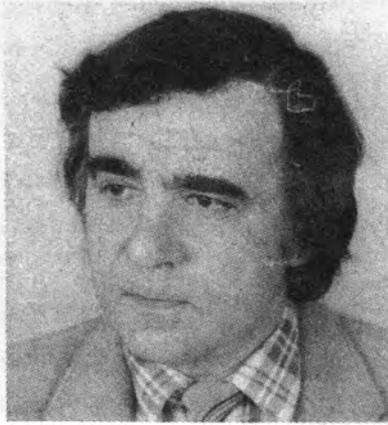
Неожиданно, так, что он даже вздрогнул, она громко проговорила:

— Как же так?.. Муса умер! И его, выходит, ни за что не найти нигде на свете?.. А ты, Стасик, ты ведь тоже исчез... Разве это ты? Посмотри на себя, сейчас ты — старая пивная бочка, и больше ничего... Призрак...

Станислав Петрович, не донеся рюмки до рта, опустил ее на скатерть и, подумав, поднялся.

В прихожей он долго надевал свою красивую спортивную куртку, старательно и шумно складывал яркий пакет, прислушиваясь к тому, не раздастся ли шум отодвигаемого стула и не выйдет ли вернуть его эта женщина, так живо напомнившая ему дни его молодости. Но все было тихо: Стелла, так неожиданно выпалившая свою тираду, вновь замолчала. Он заглянул в комнату, она сидела спиной к нему, задумавшись... и забыв взбить височки...

— Уши прикрой, слышишь?.. — в каком-то исступлении крикнул ей Станислав Петрович и, не помня себя, как нашкодивший толстый школьник, кубарем скатился по скользкой мраморной лестнице.

Владимир Данько

*Человечек в Длинной Шляпе*¹

ФАНТАСМАГОРИЧЕСКАЯ ПОЭМА ДЛЯ ДЕТЕЙ ВЗРОСЛОГО ВОЗРАСТА

* * *

Необыкновенные истории
о
Человечке в Длинной Шляпе
с
перемещениями во всевозможных направлениях
во Времени и Пространстве,
записанные
со слов очевидцев,
а также
почерпнутые из старых газет
и
извлеченные из пыльных архивов
со всяческим старанием.

* * *

За
достоверность изложения
ручается
Автор.

ГЛАВА I

в которой читатель впервые встречается с Человечком в Длинной Шляпе, а также узнает, что порванные штаны еще не причина для плохого настроения, или, как поется в старинной студенческой песне: «Литис стратис, хоминис фатис, томинис, томинис патис», что в переводе означает примерно следующее: «Пусть ты голоден и бос, никогда не вешай нос, даже если ты несвесел, улыбайся».

Итак, начнем...

В милом домике с крылечком,
Где над крышей дым колечком,
На стене часы с кукушкой,
На столе чаёк с ватрушкой,
Жил веселый Человечек,
И вставал он ровно в пять.

Как-то утром он проснулся,
Кувыркнулся, сполоснулся,
Он оделся и обулся,
К Длинной Шляпе потянулся,
Нахлобучил, улыбнулся
И отправился гулять.

¹ Печатается в сокращении.

Человечек в Длинной Шляпе
Вышел из дому во двор.
Не пошел через ворота,
А махнул через забор.

Он порвал при этом брюки,
Перепачкал краской руки,
— А!.. — сказал он.— Ерунда!..

Он сегодня, без сомненья,
Был в отличном настроеньи.
Впрочем, так же, как всегда.

ГЛАВА 2

в которой Человечек в Длинной Шляпе узнает, что от счастья можно даже заплакать.

Человечек в Длинной Шляпе
Для ребят построил дом,
А из шляпы сделал башню
И поставил над прудом.

И, ныряя с этой башни,
Веселилась детвора,
И от счастья Человечек
Плакал и кричал: «Ура!..»

ГЛАВА 6

в которой Человечек в Длинной Шляпе убеждается, что, когда лежишь на травке, в голову приходят светлые мысли; или, как говорили в старину на Руси: «хорошая мысль приходит опосля...»

Человечек в Длинной Шляпе
Раз пришел за справкой в ЖЭК.¹
— Кто вы? Русский?
— Да, я русский.
— Не узбек ли?..
— Да, узбек.
— Может — негр?..
— Да, я негр,
И к тому еще — еврей!..
Но к чему вопросы эти?
Дайте справку мне скорей, —
Что у шляпы есть прописка,
И жилплощадь у меня,
Чтобы к ней не приставали
На ходу, средь бела дня.
Чтобы ей не задевали
Ни достоинство, ни честь,
Чтоб она имела право
Быть такой, какая есть!..
Говорит начальник ЖЭКа:
«Вы на митинг или в ЖЭК?
Здесь вам не библиотека,
Не ООН и не аптека —
Все для блага человека!
Будь он турок или грек!
Даже если в длинной шляпе
Ходит этот человек.

Вы тетрадь берите в клетку,
Заполняйте-ка анкетку.
Пунктов тут 127:
год рожденья _____
пол _____
партийность _____

членство в ВЛКСМ _____
звание _____
грамоты _____
медали _____
И так дале, и так дале.

Что ж касается до Шляпы —
К ней вопрос предельно прост
Кем пошита _____
Место _____
Дата _____
Есть (иль нет) на ней заплата
(Здесь же — ваш оклад, зарплата)
Место службы, должность, пост
Шляпы цвет _____
Размер _____
И рост _____
Каковы ее воззренья (поподробней)
Право, что за подозренья?!..
Важно — соблюден ли ГОСТ!
Ну а впрочем, если честно,
Все про вас нам интересно:
Ну там — русский иль еврей,..
Нет, ну что вы! Я вам верю!..»

Человечек хлопнул дверью,
Сплюнул, выйдя из дверей.

В небе солнышко светило,
Ветер шляпу обдувал,
Пели птицы, и вопросов
Тут никто не задавал.

Человечек лег на травку,
Аромат вдохнул ее
И сказал:— На что мне справку?
Обойдусь и без нее!

¹ ЖЭК — нелепое учреждение с устрашающим названием: жилищно-эксплуатационная контора.

в которой обнаруживаются доселе не известные возможности Длинной Шляпы, что приводит к совершенно неожиданным последствиям.

Человечек в Длинной Шляпе,
В общем, был одет и сыт.
Но при этом наблюдал он
Где-то в чем-то дефицит.

Раз хотел купить он плавки
(Самый маленький размер),
Оказались на прилавке
Лишь английские булавки
И огромнейшие плавки —
Сто пятнадцатый размер.

Человечек наш вздохнул
И в сердцах рукой махнул:
— Ладно, дайте то, что есть...
И булавочек штук шесть.

Взял огромнейшие плавки,
Взял английские булавки,
Подколол и подвернул
И счастливый и довольный
В море Черное нырнул.

За волной волна бежала,
Детвора в воде визжала.
И, раскинув два крыла,
Чайка в воздухе плыла...

Человечек в море выплыл
И, ныряя по волнам,
Он из плавков как-то... выпал.
Как? Неясно это нам.

Плавки в Турцию приплыли,
Кажется, в Стамбульский порт.
Там, конечно, турки были.
Смотрят турки: что за черт?..
Новый вид вооруженья?
Или плавков новый сорт?

Заявил начальник флота:
— Нет, не нравится мне что-то!..
Я таких огромных плавков
В Черном море не видал.
Это — происки разведки!..

Две стамбульские газетки
Этот случай по-турецки
Озаглавили: «Skandall!..»

* * *

А бедняга Человечек,
Словно вражеский разведчик,
Вышел на берег тайком,
Прикрываясь Длинной Шляпой,
Точно фиговым листком.

И никто был в целом свете
Этот случай не заметил,
Но спецкор Антон Кометин
Только этого и ждал.

И в «Восходе», и в «Прогрессе»,
И во всей курортной прессе
Напечатал комментарий
Под названием:
«Скандал!»

* * *

Человечку грустно было,
Человечка мучил стыд.
Чтоб отмыться, нужно мыло.
Так ведь мыло — дефицит!

Вдруг раздался крик: «Дают!..»
Оглянулся Человечек:
Люди в очередь встают.

Было в очереди душно,
И орали малыши.
Человечек простодушно
Огорчился от души.

А когда он огорчился
И не мог собой владеть,
Он не знал, как быть со шляпой:
Снять ее или надеть.

И от этого со шляпой
Начинались чудеса,
Иногда — на полминуты,
Иногда — на полчаса.

Уж не помню, как там было,—
В общем, шляпа к небу взмыла,
И оттуда — колбаса,
Сахар, спички, соль и мыло!..

Ну, короче, — чудеса!

А народ стоит, дивится.
Взять и рад бы, да боится:
Как-то это непривычно,
Непонятно, необычно.

— Кто он? Фокусник, иль кто?..
— Это что-то тут не то!..

Тут уж милиционеры
Принимать решили меры,
— Так, товарищ-гражданин!
Кто вы? Русский? Армянин?
Номер паспорта? Прописка?..

И — пройдемте. Это близко.
Заберите свой товар.
Освободите тротуар!

И сказал глухой слепому:
— Я такого не слышал!
И сказал слепой глухому:

— Я такого не видал!
Это вражеские сети...

* * *

Этот случай был в газете
Крупным шрифтом напечатан
Под названием: «Скандал!»

АНТРАКТ,
или
ГЛАВА 9

которую Человечек в Длинной Шляпе целиком и полностью проспал, из-за чего чуть не лишился своей шляпы, которая успела за это время съездить в Париж и вернуться, убедившись, что в Париже и без нее шляп достаточно; или, как говаривал учитель географии Иван Селиванович Перепел-Хвостиков, вертя перед собой глобус: «Хорошо в Париже, да Торжок поближе»; впрочем, он не сам это выдумал, а только повторил известную татаро-монгольскую поговорку; седлая коней и хитровато подмигивая друг другу, татаро-монгольские всадники обычно приговаривали: «Хорошо в Париже, да Казань поближе!»

Итак...

Человечек в Длинной Шляпе
Как-то раз писал стихи
И заснул, когда пропели
На рассвете петухи.

Шляпа — прыг! — тихонько на пол,
Стала глазками стрелять...
(Разве можно было шляпу
Без присмотра оставлять?)

Захотелось вдруг немножко
Дурака ей повалить.
Шляпа прыгнула в окошко —
И отправилась гулять.

Искупалась в финской бане,
Покаталась в шарабане.
Пригласил ее профессор
Пообедать в ресторан.
Ели суп они с грибами,
За столом столкнулись лбами,
Оказалось, что профессор —
Просто-напросто баран.

* * *

Шляпа в цирке выступала,
Бутерброды покупала,
Нажимала в лифте кнопки,
Открывала в пиве пробки.
Шляпа ела и пила.
В общем, весело жила!

На курорте загорала,
Полюбила генерала.
Улыбнулась, ну а там уж —
Раз и два-с, и вышла замуж.

Генерал был милый малый.
Но, напившись, был он зол.
После свадебного вальса
Так вина он наливался,
Что заблеял... Оказался —
Просто-напросто козел.

* * *

А однажды к шляпе где-то
Привязались два поэта.
— Вы, наверное, метиска?
Вы, случайно, не артистка?
Вы не пишете стихи?
Ха-ха-ха да хи-хи-хи...

Вы стройны, как юный тополь! —
Приглашали в Симферополь.
И еще наговорили
Много всякой чепухи.

Стали сыпать комплименты,
Из поэм читать фрагменты.
Шляпа так перепугалась —
Еле ноги унесла.

Вслед ревели и кричали
И копытами стучали.
Оказалось, это просто
Два обыкновенных осла.

* * *

Шляпа сделала прическу,
Закурила папироску,
Стала модною красоткой
И уехала в Париж.

А в Париже — парижанки,
От актрисы — до служанки,
Все такие носят шляпки,
Что от зависти сгоришь!

А в Париже, ах, в Париже —
И брюнеты сплошь, и рыжи,
Кавалеры все, месье
И, притом, французы все!

Все галантны, элегантны,

Сплошь все гении, таланты,
Сплошь все модники и франты,
Все — на самый тонкий вкус,
И, притом, любой — француз!

Ах, Париж, Париж, Париж!
От любви тут — аж паришь!..

Тут мужчины, и каштаны,
И кругом кафе-шантаны...
От подвалов и до крыш —
Все Париж, Париж, Париж!

А на набережной Сены
Пьют шампанское шатены,
Сплошь — шиньоны, шансонье,
Шампиньоны на вине...
В общем, все — вполне, вполне...

А на набережной Сены
Эти миленькие сцены!
Эти шляпки! Ах!.. Но — цены!..
Ох, Париж, Париж, Париж!
Тут без франков погорись...

А какие тут машины!
А какие в них мужчины!
А парижские духи!..
А французские стихи...
Нет, Париж, Париж, Париж,
Нас ты, брат, не обдуришь!

Чертыхнувшись по-французски,
Натянув сапожки русски,
Шляпа с Эйфелевой башни —
Да к себе домой бегом.

Прибежала, осмотрелась,
А вокруг — такая прелесть:
Фабрики, заводы, пашни...—
И родное все кругом!

И в знакомое окошко
Шляпа прыгнула, как кошка.
И, кукуя по старинке,
Тут часы пробили «пять».

Человечек вмиг проснулся
И за шляпой потянулся,
Нежно сдул с нее пылинки
И надел ее опять.

ГЛАВА 10

повествующая о том, как Человечек в Длинной Шляпе попробовал есть однажды черную икру, закусывая красной, и чем все это кончилось; или, как говорили обитавшие на просторах нашей Родины в доисторическую эпоху каннибалы: «Ням-ням, чав-чав, ням-ням!..» — то есть: «Хороший аппетит приходит во время еды!..»; на эту же тему высказывались позднее бедняки в еврейских местечках Украины и Белоруссии; подтянув пояски на следующий день после субботы, они с философским спокойствием вопрошали друг друга: «Вос хэрцех?..» И отвечали: «Мэ голцэх ун мэ шэрцех!..» — что означало примерно: «Ну, как делишки?..» — «Так себе!.. От бритья — и до стрижки!..» — что, в свою очередь, означало: «Как вам сказать?.. Разом густо, разом пусто!..» — последнюю фразу местные мудрецы и балагулы-извозчики толковали по-своему: «Хорошего — понемножку, а то разжиреем!..»

Однако к делу...

Человечек в Длинной Шляпе
На банкет был приглашен
И в компании начальства
Ел суфле и пил крюшон.

Подавали там на блюде
Осетровую икру.
Не поверить могут люди,
Но — ей-богу — я не вру.

Были гуси заливные,
И свиные отбивные,
Антрекот из кенгуру.
Для желающих — маслины,
Для детишек — апельсины,
Ананасы, мандарины...
(Ну — ей-богу! — я не вру!)

Были разные гарниры,
Шоколад на сувениры,
Фаршированный индюк.
И изысканное блюдо,
Заграничной кухни чудо —
Заливное из гадюк.

Были острые закуски,
Маринованные гузки,
Рыба-фри и птица-брю.

А про соус из петрушки,
Про паштеты из лягушки,
Груды устриц, жабы тушки,
Крабов полные кадушки,
Языки, хвосты и ушки
Я уже не говорю...

Человечек наш наелся,
Посвободнее расселся.
Человечек наш напился,
Посмелел, развеселился.

Тут ему и говорят.
— А теперь спляши-ка, брат.

Человечек удивился,
Чуть куском не подавился:
— Но ведь я же не артист...
Тут раздался отовсюду
(Сам не слышал, врать не буду)
Топот, хохот, крик и свист:

— Кушал нашу осетрину,
Так ступай на середину,
Попляши, покувыркайся.
Ты уж нас повесели!

Человечек поднял плечи:
— Но... ведь я же — человек!
Я не шут вам, не петрушка...
И вообще, как вы могли!..

Говорят ему «по дружбе»:
— Чтобы двигаться по службе,
Ты уж, братец, как-нибудь,
Иногда шутом побудь.
Если хочешь быть на службе...
Говорим тебе по дружбе!

* * *

Человечек аккуратно
Положил кусок обратно:
— Я, представьте, не боюсь!
И за ваши апельсины,
Ананасы и маслины
Я, друзья, не продаюсь.

После званого обеда
По закону Архимеда
Человечек так страдал,
Что сидел два дня в клозете.
Этот случай был в газете
Мелким шрифтом напечатан
Под названием «Скандал!!!»

А в ответ — толпою всюю:
— Гнать «интеллигента» в шею!..
Гнать его отсюда в шею!
Пусть жует там свой омлет!..

* * *

Мелок шрифт, да факт не мелок.
Провалиться б со стыда!

Тут его схватили в лапы
И пинком — во двор, без шляпы,
Без его чудесной шляпы...

Впредь из таких тарелок
Не едал он никогда.

Шляпу выкинули вслед.

ГЛАВА 12

в которой Человечку в Длинной Шляпе объясняют, почему в длинных шляпах на Луну летать запрещается; или, как говорят лунные жители: «ТЬ-ТЬ ЦЬ-ЦЬ ЙЙ», что в переводе означает: «На нет и суда нет».

Человечек в Длинной Шляпе
Тишины не нарушал.
Телевизор приглушал он,
Спать соседям не мешал.

Как мильон его сограждан,
Он любил свою страну.
Но решил слетать однажды
В длинной шляпе на Луну.

Он с утра побрился чисто.
В сумке — термос и еда.
Тут какой-то Замминистра
Говорит: «А вы — куда?»

Отвечает Человечек:
— Я собрался на Луну.
Поднял палец Замминистра,
Погрозил им: «Ну-ну-ну!..»

Человечек объясняет:
Я слетать хотел давно...
Тут все вместе Замминистры
Погрозили: «Но-но-но!..»

Человечек умоляет:
— На Луне мои друзья...
Мне прислали приглашенье.
Только дайте разрешенье.

А в ответ ему:
— Ни-з-з-з-я!!!

Если каждый в длинной шляпе
На Луну начнет летать,
Там не то что прилуниться,
Негде даже будет стать!

Этот довод — очень странный
И, притом, весьма туманный —
Человечка убедил.
Больше он за разрешеньем
В министерство не ходил.

Безо всякого решенья
Обошелся он вполне:
Лег он спать — без разрешенья —
И проснулся на Луне.

И как только прилунился,
Вмиг на почту побежал
И такую телеграмму
Замминистром написал:

«На Луне хватает места,
И вода есть, и еда.
И да будет вам известно:
Вы вели себя нечестно,
Очень стыдно, господа!»¹⁾

ГЛАВА 14

в которой Человечек в Длинной Шляпе встречается с незнакомцем в галифе, после чего происходят перемещения во времени и пространстве, в результате которых Человечек забывает на мостовой свои старые часы, за что делаются неоднократные попытки подбить ему глаз; или,

¹⁾ В действительности, последняя фраза в телеграмме имела следующий вид: «Очень стыдно, товарищи!». Но из соображений рифмы и ритма ее пришлось немного откорректировать. (Прим. автора)

как говорили наши суровые предки: «Хто старое забудет, тому глаз вон!»; впрочем, в нашем случае было как раз наоборот, так как время двигалось в обратном направлении.

Ну а мы, читатель, двинемся вперед...

Прячась в ветхое пальтишко,
На углу возле кафе
Появился коротышка
В сапогах и галифе.

Закурил кривую трубку
И попыхивал в усы.
Рядом он поставил будку:
«Ремонтирую часы».

Длинно-Шляпный Человечек
Оказался тут как тут:
— Поглядите, что с часами,
То идут, то не идут.

Коротышка, усмехнувшись,
Тронул стрелочки в часах.
Длинно-Шляпный Человечек
Лишь успел воскликнуть: «Ах!...»

Что-то треснуло, сверкнуло,
Что-то где-то взорвалось...
Это Время повернуло
И обратно понеслось.

И, летя куда-то в пропасть,
Кувыркаясь и скользя,
Вдруг услышал он: — Эй! Пропуск!..
Стой! Назад! Сюда нельзя!..

Время вдруг остановилось,
Улеглась столетий пыль,
И увидел Человечек
Превращенье Сказки в Быль:

Он увидел ликованье,
Шествие народных масс.
Молот бил по наковальне,
Отбивая каждый час.

Здесь, на площади великой,
Все народы собрались
И толпою многоликой
Хором — в верности клялись.

Прносила транспаранты
Всенародная волна.
Били музыку Куранты:
«Широка моя страна!...»

Звали возгласы и речи
На борьбу за Гуманизм...
Вдруг увидел Человечек
Непонятный механизм:

Над огромной мясорубкой
Возвышаются Часы,
Часовщик с кривою трубкой
Усмехается в усы.

И течет толпа рекою
В этот странный механизм,
Где под мудрою рукою
Создается Гуманизм.

Гуманизм — ну просто прелесть!
Только помнить все должны:
Чтоб колесики вертелись,
Люди-винтики нужны.

Винтики идут рядами —
Вправо, влево, вверх и вниз...
И встает над городами,
Над полями и садами
Замечательный, прекрасный
Человечий Механизм.

Он великий и могучий.
Самый добрый, самый лучший.
Он построен из людей
И возвышенных идей.

Он покрашен яркой краской —
И не видно, кто злодей.
И не видно, кто стучач.
И не видно, кто палач...

Что ты плачешь, бедный винтик?
Раз, два, левой! И не плачь!

Люди-зубчики, крючочки,
Люди-звенья от цепочки,
Уцепившись друг за дружку,
Дружно вертятся они,
Шестеренки, шестерюшки,
Шестерята, шестерни...

Сколько их тут? Миллионы
Вместе кружатся сейчас!
Заглушая вздохи, стоны,
Славя мудрые законы,
Бьют часы двенадцать раз.

Четко, словно часовые
С автоматом на ремне,
Кружат стрелки часовые,
Проходя по всей стране.

Если где-то заскрипело,
Мигом чистка подоспела:
Промываются мозги
От верхов — до мелюзги.

Если кто-то выпадает —
В мясорубку попадает.
Это у Часовщика
Называется: ЩЕКА.

В этой челюсти железной
Труд идет небесполезный.

Там работает бригада
По прозвищу «Три Гада» —
По команде мудрой трубки
Крутят ручку мясорубки.

И течет народ рекой
Перемолотый ЩЕКОЙ...
Только списки шелестят,
Только косточки хрустят.
За сомненья
И за мненья,
За любые «отклоненья»...

В общем, в этой кутерьме
Полстраны уже в тюрьме.
Сколько их тут? Миллионы
Пилят бревнышки сейчас.

Заглушая крики, стоны,
Славя мудрые законы,
Бьют Часы двенадцать раз.

* * *

Человечек в Длинной Шляпе
Шел, в раздумье погружен.
Вдруг он слышит: «Стой! Ни с места!
Руки вверх! Ты окружен!»

— Э!.. Похоже, иностранец...
Подорвет наш Механизм!
— Братцы, шляпа-то!..
— Испанец!..
— А в Испании — фашизм!

— Ай ты, румба! Ах, каррамба!
— Ясно! Надо брать живым!
Действовать приемом самбо
В сочетаньи с ножевым,
Каратэ и джиу-джитсу!
— Не упустим эту птицу!..

Слыша такие штуки —
Что уж тут соображать? —
Человечек — ноги в руки,
Руки в ноги — и бежать!

ГЛАВА 15

которая начинается с бутылки обыкновенного сидро, а кончается тем, что Человечек в Длинной Шляпе становится Человечком вообще без Шляпы, но, как он полагает, ненадолго; или, как успокаивал своих клиентов Клаузус Шпицназер, шляпных дел мастер из Дрездена: «Копф топфенвиндер кноpfен», что в переводе с ныне забытого старонемецкого диалекта означает: «Была бы голова, а шляпа будет».

Ну что ж, прекрасно! Так в путь!..

Человечек в Длинной Шляпе
Ехал в поезде метро,
И на прочих пассажиров
Он поглядывал хитро.
Потому что необычно
И для прочих непривычно
На носу держал он ловко
«Пепси», «Фанту» и «Ситро».

Вот выходит Человечек
Из вагона на перрон,
Окружают ребятишки
Тут его со всех сторон.
Человечек в Длинной Шляпе
Им подмигивал хитро:
Мол, учитесь, ребятишки,
На носу держать «Ситро»!

Вдруг подходит Наблюдатель —
За-Порядками-в-Метро:
— Кто, скажите, вам позволил
На носу держать «Ситро»?

Человечек в Длинной Шляпе
(Ну какой же он простак!)
Говорит: «Прошу прощенья,
Я держу без разрешенья,
В общем... как бы просто так».

За-Порядком-Наблюдатель
Отвечает: «Но-но-но!
Что за шуточки, приятель?
«Просто так» — запрещено!»

Человечек в Длинной Шляпе
Говорит: «Но ведь в метро
Нет таблички, что нельзя, мол,
На носу держать «Ситро».

Наблюдатель-за-Порядком
Отвечает: «Ах, вот так?!
Ну так будет вам табличка!
Будет даже не табличка —
Специальный будет знак.

Мы украсим им вагоны,
Пассажирам раздадим.
Но порядок и законы
Нарушать мы не дадим.

Будет принято решенье,
Что НЕЛЬЗЯ БЕЗ РАЗРЕШЕНЬЯ
ЕХАТЬ В ПОЕЗДЕ МЕТРО,
НА НОСУ ДЕРЖА «СИТРО»!»

Удивился Человечек:
— Это ж просто чепуха!
И все дети засмеялись:
— Ха-ха-ха-ха-ха-ха!..

Рассердился Наблюдатель:
— Это что еще за смех?..
И снимите эту шляпу!
И наденьте — как у всех!

Усмехнулся Человечек,
Носом подхватил «Ситро»
И пошел себе спокойно
Прямо к выходу метро

* * *

||: Тут берут его под мышки¹⁾
(Так удобно очень брать),
Говорят: «Мы в кошки-мышки
Не намерены играть».

Ваша шляпа вызывает
Возмущенье у людей.
Ваша шляпа — воплощенье
Недозволенных идей.

Вашу шляпу проклиняет
Вся огромная страна.
По особому Указу,
Специальному Приказу
Арестована она».

¹⁾ ||: — специальный знак, смысл которого станет ясен немного позже.

Сняли шляпу с Человечка,
Увели ее в тюрьму.
Очень грустно Человечку,
Плакать хочется ему.

Но слезами не поможешь.
Надо шляпу выручать.

А помочь в том деле может
Только Подпись и Печать...

Вот о них-то в самый раз
Начинать сейчас рассказ.

ГЛАВА 16

в которой Человечек-вообще-без-Шляпы встречается с Человечком-Если-Если и пытается уяснить разницу между Печатью Круглой и Печатью Квадратной; или, как писали в священных книгах жрецы Древнего Египта, открыть великую тайну «Квадратуры Круга»; а древний грек Пифагор каждое утро начинал об этом свою беседу с учениками такими словами: «Циркулюс негос фине, балбикос», то есть: «У кольца нет конца, балбесы!»

Впрочем, ты скучаешь, читатель, а путь еще немалый.
Крепись!..

Вот Бешляпый Человечек,
Человечек бедный наш,
Отправляется куда-то
На семнадцатый этаж.

Там сидит в удобном кресле
Человечек-Если-Если.

Человечек-Если-Если
Ставит Подпись и Печать.
Так удобно, сидя в кресле,
Разрешать и запрещать.

Поднял свой бумажный флаг
Полководец, Маг Бумаг.

Так приятно, так приятно
Их в ладонях ощущать,
Ставить сверху Штамп Квадратный,
Снизу — Круглую Печать.
Рядом — росчерк аккуратный.
Наискось: «НЕДОПУЩАТЬ!»
Тут Бешляпый Человечек
Обращается к нему:
Мол, прошу вернуть мне шляпу,
Что посажена в тюрьму.

Человечек-Если-Если
Улыбнулся, сидя в кресле:

— Если нужно вам решенье,
То прошу подать прошение.
Только быстрого решенья
Не могу вам обещать.

Если шляпа — украшенья,
А не просто для ношенья,
То придется объясненье
Вам сначала написать.

Если шляпа — утепленье,
В этом нету преступленья.
Шляпы разные бывают.
Вам, быть может, невдомек?

Вредным шляпам нет прощенья!
Но возможны поощренья,
Если шляпа — просто шляпа,
А не — так сказать — намек!..

Впрочем, это все не важно.
Все решается бу-маж-но:
Если сверху мне прикажут,
Будет Подпись и Печать.

И вопрос о длинной шляпе
Мы решим — и дело в шляпе.
Стоит лишь начать и кончить,
То есть кончить — и начать!..

ГЛАВА 17 И ПОСЛЕДНЯЯ

в которой Человечек-вообще-без-Шляпы попадает в заколдованный круг, однако находит из него выход и становится снова Человечком в Длинной Шляпе, на этот раз уже навсегда; или, как утверждали авторы Древнеримского права: «Конто спиратис, эгито финиш», то есть: «Сколько веревочке ни виться, а конец будет».

Ну что? Ты еще здесь, Читатель?
Ты не уснул? Вот молодец!..

Ах, ты проснулся? Очень кстати.
Держись, уж близится Конец.

Или, выражаясь более поэтически: «Еще одно последнее сказанье — и рукопись окончена моя». Терпи!..

Вот Бешляпый Человечек,
Человечек бедный наш,
Отправляется на верхний
Сто семнадцатый этаж.

Тут его встречают сразу
Сто семнадцать человек
В низких, плоских серых шляпах,
Пришпандоренных навек.

Сто семнадцать очень важных
Государственных мужей —
Министерских лиц бумажных —
Все без глаз и без ушей.

Все идут походкой плавной
В низкий серый кабинет.
И выходит Самый Главный,
Уж его главнее нет.

Это — главный-Разрешатель —
С-Запрещающей-Рукой.
От него зависит счастье,
Мир, и радость, и покой.

Вот расселись все в молчанье —
Происходит совещаье.
Шляпа — что?.. Забудь о ней.
Есть вопросы поважней.

Но Бесшляпый Человек —
Уж молчал бы, вот чудак! —
Говорит: «А как же шляпа?
Шляпа тоже не пустяк!»

Рассердился Разрешатель —
С-Запрещающей-Рукой:
— Вы чего тут расшумелись?
И вообще, — ты кто такой?!

То, что надо, — разрешаем,
Что не надо — запретим.
Надо будет — вашу шляпу
Мы слегка укоротим.

Но Бесшляпый Человек
Отвечает: «Дудки вам!
Замечательную шляпу
Укорачивать не дам!

Я прошу вернуть мне шляпу!
Что вам сделала она?
Может быть, исчезло масло?
Или, может быть, война?
Все же: в чем ее вина?...!

* * *

Отложили все вопросы
Сто семнадцать человек,
Закурили папиросы
Под названием «Казбек»

Стали думать да рядить:
Шляпу ли освободить?..
Человечка ль посадить?..

И пока они решали
(Хоть вопрос ничтожно мал),
Человечек в ожиданье
(Маленький, в огромном зданье)
Незаметно... задремал.

Задремал — и за порог...
И уехал в Таганрог,
Где живет писатель Чехов.

Вот к нему он и приехал.
(По дороге весь продрог.)

Был писатель очень занят,
Утирал он пот со лба,
Из себя за каплей каплю
Он выдавливал раба.

Человечек говорит:
— Черепок мой не варит:
Что в отечестве творится?
Кто с ним это все творит?..

Человечек говорит:
— Кто мне очи отворит?
Что такое с нашим веком?
Ничего я не пойму:
Сняли шляпу с человека
И отправили в тюрьму!

Говорит писатель Чехов:
— Милый, жизнь — это борьба.
Помни, можно только смехом
Победить в себе раба.
А без смеха, без борьбы —
Мы рабы, мой друг, рабы...
А теперь — прощай. Успехов!

И — исчез писатель Чехов.

* * *

Тут Бесшляпый Человек
Вскрикнул: «Что за чудеса?!»
Покачнулся... и очнулся,
И услышал голоса.

Сто семнадцать человек
Курят бешено «Казбек»,
Крики слышатся в дыму:
— В кандалы его!
— В тюрьму!
— Запретить!
— Не позволять!
Кто-то взвизгнул:
— Рас-стре-лять!!
Человеку в длинной шляпе
Не положено гулять!

Но отважный Человек
Крикнул вдруг: «Мы не рабы!...»

Сто семнадцать плоскошляпых
Тут как встанут на дыбы:

— Кто посмел?! Такие речи!..
— Я! — воскликнул Человек.

В лица, что блее мела,
— Я!.. — смеясь, он крикнул смело.

— Я прошу, внесите ясность:
Есть у нас, простите, гласность?
Есть законы и права?
Или все это — слова?..

¹ Читатель, дойдя до этого знака, вернись к такому же на стр. 99 и повторяй это, пока у тебя хватает сил. Только так ты сможешь представить себе возвращение несчастного Человечка в «заколдованном круге». Как он выбрался оттуда, для автора остается загадкой. Тебе же придется искать выход самому. Прости!

С лисьей мордочкою сладкой,
С лисьей хитрою повадкой
Тут подходит Запрещатель-
С-Запрещающей-Рукой:

— Замечательно, приятель!
Вот ведь вы у нас какой!
Вы не раб! Вы — гражданин!
И в честь ваших именин
Мы решили вашу шляпу
Из тюрьмы освободить.
Только просим, умоляем
В этой шляпе не ходить.

Шляпа возбуждает смех,
А уж это — тяжкий грех!

Если все начнут смеяться,
То разучатся бояться!
Если каждый станет ржать,
Перестанут У В А Ж А Т Ь !
Надо же соображать!!!

Так что, все это учтите.
Шляпу больше не носите.
А уж мы вас не оставим,
Мы вас к ордену представим.

Человечек загрустил,
Нос и плечи опустил
И печально отвечает:
— У меня — душа скучает:
Гадко от таких речей,
Как от ласки палачей...

* * *

Тут ему выносят шляпу.
Только где ж ее длина?!
Будто смяли ее лапой,
Стала низенькой она.

Человечек возмутился,
Он за голову схватился:
— Что вы сделали со шляпой?!
Это шляпа не моя!

Шляпа низенькая плачет:
— Представляешь? Это — я...
Очень сильный был нажим,
Очень строгий был режим.
Наконец я на свободе!
Надевай скорей! Бежим!

И тотчас в его горсти
Начала она расти.
Смотрят в страхе плоскошляпы,
Глаз не могут отвести.

А она все выше, выше,
Все длинней,
длинней,

длинней...
— Прекрати сейчас же! Слышишь?!.. —
— Шиш! Не справитесь вы с ней!

— Бунт! — вскричали Плоскошляпы.
— Прекрратить! Отставить рост!

А макушка длинной шляпы
Доросла уже до звезд!

Или, может, чуть пониже,
Может, только — до Луны...

В общем, шляпа стала прежней —
Замечательной длины.

* * *

Человечек наш от счастья
Сразу вдруг помолодел,
Замечательную Шляпу
Он решительно надел.
— Плоскошляпым господам
Больше шляпу не отдам!
И бежать...

— Постой! Куда ты?
Берегись, там бездна! Стой!..

А в окне уж конь крылатый
Машет гривой золотой.

И дорожкой между туч,
Как струна, натянут луч.

— Стой! Безумец! Разобьешься!.. —
За спиной раздался крик.
Человечек в Длинной Шляпе
В этот миг в окошко — прыг!

Сто семнадцать этажей,
Сто семнадцать гаражей,
Сто семнадцать плоскошляпых
Государственных мужей...
Завертелись, закружились
И умчались от него...

Под ногами только лучик,
Лучик, только и всего...
И, качаясь, как травинка,
На заоблачных ветрах,
Каждой клеточкой, кровинкой
Побеждая рабский страх,
По тропинке по небесной
Он идет среди планет,
Он идет над черной бездной
В дальний край, где грусти нет,
В светлый край, где смерти нет...

* * *

А внизу, в ту бездну канув,
С криками: «Беда, беда!..»
Сто семнадцать тараканов
Разбежались кто куда.

Больше их никто на свете
Не слышал и не видал.
Только в утренней газете
Шрифтом, что едва заметен,
Этот случай был отмечен
Под названием: «Скандал!»

ЭПИЛОГ,
который столь краток, что пояснений
не требует.

Благодарю, Читатель, что ты следовал за мной с терпением. Я чувствовал твою руку. Ты улыбался мне, и сердце твое билось рядом с моим. Ты был моим спутником во Времени и Пространстве. Через несколько шагов мы расстанемся.
Будь счастлив! Прощай.

* * *

Было это все когда-то...
Много дней тому назад.
И прошло с тех пор, ребята,
Лет пятьсот... иль пятьдесят...

Наше время — деловое,
Безо всяких пустяков.
В наше время трудовое
Нет подобных чудаков.

...Но сегодня вдруг, под вечер,
Возле выхода в метро
В длинной шляпе человек

Нес бутылочку ситро —
И, представьте, — на носу!

Было то в седьмом часу
Возле улицы Калужской,
Где давали колбасу...

Значит, все-таки они
Где-то есть и в наши дни.

С облаков на землю сходят
Там, где их уже не ждут.
И по проволоке ходят,
Не боясь, что упадут.

Брутт Ким

ВЕТРЫ НАШИХ СУДЕБ

КТО МЫ, ОТКУДА МЫ?

Нас немногим более четырехсот тысяч. Это всего лишь четырнадцать сотых процента населения Советской страны. Маленькое деревце в большом саду.

Нас можно встретить на Сахалине и Северном Кавказе, в Сибири и Поволжье, в Средней Азии и на Украине — едва ли не во всех уголках воистину огромной державы. В каждый колхоз, на каждый завод мы можем дать хотя бы по одному работнику и в каждый батальон — солдата.

При переписи населения в графе «родной язык» многие из нас указывают: «русский». И первые поэты для нас — Пушкин, Некрасов, Маяковский. С их стихов началось детство моего поколения, поколения наших отцов. С их стихами входят в жизнь наши дети. Но каждый год пятого апреля мы откладываем все дела и отправляемся на кладбища, чтобы справить день поминовения — «хансиг», бьем троекратные земные поклоны на могилах близких нам людей. Так, как велят древние обычаи родины наших предков.

Мы страстно болеем за футболистов ташкентского «Пахтакора», обожаем украинский борщ, в минуты радости затягиваем русскую «Катюшу» и отплясываем зажигательную «андижанскую польку». Но в каждом нашем доме вы найдете соевый соус «кандянг» и квашеную восточную капусту «кимчи» — важнейшие атрибуты нашей национальной кухни.

Мой дед родился в российском Приморье, и уже он наречен был русским именем. Империя приняла его, потребовав взамен душу и тело. После роковых событий в Сараево он был призван под знамена последнего русского монарха, участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве. Его судьба уже ничем не отличалась от судеб миллионов российских солдат, загнанных в окопы, оторванных от земли, от семей. И он вместе с ними повернул свой штык против старого мира, поднимал разрушенное хозяйство, участвовал в строительстве колхозов. И все же он сохранил в себе, в своих детях привязанность к земле, оставленной еще его родителями по ту сторону Тумангана.

Мой отец постоянно выписывал журнал «Корея», уже в зрелом возрасте выучился грамоте предков, пристально следил за событиями к северу и к югу от 38-й параллели, разделившей его родину. Но когда он умер, у гроба вместе с нашими женщинами его оплакивали русские и татарки. А узбек, представитель райкома партии, где отец проработал свыше тридцати лет, на траурной церемонии сказал: «Брат наш, спи спокойно в родной земле, под родным небом».

Так кто же мы? Откуда мы? Какие мы?

Года три назад в Ташкенте на традиционный международный кинофестиваль кинематографисты Корейской Народно-Демократической Республики привезли художественный фильм «Хон Гиль Дон». Создан он по мотивам известной корейской средневековой повести. Социальные мотивы, побудившие героя фильма к борьбе с угнетателями, оттеснены на второй план его ошеломляющими подвигами в духе гонконговских кинобоевиков.

Но не для того, чтобы высказать свое мнение о достоинствах или недостатках этого фильма, я вспомнил о нем. Наверное, у многих из нас, советских корейцев, пришедших на просмотр фильма, вздрогнуло сердце, когда Хон Гиль Дон, не добившись справедливости у себя на родине, покидает ее в поисках «обетованной земли» — Юльдо. В нем и его сподвижниках мы узнали своих предков, тех, кто более века назад тайными тропами пробрался на север, в надежде найти свое Юльдо.

Во второй половине XIX века в Корее царил жесточайший террор по отношению к трудящимся. Непомеренный феодальный гнет, произвол и беззаконие властей приводили к обезземеливанию крестьян, полному их обнищанию. В своей книге «Очерки истории советских корейцев»¹ Ким Сын Хва насчитал несколько десятков видов налогов, которыми были обложены крестьяне. Положение трудящихся еще ухудшилось с вторжением в страну японских захватчиков.

Доведенные до отчаяния люди брались за оружие, громили помещичьи усадьбы, лавки. В крови было потоплено восстание 1919 года.

И снова корейцы стали покидать родную землю. Да, не без разочарования и грусти приходится констатировать: не свежий бриз романтики и даже не порывистые ветры наживы, а тайфун нищеты и бесправия прибил лодочки наших предков к чужим берегам.

1988 год в какой-то степени был для нас юбилейным. 125 лет назад русские погранпосты зафиксировали появление на территории российского Приморья первых корейских переселенцев.

Местные власти в общем-то благосклонно отнеслись к переселенцам. Освоение этого огромного края требовало интенсивного притока населения. И власти не без основания надеялись извлечь выгоду из корейцев, представлявших собой дешевую рабочую силу, причем достаточно квалифицированную, особенно в земледелии. Эта благосклонность проявлялась в оказании им на первых порах материальной помощи, предоставлении определенных льгот. Например, в течение 1869—1871 годов жителям семи корейских поселений у реки Суйфун в виде пособия было выдано 35 тысяч пудов продовольствия из военных запасов. Как и русские переселенцы, они освобождались на двадцать лет от уплаты подушного налога и на три года — поземельной подати. Слухи об этих благах, обрастая порой несуществующими деталями, вызывали новые волны беженцев из Кореи.

Лояльное отношение к корейцам было вызвано и тем, что в противоборстве царизма с империалистической Японией за сферы влияния на Дальнем Востоке они являлись естественными союзниками России. И совсем не случайно то, что одному из боевых кораблей русского флота было присвоено имя «Кореец». В самом начале русско-японской войны 1904—1905 годов канонерская лодка «Кореец» вместе с легендарным крейсером «Варяг» приняла бой с японской эскадрой близ Чемульпо. Но силы были неравные, и оба русских корабля были потоплены своими экипажами.

Разумеется, было ошибкой думать, что корейские переселенцы все же нашли в капиталистической России пресловутое Юльдо, сказочный остров, где царят справедливость, благоденствие и счастье. Как и все трудящиеся России, названной В. И. Лениным «тюрьмой народов», они испили горькую чашу капиталистической и кулацкой эксплуатации, чиновничьего произвола, национального гнета.

К 1910 году только в Приморской области насчитывалось уже свыше ста корейских деревень с населением 50 тысяч человек. Корейцы жили также в соседних областях, в Сибири, на Урале. Подавляющее большинство их было занято в земледелии. Они явились пионерами возделывания в Приморье риса, чумизы, занимались шелководством. Важнейшая роль принадлежала им в развитии овощеводства. «Здесь своих, местных, овощей благодаря корейцам развелось так много, что не знают, куда девать их избыток», — писал в своем донесении начальник Удского уезда Амурской области в 1907 году. Незначительное число переселенцев занималось рыболовством. Но зато немало их было в промышленности. В 1906 году на предприятиях Приморья работало свыше 10 тысяч корейцев — треть от общего числа всех рабочих, причем большая часть трудилась на золотых приисках.

Положение переселенцев было отнюдь не одинаковым. Принявшие подданство России (по соглашению, заключенному в 1885 году между правительствами России и Кореи), они, как и русские переселенцы, пользовались преимущественными правами в получении земельных наделов. Из этой категории корейцев и стала складываться мелкобуржуазная прослойка — кулаки, торговцы, владельцы мелких предприятий, подрядчики. Вместе с местной буржуазией они эксплуатировали остальную массу переселенцев. Власти, проводившие политику разобщения народов как по классовому, так и национальному признаку, поддерживали процесс расслоения переселенцев.

Особенно трудно приходилось тем, кто жил на нелегальном положении или не

¹ Ким Сын Хва. Очерки истории советских корейцев. Алма-Ата, 1965.

получил русского подданства. А таких было несколько десятков тысяч. За одну и ту же работу им платили вдвое меньше, а о политических и социальных правах не могло быть и речи. Но, вливаясь в ряды пролетариата России, они приобщались к революционному движению. Так, в период первой русской революции в Зейском горном округе рабочие из числа корейцев прекратили работу и потребовали от администрации ввести восьмичасовой рабочий день, отпускать продукты корейцам наравне с русскими рабочими, отменить дискриминационные циркуляры для «желтых лиц». К чести русских рабочих, они проявили классовую солидарность и всецело поддержали эти требования. И хотя забастовка была жестоко подавлена, для рабочих округа всех национальностей она стала настоящей школой политической борьбы, пролетарской солидарности. А этого как раз и опасались власти. Не случайно в последующие годы распоряжением генерал-губернатора Приамурья большая часть корейских рабочих была выслана из горных округов.

Корейские переселенцы всем сердцем приняли Октябрьскую революцию, активно участвовали в защите молодой Советской республики, в борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией. По подсчетам Ким Сын Ха, в годы гражданской войны на территории Приморья и Забайкалья действовали 48 корейских партизанских отрядов. Это отдельная корейская бригада под командованием Н. А. Каландарашвили, интернациональный полк в составе пятой армии (командир Цой Дин Тхя), корейская бригада (командир О Ха Мук) и другие. Известны имена корейцев, воевавших на других фронтах, в частности, в составе 222-го интернационального полка, входившего в дивизию прославленного героя гражданской войны В. И. Чапаева. Об этом свидетельствует книга «Легендарная чапаевская».

Из рядов корейских переселенцев вышло немало талантливых командиров и политработников. Это командиры отрядов и соединений Хан Чан Гер, Хван Ха Ир, Цой Хо Рим, Ким Кен Чен, О Ха Мук и многие другие. Продолжали революционную деятельность, направленную на освобождение Кореи от японского ига, Ли Дон Хи, Пак Дин Шун, другие их соратники. Они активно включились в международное коммунистическое движение, участвовали в деятельности III Интернационала, встречались с В. И. Лениным.

Колоритнейшей фигурой среди корейцев тех лет был партизанский вожак Хон Бэм До, который еще в Корее развернул борьбу против японцев. На протяжении многих лет бойцы его отряда наносили чувствительные удары по интервентам. Перейдя в Россию, отряд участвовал в разгроме белогвардейских банд, изгнании из Приморья японских и американских оккупантов. До нас дошла фотография Хон Бэм До: за суровым взглядом угадывается безоглядная отвага, непримиримость и вместе с тем доброта, присущая людям с большим сердцем. Военная форма ладно облегает его мощную атлетическую фигуру, на боку — маузер. И сегодня среди советских корейцев ходят легенды, будто это оружие он получил из рук самого Ленина.

В Кызыл-Орде (Казахстан), где Хон Бэм До прожил свои последние годы, на его могиле установлен бронзовый бюст. Бюст изготовлен скульпторами из Коканда — Владимиром Хегай и Николаем Цой. Весьма примечательна предыстория его создания. Узнав об инициативе ветеранов увековечить память Хон Бэм До, автор этих строк предложил им обратиться к кокандским мастерам. Когда мы прибыли в Коканд и заговорили о цели приезда, Николай Цой, к великому нашему изумлению, вынул из пиджака фотографию Хон Бэм До. То была старенькая, переснятая с книги карточка. «Я ношу ее с собой уже много лет», — сказал он. Николай, как оказалось, давно мечтал создать в камне или бронзе образ нашего замечательного соплеменника. И наш приезд был как нельзя кстати.

Короткую, но яркую, подобно вспышке молнии, жизнь прожила пламенная коммунистка Александра Ким (по мужу Станкевич). Своим зажигательным пропагандистским мастерством, бесстрашием она снискала огромную популярность у трудящихся Приморья. Ким избиралась членом Краевого исполкома Советов, секретарем Хабаровского горкома партии. Была назначена комиссаром по иностранным делам Совнаркома Дальневосточной республики. Осенью 1918 года белоказачьи отряды атамана Калмыкова при поддержке японцев захватили Хабаровск. Ким вместе с другими партийными и советскими работниками попала в руки белогвардейцев... Пламенной активистке едва исполнилось 33 года, когда ранним сентябрьским утром оборвалась ее жизнь.

Таковыми же молодыми были и многие из бойцов корейской роты шестого полка, участвовавшего в штурме Волочаевки. Они шли в первых штурмовых группах. Несмотря на ураганный огонь противника, бойцы бросались на проволочные заграждения. В том бою погибла почти вся рота.

Из истории довоенного периода советских корейцев выпала целая глава. Глава, которая во многом определила их дальнейшую судьбу. Связано это было с тем, что

многие годы у нас замалчивались те или иные события. Партия дала принципиальную оценку этому периоду истории страны.

Давно уже назрела необходимость восстановить эту главу, ибо без нее куцой и ущербной будет наша память. На февральском (1988 г.) Пленуме ЦК КПСС подчеркивалось, что «нужно ярко показать, как жили, как трудились, во что верили миллионы людей, как соединялись победы и неудачи, открытия и ошибки, светлое и трагическое, революционный энтузиазм масс и нарушения социалистической законности, а подчас и преступления».

Осенью 1937 года десятки тысяч корейских семей были погружены в железнодорожные составы, которые умчали их из Приморья далеко на запад, в Казахстан и Среднюю Азию.

Бывшему собору по Узбекистану межреспубликанской газеты на корейском языке «Ленин кичи», а ныне пенсионеру Ма Ген Тхя в то время было двадцать лет. Он только-только женился, когда власти объявили о переселении.

— Нам не говорили ни о мотивах переселения, ни даже о том, куда нас повезут, — рассказывает ветеран. — И до сих пор мы не знаем правду о переселении. На подготовку к выезду дали три дня. Кто успел, те распродали по дешевке дома, мебель, с таким трудом нажитые в течение многих лет. А тем, кто не успел, предстояло на новом месте все начинать с нуля. Правда, выдали наперед двухмесячную зарплату, но что можно было сделать на эти крохи?

Лишь в пути мы узнали, что нас везут в Среднюю Азию. Долгим, невероятно трудным, трагическим был этот путь. Ехали в товарных вагонах, плохо приспособленных к перевозке людей. Санитарные условия были ужасны, что явилось причиной массовых заболеваний, особенно среди детей. Многим не суждено было ступить на новую землю...

Еще больше умерло переселенцев по прибытии на место. Многие семьи жили в землянках. Резкая перемена климата и бытовых условий, отсутствие элементарных санитарных условий способствовали распространению дизентерии, малярии.

Советские корейцы первыми среди народов страны были подвергнуты массовым репрессиям. Сталин и его окружение посчитали их неблагонадежными лишь на том основании, что рядом к войне готовилась империалистическая Япония. Огульно в доверии было отказано целому народу. Переселение проводилось не столь жестко, как это потом было сделано с другими небольшими народами. Сталинские подручные на корейцах лишь репетировали будущие массовые переселения народов.

Сегодня многие из молодых задаются вопросом: как же это случилось, почему люди позволили везти себя чуть ли не как стадо? Что я могу сказать на это? Тоталитаризм порождает в людях страх, низводит их до животного состояния. Ведь до и после переселения и корейцы не избежали репрессий. Им были подвергнуты почти все более или менее известные партийные и советские работники, военачальники, писатели, учителя, словом, цвет нации. В их числе были основоположник корейской советской литературы Тё Мен Хи, первый секретарь Посьетского райкома партии Афанасий Ким, командиры полков РККА О Ха Мук и Федор Ким и многие другие. Последний был реабилитирован еще в начале войны и назначен начальником Киевского пехотного училища, погиб на фронте.

Мне трудно понять тех людей, которые утверждают, что переселение было едва ли не добровольным, желанным для корейцев. В частности, именно так представляет его Николай Ли, автор статьи «О 1937 годе», опубликованной в «Ленин кичи» в июле 1989 года.

Несомненно, что корейцы, благодаря помощи и поддержке местного населения, сумели залечить раны, встать на ноги и добиться успехов во всех сферах своей жизнедеятельности. Но от этого сам факт переселения, его суть не меняются.

НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ

В первые годы после «великого» переселения корейцы жили компактными общинами, создавали свои колхозы, поселки. Не только потому, что к этому их вынуждала новая обстановка, незнание местных языков. До середины пятидесятых годов они не имели права выезда за пределы той или иной области без особого на то разрешения. До сих пор люди старшего поколения с горечью вспоминают эти мрачные страницы своей жизни. Следствием дискриминации было и то, что корейцы не подлежали призыву в армию. Можно только предполагать, каково было нашим отцам, когда грянула война. Что могло быть для них, воспитанных на фильмах Юткевича и Довженко, песнях Лебедева-Кумача и книгах Николая Островского, более унижительным, чем отказ от священного права с оружием в руках защищать Родину?

Тысячи корейцев в первые дни войны обращались в военкоматы, писали Сталину, Ворошилову, Калининну с просьбой отправить их на фронт. Но в ответ: не положено, нет указаний, люди нужны и в тылу. Лишь немногие попали в действующую армию. И из них двое — Александр Мин и Алексей Хан — стали Героями Советского Союза.

Большинство же корейцев были мобилизованы в трудовые армии. Об их существовании почти ничего неизвестно нынешнему поколению. А ведь они наряду с другими тружениками тыла внесли весомый вклад в победу. Это были полувойсковые формирования, которые восполнили резко поредевшие ряды индустриальных рабочих. Трудармейцы возводили оборонительные сооружения, добывали уголь на шахтах Воркуты, Караганды, Ангрен, трудились в рудниках Лянгара и на лесозаготовках Урала, строили новые заводы и дороги.

Лишь после смерти Сталина корейцы были приравнены в правах к гражданам всей страны. И они потянулись в другие города, другие регионы. Сегодня их можно встретить повсюду. Но большая часть их все же осталась в республиках Средней Азии и Казахстана. В Узбекистане проживает 182 тысячи, Казахстане — 100 тысяч корейцев. Довольно компактными группами они встречаются в Таджикистане, Киргизии, на Дальнем Востоке, Северном Кавказе.

Особую группу составляют корейцы Сахалина. Их около 35 тысяч. История их переселения из Кореи на остров имела совершенно иную подоплеку, но она не менее драматична. Как известно, в результате войны 1904—1905 годов Япония отторгла у России южную часть Сахалина. Японские милитаристы, готовившиеся к войне против Советского Союза, начали создавать на острове сырьевую базу, возводить оборонительные сооружения. Для выполнения этих работ вывозилась рабочая сила из Кореи. После освобождения южной части Сахалина корейцы остались здесь навсегда, хотя большинство из них вплоть до середины семидесятых оставались подданными КНДР, из-за чего местные власти ограничивали их возможность передвижения в другие регионы. Кстати, именно на Сахалине наиболее долго просуществовали корейские школы. И совсем не случайно то, что основное ядро редакций корейских газет «Ленин кичи» («Ленинское знамя») и «Ленин килло» («Ленинским путем») составляют выпускники этих школ, специалистов корейского языка неоткуда больше черпать.

Сахалинские корейцы живут в основном в городах — Южно-Сахалинске, Углегорске, Поронайске, Корсакове, Макарове, Холмске. Работают во многих отраслях экономики и культуры области. Люди старшего поколения хорошо помнят рыбачку Александру Хан, которая за выдающиеся трудовые достижения была удостоена звания Героя Социалистического Труда. Известны сахалинцам имена старшего мастера Поронайского леспромхоза Ким Чан Мока, начальника железнодорожной станции Пугачево Ким Ок Тя, депутата облсовета Веры Пя, хирурга областной больницы Ким Сен Хвана и других.

На Сахалине выходит областная газета на корейском языке «Ленин килло», регулярно ведет свои передачи корейская редакция при облрадиокомитете. Недавно при Южно-Сахалинском пединституте открыто отделение корейского языка.

Сегодня как таковых корейских поселков или колхозов нет. Те хозяйства, которые были созданы корейцами после переселения с Дальнего Востока, постепенно укрупнялись, объединялись с узбекскими и казахскими. В результате население в этих хозяйствах стало весьма разнородным. На территории колхоза имени Димитрова Галабинского района, например, на 1 января 1988 года проживало 7768 человек. 4183 из них — узбеки, 1759 — корейцы, 1218 — казахи, 289 — русские, 203 — татары и так далее, всего люди девятнадцати национальностей. В колхозе имени Свердлова города Нариманова под Ташкентом из 10850 жителей 6700 составляют казахи, 2600 — узбеки, 2034 — корейцы, 350 — русские.

Однако эти колхозы по традиции называются корейскими. К ним относятся также колхозы «Узбекистан», «Правда», «Политотдел», «Ленинский путь» города Нариманова, «Северный маяк», имени Ким Пен Ха Среднечирчикского района, «Заря коммунизма», «Победа» Галабинского района и другие хозяйства Ташкентской области.

Довольно крупными группами проживают корейцы в городах Ташкентской области. В Алмалыке их 6,5 тысячи, Бекабаде — 6 тысяч, Янгиюле — 4,5 тысячи, Чирчике — около 4 тысяч, Аккургане и Ахангаране — более чем по две тысячи. В столице республики насчитывается около 35 тысяч. В других областях Узбекистана корейцы встречаются уже небольшими группами и преимущественно в городах и районных центрах. Так, восемь тысяч корейцев Ферганской области живут в основном в городах. В Кызыл-Ординской области Казахстана они составляют чуть более двух процентов. Больше всего корейского населения в Ташкентской области (не считая города Ташкента) — пять процентов.

За последние тридцать лет число корейцев в СССР выросло на 38 процентов. Многодетность сегодня выглядит попросту анахронизмом. Например, в поселке Боз Андижанской области из 76 семей лишь одна имеет пятерых детей и только две

семьи — по четверо. По три ребенка позволили себе иметь пятнадцать семей. Наибольшую группу составляют семьи с двумя детьми. Таких в Бозе 32.

В подобной демографической ситуации, естественно, происходит «старение» корейского населения. В поселке Боз из 213 взрослых корейцев (старше 18 лет) около сорока пенсионеров.

Уж коли речь зашла о пенсионерах, не могу не назвать Ан Ир. Эта жительница колхоза имени Ким Пен Ха, по всей вероятности, старейшая из советских корейцев. Ей сто три года. Есть у нее правнуки и праправнуки. Конечно, груз лет сказывается: она плохо слышит, движения медленные. Но по утрам Ан Ир по-прежнему подметает двор, идет в огород. Никак не может усидеть без дела. Может быть, поэтому дожила до столь преклонного возраста.

Многонациональная среда, естественно, влияет на быт, традиции корейцев. Случаются межнациональные браки. Так, в уже называвшемся поселке Боз из 127 корейских семей восемь — интернациональные. Интересна семья пенсионера Ким До Гвана: два старших сына женаты на кореянках, а вот третий — на украинке, четвертый — на узбечке.

«Укравший книгу не вор» — гласит древняя корейская пословица. В этом парадоксе заключено трепетное, уважительное отношение народа к знаниям, к их носителям. «Сынок, только знания, только учение может вывести тебя в люди» — такое напутствие на протяжении многих веков передавалось из поколения в поколение и, наверное, впиталось в нашу кровь.

Но первым поколениям корейцев в России, конечно же, было не до учения. Прижиться на новой земле, добывать хлеб насущный — вот что являлось первейшей заботой переселенцев. Это и определило их место в общественно-экономической структуре Российской империи.

Выше уже писалось, что большинство их было занято в сельском хозяйстве, главным образом в земледелии. Животноводство и в самой Корее в силу исторических особенностей не получило развития. Аграрная ориентация в общем-то соответствовала образу жизни, наклонностям и навыкам, которые тысячелетиями вырабатывались на родине предков. Именно в земледелии наш народ добился наибольших успехов. Да и существовавший на первых порах языковой барьер, низкий уровень грамотности ограничивали возможности переселенцев работать в других сферах человеческой деятельности. Ведь в дореволюционной России девять из десяти корейцев в возрасте девяти лет и старше не знали грамоты.

Октябрь широко распахнул перед корейцами ворота в мир знаний. Неграмотность среди них была ликвидирована уже к концу двадцатых годов. В Приморском и Хабаровском краях действовало 380 корейских школ. Был открыт корейский педагогический институт. В 1932 году только в высших учебных заведениях Москвы и Ленинграда обучалось свыше 350 корейцев.

Однако очень скоро стало ясно, что нужно быть не просто грамотным. Жизнь все настойчивее требовала овладеть русским языком.

Для послевоенных поколений корейцев русский язык по существу стал родным. Более того, в Узбекистане, например, среди преподавателей русского языка и литературы есть немало корейцев. Хорошо известны в республике имена таких специалистов по русской филологии, докторов наук, как Ольга Николаевна Ким (ТашГУ), Михаил Алексеевич Хегай (Ташкентский пединститут русского языка и литературы), Алексей Максимович Ким (Наманганский пединститут), и других.

Со временем родители стали отдавать детей в русские школы. А в 1938 году это приняло массовый характер — распоряжением властей корейские школы были закрыты. С точки зрения национального самосознания факт этот вряд ли можно отнести к нашим достижениям, но объективно он сыграл едва ли не решающую роль в судьбе новых поколений корейцев, которые, овладев русским языком, стремительно шагнули вперед.

Примерно с начала пятидесятых годов среди советских корейцев начался подлинный бум в области образования. И сегодня образовательный ценз корейцев — один из наиболее высоких в Советском Союзе. В поселке Боз Андижанской области из 350 корейцев 42 имеют высшее и незаконченное высшее образование. Это почти вдвое больше, чем в среднем по стране. В колхозе «Политотдел» Ташкентской области из 309 специалистов с высшим и средним специальным образованием 171 — корейцы. И это при том, что они составляют менее двадцати процентов от общего числа работников колхоза. Разумеется, эти соотношения нельзя принимать за средний уровень образованности советских корейцев, но они весьма красноречиво отражают тягу корейцев к знаниям.

Можно перечислить десятки, сотни имен ученых, инженеров, которые своими достижениями вносят заметный вклад в развитие советской науки и техники. Это и Максим Павлович Ким, первый из советских корейцев, кто избран действительным членом Академии наук СССР. Членом-корреспондентом АН СССР был его однофами-

лец Георгий Федорович Ким — бывший директор Института востоковедения. Это и лауреат Ленинской премии, ведущий научный сотрудник Института геологии и геофизики АН УзССР, доктор геолого-минералогических наук Андрей Инсунович Пак.

И в системе просвещения корейцы занимают видное место. Доктор экономических наук профессор Виктор Александрович Эм является ректором Ташкентского института ирригации и механизации сельского хозяйства. Но особенно много корейцев в средней школе. В Бозском районе из 213 корейцев 25 работают учителями. 50 учителей корейцев насчитывается в колхозе имени Свердлова Ташкентской области, где проживает больше двух тысяч лиц этой национальности.

Корейцев можно встретить во многих других сферах человеческой деятельности. Это авиация, спорт, строительство, машиностроение и т. д.

Лет десять назад автору этих строк довелось работать в газете авиаторов Узбекистана «Крылья Востока», общаться с ними. За всю историю гражданской авиации Узбекистана лишь пятнадцать человек удостоены звания «Заслуженный пилот СССР». Среди них Владимир Данилович Пан — командир самолета Ил-86 Ташкентского авиапредприятия. всей стране ныне известно имя военного летчика-испытателя Олега Цоя, который вместе со своими коллегами нынешним летом водил советские боевые самолеты в Париж для участия в традиционном авиасалоне в Ле Бурже.

Сильны позиции корейцев в спорте.

В 1981 году на международном турнире по боксу, проводившемся в Джакарте, кореец Владимир Шин дважды выиграл с подавляющим преимуществом. Позднее он завоевал в Нью-Йорке один из наиболее престижных боксерских трофеев — Кубок мира. Кстати, в финале по воле судьбы Шин встретился с боксером из Южной Кореи.

Больше всего корейцев работает в сельском хозяйстве. Их достижения в этой области хорошо известны. Достаточно сказать, что свыше трехсот корейцев удостоены звания Героя Социалистического Труда. И подавляющее большинство из них — сельские труженики.

Менее известна деятельность **кобонди**, как называют у нас корейцев, занимающихся овощеводством на подрядных началах. Между тем именно кобонди составляют большую часть корейцев, занятых в сельхозпроизводстве. И число их растет с каждым годом. В поселке Боз Андижанской области из 213 корейцев старше 18 лет 68 — кобонди. Именно в овощеводстве корейцы традиционно сильны. И, судя по всему, это характерно не только для советских корейцев. В одной из корреспонденций газеты «Правда» за 1987 год сообщалось, что в Нью-Йорке овощные лавки монополизированы корейцами...

Деятельность кобонди приносит ощутимую пользу как колхозам и совхозам, так и государству. По существу они явились зачинателями арендного и семейного подряда, который сегодня объявлен едва ли не панацеей от всех бед застойного времени.

И все же столь массовая тяга корейцев к овощеводству вызывает тревогу. Ведь молодежь 50-х и 60-х штурмовала иные высоты. Как случилось, что моральные ценности уступили место материальным? Волонтаризм, бюрократизм, коррупция омрачили в глазах молодежи идеалы, в которые верили старшие поколения: общество стали развешивать бездуховность, равнодушие, безынициативность. Реакция людей была разная. Одни стали извлекать выгоду, другие — спиваться, третьи — покидать родину. Корейская молодежь ушла в луководство — дело прибыльное. И, спасаясь от одной беды, она попала в другую, быть может, не менее страшную. Безудержная погоня за деньгами накладывает тяжелый отпечаток на судьбы людей, плохо влияет на их престиж, с таким трудом завоеванный старшими поколениями, на нравственный климат в семьях и воспитание детей.

Полулегальное положение кобонди, в котором они находились до последнего времени, приводило и к различного рода злоупотреблениям.

Но было бы неправдой сказать, что у кобонди сплошь и рядом темные дела и темные дни. Несмотря ни на что, подрядное овощеводство сыграло заметную роль в обеспечении страны сельхозпродукцией. Пример тому — прошлый год, когда в Узбекистане лук некуда было девать. Кобонди накопили бесценный опыт, позволяющий выращивать урожаи, многократно превышающие плановые. И государство, кажется, теперь готово усыновить этих пасынков застоя.

НАШИ РОДНИКИ

Владимир Константинович Дюгай, Эдуард Сергеевич Ки, Элеонора Николаевна Ким — не правда ли, режут слух эти сочетания русских имен и отчеств с корейскими фамилиями? Но такова реальность — корейцы довольно легко переняли образ жизни и нравы местных народов и в первую очередь внешнюю атрибутику.

И все же мы стараемся соблюдать наши национальные обычаи, даже молодежь, несмотря на ее воинствующий нигилизм, придерживается обычаев предков.

А знанием родного языка хвастать не приходится. Подавляющее большинство советских корейцев, хорошо владея русским, а нередко и узбекским, казахским, плохо изъясняются на родном языке либо не знают его вообще.

В значительной степени сказались объективные факторы. Постепенно растворяясь среди местного населения, выезжая в новые регионы страны, корейцы утрачивали свою языковую среду, и чем дальше, тем больше. Однако немало было и субъективных причин. К ним относится прежде всего необоснованное закрытие сотен корейских школ в 1938 году, то есть сразу же после переселения в Среднюю Азию и Казахстан, с последующим переводом их на русский язык обучения. Ничуть не лучшим было отношение к корейскому языку в последующие десятилетия. В результате в Ташкентской области, где проживает примерно четверть советских корейцев, насчитывается лишь семь школ, где ведется преподавание корейского языка. Да и пользуются в них учебниками, изданными двадцать-тридцать лет назад, причем и тех книг уже не найдешь. И вот результат: когда на Московский фестиваль молодежи и студентов два года назад потребовалось послать семь переводчиков, Узбекистан с его 200-тысячной корейской общиной не смог делегировать ни одного квалифицированного переводчика.

В последние годы все-таки произошли сдвиги. В Ташкентском пединституте имени Низами возрождено отделение корейского языка. В 1990 году состоится первый выпуск. Кстати, будущие выпускники ездили в августе — сентябре в Пхеньян на стажировку.

Такое же отделение открыто в Южно-Сахалинском пединституте. В Казахском госуниверситете на факультете журналистики набрана специальная группа, и готовят там кадры для корейских, уйгурских и немецких газет. Хотелось бы иметь в этих вузах в достаточном количестве методические пособия, учебники. Самое главное, чтобы обучали студентов высококвалифицированные специалисты.

Давно назрела необходимость провести детальные исследования контингента корейских школьников во всех регионах.

Решение проблемы родного языка станет главным в культурных центрах советских корейцев. В программе оргкомитета по созданию республиканского культурного центра предусмотрено открытие на местах кружков и секций корейского языка, лингвистических кабинетов, оказание им методической и технической помощи и так далее.

— Разумеется, программа центра значительно шире, — говорит председатель оргкомитета профессор С. М. Хан, — он видится нам целым городком с учебными кабинетами, концертным залом, студиями, рестораном с национальной кухней, цехами по выпуску пищевых продуктов — полуфабрикатов; национальной одежды, словом, должна быть создана эдакая мини-среда, где люди могли бы окунуться в мир корейского языка, корейской культуры.

Сейчас центр только организуется. Действуют его филиалы в Фергане, Джизаке, Самарканде, Аккургане, Чирчике. Возрождаются национальные традиции, устанавливаются связи с культурно-просветительскими учреждениями КНДР. В 1989 году оргкомитет провел в Ташкенте празднование Нового года по лунному календарю, самого значительного праздника корейцев. Это вызвало большой резонанс как среди корейцев, так и среди представителей других национальностей.

Хочу подчеркнуть, что возрождение корейского языка и культуры должно идти в русле всей перестройки в нашей стране, в тесном взаимодействии с узбекским, русским, татарским, еврейским, казахским и другими народами, населяющими республику. Иначе все наши благие намерения обречены на провал.

Существующие ныне очаги корейской национальной культуры, корейского языка можно пересчитать по пальцам. Две газеты — межреспубликанская «Ленин кичи» (издается в Алма-Ате) и областная «Ленин килло» (на Сахалине), Алма-атинский драмтеатр, ансамбль «Чен-Чун» Узгосфилармонии, отделения корейского языка в Ташкентском и Южно-Сахалинском пединститутах да семь школ в Ташкентской области, где два часа в неделю корейские дети изучают родной язык. Для 400-тысячной общины советских корейцев это ничтожно мало. Да и состояние немногих очагов языка и культуры оставляет желать лучшего.

Газета «Ленин кичи», например, постоянно ощущает острую нехватку специалистов. Пять ее соборов — четверо в Узбекистане и один в Целинограде — пишут на русском языке. В результате на немногих знатоков корейского языка ложится огромная нагрузка, что не может не сказываться на качестве переводов.

Есть у «Ленин кичи» и другая, не менее важная проблема. В нынешнем году уровень подписки на газету упал до 8300 экземпляров — почти вдвое меньше, чем двадцать лет назад. Объясняется это прежде всего незнанием корейцами, особенно молодыми, родного языка. Газета сейчас предпринимает отчаянные попытки спасти

положение. С 1989 года начат выпуск страницы на русском языке. Правда, периодичность ее (раз в месяц) еще весьма далека от потребностей. Тем не менее она вызвала положительный отклик подписчиков.

С 1988 года газета дает уроки корейского языка на основе русского текста. Но пока еще не соблюдается регулярность, а это дело поправимое. Главное, уроки привлекли внимание людей.

С большими трудностями сталкиваются алма-атинские драмтеатр и ансамбль «Чен-Чун». У них те же проблемы, что и у газеты, — нехватка квалифицированных кадров. Отраднo, что в прошлом году был произведен набор на корейское отделение Алма-атинского театрально-художественного института и хореографической студии при Министерстве культуры Казахской ССР.

Корейский театр в Алма-Ате до последнего времени являлся единственным в мире национальным театром за пределами Кореи. Он был создан еще до войны. На его сцене были осуществлены постановки таких спектаклей, как «Отелло» Шекспира, «Ревизор» Гоголя, «Враги» Горького», «Бай и батрак» Хамзы, «Карагоз» Ауэзова и другие. Но главное место в его репертуаре занимают все же пьесы на национальные темы. Зрители с неослабевающим интересом смотрят «Сказание о девушке Сим Чен» Цай Ена, «Сказание о Хынбу» Тай Дян Чуна, «Живой Будда» Хан Дина, «Чан Гок и Хон Нан» Ен Сен Ена и другие пьесы, поставленные на богатейшем материале корейского фольклора и классического наследия.

Большое внимание уделяется постановке оригинальных пьес на современные темы. Самой значительной работой последних лет стала постановка пьесы советского драматурга Алексея Казанцева «О великий Будда, помоги им!» Присутствовавший на премьере автор пьесы сказал, что в интерпретации корейского театра его замысел раскрыт полнее, нежели во МХАТе, осуществившем первым в стране постановку пьесы.

Да, в наших домах все реже слышится родная речь, родные мелодии. И кое-кто уже прогнозирует, что еще одно — два поколения — и советские корейцы полностью утратят свой национальный язык и культуру. Утверждение это, конечно же, ошибочно. К людям пришло понимание того, что, каких бы высот они ни достигли в жизни, без национального языка, национальной культуры им грозит духовное обнищание, отрыв от корней.

Мы стараемся сохранять традиции прошлого. В обязательном порядке отмечаем первую годовщину ребенка — сянг-иль, бракосочетание — хон-ин-дянци, 61-ю годовщину — хангаб и поминки — деса. Празднование хангаб связано с восточным календарем, согласно которому за шестьдесят лет человеческая жизнь совершает один полный цикл, и, вступая в свою 61-ю годовщину, человек как бы рождается заново. Для самого юбиляра хангаб — это своего рода отчет перед родственниками, друзьями, коллегами о пройденном им пути. Как правило, торжество устраивают дети. В этот день распорядитель рассказывает собравшимся о жизненном пути юбиляра, его достижениях, об успехах его детей. А каждый из них должен накрыть для юбиляра отдельный стол с угощениями и подарками. Правда, сегодня обряд этот чаще всего упрощается: угощения и подарки делаются детьми сообща. Очень красив и символичен ритуал благодарения. Семьи детей подносят юбиляру бокал шампанского и всенародно совершают земные поклоны.

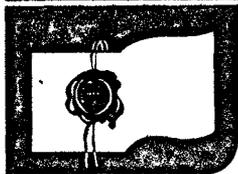
Корейцы остаются весьма привержены своей национальной кухне. К сожалению, не налажено еще промышленное производство наших блюд и полуфабрикатов. А ведь потребности в них огромные и растут из года в год. Проблему же берутся решить культурные центры.

Было бы неправдой говорить, что советские корейцы полностью утратили родство с землей предков. Мы всегда с особым пристрастием воспринимаем вести из Страны утренней свежести.

Когда в 1950 году на Корейском полуострове вспыхнула война, тысячи добровольцев из советских корейцев участвовали в боевых действиях. Из их числа вышли видные военачальники, политработники. Выпускник академии Генштаба Вооруженных Сил СССР Ю Сен Чер участвовал в оперативном управлении операциями Корейской Народной Армии. Ныне он живет в Ташкенте, находится на заслуженном отдыхе. Алексей Тен командовал танковым подразделением. Одним из первых Героев КНДР стал бывший бригадир колхоза «Заря коммунизма» Галабинского района Ташкентской области Ан Док Су.

Заметный вклад внесли советские корейцы и в мирное строительство КНДР.

И все же мы прежде всего граждане СССР. Советские корейцы заслужили великое право называть эту землю своей Родиной.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЛАВРЕНЕВ

70 лет назад, 8 января 1920 года, в Ташкент приехал Борис Андреевич Лавренев, имя которого вскоре стало известно всей стране. Это был талантливый прозаик и драматург, один из зачинателей молодой советской литературы. Слава пришла к нему уже в Ленинграде, а в Средней Азии только начинался его большой творческий путь.

Военный комендант Ташкента, политработник Красной Армии, сотрудник Наркомпроса Туркестана преподаватель Краевой художественной школы, редактор Литиздата Политуправления Туркестанского фронта, журналист, художник, театральный критик, организатор литературных журналов и молодых творческих сил на далекой окраине революционной России — таковы лишь некоторые вехи его неутомимой деятельности в Советском Туркестане, где он пробыл до конца 1923 года. Здесь создавались его повести и рассказы, стихотворения и поэмы, статьи и фельетоны. Творческая активность писателя и журналиста была настолько интенсивна, что многие произведения по разным причинам приходилось «скрывать» под многочисленными псевдонимами.

Если мы обратимся к четырехтомному словарю псевдонимов И. Ф. Масанова, к литературным энциклопедиям и другим библиографическим справочникам, то не обнаружим ни одного псевдонима Б. Лавренева. Между тем, писатель начал пользоваться псевдонимами и криптонимами буквально с первых шагов своей литературной деятельности.

В 1912 году студент юридического факультета Московского университета Борис Сергеев, окрыленный успехами на литературном поприще (его первые рассказы, стихотворения, рецензии появились в московских и херсонских газетах, журналах и альманахах), тщательно переписал в толстую тетрадь в коленкоровом переплете (она до сих хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР) лучшие свои стихотворения и отнес их в солидный альманах московских символистов — «Жатву». Во второй книге альманаха за 1912 год рядом с произведениями Константина Бальмонта появились поэтическая легенда о красных маках и три стихотворения за подписью «Борис Лавренев». Так возник глав-

ный псевдоним писателя. Дело в том, что уже в течение двух лет Борис Сергеев печатался, а критика его не замечала. Ему, видимо, показалось, что причина кроется в обычной «непоэтической» и незаметной фамилии, и он выбрал себе псевдоним, напоминающий о лаврах. Сам писатель впоследствии объяснял: «... от рождения до появления... моих стихов в 1912 году в альманахе «Жатва» я носил фамилию Сергеев. В литературе уже был один Сергеев-Ценский. Нужно было как-то дифференцироваться от него... придумать какую-то приставку по месту рождения или жительства, называться Сергеев-Херсонский или вроде этого — было глупо. Я и взял себе фамилию одного из родственников, сперва как псевдоним, а с 1922 года окончательно принял эту фамилию».

В 1913 году в альманахах книгоиздательства московских эгофутуристов «Мезонин поэзии» под псевдонимом «Борис Лавренев» опубликованы четыре его стихотворения и анонсировались два поэтических сборника, а в альманахе «Жатва» несколько раньше за подписью «Б. Сергеев» — четыре рецензии на поэтические сборники Марины Цветаевой, Ады Чумаченко, М. Веселковой-Кильштет и Фейги Коган и под весьма прозрачным криптонимом «Б. С-въ» — большая критическая статья «Замерзающий Парнас». Под этим же криптонимом херсонская газета «Родной край» еще в 1911 году поместила его обзор: «Выставка Херсонского общества любителей изящных искусств». В ташкентских архивах сохранились многочисленные официальные документы, в которых писатель фигурирует под двойной фамилией: Сергеев-Лавренев или Лавренев-Сергеев.

Особенно часто приходилось Борису Лавреневу пользоваться псевдонимами и криптонимами в период его сотрудничества в ташкентских газетах и журналах, когда собственными произведениями нужно было заполнять пустующие страницы периодических изданий, имитируя активное участие несуществующих корреспондентов. В письме к автору публикации Б. Лавренев вспоминал: «... в то время начальство жестоко должно нас за то, что мы не умеем привлечь в газету актив военкоров, и мы, работники газеты, попросту жульничали, чтобы избежать разносов, печатая массу своих мате-

риалов под фамилиями «военкор Петров... Сидоров... Егоров» и подобными псевдонимами. Эти материалы писались мной, Скосыревым и Дружининым». В статье «Моя школа», опубликованной в 1938 году в ташкентской газете «Фрунзевец», писатель подчеркивал: «... я хорошо помню, что у меня и других работников, помимо наших нормальных фамилий, существовало еще по десять-пятнадцать «военкоровских» псевдонимов».

Любопытно, что Б. Лавренев ввел в заблуждение не только начальство и читателей, но и рецензентов. Так, например, московский журнал «Красноармейская печать», обзоревавший первые номера «Красноармейской газеты», с удивлением отмечал, что редакции удалось быстро наладить связь с солдатской массой, что она информирует читателей обо всем происходящем на фронтах «живо и картинно, не впадая в сухой тон». Язык газеты «простой и понятный и в то же время естественный, не звучащий подделкой под «народный» стиль. Рассказы, подписанные псевдонимом «Старый вояка», написаны просто, безыскусственно и интересно. Стихотворения иногда угловаты и не отличаются особенно художественной формой, но зато видно, что они написаны настоящими красноармейцами».

Борису Лавреневу тогда невольно приходилось менять свой стиль, подделываясь под рядового красноармейца, что создает определенные трудности при выявлении произведений писателя, затерявшихся на страницах туркестанских изданий. К сожалению, далеко не все номера газет и журналов удалось разыскать в библиотеках и архивах страны. Многое утрачено, и возможно, навсегда. И тем не менее нельзя согласиться с утверждением ленинградского литературоведа Г. Н. Ратмановой: «Уже не представляется возможным определить, какие именно фронтовые корреспонденции принадлежат перу писателя, так как почти все из них помещены под псевдонимами». В результате длительного поиска нам удалось раскрыть шестнадцать псевдонимов и криптонимов писателя, под которыми опубликовано около ста пятидесяти его произведений различного жанра. Причем, авторство Б. Лавренева устанавливается нами по сохранившимся рукописям, гонимым ведомостям, на основании подтверждений самого писателя или нескольких его современников.

Наибольшее количество произведений Б. Лавренева (стихотворные и прозаические фельетоны, статьи, заметки, корреспонденции, карикатуры, рисунки) опубликовано под псевдонимом «Бек». Принадлежность псевдонима Лавреневу неоднократно подтверждалась самим писателем и многими журналистами, работавшими с ним тогда в Ташкенте. Это особенно важно, ибо на память одного человека полагаться нельзя. Драматург Александр Штейн в интересной и своеобразной «Повести о том, как возникают сюжеты» вспоминает, что в Ташкенте Лавренев пользовался двумя псевдонимами: «Бек» и «Онисифор Антидюринг». Возможно, Лавренев действительно подписывал свои фельетоны не только псевдонимом «Бек», но и еще каким-нибудь другим, но за подписью «Онисифор Антидюринг» в местной периодике тех лет ничего не публиковалось. Видимо, память подвела А. Штейна, произошло некоторое смещение событий: псевдоним «Онисифор Антидюринг» появился у Лавренева лишь в 30-е годы, когда он жил и работал в Ленинграде. Аналогич-

ную ошибку допустила и Г. Н. Ратманова. Она тщательно обследовала газету «Солдат революции», которая формально являлась органом политотдела Туркестанского фронта, но издавалась в середине 1919 года в Самаре. Корреспонденции, которые Г. Н. Ратманова приписывает писателю, опубликованы в газете в апреле-мае 1919 года под криптонимами «Л. Б.» или даже «А. Б.» и, видимо, не могут принадлежать Б. Лавреневу, который в то время находился еще на Украине и в Крыму и, естественно, не мог писать в газету о событиях, происходивших в Поволжье. В Самару же писатель прибыл лишь в октябре 1919 года. Криптонимами «Б. Л.» и «Л. Б.» он действительно пользовался, но позднее, во время работы в газетах и журналах Ташкента. Там же встречаются и другие криптонимы писателя: «Б. Л-в» и «Л-в». Принадлежность их Лавреневу подтверждается самим писателем и архивными материалами тех лет.

Расшифровка весьма многочисленных псевдонимов и криптонимов Б. Лавренева осложняется и тем, что архивы местных газет и журналов тех лет, за редким исключением, не сохранились. Гонимые ведомости могли бы многое прояснить. Приведу лишь один пример. В 1922 году в Ташкенте под редакцией Алексея Колосова вышел единственный номер журнала «Отклики». В нем напечатаны рассказы Б. Лавренева «Тень молчания» (первоначальный вариант известной повести писателя «Звездный цвет») и два его стихотворения. Обнаруженная в фондах Наркомпроса Туркестана гонимая ведомость журнала позволила нам установить, что в журнале за подписью «Художник» опубликовано еще одно произведение писателя — статья «Задачи художественного образования в Туркестане». Псевдоним избран не случайно. Б. Лавренев был известен в Ташкенте как художник-плакатист, график и живописец. Кстати, на многих его карикатурах, рисунках, обложках журналов, сборников и книг стоят инициалы: Б. Л., Л. Б. БЛИК (Блик).

Александр Зонин, заведовавший в начале 20-х годов подотделом печати ЦК Компартии Туркестана и редактировавший все партийные издания, сообщил автору публикации, что перу Б. Лавренева принадлежала брошюра «Октябрь в Ташкенте». Правда, он подчеркнул, что за точность названия не ручается и не помнит, вышла ли она под фамилией автора или под каким-нибудь его псевдонимом. Долгое время брошюра не отыскивалась, и порой мне даже казалось, что А. И. Зонин ошибся. В конце концов брошюра нашлась. Она состояла из двух статей: 1. А. Поздышев. Завоевания Октябрьской революции в Туркестане; 2. Н. Борисов. Октябрь в Туркестане. Содержание второй статьи, ее стиль, газетная полемика, развернувшаяся в 1922 году вокруг нее на страницах «Туркестанской правды», неопровержимо подтвердили, что именно ее имел в виду А. И. Зонин. Так был раскрыт еще один псевдоним Бориса Лавренева. Он легко объясним: авторы довольно часто избирают псевдоним по имени. В ташкентском журнале «Новый мир» в 1922 году за подписью «Борисов» опубликованы очерки «Памир», «Туркмения» и др., а в «Туркестанской правде» некоторые рецензии на литературные произведения подписаны «С. Борисов». Вполне возможно, что это означает Борис Сергеев. Почему же тогда появился Н. Борисов? Дело в том, что жену писателя звали Натальей. Отсюда же и псевдоним «С. Натальский» (подтвержден Б. Лавреневым в письме к

Я. Р. Симкину). Под этим псевдонимом в «Новом мире» появились очерки «Кафиристан», «Железо», «Самаркандские древности», рассказ «За человечество», а в журнале «Военный работник Туркестана» — очерк об Афганистане. В этом же журнале можно обнаружить и ещё один псевдоним писателя — «Б. Наталин», образованный по указанному выше способу. Им подписана статья «Кишлачный район и его тактические свойства». Здесь же под фамилией Б. Лавренева опубликованы и другие его статьи на военные темы: «Горная война», «Борьба за города». Многие рисунки и карикатуры в «Туркестанской правде» авторизованы надписями: «Бор. Наталин», «Бор. Нат.» и т.п.

В конце июня 1923 года Б. Лавренев получил долгожданный отпуск и поехал в Москву и Петроград, захватив с собой рукописи повести о Василии Гулявине и поэтического цикла стихотворений «Восток». 15 июля «Туркестанская правда» с пометкой «от нашего специального корреспондента» поместила статью «Подготовка смотра», подписанную псевдонимом Б. Лавренева — «Бек». Рядом с ней под рубрикой «Письма из Москвы» и с пометкой «от нашего специального корреспондента» — заметка «Выставка художника Федорченко». Подпись под ней: «Москвич». Вероятно, и этот псевдоним принадлежит Б.

Лавренева, так как другого «спежкора» у редакции в Москве не было. Во всяком случае, раньше материалы с такой пометкой не публиковались, исчезли они и после возвращения Б. Лавренева из Москвы. К тому же в заметке идёт речь о картинах художника, которого писатель хорошо знал по Ташкентской художественной школе, где он сам учился и преподавал. Выставка была в «Доме крестьянина», в котором останавливался тогда Лавренев, и, естественно, он не мог не посетить ее. Под этой же рубрикой, с таким же подзаголовком и подписью 12 июля газета поместила статью «Дом крестьянина».

Многие псевдонимы в туркестанских периодических изданиях еще не раскрыты. Разумеется, не все они принадлежат Б. Лавренева. Под различными псевдонимами публиковались и произведения других авторов: П. Г. Скосьрева, П. Д. Дружинина, А. И. Колосова, А. И. Зонина, А. В. Ширяевца, В. Ф. Наседкина...

Мы публикуем в журнале лишь некоторые рецензии Бориса Лавренева, «скрытые» под его многочисленными псевдонимами, а также никогда не печатавшиеся письма, выступления и автобиографию писателя.

Б. ГЕРОНИМУС.

**Анна Ахматова. «Anno Domini MCMXXI». Петроград.
Кн-во «Petropolis».**

Перед нами IV книга стихов Анны Ахматовой, которую с таким жадным нетерпением ждали все, ценящие и чтущие ее прекрасный песенный дар. В трагический и роковой для поэта момент вышла эта маленькая, изданная так тщательно и прекрасно книга. И личная драма Ахматовой, потерявшей в пожаре войны и революции дорогих ей людей, наполняет страницы патетическим и трагическим испуганием, переходящим порой в надорванную истерику. Вместе с потрясающим трагизмом «Анно Домини» отличается от предыдущих книг Ахматовой огромным мастерством стиха, и сочетание этих двух качеств позволяет сказать, что Ахматова достигла вершины своего поэтического пути. Нам думается, что в дальнейшем мы услышим еще более прекрасные стихи поэта, отстрадавшего уже всю земную муку и успокоенного в мудром творчестве. Обещание этого мы видим в стихах:

А я иду владеть волшебным (чудесным) садом,
Где шелест трав и восклицанья муз.

Тревожная сила изобразительности Ахматовой, ее наиболее сильная сторона, — проявляется в «Анно Домини» еще резче, чем в предыдущем творчестве ее. Как изумительны по рисуемым образам строки:

Тот август, как желтое пламя,
Пробившееся сквозь дым,
Тот август поднялся над нами,
Как огненный серафим.

или:

Сводом каменным кажется небо,
Уязвленное желтым огнем.

или:

Я слышу иволги всегда печальный голос
И лета пышного приветствую ущерб,
А к колосу прижатый тесно колос
С змеиным свистом срезывает серп.

А огромная нежность ее любви, терпкая боль муки и пьяное вино ненависти с терзающей читателя мощью звучит в таких строках:

Будь же проклят. Ни стоном, ни взглядом
Окаянной души не коснусь.

или:

Как подарок, приму я разлуку
И забвение, как благодать.

или:

Мой румянец жаркий и недужный
Стерла богомольная печаль.

и, наконец, такие жуткие слова:

От любви твоей загадочной,
Как от боли, в крик кричу,
Стала желтой и припадочной,
Еле ноги волочу.

Небывалая острота напряженного переживания, глубина скорби, выходящей за пределы личности, становящейся общечеловеческой, делают Ахматову истинным поэтом философии упадочного надрыва. Но это определение не является оскорбляющим поэту, ибо каждая эпоха должна иметь своего отражателя в творчестве, и для эпохи упадка и перерождения русской интеллигенции таким является Ахматова, а, кроме того, лучше быть Пушкиным упадка, чем Тредиаковским расцвета.

В буре, разразившейся над Россией и разорвавшей русскую литературу на два стана: услужливых официантов нового порядка... и отвратительно скулящих обывателей, брызгающих бессильной слюной бешеной собаки на новую Россию... только несколько лиц удержалось на подлинном своем пути, не сворачивая с него в погоне за дешевыми лаврами белой или красной публицистики; в числе их и Анна Ахматова. Дар вдохновения она пронесла бережно и свято сквозь ужасы и восторги, не прислуживаясь никому, и история это отметит.

В то время как услужливые менестрели строчат стихи о том, что жизнь ныне уже безумно прекрасна, и наполняют Россию наших дней беломраморными дворцами и воздушными садами с громом музыки и толпами разодетых людей, — Ахматова прекрасно видит, что это бред, что кругом только развалившиеся грязные дома, но за ними ее пророческий взгляд большого поэта угадывает великое будущее страны. И эти строки ценнее всех напыщенных гимнов:

Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькает(ло) крыло.
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?

Днем дыханьями веет вишневыми
Небывалый под городом лес,
Ночью блещет созвездьями новыми
Глубь прозрачных июльских небес, —

И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам,
Никому, никому не известное,
Но от века желанное нам.

Рецензия опубликована в 1922 году в первом номере ташкентского журнала «Искусство и театр» за подписью «Б. Акмеев». Принадлежность ее Б. Лавреневу устанавливается по стилю и ряду косвенных фактов. В те годы писатель увлекался акмеизмом и проявлял большой интерес к творчеству Н. Гумилева и других акмеистов. Еще в 1913 году в статье «Замерзающий Парнас» Б. Лавренев, резко критикуя поэтов, стихи которых печатались на страницах петербургского журнала «Аполлон», делает исключение лишь для Анны Ахматовой: «Как могла она, нежная, страдавшаяся, молчаливо-загадочная и жуткая, попасть в ряды этой вымуштрованной роты, для меня представляется непонятным. Не потому ли каждый раз, как она появляется на замерзших страницах «Аполлона», получается впечатление, что в ряды дрессированных, бесстрастных кукол... попал живой человек, которому непривычно и страшно среди деревянных истуканов и который бьется, нарушает железный фронт и кричит от ужаса».

Журнал «Искусство и театр» критиковался «Туркестанской правдой» за программу, далекую от жизни, и многие другие материалы. За два дня до появления журнала Б. Лавренев опубликовал в газете письмо, в котором писал, что, вопреки распространяемым слухам, никакого участия в журнале не принимает. Видимо, та высокая оценка, которая прозвучала в рецензии, тогда считалась чрезмерной. Об Ахматовой писали совсем по-другому. Например, в журнале «Искусство и труд» появилась статья под названием «Поэты расцвета и упадка», автор которой отвергает творчество поэтессы. В рецензии «Литературные недоумения» (октябрь 1922 г.) Лавренев пишет: «Не будем спорить с Розен в оценке Ахматовой. Ахматова чужда революционному читателю, хотя назвать ее творчество «эротической нимфоманией» может только патентованное тупоумие». Так непросто складывалось отношение к поэзии А. Ахматовой!

Рецензия печатается по тексту журнала с небольшими сокращениями. Некоторые тексты стихотворений Б. Лавренев цитирует, видимо, по памяти и не совсем точно. В скобках дается правильный текст.

Первое издание книги вышло в 1921 году. В переводе с латинского языка: «В лето Господне 1921» — обозначение даты в старом календаре. Это пятая книга стихотворений А. Ахматовой.

Марина Цветаева. Волшебный фонарь. Вторая книга стихов. Москва, 1912 г.

Нежный и чистый родник детской души, мир причудливых фантазмагорий, где герои принцы и принцессы, сладкие грезы в постельке, над которой склонилась ласковая мама, резвые и беззаботные игры, весь розовый романтизм ранней юности — вот куда должна была бы увести нас Марина Цветаева.

Чистейшая и блаженная радость жизни, детство и воспоминания о нем! Какую трогательную и почти жуткую глубину можно было бы проявить в стихах о детстве, единственной поре, еще не захваченной тусклой прозой.

Ребенок — непризнанный гений
Средь буднично-серых людей.

(М. Волошин)

Все детство — безумно красивая поэтическая сказка: безмолвный гимн Неведомому, давшему это детство.

Трепещущие блики лампадки над детской постелькой, разве это не глубочайшая поэма? Разве нельзя все детство претворить в такую поэму? Разве нельзя выявить всю нежность детской души так, чтобы задрожали скучные будничные сердца перед ее нетленной красотой?

Увы, эта задача оказалась не по силам поэтессе. Если первая книга ее «Вечерний альбом» хоть сколько-нибудь отражала поэзию детства, то о второй и этого нельзя сказать.

Все погубило стремление самые наивные истины провозглашать тоном Высшего Откровения — дурного тона претенциозность, которая проглядывает даже во внешности книжки. Во всем чувствуется желание чем-то изумить, поразить.

В этих целях и маленький, карманный размер книги, и бархатные крышки переплета, и мелкий, мучительный для глаза шрифт.

Плоха та поэзия, которая стремится прежде всего изумить внешностью. Даже в названии книги сквозит намек на внутреннюю бесцветность. Здесь нет углубленной поэзии детства, есть только беглые и по определенному шаблону нарисованные картинки волшебного фонаря. Дети, детское, детство — прежде всего мудро своей простотой. Этой мудрой простоты у Марины Цветаевой нет. Она не умеет мыслить и сама в этом сознается:

Острых чувств и нужных мыслей
Мне от Бога не дано.

Думается, что поэтесса не осуществила своих замыслов именно потому, что взяла детство слишком узко. Можно из каждой детской улыбки, из каждой игрушки, колыбельки сделать мировой символ, не замыкая их в тесные рамки своей квартиры, Арбата, Тверской. Не нужно ничего конкретного. Пусть будет весь мир, пусть он будет весь детским, пусть дети царят в нем, а там безразлично, где этот мир, на какой он улице. Но М. Цветаева не сумела воспринять этой основной истины и замкнула переживания детства в стены, опустошив и обесцветив эти милые переживания.

Форма у поэтессы не слаба, и если в будущем она поработает над ускользнувшей от нее сейчас глубиной переживаний и сумеет найти настоящий тон, — мы готовы приветствовать ее.

Есть в «Волшебном фонаре» несколько милых и тонких стихов, как «На бульваре», «Как прежде они улыбались», «В раю», в котором совсем хороша последняя строфа, «Резеда и роза», «Зима», но этих пьес слишком мало, чтобы оправдать неприятную бледность книги.

Рецензия опубликована в 1912 году в альманахе «Жатва» (книга 3) и подписана «Б. Сергеев». Печатается по тексту альманаха.

Сборник стихотворений М. Цветаевой «Волшебный фонарь» был встречен критикой недоброжелательно. С резкими рецензиями выступили С. Городецкий, Н. Гумилев, В. Брюсов. В дальнейшем Б. Лавренев отмечал, что «Марина Цветаева — талант большого диапазона», хотя и критиковал ее сборник «Версты» за излишнее богопочитание (статья «Христоробивая Палингенезия» — «Туркестанская правда», 14 марта 1923 года).

Ада Чумаченко. Стихи. Москва, 1912 г.

Есть люди, для которых поэзия — дарованное свыше средство убеждения и очарования, в каждом слове которых плачет и радуется их то радостная, то больная душа, которые относятся к стиху, как к святыне. И есть такие, для которых поэзия — только возможность забавляться рифмованными строками, преподносить мелкие, старые и банальные рассуждения и «мысли». В таких людях нет острой чуткости в выборе тем, они не знают скрытого смысла творчества.

Именно к этим вторым и принадлежит Ада Чумаченко.

Нельзя отказать ей в некотором умении обращаться с рифмованной речью, в знании ее техники, но не всякая рифмованная речь может претендовать на звание стихов. Такие убогие и наивные истины проповедует г-жа Чумаченко, так напрасно искать в ее рассуждениях чего-нибудь глубокого, сильного, что от ее книги остается впечатление пустыря.

Да и сама форма ее писаний, ритмы, излюбленные поэтессой и заимствованные у Бальмонта, певучие и чарующие у этого бога созвучий, — у А. Чумаченко становятся благодаря внутренней пустоте нудными и утомляющими.

Единственно, чем может заинтересовать читателя поэтесса, — это описания природы, в которых она проявляет известную чуткость, наблюдательность, умение зафиксировать «осенних дней прозрачную усталость», «пыльную дорогу среди золотистых хлебов», «брызги пенного прибора», «белый, горячий камень в поле», на котором греется «золотистая змея».

Но коль скоро она пытается философствовать и рассуждать на темы вроде назначения женщины или высказывать соображения отвлеченно-психологического характера, стих ее становится прямо отталкивающим — до того он вымучен и искусственен.

Философствования поэтессы в лучшем случае могут вызвать только улыбку читателя.

Совершенно не удалось г-же Чумаченко и понимание современного города, в котором она проглядела стихийное чудовище и в песнях о котором не пошла дальше воспевания труб и крыш. Отдел «В городе» самый слабый в книге.

Трудно ожидать от поэтессы, чтобы в будущих стихах она осознала свои промахи, свои ошибки и порадовала бы читателя чем-нибудь захватывающим, острым, интересным. Трудно потому, что г-жа Чумаченко уже отравлена лаврами дешевого успеха, блеск и шум которого мешает ей разобраться в том, что хорошо и что плохо, мешает отнестись внимательней и строже к своему творчеству.

Рецензия опубликована в 1912 году в альманахе «Жатва» (книга 3) за подписью «Б. Сергеев». Печатается по тексту альманаха.

Б. Лавренев предсказал судьбу А. Чумаченко. В 20-е годы ее стихотворения еще изредка появлялись в печати, а затем она была прочно забыта.

Павел Дружинин. Полевой благовест.

В ваш мир железа и цепей
Пришел я странный, небывалый.

Простое, как душа поэта, название: «Песни самоучки». Маленькая книжка в оберточной обложке, но на весах литературной справедливости она «томов премногих тяжелей».

Мужик. Он сам себя зовет мужиком. Черноземный, с медовым запахом родной земли, пришел он со своими бесхитростными светлыми песнями в наши бетонные норы, на пыльный городской асфальт.

Он подавлен и угнетен нашей чуждой жизнью, и мы, обреченные рабы города, поражены его хрустальной чистотой.

Он смотрит на нас, враждующих, озлобленных, с тоской и укором. Он потерялся, потерял душевное равновесие и горько спрашивает:

Скажите мне, кто я такой,
Стоящий тихо перед вами.

Он пришел, чтобы внести в наши черные городские души великолепную свежесть черноземных полей, брызнуть светом из закопченного сияющего солнца. Его голос по «салам, весям сильнее должен зазвучать», будя и призывая.

Он чужой в городе, он рвется обратно вдыхать сладкий мед земли, ведь так хорошо впивать радости чернозема в родных местах.

Там, у кормилицы земли, он полон сил, он поет мятежные песни:

Зажженным новою зарею
В деревне серым мужикам.

Верит в огромную силу проснувшегося серого мужика и зовет его строить новую жизнь.

Болота, топи и пустыни
Преобразуем в города.

Знает радость смелого бунта, вспыхивающего ярким сполохом.

Опьяненный медовой брагой,
Взбунтовался сермяжный народ.

Взбунтовавшийся взял свое счастье крепко и твердо.

Крепко сжаты железные руки.
Их никто не сумеет разжать.

И он, сын этого сермяжного народа, простой, с наивными серыми глазами, вольный и ясный, полный любви и святого гнева, приветствует зарю новой жизни.

В моей душе любовь и гнев,
И грезы пылкие поэта
Слились в бушующий напев
С огнями алого рассвета.

Среди истеричных кликуш имажинистов и подлого подмазывания под модное пролетарское искусство грязных типов... — книжка Павла Дружинина для нас полевой благовест истинного творчества, цельного, могучего, черноземного.

Остается только пожелать, чтобы эта маленькая книга не осталась единственной и чтобы в следующей мы увидели уже законченного большого поэта.

Слабее всего в книге отдел «Война», где автор как-то потускнел и говорит общими фразами и наивными истинами.

Рецензия на первый сборник стихотворений «Песни самоучки» (Ташкент, Туркестанское государственное издательство, 1920 г.) Павла Дружинина (1890—1965) опубликована 8 сентября 1921 года в «Красноармейской газете». Печатается по тексту газеты с небольшим сокращением.

Павел Давыдович Дружинин печатался во многих периодических изданиях Советского Туркестана. В «Красной звезде» почти ежедневно появлялись его рвешники под псевдонимом «Дед-хлебоед». Автор более 10 поэтических сборников. В 1956 году прислал Б. Лавреневу только что вышедшую в издательстве «Советский писатель» книжку своих избранных стихотворений «Большая земля». Незамедлительно последовало теплое дружеское письмо, которое нами впервые публикуется по подлиннику, хранящемуся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР (Ф. 1514, оп. 1, ед.хр.41, л.1).

Дорогой Павел!

Сердечно благодарю тебя за присылку книги и радуюсь за тебя, что, наконец, к тебе проявили внимание. Со стороны «Сов. писателя» это столь необычное происшествие, что его стоит отметить.

Желаю тебе, старый соратник, многих еще лет здоровья, хорошей и радующей работы.

Иногда вспоминаю давно отошедшие дни, жаркий, но навсегда милый Ташкент, «Красную звезду», фельетониста Бека и автора рвешников «Деда-хлебоеда».

Хорошие были времена, Павел. И маловато нас уже от тех времен осталось. Вот и хочется, чтобы оставшиеся подольше жили. Крепко жму тебе руку. Дружески Б. Лавренев.

22/XI—56 г.

Ефим Зозуля. Том первый. Изд. «Круг»

В первом томе Ефима Зозули собраны рассказы молодого писателя за период 1918–20 годов и ряд мелких отрывков, объединенных общим заглавием «Недоношенные рассказы».

У Зозули есть одно качество, выгодно отличающее его от большинства наших молодых беллетристов — это глубокая и крепкая любовь к людям.

За дымкой легкого смеха и тонкой иронии встает облик писателя — человеколюбца, болеющего и радующегося вместе со своими героями, а не смотрящего на них, как на удобные объекты для создания гаденьких человеконенавистнических анекдотов.

И если у Зозули не так отточена форма, не блещет язык красотами точеных фраз и ослепляющих сверканием образов, как у его коллег по перу «серапионовцев», то эти недостатки забываются именно в силу глубины содержания и остроты поставленных общечеловеческих проблем.

В этом отношении особенно характерны и сильны рассказы «Об Аке и человечестве», «Мебель для господина Икая», «Гибель главного города» и «Грамофон веков».

В первом из названных рассказов за свойственной Зозуле легкой иронией разворачивается тяжелая драма мыслителя и реформатора, поставившего вопрос о праве на жизнь ненужных людей.

В «Гибели главного города» рассказывается о порабощении целого народа расой бездушных победителей и проводится мысль, что даже самый стихийный всеразрушающий и губящий бунт лучше рабского прозябания под пятой насильников.

Из остальных рассказов прекрасны «Мелочь» — с очаровательным юмором рассказанная история разоружения партизанской банды уисполкомом маленького украинского городка; и «Немой роман», где в исключительно интересной форме повествования (приводится ряд найденных автором записочек) рассказывается жуткая по простоте и трагичности история насилия над глухонемой девушкой со стороны петербургского Дон-Жуана, топтателя тротуаров и самоуверенного пошляка.

Из «Недоношенных рассказов» интересны «Стихия», «Приблудшая женщина» и «Рассказ о борьбе».

Можно только пожелать, чтобы молодой автор попробовал свои силы на большой вещи — бытовой повести или романе.

Думается, он сделает это с большим успехом, чем выродившиеся в рассказчиков пошлых анекдотов «серапионы».

Рецензия опубликована 17 августа 1923 года в «Туркестанской правде» под рубрикой «Что читать» и подписана псевдонимом Б. Лавренева — «Инцитатус». Под этим псевдонимом в его русской и латинской транскрипции в газете и журнале «Новый мир» (Ташкент, 1922 г.) печатались рецензии на произведения Вс. Иванова, Н. Никитина, О. Брика, А. Франса, Р. Роллана и других авторов.

Ефим Давыдович Зозуля (1891—1941) — автор многочисленных новелл — в литературную группу «Серапионовы братья» не входил. В 20-е годы вышло собрание сочинений писателя в трех томах. Первый том издан в 1923 году.

После огромной, проникновенной и глубоко психологической эпопеи «Жана-Кристофа», после восьми книг, насыщенных социальным элементом, книг писателя-гражданина, — Ромен Роллан неожиданно поразил нас новым романом «Кола Брюньон», очевидно, таким же неожиданным для автора, как и для читателей.

Роллан сам чувствует это, и не то старается оправдаться перед публикой, не то несколько смущенно и в то же время весело уверяет нас, что это тоже он, самый настоящий Роллан.

Это предисловие совершенно излишне, ибо оправдываться не в чем.

Нужно сказать прямо, что «Жан-Кристоф», разросшийся до угрожающих размеров (едва ли он не превзошел величиной серию Ругон — Макаров Золя), в иных местах начинал становиться положительно наводящим тоску. Огромность задачи увлекла автора и сделала его несколько невнимательным к языку и стилю повествования. Местами оно блещет огнем таланта, местами превращается, что греха таить, в утомительную канитель протокольного бытописания.

И ничего нет удивительного, что Роллану, как он сам признается, захотелось окунуться в освежающий источник исконной галльской веселости, поохотать до непристойности, как говорит он в предупреждении читателю.

«Кола Брюньон» — настоящий кладезь этой доброй веселости, идущей от Рабле, от его грубоватого, чувственного, но здорового смеха к тонкой и пряной иронии Анатоля Франса.

Роллан говорит, что это его предки заставили писать под свою диктовку «Кола Брюньона». Большое спасибо этим милым, грубоватым, болтливым предкам — они доставили читателю истинное наслаждение.

Содержание «Кола Брюньона» — ряд рассказов от лица старого болтуна и весельчака, остроумного шута Брюньона о его жизни и событиях во время Генриха IV и герцога Луи.

Но каким языком написаны эти непритязательные рассказы, сдобренные иногда жизнерадостной непристойностью старого крестьянина счастливой Бургундии.

Как старое хмельное бургундское, вливается в ваше сознание насыщенный, паразитический, крепкий, как прибрежные скалы, язык.

Это положительно какое-то обжорство, если позволено так выразиться, неисчерпаемыми лакомствами гибкого, играющего всеми цветами радуги чудотворного галльского диалекта...

Эта фейерверочная образность, богатство метафор, ослепляющая расточительность красок, густых, тяжелых и насыщенных, — красной нитью проходит через весь роман.

Но веселость Роллана — не пустая болтовня площадного гаера, его остроумие, даже непристойное, — не остроумие пустословия ради пустословия.

И в тяжеловесных шутках старого Брюньона он умеет оставаться самим собой, — писателем, отдающим свое внимание вопросам социальных отношений.

Стрелы его опасных острот больно хлещут по феодальным владыкам Франции, едко осмеивают государственный строй средневековой Галлии...

Дух Франции, старой Франции, вольного галльского народа, сеятеля революционного духа, витает над прекрасной книгой Роллана.

Мы знаем, что сейчас этот дух придавлен, он молчит, но он готовит взрыв. Этот взрыв не за горами, и тогда, освобожденный из петли капитала, французский народ придет к нам с открытой душой и братским приветом и в этой встрече потонут старые недоразумения.

Обаятельное повествование Роллана — предвестник этого радостного момента.

Рецензия опубликована в ташкентском журнале «Новый мир» (1922 г. № 6-7) и подписана: «Incitatus». Печатается по тексту журнала в сокращении: опущены цитаты из романа.

**Выступление на обсуждении
книги рассказов О. Е. Эрберга «Путь к Наубехару»**

Сегодняшний разговор о его книге представляет собой острый интерес для секции прозы, потому что у Олега Ефремовича странная судьба. Я и многие из вас знали его еще до войны как писателя очень точного, настоящего, большого, интересного писателя, вещи которого печатались в «30 днях», в «Молодой гвардии» и ряде других журналов. Он всегда привлекал внимание мастерством сюжета, каким-то особым подходом к теме новеллы, организации этой темы. И он как-то оказался вне поля зрения Союза писателей. Я помню мое глубочайшее удивление, когда в Ташкенте в 1942 году в тамошнем помещении Союза ко мне подошел О. Е. Эрберг и просил дать рекомендацию для приема его в Союз писателей. Я был поражен тем, что Олег Ефремович до 1942 года оставался вне Союза писателей, потому что, безусловно, еще десять лет назад он имел формальное право быть членом Союза больше, чем другие члены Союза, имевшие в то время членские билеты. И как-то вся литературная работа Олега Ефремовича проходила тихо и незаметно, может быть, потому, что он сам скромный и тихий человек.

Повторяю, все, что мы знаем об Олеге Ефремовиче как о писателе, говорит о том, что это настоящий и большой мастер. У Олега Ефремовича необыкновенная зоркость на детали, очень точный глаз. Он великолепно видит вещи, он умеет использовать виденные вещи. Это чувствуется во всех его новеллах довоенного времени, чувствуется и в этой книге, которую будем сегодня обсуждать...

Книга может вызвать, конечно, самые острые споры и самые противоположные оценки. Я думаю, что это хорошо. Это свидетельствует о том, что это книга, мимо которой пройти невозможно. Ее можно принять чрезвычайно положительно, с большим одобрением (как я ее принимаю), можно принять враждебно, как принимают некоторые товарищи, но никто не может отказать книге в основном — в большом писательском мастерстве.

Тема книги «Путь к Наубехару» — Афганистан. Здесь надо сказать об особой авторской черте Эрберга, пишущего об этом далеко от нас и экзотическом крае. Экзотика может быть романтической. Многие из нас помнят книги об Афганистане Л. Рейснер, Л. Никулина. Я жил очень долго... почти на стыке Афганистана со Средней Азией. Я очень хорошо знаю эту обстановку, и когда читал книги Л. Рейснер и Л. Никулина, я знал, что это — романтическое отношение к экзотике... Если, например, обратиться к очеркам Л. Рейснер — талантливому очеркисту, ибо всем известно, как талантлива Л. Рейснер как очеркист, то у нее Афганистан представлен в другом свете, чем у Эрберга. Он романтизирован и чрезмерно ярко окрашен в радужные цвета. Можно подумать, что это передовая страна, где население мечтает о высшем образовании и становится на уровень европейской культуры. То же самое есть и в книге Л. Никулина.

Эрберг оказался более зорким и более жестким. Он дал Афганистан в своей книге без прикрас. Я думаю, что, может быть, критика бросит упрек Эрбергу за то, что он изображает Афганистан слишком черно. Этот упрек будет неправилен, потому, что тот материал, который имеется в книге «Путь к Наубехару», является материалом почти, я бы сказал, стенографически точно отражающим действительность Афганистана. Эрберг нашел в себе мужество сказать об Афганистане довольно жесткую правду, потому что это страна тяжелого и мрачного средневековья, да еще азиатского средневековья — самого темного и мрачного. И все персонажи Эрберга не надушены одеколоном и не одеты в яркие парчевые халатики, как обычно бывает в экзотических рассказах, а окрашены по-настоящему, по-афгански... В этом большая жизненная правда... Это все абсолютно точные зарисовки живых людей, почти скульптурно сделанные, причем зоркость на детали и точность в деталях позволяют Олегу Ефремовичу хорошо обыгрывать персонажи в их обстановке. Они по-настоящему живут в этой обстановке, а не искусственно вклеены в нее, не являются аппликацией на романтико-экзотическом фоне...

Я считаю, что... рассказ «Собачий генерал» является большим вкладом в нашу новеллистическую литературу.

Так же точно и с той же почти жесткой ясностью Эрберг умеет подавать и афганскую природу. У него отточенная, целеустремленная фраза... Я почти физически ощущаю обстановку... мертвой, выжженной зноем, обгорелой каменной пустыни, какую наблюдал в Кушке... Это правда и настоящий пейзаж, который сделан добротной и с огромной любовью.

И, наконец, Эрберг очень хорошо и опять-таки без ложной экзотики... использует речевую стихию восточных людей и те особые формы речи, пересыпанной поговорками и перлами восточной мудрости, которые встречаются в разговорном языке хезарейцев и тому подобных афганских племен.

Мне не очень понравились в книге стихи, которые попадают в рассказы, отдельные цитаты из стихов восточных поэтов, песни, приводимые в рассказах. Автор хотел их передать в наиболее доступной форме для русского читателя, но я не уверен, что это правильный прием. Автор, переводя стихи, не попытался сохранить ритмику и структуру подлинных песен Афганистана. Если бы он над этим поработал больше, то, кроме хорошей и добротной прозы, имел бы любопытные песенные вещи...

Я упомяну о последнем рассказе «Путь к Наубехару». Это рассказ в известной степени этапный и переломный у самого Эрберга. Дело в том, что ему бросался упрек, что все рассказы его построены на материале, отдаленном от современности и, во всяком случае, от современности близкой. Рассказ «Путь к Наубехару» интересен тем, что здесь Эрберг на обычном своем материале, очень сложном для нас и моментами чуждом, идущим в глубь афганского средневековья, дает интересный случай. Это необычная первая попытка в Афганистане забастовки рабочих, работающих на хлопкоочистительном заводе. Причем, опять-таки это сделано не в плане любовного приема, который можно было бы пустить в ход для того, чтобы сразу переключиться на современную политическую тему, а сделано с очень большим тактом и именно так, что вы, читая рассказ, понимаете, что забастовка в этой обстановке и среде может проходить именно в таких странных и необычных формах, как отражено в рассказе Эрберга.

Все это вместе взятое позволяет нам утверждать, что в лице О. Е. Эрберга мы имеем чрезвычайно ценного для нашей секции прозы и Союза писателя, настоящего мастера новеллы. Во всяком случае, я считаю необходимым от себя приветствовать Олега Ефремовича за эту очень правдивую и очень удачную книгу.

Книга новелл О. Е. Эрберга (1898—1956) «Путь к Наубехару» была издана еще в 1941 году. Однако ее обсуждение в секции прозы московских писателей состоялось лишь 16 мая 1947 года. Заседание открыл К. Федин. Первым выступил Б. Лавренев. Его речь впервые публикуется с некоторыми сокращениями по неправомерной стенограмме, хранящейся в Центральном Доме литераторов.

О. Эрберг работал в середине 20-х годов переводчиком в советском консульстве в Афганистане, хорошо знал восточные языки. Его рассказы неоднократно издавались в нашей стране и переводились на иностранные языки. В 1947 году в предисловии к берлинскому изданию известный немецкий писатель Б. Келлерман писал: «...живые рассказы Олега Эрберга пробудили во мне бесчисленные воспоминания, и я уже после первых слов почувствовал себя окруженным и околдованным магической атмосферой Азии. Из рассказов на меня пахнуло невыносимой жарой, раскаленным горячим ветром пустыни, жалобным подвыванием шакалов, запахом караванов и однотонным позвякиванием колокольцев».

Высокую оценку получили афганские рассказы О. Эрберга и в советской критике. В 1947 году они вышли в библиотечке «Огонька».

Письмо Е. А. Конобееву

Женичка, дорогой! Ужасно был я рад и тронут твоим письмом. Прихожу сегодня в «Прибой» подписывать договор на вторую книжку. Жду, жду, пока меня примет Закс (зав. издат.), начинаю злиться. А тут секретарша копается в бумажках и вдруг говорит: «Ах, Лавренев, я и забыла, вам письмо есть». Дает письмо, я повертел в руках и еще больше обозлился. Думал, опять какой-нибудь добровольный критик ругается. Разорвал, увидел твою подпись, и сразу тепло стало. Ведь из всех туркестанских людей я сохранил теплую человеческую память только о тебе, да еще одной девушке. И вот ты написал. И письмо твое счастье принесло. Во-первых, я злиться перестал сразу, потом, едва я успел дочитать письмо, меня Закс позвал, и мне удалось выторговать очень выгодные условия договора. Видишь, сколько хорошего от твоей писульки.

Итак, ты «замствуешь». Не решаюсь сказать — хорошо это или плохо. По-моему, хорошо — все же спокойней, чем самостоятельно комиссарить. Но это моя точка зрения, может быть, весьма ложная.

Давай немножко расскажу о себе. После приезда в Питер (в январе 24 года) я служил у «бородатого черта» Зуева секретарем Военно-научного общества. Получал 22 р. в месяц и страшно голодал. Прямо вспомнился девятнадцатый год. Таким ма-

нером проманежился четыре месяца до начала мая. С мая начал получать первые гонорары и слегка отошел, во всяком разе, стал обедать каждый день. К осени стало уже хорошо, а теперь живу совсем буржуазно. Как-то неожиданно мне очень и очень повезло. Литературная карьера сделана в один год, без протекций, без связей, своим горбом, и сделана блестяще. По крайней мере, по отзывам критики, я сейчас первая литературная скрипка Ленинграда.

Но я не зазнаюсь и не пьянею. Знаю, что еще долго, много и упорно нужно трудиться, трудиться и трудиться, чтобы стать настоящим большим писателем. А чтобы вообще им быть в нашей очень тяжелой, склочной, доносительской, грязной обстановке, нужно ой как много самоотвержения и готовности на всякие муки. Одно только знаю: нужно быть честным и писать о живых людях и обо всех них, и плохих и хороших, — писать только хорошее.

С твоими словами о моей первой книжечке в целом согласен, но прими во внимание, что «Гала-Петер» помечен 1916 г. (Это мой первый рассказ, только расширенный и переработанный и от нежности к этому неуклюжему первенцу я включил его в книжку). А касательно «Ветра», то впечатление длинноты получается от слишком большой перегруженности его событиями, быстрой смены планов и пр. Нельзя такую небольшую повесть так перегружать и разбрасывать, но извинением мне служит страшная спешность, с какой он писался на заказ альманаха. Вся повесть сделана в две недели. Вторая книга, которая выйдет в мае или начале июня, будет серьезней и крепче. Ее-то уж я пришлю тебе сам с надлежащей надписью.

О Туркестане иногда (в бессолнечные дни) тоскую, хотя эта зима у нас была теплее ташкентской и насквозь залита солнцем. А вообще напрасно ругаешься болотом. После крикливой экзотики чувствуешь особенную, почти болезненную любовь к этому бледному небу, серо-голубым волнам Балтики, сосенкам и березам, к синей дымке туманов. Удивительно хорошо.

Здесь половина Ташкента: Мясников, Колтунов, Ванченко-Писанецкий, Шорин, Воронин, Исаев, Зуев и т.д. Прямо азиатское завоевание. Исаев комиссарствует в аркадемии. «Бородатый черт» — шишка в Штаоке. Если захочешь черкнуть ему — его адрес: Захарьевская, 15, кв.2. А я ему при ближайшей встрече сообщу твой адрес.

Как ты? Не собираешься понюхать нашего «болота»? А? Приезжал бы! Я страшно рад был бы тебя видеть. Если приедешь — закатывайся прямо ко мне, иначе зарезу.

И, пожалуйста, не ограничивайся одним письмом, а пиши, пиши и пиши. От тебя всегда буду рад получать вести, милый ты, хороший мой «зам». А адрес мой короткий, простой и ясный: Фонтанка, д.18, кв.31. Прямо против Инженерного замка и Летнего сада, хоть не выезжай на дачу. А главное, что меня радует, — вода. Невская стальная ширь. Не могу жить без воды. Как вспомню ташкентский рыжий Салар — жуть берет. Аллах с ними, со снежными взгорьями, когда возле них даже порядочной лужи нет.

Крепко целую, пиши, Женечка.

Твой Борис Лавренев.

Ленинград, 14 апреля 1925 г.

Письмо публикуется впервые. Евгений Александрович Конобеев печатался в туркестанских изданиях, занимал ряд административных должностей в правительстве республики.

В ленинградском издательстве «Прибой» в 1924 году вышел первый сборник рассказов и повестей Б. Лавренева — «Ветер», а в 1925 году — второй его сборник — «Полынь-трава».

Зуев Дмитрий Дмитриевич (1890—1939) работал в штабе Туркестанского фронта, выступал со статьями и очерками во многих туркестанских периодических и неперидических изданиях, занимал ответственные должности в штабе Ленинградского военного округа. Был незаконно репрессирован в 1930 году. Посмертно реабилитирован в 1957 году.

Первые рассказы Б. Лавренева «То было раннею весной...» и «Его смерть» напечатаны 7 ноября и 12 декабря 1910 года в московской газете «Студенческая жизнь» под тогдашней фамилией писателя — Сергеев.

Письмо Д. Д. Зуеву

1 августа 1957.

Дорогой Димочка!

Очень возволновало меня Ваше письмо. И обрадовало и опечалило сразу. Обрадовало тем, что, наконец, с честного и светлого имени папы снято грязное клеймо, наложенное на него клеветнической антисоветской бандой, подвизавшейся в ролях

«стражей революции» и до омерзения загадивших своей гнусной подлостью тот орган, который при Феликсе Эдмундовиче действительно был совестью и мечом народа. И не только с папиного имени смыто пятно, но и всем вам, ребятам Зуевым, теперь будет житья спокойнее и увереннее, и ни одна сволочь больше не посмеет кивать на вас со злорадством — дескать, «потомки репрессированного», жми и дави! А взгрустнулось потому, что вспомнился, как живой, мой друг и товарищ, веселый, бодрый, бородатый, как какой-нибудь стивенсоновский пират, с вечной трубкой в фарфорово-белых зубах, умница, настоящий большой человек Митя Зуев. С 1920 по 1930 мы ведь шли все время рядышком, дружили, делились мыслями, планами, работали. Стало очень смутно и тяжело от того, что исчезла слабая, чуть теплившаяся еще надежда увидеть папу пусть старым, седым, беззубым, но все-таки живым.

Вы, Димочка, потеряли папу в таком раннем возрасте, что, пожалуй, слабо его помните, а какой он был обаятельный, сколько было в нем душевной теплоты, жизнерадостности, неугасимой энергии.

Вы правы, дорогой мой, все, что случилось с папой, страшно и горько, что нельзя понять за что уничтожили сильного, гордого, нужного родине человека.

Ах, Дима, Дима! Трудно ответить за что! Конечно, ни за что!

У каждой революции очень тяжелая поступь, и ее чугунные сапожищи всегда давят без разбору правых и виноватых. Но у нашей революции поступь не только тяжкая, но еще на редкость бессмысленно жестокая и неуклюжая. После смерти Владимира Ильича эту поступь направлял полупомешанный маньяк, азиатский сатрап, который согнул страну в бараний рог и перед которым ползали в страхе на карачках с полными штанами его соратники, у которых не хватило мужества пресечь кровавую карусель. Дрожа за свои шкуры, они бросали в жертву злобе сумасшедшего сотни тысяч невинных. В эту страшную мясорубку попал и Ваш папа, как попали многие папы, братья, отцы, мужья, сыновья, близкие и далекие, которых уже не вернуть, которых только можно вспоминать добром и с любовью.

Пытаются оправдать эти чертовы гекатомбы поговоркой: «лес рубят — щепки летят». И поговорка идиотская, и оправдание подлое. Люди не щепки! А летели люди. И наиболее ценные и нужные. В живых оставались, если уж нужны лесные метафоры, «осиновые стволы».

Сделанного, конечно, не поправишь и мертвых не вернешь. Но вот Ваш долг теперь, долг всего молодого поколения коммунистов отдать свою жизнь, труд, ум, сердце тому, чтобы это черное прошлое никогда не повторилось. Чтобы в нашей большой, чудесной, любимой стране у штурвала государственного корабля в будущем стояли, если не равные Ленину люди, то хотя бы люди светлого ума и чистого сердца, преданные народу и неотделимые от него, как неотделим был до последнего дыхания Ленин.

Чтобы не брались за этот штурвал руки палачей, зажавшихся и потерявших всякую связь с народом чиновников, бездарных паяцев, кривляющихся на потеху всему миру. Если каждый молодой член партии осознает этот долг и посвятит все силы его воплощению в жизнь, наша родина, ведомая ленинскими мыслями и идеями, действительно станет маяком человечества, причем назовут ее так другие, а не мы сами в своем легкомысленном самомнении и развязной самоуверенности.

Вот так-то, дорогой Дима! Думаю, что теперь в Вашей личной судьбе должны наступить большие перемены. Во всяком случае, вот что: напишите мне о том, где Вы хотите работать. Теперь, после официальной реабилитации папы, все становится на свое место, и я имею основание прямо обратиться к Ефремову с настоянием предоставить Вам работу по душе и где Вам хочется.

Крепко обнимаю Вас, милый Димочка! Крепитесь и будьте таким же сильным и гордым, как покойный Ваш папа и мой друг Дмитрий Дмитриевич Зуев.

Сердечно Ваш Борис Лавренев.

Публикуется впервые по подлиннику, хранящемуся у Д. Д. Зуева с его любезного разрешения.

Дмитрий Дмитриевич Зуев — директор московского издательства «Просвещение», член комиссии Союза писателей СССР по литературному наследию Б. А. Лавренева. Неоднократно бывал в Ташкенте в качестве участника различных всесоюзных и республиканских конференций.

Автобиография

Я родился 17 июля н/с в г. Херсоне (ныне УССР) в семье педагога, преподавателя русского языка и литературы, занимавшего должность помощника заведывающего сиротским домом Херсонского губернского земства. Отец происходил из семьи

мелкопоместных дворян. В возрасте полутора лет потерял родителей и воспитывался в принявшей его чужой семье, с девяти лет был отдан в тот же сиротский дом, где впоследствии работал педагогом, окончил с отличием учительскую семинарию. Мать родилась в семье крупного помещика Херсонской губернии и отставного морского офицера, участника Севастопольской обороны, известного всей губернии своими кутежами и карточной игрой. В короткий срок спустил огромное состояние, дед из-за угрызений совести скрылся от семьи и кончил жизнь в ночлежке в Астрахани. Оставшаяся на руках бабки, мать с материальной помощью друзей семьи окончила гимназию в Полтаве и учительствовала в г. Бериславе, где и встретилась с отцом. Я был единственным ребенком от их брака.

До десяти лет воспитывался и учился дома, под наблюдением родителей. В 1901 году поступил в 1-ю Херсонскую гимназию. До пятого класса вел жизнь спокойную. На переходе в шестой класс бежал из дому и поступил юнгой на пароход «Афон», совершавший рейсы Одесса — Александрия. Но в первом же рейсе, побитый боцманом, ушел в Александрии с парохода и две недели бедствовал в чужом городе, пока меня не подобрал старик механик французского лайнера «Женераль Жиллар». На нем я проплавал юнгой два месяца, пока в порту Бриндизи меня не сняла итальянская полиция и через русское консульство отправила домой. В седьмом классе по решению педагогического совета был уволен за пощечину, данную однокласснику, донесшему начальству на подпольную кассу взаимопомощи гимназистов. Через два месяца был допущен к испытаниям за пропущенное время и принят обратно.

В 1909 году получил аттестат зрелости. Поступил на математический факультет Киевского университета, но в математике разочаровался из-за сухости дисциплин и на следующий год был уже на юридическом факультете Московского университета. В Москве застал напряженный период — время смерти Льва Толстого и профессора Муромцева. Университет бурлил. В первый же год я был избран членом Правления общества взаимопомощи студентов-юристов, полулегальной организации. Осенью 1911 года пришлось временно скрыться к родным во избежание ареста. В 1915 году в августе сдал государственные экзамены и получил предложение остаться при кафедре международного права у профессора Комаровского. Но научная деятельность меня не привлекала, кроме того, второй год шла война, и я не считал возможным, будучи бычьего здоровья, сидеть в тылу. В конце 1915 года был выпущен младшим офицером в запасную батарею лейб-гвардии конной артиллерийской бригады. Оттуда пришлось быстро уйти, не хватало средств для «гвардейского тона». Весь шестнадцатый год провел на фронте с 53-й Сибирской артиллерийской бригадой. В конце года был переведен в береговую артиллерию Кронкрепости, вооружал новыми пушками береговые батареи Биорке, но заболел и, получив отпуск, уехал к жене и сыну в Москву. В Москве пережил февральскую революцию, приняв в ней деятельное участие. С марта по май 1917 года был комендантом штаба революционных войск московского гарнизона, в бытность командующим А. Е. Грузинова. С мая по сентябрь был адъютантом коменданта г. Москвы. В сентябре ушел снова в строй во 2-ю Запасную Тяжелую Артибригаду батарей «А» (ТАОН). В дни Октября находился в оглушенном состоянии, не в силах разобраться в событиях. Чувствуя себя между двух стульев и не зная, на какой сесть, решил уехать на фронт. Приехал в Румынию к шапочному разбору и, приняв батарею, отступал с ней в Россию, пробиваясь сквозь «румынскую королевскую армию». В январе 1918 поступил в Московский Областной продовольственный Комитет секретарем коллегии. Проработав там до июня, перешел по приглашению А. В. Луначарского секретарем коллегии Наркомпроса, но пробыл там только две недели, т.к. очень беспокоился о судьбе жены и сына, оставшихся у родителей в Херсоне, и решил поехать за ними. Получив командировку от Московского Облпродкома в контору по ликвидации имущества заготовительных контор на Украине, выехал в Киев. Но в Киеве контора была разогнана гетманом. Просидел восемь суток в тюрьме, был выпущен и влачил полуподпольную жизнь, устроившись санитаром в медпункт при вокзале. В дни петлюровского восстания был мобилизован в студенческую дружину по охране порядка в Киеве. По смене гетмана Петлюрой вернулся в медпункт на вокзале, но, ожидая ареста, ушел из Киева, перешел фронт в районе хутора Михайловского и, добравшись до начальника бронесила фронта, был назначен плутонговым командиром бронепоезда, на котором и принял участие в штурме Киева частями Антонова-Овсеенко 18 января 1919 года. После штурма был направлен в распоряжение Президиума Киевского Губисполкома на должность Управделами. Но канцелярской работы не вынес и 1 апреля 1919 года снова ушел в армию. Был направлен в Крым, где принял должность коменданта г. Алушты с совмещением должности начальника артобороны побережья на участке Алушта — Гурзуф. 22 июня вместе с частями XIV армии прошел путь отступления из Крыма и, наконец, попал в Херсон, откуда, захватив жену и сына, выехал в Киев. Но в пути на ст. Мироновка встретил поезд Наркомвоен Украины Н. И. Подвойский снял меня с поезда и назначил начартом полевого штаба. Отправив семью в Москву, я остался в штабе, руководившем

широкой операцией по уничтожению банд атамана Зеленого в районе Триполья. Выбитый курсантскими ударами из базы, Зеленый всей ордой ринулся на прорыв окружения в южном направлении. Ввиду нехватки артиллерии я предложил Наркому сформировать местными средствами легкий бронепоезд, чтобы преградить путь Зеленому на линии железной дороги. С этим же бронепоездом, за отсутствием опытного командира, я лично вышел 29 июня 1919 г. в бой. Дальнейшее представляю изложить прилагаемому документу (см. приложение). Немедленно после боя я был представлен к ордену Красного Знамени, но представление со всеми бумагами штаба погибло во время последовавшего через несколько дней прорыва Доброармии к Киеву. Я только в 1946 году смог восстановить события, случайно встретив в Москве Н. И. Подвойского, которого по неверной информации считал давно умершим. Этой справкой, данной им мне, горжусь, как боевым орденом.

Выздоровев после ранения, был направлен в распоряжение штаба Туркфронта в Самару. По неокрепшему еще здоровью был зачислен в резерв, затем вызван Д. А. Фурмановым, который предложил мне до выздоровления прочесть цикл лекций по истории общественных движений в России на военно-политических курсах Политуправления Туркфронта. Закончив эту работу, выехал с поездом-типографией Туркфронта в Ташкент. В Ташкенте был комендантом города, затем отправился на Аму-Дарью в качестве начарта Аму-Дарьинской флотилии, но, не успев наладить работу, был отозван в Ташкент начальником Политуправления Туркфронта для работы во фронтовой печати. Был в течение 1920—23 гг. секретарем редакции газеты фронта «Красная звезда», заместителем редактора, секретарем журнала «Военный работник Туркестана», членом Военно-Редакционного Совета Туркфронта. С 1922 года, продолжая работу в Политуправлении, был одновременно назначен заведующим отделом литературы газеты «Туркестанская правда», где организовал выпуск литературного приложения к газете и сатирического журнала «Скорпион». Кроме того, был редактором Ташкентского госиздата по научно-популярной серии. В конце 1923 года, ввиду тяжелого влияния ташкентского климата на здоровье, был переведен в Ленинград на должность секретаря Ленинградского военно-научного общества. В 1924 году в декабре был уволен в запас. В 1934 году проходил повторительный сбор в Севастополе на крейсере «Профинтерн». В финскую кампанию плавал артиллерийским стажером на лидере «Ленинград». За артиллерийскую разведку входа в Выборгский залив был награжден медалью «За боевые заслуги».

В 1941 году был мобилизован в аппарат Военно-Морского издательства, но, заболев острой формой дизентерии, был уволен в годичный отпуск. В декабре 1942 г. вернулся в действующий флот. Был прикомандирован к центральной газете «Красный Флот». Провел несколько месяцев в течение 1943—45 гг. на Северном и Черноморском флотах и на Дунайской флотилии. При демобилизации в ноябре 1945 уволен в отставку с званием майора береговой обороны.

Профессиональную литературную работу начал в 1912 году циклом стихов в московском альманахе «Жатва». С 1913 года входил в группу поэтов, организовавших издательство «Мезонин поэзии» в Москве. Печатал стихи в альманахах издательства и в различных журналах. В 1919 году окончательно порвал с футуризмом, но стихи продолжал писать до 1923 года, после чего перешел на прозу. В 1925 году вышла первая книга повестей «Ветер», сразу определившая мое положение в литературе. В том же году впервые попробовал работать в области драматургии, а в 1927 году написал к X-летию Октября пьесу «Разлом», прошедшую с огромным успехом на всех сценах Союза, ставшую одной из вех советской драматургии и по сегодня не сходящую с репертуара. За годы 1925—1945 выпустил ряд книг повестей и рассказов и сатирический роман об английских интервентах «Крушение республики Итль».

В 1934—38 гг. в работе был перерыв, вызванный нервной болезнью.

В течение Отечественной войны много работал во флотской печати и в Совинформбюро, в «Известиях», «Труде», «Московском большевике», «Красной звезде» и фронтовых органах печати. Выпустил четыре книги рассказов. Написаны две пьесы: в 1943 году «Песня о черноморцах» и в 1945 — «За тех, кто в море», удостоенную Сталинской премии первой степени за драматургию.

В настоящее время лишен возможности осуществить задуманные планы новой пьесы и большого романа о советских моряках в Отечественной войне, ввиду невозможных бытовых условий, в которых никакая творческая работа немыслима. Указания ряда руководящих деятелей правительства и партии Моссовету об отводе мне нормального жилья упорно не выполняются в течение двух с половиной лет, и я не могу пробить стену бюрократического бездушия.

За литературный труд награжден в 1939 году орденом Трудового Красного Знамени.

Москва, 13 декабря 1946 г.

Автобиография Б. Лавренева хранится в отделе творческих кадров Союза советских писателей СССР и впервые публикуется с небольшими сокращениями. В личном деле писателя в качестве приложения к его автобиографии имеется заверенная копия справки Н. И. Подвойского. В книге Бориса Лавренева «Бессменная вахта» (неизданная публицистика), вышедшей в издательстве «Молодая гвардия» в 1973 году, она дается со значительными искажениями. Считаю необходимым опубликовать полный текст.

СПРАВКА

Настоящим удостоверяю, что военный моряк командного состава т. **Лавренив** Борис Андреевич в 1919 году, в бытность мою Народным Комиссаром по военным делам Украины, находился в моем полевом штабе, в должности начальника артиллерии штаба.

В конце июля 1919 года, в период операций против банд атамана Зеленого, в районе Триполье — Канев, когда штаб дислоцировался на ст. Мироновка, т. **Лавренив** проявил большую энергию по созданию артиллерийского заслона на линии ж. д. между ст. Мироновка и ст. Белая Церковь. Ввиду недостатка артиллерийских средств для воспрепятствования прорыву банд через полотно дороги на юг, т. **Лавренив** с командой моряков из охраны штаба организовал постройку местными средствами двух бронеплатформ для поддержки оперировавших против Зеленого курсантской бригады и интернационального кавдивизиона.

29 июля, выйдя на линию ж. д., т. **Лавренив**, вместе с командиром бронепоезда № 6, военмором Поповым, принял бой с пошедшими на прорыв окружения бандами и после того, как бронепоезд № 6 после прямого попадания снаряда, убившего машиниста и выведшего из строя паровоз, вышел из боя,— т. **Лавренив** со своими бронеплатформами остался один на позиции у разъезда Карапыши, в продолжение трех часов отбрасывая противника шрапнельным огнем, моментами с картечной дистанции.

В ходе боя т. **Лавренив** был серьезно ранен в ногу пулей с раздроблением пальцев, но не оставил командования и, при переходе бандами под вечер линии железной дороги, нанес противнику артогнем большие потери, заставив бросить в поле значительное количество вооружения и боеприпасов.

Только после личного доклада мне о бое т. **Лавренив** передал командование заместителю и был эвакуирован для лечения в поезде штаба в Киев.

Бывший Нарковоендел
Украины Н. Подвойский.
18 июня 1946 г.

Публикация, подготовка текста и комментарии кандидата филологических наук Б. А. Геронимуса.

К НАШЕЙ ВКЛАДКЕ

Что там, за этой красотой...

Работы, представленные на нашей вкладке, прежде всего наводят на мысль о разнохарактерности и даже противоречивости подходов художников к натюрморту, к его предметной специфике и образному строю. Тем не менее, этот жанр живописи в лучших своих образцах оказался способным отразить через отношение человека к миру вещей, его окружающих, какие-то существенные черты мироощущения нашего современника.

Натюрморт — «мертвая природа» — наверно, мстит тем, кто легкомысленно обращается к нему между делом. И это естественно: бездумно запечатлеть на холсте первый попавшийся предмет или их группу — еще не значит создать содержательный образ. Кажущаяся простота жанра — опасная иллюзия, мешающая постичь особые принципы формирования содержания, возникающие на почве общения с молчаливой материей. Здесь «нарушение границ» редко приносит удачу: натюрморт — один из наиболее устойчивых, «закрытых» жанров живописи, — отчасти потому, что он, как никакой другой, опирается на обширную и развитую художественную традицию.

Хотя свойство «памяти жанра», быть может, одно из характернейших и коренных, на какое-то время оно оказалось оттеснено порой самоцельными новациями. Сегодня вновь возникла потребность в принадлежности к определенной традиции, естественно натолкнувшая художников на углубленное изучение старых мастеров. Но возрождение даже целых стилевых направлений прошлого не может создать направлений современных, возникающих в результате синтеза современного самобытного взгляда на мир и опыта предшествующих поколений. Сейчас в узбекской живописи с известной мерой условности можно выявить несколько линий и принципов создания содержательного образа в натюрморте.

Одна из них — линия непосредственного, непредвзятого натурального подхода к предмету. Натюрморты Е. Мельникова, Р. Ахмедова, В. Лысова, Г. Чернухина — это вещи крепкие, высокопрофессиональные, подкупающие свежестью восприятия жизни, искренностью и простотой. В натюрморте «Гранаты» Е. Мельникова ощутима увлеченность красотой материального мира, пластическим богатством природы. В целом такой непосредственно-чувственный подход приводит к интересным и плодотворным результатам, но произведения отдельных художников подтверждают, увы, что скольжение по поверхности, фиксация лишь внешних черт природы исключают возможность глубоких ассоциаций, раскрытия больших чувств. Таковы многочисленные этюды — изображения полевых цветов, рыбы, кухонной утвари. Прибегая к броским красочным контрастам, эффектам освещения, авторы, видимо, надеются на самоценность «традиционного» сюжета.

В попытках обогатить этюд смыслом и содержанием некоторые художники оперируют понятиями тематической, в основном исторической, картины, подбирая предметы в расчете на такое изначально присущее натюрморту качество, как аллегория. Но в работах подобного рода мысль, которую стремится воплотить автор, чаще всего оказывается иллюстративной. Вот почему некоторые натюрморты Д. Умарбекова, И. Гарварт воспринимаются скорее как фрагменты больших картин, в которых деталь работает на общее, не являясь самостоятельным предметом художественного анализа.

Значительная группа натюрмортов может быть условно объединена как культурно-этнографическая. Здесь внимание художника обращено на предметы устоявшегося бытового уклада, выражающие собой некую исконную традиционность, на вещи декоративные по образной функции. Для некоторых живописцев, например, для В. Лысова, — это постоянная тема. В таких работах стремление выразить красоту национально-бытового быта глубоко органично, чувствуется искренняя симпатия мастера к избранному им

кругу сюжетов. Но есть множество натюрмортов, сделанных в отвлеченном «национальном», стиле, оборачивающемся вымученным стилизаторством, внешней декоративностью. Разбросанные по холсту овощи и фрукты, ковры и сюзаны, кумганы и ляганы выглядят как набор сувениров — здесь нет прочувствованного образа Узбекистана и его национальной культуры, глубокого проникновения в творчество народных мастеров.

В полотне «Кумган с цветами» Ж. Умарбекова, где подробно и увлеченно выписаны детали убранства мастерской, причудливо переплетенные лепестки и стебли растений, содержание полотна усложняется. Эстетическое начало подчеркнуто и коричневой музейной гаммой картины. Цветы воспринимаются как метафора вечной красоты.

Тяга к метафоричности, иносказательности образов есть в картине В. Лысова, художник ищет цветовой эквивалент психологического состояния человека. Полотна И. Гарварт построены на соотношении собственно «натюрмортного», камерного, «очеловеченного» круга предметов с широким, часто безграничным внешним пейзажным миром.

В «Лунном натюрморте» Д. Умарбекова эффект сопоставления и взаимоопределение разных средств и состояний природы и вещей обжитого мира сообщает полотну ощущение фантастичности, сказочности.

В натюрморте существенное значение имеет масштаб, настраивающий наше зрение на «станковость», побуждающий к длительному и внимательному рассматриванию полотна, размышлению перед ним. Так, Е. Мельников в камерном по размеру натюрморте «Гранаты» пишет простые округлые формы на фоне корзины и веток с листвой, решая все полотно в несколько приглушенном колористическом и фактурном ключе. Единство восприятия природы рождает цельность образа.

Иную задачу ставит перед собой И. Соколов в натюрморте «Осенний виноград». Художник словно снимает верхний слой, физическую внешнюю пелену с облика вещи, устраняя условность, знаковость банального восприятия. Как бы раздраженная, активизированная вещественная плоть, в которую «вгрызается» наш взгляд, становится подвижной, бугрится, пенится, переливается яркими красками. Аналитический подход к незамысловатым предметам, которые мы здесь видим, исходит из стремления исследовать, подобно естествоиспытателю, постичь внутренние свойства и особенности вещественного мира. Еще дальше по пути аналитического раскрытия существа предмета идет Г. Чернухин, развивая прием приближения природы к картинной поверхности.

В некоторых натюрмортах С. Исаева, В. Сторожева заметно ощутимо прямое обращение к зрительскому воображению, к уточнению, домысливанию того, что как бы недовоплощено самим художником. В этих произведениях, неприятельных по своим живописным средствам, предмет является поводом, стимулом к размышлениям над соотношением человека и окружающих его вещей. Предмет не составляет завершенного образа, он привлекает к процессу его формирования наш разум, воспоминания, чувственный опыт.

Сегодня многие художники Узбекистана лишь подходят к решению сложных задач возрождения и развития основных типов классического натюрморта, который испытывает в наши дни коренную ломку представлений о нем, бытовавших не так давно. Множественность подходов к «мертвой природе» обусловлена не только и не столько своеобразием творческих манер, почерков и индивидуальных побуждений живописцев, сколько многообразием форм окружающего мира, влекущим за собой самые разнообразные, подчас полярные концепции натюрморта.

Несомненно, что со временем выкристаллизуются главные типы и направления развития этого жанра, обращением к которому можно многое рассказать о жизни нашего современника.

И. ИВАНОВ.

Николай Красильников

ТРОПЫ, ГОДЫ, КНИГИ

Алма-Ата... Я люблю этот город-сад, летом укрытый зеленью серебристых тополей, трепетными листьями берез, пахучими акациями. А фруктовых деревьев и вовсе не счесть, особенно в пригороде! Да и зимой город чудесен, окруженный кольцом высоченных гор. Хрустит под ногами снежок. Аппетитно так, словно яблоко на зубах. Алма-ата... Звук какой напевный, округлый. Впрямь схожий с яблоком. И пахнет знаменитым апортом...

В один из зимних дней я снова оказался в командировке в этом чудесном городе. Вечерело. Снежинки новогодними блестяшками переливались в свете матовых фонарей. Я находился в гостинице. Дела уже были сделаны, вещи упакованы. Оставалось одно: позвонить человеку, которого, как мне казалось, я знаю с самого детства. С тех самых пор, как одолел премудрость алфавита. Это был известный писатель-натуралист, зоолог и путешественник Максим Дмитриевич Зверев.

Сколько прекрасных часов проведено над его книгами. «У чудесного костра», «Золотой сайгак», «Хозяин небесных гор», «По следам невидимок». Всех и не перечислить. За свою долгую, полную разнообразных трудов жизнь писатель написал более ста пятидесяти книг — очерков, рассказов, повестей. В них вся география Казахстана, всей нашей необъятной страны. Мудрые вершины Тянь-Шаня и бескрайние жаркие пески Приаралья, тихие плавни Балхаша и соловьиные острова быстробегущей Или, многовековые ели Заилийского Алатау и облепиховые заросли близ Борового, и, конечно, их исконные обитатели — птицы и звери, их жизнь, повадки, — ничто не ускользало от зоркого взгляда и пера Максима Дмитриевича. И каждая присланная им новая книга — а знаком я с писателем уже два десятилетия, правда, заочно — приносила всегда истинную радость. Комната наполнялась разноголосьем птиц, солнечным ветром с привкусом хвои, гребнями озерных волн с таинственным названием Кургальджю...

Так как же быть: звонить, не звонить? Удобно ли беспокоить старого человека?..

— Добрый вечер! Максима Дмитриевича можно к телефону?

— Я слушаю...

Волнуюсь, а потому сбивчиво называю себя,

говорю, что вот, мол, нахожусь проездом в его родном городе, что завтра в полдень улетаю.

— Да как можно так, не повидавшись, — раздается на другом конце провода бодрый, совсем не стариковский голос с обидчивой ноткой. — Сейчас же приезжайте. Поговорим. — И с доброй усмешкой: — Ведь я для вас — сама история! Адрес помните? Вот и прекрасно. Жду.

Так сразу все и решилось. На улице морозец невидимым наждаком потирал щеки. В автобусе сразу стало тепло. Вспомнились письма Максима Дмитриевича. Мелкий, но аккуратный, не испорченный годами почерк. Его беспокойство о подрастающей литературной смене, мудрые советы. А ведь писателю недавно исполнилось девяносто лет. Почтенный возраст! Накануне нашей предстоящей встречи за литературные заслуги ему было присвоено высокое звание народного писателя Казахстана.

И вот я в просторном кабинете Максима Дмитриевича. Первая встреча после многолетней переписки. Крепкое рукопожатие, любопытство в глазах, широкий жест: располагайтесь как дома!

На стенах фотографии: маленький Максим. В курточке с блестящими пуговицами. Ученик реального училища. Барнаул. Начало нашего века. Рядом фото матери и отца-лесника. Открытые русские лица. На столе пишущая машинка с заложенным в каретку чистым листом. Максим Дмитриевич перехватывает мой взгляд:

— Начал работу над новой книгой.

— Не устаете? — деликатно спрашиваю я.

— Слава богу, пока в седле.

Да, писатель в строю, несмотря на солидный возраст. Не без юмора заметил, что по работоспособности уступает разве что прославленной Мариэтте Шагинян...

— Любимое дело не старит, — поддержал я хозяина.

Справа у стены вместительный шкаф, в котором притягательно поблескивают разноформатные корешки. Среди них и полка — да не одна — собственных книг писателя.

Максим Дмитриевич вынимает несколько изданий и кладет на письменный стол. Его произведения, переведенные на многие языки мира —

болгарский, чешский, немецкий, французский, итальянский...

Другая стопка книг, внушительнее первой, тоже явно мила сердцу хозяина. Сколько же их! Э. Мацкевич, В. Мосолов, С. Кустанович, В. Карпенко, Б. Щербаков, А. Лухтанов, А. Синявский... Около тридцати книг я насчитал.

— И это еще не все...

Да, немало у старейшего писателя учеников-последователей по всей стране. Их объединяет любовь к родной природе — где бы они ни жили, — к пернатой и четвероногой живности, к различным явлениям и аномалиям в лесу, в горах, на берегу безымянного ручья. И еще такая душевная потребность — очно поделиться накопленными впечатлениями. И вот каждый год летом, примерно в одно и то же время «слетаются» на огонек к Максиму Дмитриевичу писатели-натуралисты из Москвы, Ленинграда, Ташкента. Очень известные, такие, как Николай Сладков, и те, кто только издал свои первые книжки. Свообразный клуб по «интересам». И заседает он не в душном кабинете, а на берегу многоструйной Или под перещелк соловьев и мерцание звезд. Но настоящий писатель — не созерцатель: в один из таких вечеров и родилась идея создания ежегодного природоведческого сборника. Его назвали «Лик земли». Вскоре вышел первый выпуск. За ним последовали другие. Уже вышло семь сборников. Выпустило их казахстанское издательство «Жалын». Благородное дело! Сколько страниц живо и памятно запечатлело прекрасный мир природы. Еще живой и — увы — исчезающий... Задача сборника — пробудить в читателе любовь к травинке и звезде, к беззащитной бабочке и могущественному орлу, к лопоухому зайчишке и величественному туру... Ко всем нашим маленьким и большим соседям по беспокойной планете.

Все эти годы инициатором каждого выпуска «Лица земли», как и бессменным председателем клуба, является Максим Дмитриевич. Однако его тревожит, лишь бы не погас костер, зажженный им и его сподвижниками. А погреться у их огня всегда есть кому: у альманаха множество читателей — школьников, учителей, военных, ученых, рабочих — людей разных профессий и судеб.

— Самая первая ваша книга, прочитанная в детстве?

— И вам придется давать интервью?.. — Максим Дмитриевич лукаво щурится. — Канадец Сэтон Томпсон. Отец привез его книгу — тогда мы жили на заимке в лесу — из далекого уездного Барнаула. Под шелест берез до глубокого вечера зачитывался я удивительными рассказами и повестями. Многие из нас выросли на его книгах. Во всяком случае, я — точно. Ну, конечно, наши — Тургенев, Аксаков, Мельников-Печерский, Пришвин...

— И все-таки, как люди становятся писателями?

— Я верю, в каждом человеке с рождения заложен какой-либо талант. Важно, чтобы родители вовремя помогли найти его и развить. Например, любовь к природе и охоте я почувствовал в семилетнем возрасте. Отец взял меня с собой на озеро. Голубоватая рябь, розовые облака на закате, и вдруг... лебеди! Музыка... Тогда-то, наверно, и родилось в крохотном мальчике желание поделиться с кем-нибудь увиденным прекрасным мгновением. Музыкантом не стал, стал писателем, и это чувство не покидает меня и по сей день...

— Ваши наставники в литературе?

— Виталий Бианки. Я с ним познакомился в 1926 году в Ленинграде, сразу после окончания Томского университета. По специальности я ведь зоолог. Тогда же и написал первые рассказы о животных. Я и раньше писал, но это в основном были научные статьи. Рассказы Виталию Валентиновичу понравились. Надо сказать, человек он строгий был, с большим и чутким литературным вкусом и слухом. Посовещовал и дальше работать над рассказами. Шлифовал фразы. Стали выходить первые книжки. Их тепло приняли читатели и собраты по перу.

Максиму Дмитриевичу особенно дорого мнение знаменитого писателя, мыслителя-природолюбца Михаила Пришвина, который горячо приветствовал его творчество, отмечая достоинство языка и научную достоверность описываемых фактов.

Биография настоящего большого художника — а к ним, несомненно, принадлежит Максим Дмитриевич — всегда полна самых неожиданных событий. Сколько бывало их за долгую жизнь в экспедициях по бескрайней пустыне Бетпак-Дала, к заоблачным вершинам Тянь-Шаня и вообще в места, где мало, а то и вовсе не ступала нога человека!

— Последнее время в газетах и журналах опять замелькали материалы о снежном человеке. В спорах сталкиваются разные точки зрения. Одни верят в существование йети, другие отрицают. Но отправляются на поиски новые экспедиции... А вы как думаете, Максим Дмитриевич?

— Я отношусь к оптимистам, — говорит писатель. — Правда, видеть следы, а тем паче самого нашего отдаленного предка, не посчастливилось, а вот услышать убедительные аргументы о его существовании довелось.

— Вот как! Поделитесь, пожалуйста!..

— Охотно. Много лет я был знаком с известным зоологом профессором Виталием Андреевичем Халловым. Безукоризненной честности ученый. В 1914 году он окончил Московский университет и приехал к родителям в город Зайсан. Там он узнал, что на границе с Китаем казаки поймали человекообразное существо, сплошь заросшее волосами. Привязав на аркан, они держали его в юрте. Молодой ученый решил поехать туда и застрелить чудовище. По всем правилам таксодермии снять шкуру, обработать основные части скелета, зафиксировать в формалине некоторые внутренности. Словом, решил сохранить для науки и отвезти в Москву. Но полицейстер города не разрешил убивать неизвестное существо, сославшись на то, что им все же может оказаться человек. Он предложил Халлову запросить разрешения на отстрел Академии наук. Виталий Андреевич незамедлительно отправил подробную телеграмму в Москву. Но пока ждал ответа, началась первая мировая война. Казачий полк отправили на фронт, заменив на границе новобранцами. Загадочное существо отпустили обратно в горы.

После Отечественной войны Виталий Андреевич работал в Казахском университете. Както вечером я сидел у него дома. Случайно рассказал, что в горах нашего заповедника живет объездчик, поведавший мне об одном старике-казаке, который на Зайсане ловил волосатого человека. Халлов попросил меня утром свозить его в Талгар к этому казаку. Мы поехали, но старик уже два года как умер. Еще при жизни Халлова в архивах Академии наук тех лет была найдена его телеграмма и на ней синим карандашом резолюция: «Оставить без последствий».

— Здесь есть какие-то убедительные нот-

ки, — согласился я. — Ученым еще предстоит объяснить этот феномен. А вот как понять случай, «зафиксированный» несколько лет назад одной из центральных газет, — о стихийной многотысячной миграции змей? Якобы под Алматы змеи остановили на час или на два движение, переползая шоссе в сторону гор...

— Это, конечно же, чистая утка. После этой «информации» мы с профессором Мариновским сразу же выехали на место «происшествия». И никаких следов! Такое количество змей непременно должно было оставить «улики». Полосы, слинявшие шкурки... Да и людей никого не оказалось, кто бы видел эту картину самолично. Кого ни спросишь, отвечают однозначно: «Да, слышали... Змеи... А видеть не видели...»

— Но ведь кто-то же пустил такой слух. Наверно, не случайно он возник?

— Вот именно, не случайно. Это уже потом выяснилось. Какой-то работник автоинспекции опоздал на службу. И чтобы найти вескую оправдательную причину, он это и придумал... А тут поблизости и оказался корреспондент. Так непроверенный факт, глуповатая фантазия превратились в шутку, далеко не безобидную... Так что все и всяческие гипотезы без точных фактов должны оставаться таковыми.

Да, Максим Дмитриевич всю жизнь находился в неустанных поисках разгадок тайн природы. На прочной научной основе. Более четверти века он работал зоологом, доцентом Томского и Казахского университетов, возглавляя ряд экспедиций. Опубликовал десятки научных работ (не считая художественных книг). По праву считается и основателем школы зоологов.

В середине двадцатых годов его, молодого тогда ученого, в московском зоопарке заинтересовала психическая деятельность животных. После многих наблюдений в природе и в разных зоопарках Максим Дмитриевич пришел к выводу, что и у животных, как вспышка молнии в темноте, может мелькнуть проблеск элементарной рассудочной деятельности, поразительной на фоне обычных рефлексов и инстинктов. Максим Дмитриевич рассказал мне несколько таких случаев. Вот один из них:

— Даже люди и животные поступают иногда совершенно одинаково. Например, при внезапном испуге — косули, джейраны, коровы, суслики и другие животные беспомощно топчутся на месте, вместо того, чтобы удариться в спаситель-

ное бегство. Но так же поступают и люди, особенно женщины, увидев внезапно под ногами змею, даже убитую, они топчутся на месте, машут руками, кричат, вместо того, чтобы отскочить в сторону.

Из множества удивительных фактов из сферы зоопсихологии с годами у М. Д. Зверева родилась книга «Кладовая чудес». Она выдержала ряд изданий у нас и за рубежом.

— В своих научных и литературных исканиях я был не одинок, — подчеркнул писатель. — Советами и личным общением мне помогали такие известные ученые, как П. А. Мантейфель, С. И. Огнев, А. Н. Формозов, П. П. Сушкин. Писатели Всеволод Иванов, С. Муканов, Е. Пермитин и личные друзья Скребицкий и Спаненберг. Они ушли из жизни. Но свет их имен согревает душу, движет пером... Все эти ученые были и популяризаторами науки.

Когда-то великий русский критик Добролюбов сказал, мечтая о сближении науки и искусства: «Свободное претворение самых высоких умозрений в живые образы — это идеал, представляющий полное слияние науки и поэзии, и доселе еще никем не достигнутый».

Мне кажется, наши лучшие писатели-натуралисты М. Пришвин, В. Бианки, М. Зверев, Н. Сладков приблизились к этому идеалу. Силой художественного слова они затрагивали душу читателя и вызывали желание защитить природу.

Я знал, что Максим Дмитриевич всю жизнь борется делом и словом с любым проявлением браконьерства. Человек не всегда меняет природу в лучшую сторону. Десятилетия писатель бьет в набат, призывая спасти Балхаш. Тревожит его и постепенное умирание Арала. Уникальные водные бассейны должны жить — они необходимы будущим поколениям. Радовать взор полноводной гладью, притягивать по весне, как магнит, колонии птиц, стада диких животных.

Максим Дмитриевич твердо убежден, что человек должен и может искупить свою вину перед природой. Это в его силах. Внушать это, пожалуй, — основная цель его жизни.

...Из соседней комнаты в наступившей паузе донеслось бойкое «ку-ку». Часы с кукушкой напомнили о позднем времени. Пора мне возвращаться в гостиницу. Я унесил с собой новую книгу Максима Дмитриевича «На егерских кордонах». Она продолжит наш неоконченный разговор.

Сэйити Моримура

ЯПОНИЯ

СУЩИЙ ДЬЯВОЛЕНОК

РАССКАЗ

1

Возвращаясь из торгового центра, Макико Сагара стала свидетельницей страшной сцены. Обычно покупки делала служанка, но в тот день у девушки был выходной, поэтому Макико решила сама отправиться за покупками, впервые за долгое время.

По дороге домой ей нужно было пересечь улицу с двусторонним движением. Хотя дорога проходила сквозь густонаселенный жилой массив, водители обычно развивали здесь большую скорость, пользуясь хорошим покрытием дороги. На тротуаре перед собой Макико заметила группу детей — по виду учеников начальной школы.

Точь-в-точь как наш Масао, подумалось ей. У нее была привычка сравнивать своего ребенка с другими детьми. Мимо нее промчался автомобиль. Едва он поравнялся с детьми, один из них метнулся наперерез машине, проскочив прямо перед ее капотом.

— Осторожнее! — вскричала Макико, закрывая глаза.

Водитель нажал на тормоза, пронзительно завизжали шины.

— Чтоб тебя! — заорал водитель. — Ты что, хочешь попасть под машину?

С мальчиком ничего не случилось, подумала Макико, с опаской приоткрывая глаза. Мальчишка, перебежавший дорогу, стоял на другой стороне улицы, испуганно ухмыляясь. Видя, что дело приходится иметь с детьми и что ругать их бесполезно, водитель уехал.

Взволнованная Макико спросила у детей:

— Разве вам не говорили, что играть на дороге нельзя?

Один из ребятшек спросил:

— А вы мама Масао, да?

Макико присмотрелась и узнала Соичи Оно, одноклассника сына, о котором до нее доходили не очень лестные слухи.

— А ты Соичи Оно, верно?

— Ну и здорово вы сейчас испугались, а?

— Конечно, чуть сердце не оборвалось от страха.

— Эта игра называется «Перебеги улицу». Сейчас все играют в нее.

— В игру «Перебеги улицу»?

— Да, ждешь, пока машина подъедет вплотную, потом прыгаешь на дорогу перед ней и бежишь через улицу. Тот, кто пробежит ближе всех, — победитель. Танака только что пробежал рядом с той машиной. Раньше его дразнили трусом, потому что он не хотел участвовать в игре, но все-таки оказался молодцом. Ничего

другого мы и не ждали от профессора физкультуры. У него получается классно, если он захочет.

Маленький Танака заслужил прозвище профессора успехами в физкультуре.

— Как так можно! — У Макико сердце зашло от страха, когда она подумала, что ее собственный сын может играть в эту отчаянную игру. — Вы никогда не должны так играть! Это ужасно! И еще смеете называть трусом тех, кто отказывается играть в нее! Если вы немедленно не прекратите эту игру, я расскажу о ней вашему учителю.

— Что тут плохого? Мы только выясняем, кто из нас самый храбрый.

Соичи Оно бросил на нее взгляд исподлобья. Это был сильный мальчик, известный проказник и заводила в своем классе. Его отец работал вахтером в компании, где ее муж был президентом.

— Так не испытывают мужество! Если ты не послушаешься меня, я поговорю с твоим отцом.

С лица Соичи слетела заносчивость — видно, отца он боялся.

— Мамочка, что случилось?

Услышав знакомый голос, Макико обернулась и увидела своего сына. Он стоял перед ней и улыбался. Вероятно, он возвращался с уроков музыки, которые опять начал посещать после перерыва. В отличие от Соичи Оно, Масао был прилежным учеником и шел одним из первых в списке учащихся своего класса. В начальной школе хорошие ученики пользуются авторитетом: даже такие хулиганы, как Соичи Оно, вынуждены слушаться Масао по первому знаку.

В правой руке Масао держал довольно большой узел, левой — он поддерживал старушку с согбенной спиной.

— Масао, кто это? — спросила Макико, подозрительно оглядывая старушку.

— Ах, так вы мама этого господина? Я спросила у него дорогу к дому, здесь недалеко, и он вызвался помочь мне, так как ему было по пути. Милый мальчик всю дорогу нес мой узелок. Такой славный малыш! — Лицо старушки совсем сморщилось от восторга, она низко поклонилась в знак признательности.

— Что вы, не стоит благодарности! Я рада, что он помог вам. — Макико преисполнилась гордости за своего ребенка, особенно потому, что ей только что пришлось выговаривать детям других родителей за скверное поведение. «Мой мальчик не такой, как другие!» — сказала она себе с чувством превосходства.

Макико гордилась Масао. Правда, было жаль, что благородный поступок сына некому оценить по достоинству — поблизости не оказалось никого из знакомых. Как было бы хорошо, если бы в это время подвернулся школьный учитель! Ей хотелось поставить Масао в пример этим дрянным мальчишкам, но она подавила это желание.

И для того, чтобы крепче вбить запрет в голову ребятишек, Макико повторила:

— Слушайте внимательно! Посмейте еще только играть в такую игру! — с этими словами она кивком попрощалась со старушкой и отправилась домой вместе с Масао.

— Что произошло, мамочка? — спросил Масао.

— Я сейчас видела, как Оно и другие мальчики играли в «Перебеги дорогу». А ты, Масао, ты ведь не играешь в эту игру?

— Я так и думал, что они будут в нее играть. А ведь учитель строго запретил это делать! Ну что ж, я так и доложу классному комитету.

— А тебе ничего не будет за это? Оно и другие мальчишки могут отомстить тебе!

Макико была обеспокоена. В облике Оно было что-то предательское и хитрое, что-то недетское. Как нагло он глядел на нее, когда она выговаривала ему, — странно видеть на лице малыша такое выражение. Если этот ужасный мальчишка займет зуб против Масао, ее ребенка, которого она ограждает от всего дурного, трудно сказать, что может случиться.

Мир детей жесток, более жесток, чем мир взрослых. Детская жестокость вся на виду, ее не скрывают. Дети подвергают открытому ostracismu и гонениям более слабых членов своей компании. Их преднамеренная несправедливость и неосознанная жестокость несут в себе элементы игры. Порядки, господствующие в детском мире, более суровы и неукоснительны, чем у взрослых. Как бы ни мучили и ни дразнили ребенка, он не смеет жаловаться родителям или учителю. Иначе его сурово накажут. Взрослым редко угрожают физической расправой, дети постоянно живут под угрозой наказания.

Макико не опасалась, что ее Масао будут запугивать или мучить. И все же Соичи Оно представлял опасность, для него не годятся обычные мерки, приложимые к другим детям.

— Не бойся, мамочка! — сказал Масао со смехом.

— Но... этот Оно — сущий дьяволенок!

— Все равно я не буду стоять в стороне и смотреть, что он вытворяет. Пусть он сильнее, но если ты храбр, ты не позволишь ему поступать так, как не следует. Правильно, мамочка?

— Да, правильно. Это называется настоящее мужество.

Конечно, это было настоящее мужество, а не какая-то там игра в «Перебегу дорогу». У ее мальчика настоящее мужество. Макико охватил такой прилив нежности, что она готова была схватить его в объятия прямо здесь, на улице.

2

Впервые Соичи Оно проявил свой характер шесть месяцев назад. Хитоми Сагава, одноклассница Масао и Соичи, увидела, как Соичи дразнит младшего школьника, и рассказала об этом учителю. Соичи отперся, и несколько дней прошло без всяких последствий.

Затем однажды пропал Томми, любимый кот Хитоми Сагавы. Хитоми искала его повсюду до темноты, но Томми так и не нашелся. На следующее утро соседка по квартире отправилась к инсинератору, чтобы сжечь мусор. Открыв дверцу печи, она увидела внутри картонную коробку.

Соседка нахмурилась — каждый житель дома должен был позаботиться о том, чтобы не оставлять после себя мусор. Однако имелось также правило — ночью мусор не сжигать, поэтому некоторые жильцы были настолько беззаботны, что приносили ночью мусор и бросали его у дверки инсинератора и ухаживали. Это доставляло массу хлопот тем, кто хотел воспользоваться инсинератором после них.

Поворчав немного, соседка решила сжечь чужой мусор, раз уж неизвестно, чей именно мусор остался. Она зажгла огонь. В печи находилось много бумаг, которые вскоре весело запылали. Закрыв дверцу, женщина собралась было уйти, как вдруг в печке послышалось дикое завывание. Там кто-то отчаянно забился. Она испугалась — а что, если внутри есть кто-нибудь живой?

Удары и вопли продолжались, но теперь стало ясно, что это не человеческое существо, а какое-то животное. Мусор в печи яростно пылал, и соседка ничего не могла поделать.

Когда огонь потух, она позвала соседей, и они осторожно открыли дверцу печи. Зловоние горелой плоти, потянувшее из нее, было настолько тошнотворным, что некоторые из женщин убежали.

Внутри лежал обгорелый труп кота. Топлива было недостаточно, чтобы полностью уничтожить тело. Обезображенные останки позволили узнать Томми.

Одна из женщин вспомнила, что видела Соичи Оно у инсинератора накануне вечером. Не осталось сомнений, что именно он сунул кота в коробку, перевязал ее веревочкой, чтобы кот не мог убежать, и поставил коробку в топку инсинератора, обрекая его на ужасную смерть.

Соичи наотрез отказался признавать свою вину:

— Ничего не знаю, ничего не ведаю...

— Посмотри мне в глаза, если говоришь правду, — сказал учитель, проводивший допрос, и был обескуражен честным и искренним взглядом, направленным ему прямо в глаза.

По дороге домой Макико вспомнила этот эпизод.

— Масао, между Соичи и Танакой произошло что-нибудь в школе?

— Оно и Танакой?

— Да, но может быть, не сегодня. Между ними не было ссоры, или драки, или чего-нибудь?

— Теперь, когда ты спрашиваешь...

У Масао был вид, словно он пытается припомнить что-то.

— Ну, что же было?

— Оно был дежурным, но поленился вытереть пыль в классе. Танако доложил об этом учителю, и тот отругал Оно.

— Я так и думала, что тут что-то есть.

— Ты о чем?

— Ни о чем. Не играй больше с этим Оно.

— Хорошо. Тем более, что он не в моей группе.

— Даже если будет в одной группе с тобой, не играй с ним.

— Почему, мамочка?

— Неважно. Делай то, что тебе велит мама!

— Ладно. Ты сегодня какая-то странная.

— И не говори об этом Оно.

Макико размышляла о том, какой ужасный ребенок этот Оно. Свою собствен-

ную вину за плохую работу он отмел начисто, а предпочел низко и подло отомстить ребенку, который доложил об этом учителю. К счастью, Танако остался невредимым. Но если бы он попал под колеса машины, Оно был бы виновен в преднамеренном убийстве. Хуже всего то, что убийцей стал бы ученик четвертого класса начальной школы, а ребенок в этом возрасте не отвечает за свои поступки. Может быть, Оно на это и рассчитывал? Если так, он действительно ужасный ребенок!

Ночью, когда Масао спал, Макико заговорила с мужем об отце Соичи Оно.

— Оно? Серьезный и исполнительный работник. Много работает. Почему ты спрашиваешь о нем?

Макико рассказала о Соичи Оно.

— Похоже, он на самом деле трудный ребенок. Но не забывай, что дети часто бывают жестокими в этом возрасте. Когда я был маленьким, я любил резать лягушек и ящериц. Не принимай все так близко к сердцу — с возрастом это у них проходит.

— Но резать лягушек и ящериц — совсем другое дело. А этот ребенок замыслил убийство.

— Не преувеличивай, — сказал Сагара. — Прими к тому же во внимание, что отец у него калека, инвалид, а это несомненно наложило отпечаток на характер мальчика.

Отец Соичи Оно работал на такси, какой-то лихач врезался в его машину. Оно сильно пострадал, у него отнялись ноги. Сагара пожалел его и принял на работу в свою компанию вахтером. Конечно, компания располагала штатом сторожей, которые охраняли здание снаружи, а Оно занимался простой проверкой пропусков и выдачей устных справок посетителям. Если бы не Сагара, семья Оно была бы сейчас нищей и бездомной.

— Ты меньше беспокойся о детях других родителей, — сказал Сагара. — Думай больше о Масао.

— С Масао все в порядке, иногда меня даже тревожит, что он у нас слишком уж правильный.

Макико рассказала мужу о том, как Масао помог старушке.

— Вот как! — Сагара кивнул и расплылся от удовольствия. Жестокий и хваткий в деловом мире, он был нежным отцом своему единственному ребенку.

Макико вспомнилось что-то другое, не имеющее отношения ни к Масао, ни к мужу, что-то такое, что смутило ее покой. Она почувствовала угрызения совести, глядя на мужа повлажневшими глазами.

У нее есть муж... Нельзя забывать об этом.

А Масао — их общий ребенок.

3

Тропические рыбки Хироши Наито были широко известны среди любителей. В большом аквариуме у него дома плавали морские ангелы, гуппи, черные тетры, суматры и другие виды рыб, которыми обычно обзаводятся новички. Аквариум был оборудован термостатом, воздушным насосом и фильтрами, не говоря уж о разнообразной водной растительности. Кормил он своих любимцев специальной смесью натурального и сухого корма.

В школе, в их классе, тоже имелся аквариум с морскими ангелами и гуппи, которых он подарил школе. Ухаживали за всеобщими любимцами все по очереди. Но больше всех ухаживал за ними сам Хироши Наито. Кормились рыбки обычно смесью, приготовленной Хироши.

Но последнее время происходило что-то странное. Тропические рыбки прирастали к корму, приносимому Соичи Оно. Его корм представлял собой смесь, которую не купишь в магазинах. Он готовил ее по собственному рецепту. С тех пор, как рыбки стали есть корм, приготавливаемый Оно, они толстели прямо на глазах.

Ребята в классе переменили свое мнение об Оно. Раньше его авторитет был явно не на высоте. В конце концов, дети — маленькие взрослые, и положение ученика в классе определяется больше его успехами в учебе, чем физической силой. Как бы ни был силен и хвастлив ученик, он встретит насмешки и презрение товарищей, если будет плестись в хвосте по неуспеваемости.

В классе Оно авторитетом пользовались дети, достигшие успехов в какой-нибудь одной области знаний. Один был чемпионом по продолжительности стояния на руках, другой знал все о животных, третий был специалистом по насекомым, кое-кто был выдающимся бегуном. Хироши Наито пользовался непререкае-

мым авторитетом в области тропических рыбок. Благодаря этому он заработал себе прозвище «Рыбий профессор».

Но после того, как Оно изобрел лучший способ приготовления корма для рыбок, авторитет Хироши несколько пошатнулся.

Хироши изо всех сил старался удержать свои позиции. Но какие бы новые смеси он ни готовил, рыбки во время кормежки предпочитали смесь Оно. Свое предпочтение его корму рыбки отдавали с откровенностью, граничащей с жестокостью.

— Ого, вот это блеск, Оно!

— Как ты готовишь корм?

— Научи и меня!

— Я и не знал, что Оно такой знаменитый рыбий кормилец!

— Теперь Оно будет у нас Рыбий профессор!

Только недавно чувствовавший себя отверженным, Оно сейчас купался в лучах славы. Хироши Наито ничего не мог поделать. Его отодвинули в сторону, предоставив наблюдать, как его авторитет постепенно переходит к другому, а сам он становится отставной козы барабанщиком. Бывшему Рыбьему профессору оставалось только скрипеть зубами от унижения.

Несколько дней спустя, когда Хироши шел домой из школы, он услышал, как Соичи Оно окликает его сзади. Они жили в совершенно разных районах, поэтому никогда не встречались здесь. Очевидно, Оно шел за ним следом.

— Наито, можно с тобой поговорить? — спросил Соичи, оглядываясь по сторонам, чтобы удостовериться, что рядом нет никого из одноклассников.

— Что тебе надо?

Наито был немного напуган. Он не выносил Соичи, и не потому, что тот недавно вторгся в его область, а главным образом потому, что Соичи всегда утверждал свои права с помощью пинков и приемов каратэ. Хироши считал, что так поступать могут только варвары. В начальной школе не должно быть места насилию. Тех, кто прибежал к нему, ребята сторонились со страхом, как животных.

Соичи говорил каким-то странным, заискивающим голосом:

— Что ты скажешь, если я отдам тебе корм для рыбок, что я приготовил?

Хироши пришел в замешательство — он ушам своим не верил и стоял молча, уставившись на Соичи.

— Видишь ли... сказать по правде, — проговорил Соичи, — эти золотые рыбки мне до лампочки — я говорю о тропических рыбках. Корм для рыбок готовил не я, а один студент, мой сосед. Я даже не знаю, как его готовить. Но он уехал и теперь такого корма больше не будет. У меня осталось его немного, так я подумал: отдам тебе остаток. Вот он, я захватил его с собой. Ты рыбий профессор, может быть, ты сумеешь приготовить еще такого корма.

Соичи протянул целлофановый мешочек с кормом.

— Ты отдаешь его мне, правда?

Все случилось так неожиданно, что Хироши не знал, верить или не верить Оно. Временами Хироши хотелось попросить Соичи поделиться кормом, но гордость ему мешала — это было равносильно признанию собственного поражения. А сейчас Оно сам предлагает корм. Но время он выбрал такое, когда никого рядом нет, — верно, тут кроется какой-то подвох. Хироши встревожился.

— Только не смей говорить никому об этом. Я попаду в дурацкое положение, если узнают, что я не сам его готовил.

Теперь он говорил грубо, и Хироши успокоился — Оно опять был самим собой. Над Хироши будут смеяться еще больше, если их сделка станет известна в классе. Требуя молчания Соичи фактически играл на руку Хироши.

— Не знаю, мне, наверно, не следует брать его.

— Бери, бери. Я больше не занимаюсь золотыми рыбками. — Соичи поднял руку. — Ну, будь здоров!

— Пока и... спасибо

Хироши ликовал, вернувшись домой. Его авторитет рыбьего профессора был спасен. Опасный соперник потерял интерес к рыбкам и покинул поле боя. Теперь-то Хироши узнает, из чего составлен корм Оно, и приготовит еще лучше. При этой мысли он млеет от счастья. Несчастье случилось на следующее утро.

— Хироши, вставай, все твои рыбки плавают кверху брюхом.

Хироши еще спал, когда резкий голос матери разбудил его. Он вскочил с постели и бросился к аквариуму. Все его драгоценные рыбки плавали на поверхности воды дохлыми.

— Мама, — спросил он сквозь слезы, — что случилось?

— Откуда я знаю? Должно быть, ты дал им вчера вечером что-нибудь скверное.

— Ничего, обычный корм...

Хироши замолк. Как правило, он кормил рыбок три раза в день, давая им столько корма, сколько они могли поесть примерно за десять минут. В последнюю

кормежку он дал им корм Соичи Оно. «Скверное» могло быть только в этом корме. Но ведь в школе рыбки питались таким же кормом и процветали. Но, возможно, Оно дал ему что-нибудь другое? Хироши поверил ему на слово и принял корм как последний дурак. Что, если он подложил яд? Но зачем ему делать это?

Затем Хироши вспомнил: как-то Оно попросил у него книгу о знаменитых преступниках-монстрах. Все ребята умирали от зависти и готовы были отдать все, чтобы заполучить эту книгу. Но тираж книги давно разошелся и ее можно было купить, только обыскав множество букинистических лавок. Хироши побоялся дать книгу Оно, так как тот мог не вернуть ее. Он слышал от товарищей, что Оно, случилось, заимствовал вещи без отдачи. Хироши не хотелось одалживать книгу такому ненадежному типу, и он отказал. Должно быть, Оно разозлился и решил отомстить ему таким ужасным способом.

Вряд ли для Соичи имело смысл отдавать корм за здорово живешь, он попытался бы обменять его на книгу о монстрах. Тогда Хироши мог бы заподозрить что-то неладное. Но теперь уж все равно — его драгоценные рыбки подошли.

Хироши зарыдал, затапал ногами.

— Ох, Оно, ну, подлец! Грязный подонок! Чтоб ты сам сдох!

— Оно? — переспросила мать Хироши. — А он здесь при чем?

Хироши рассказал ей все. Она решила не оставлять дело без последствий. Такой дурной поступок не мог быть простой детской шалостью.

Когда муж поднялся с постели, она рассказала ему о случившемся.

— Что-то нужно делать, — сказала она.

Муж стал спокойно разбираться в деле. Он спросил у Хироши:

— У тебя остался еще корм, что тебе дал Оно?

Когда корм доставили в школу как вещественное доказательство содеянного, учителя и администрация школы удивились. Учитель биологии, сильно сомневаясь в возможности такой проказы, сделал анализ корма. В нем была обнаружена примесь органического фосфата, слабого токсического вещества, но он заявил, что отравы, по-видимому, оказалась достаточно сильной для таких нежных существ, как тропические рыбки.

Теперь администрация школы взглянула на дело более серьезно. Подмешать яд в корм с целью убийства любимцев своего одноклассника показалось им чересчур хитроумным замыслом для четвероклассника. Дело выглядело тем более серьезным, что отравы могла попасть в человеческий организм, поскольку некоторые имеют обыкновение пробовать корм, прежде чем давать его своим животным. Директор школы, в присутствии заведующего отделением и классного учителя, вызвал Оно и допросил его. Тот спокойно все отрицал.

— Не давал я Найто никакого корма, — сказал он. — Это он оболгал меня из зависти, что мой корм лучше. Врет он, вот и все!

Оно стоял на своем. Поскольку свидетелей не было, признания от него добиться так и не удалось. Администрации не оставалось ничего другого, как отобрать у Оно остальную часть корма, но там, конечно, отравы не было. Однако у учителей все равно осталось подозрение, что отравлена была только та часть корма, которую он дал Найто. Никто не сомневался, что Найто сказал правду, только доказательств у него не было. С другой стороны, и Оно был прав, говоря, что новый корм Оно подпортил репутацию Хироши как рыбьего профессора, и он испытывал к нему ревность.

Учителя не смогли принять никакого решения. Хотя они были склонны признать Оно виновным, им не хотелось поступать опрометчиво — прямых доказательств его вины не было. Дело так и осталось без последствий.

Но среди учителей утвердилось мнение о Соичи Оно как об ужасном ребенке.

4

Когда Макико вернулась домой, Масао был в саду. Он сразу же заметил ее через окно гостиной.

— Мамочка, где ты была?

Макико удивилась:

— Ты уже дома? Что так рано сегодня?

В этот день у Масао обычно были дополнительные занятия.

— Учительница рано отпустила нас: у нее сегодня день методической учебы. Но где ты была?

— Ходила по магазинам. Почему ты такой перепачканный, весь в грязи?

— Мы устраиваем кладбище.

— Кладбище? Это еще зачем? Не вздумай хоронить у нас во дворе всякую всячину!

— Мы собираемся хоронить рыбок, мамочка.

Мальчик, копавшийся в саду вместе с Масао, взглянул на них, и Макико узнала его:

— Здравствуй, Хироши!

— Мое почтение, госпожа Сагара.

— Мама, у Хироши подошли все тропические рыбки.

— Я знаю.

Макико подмывало сказать, что это Оно отравил их, но она сдержалась. Слухи об этом случае обошли всех родителей одноклассников Оно, однако из-за отсутствия доказательств передавались по секрету.

— Хироши живет в многоквартирном доме, у него нет своего двора, вот я и предложил ему похоронить их у нас в саду. Ему не хотелось хоронить их где-нибудь в поле.

— Понимаю.

— Если вы не возражаете, госпожа Сагара, — Хироши опустил голову.

Макико была рада такой отзывчивости сына — не всякий предложит свой сад в качестве кладбища для любимцев своего товарища.

— Конечно, я не возражаю. Выройте могилку и похороните их. — Макико довольно кивнула головой и хотела уйти в соседнюю комнату, но Масао окликнул ее опять:

— Мамочка, прости, я не сказал тебе раньше, но... — Масао замялся.

— О чем ты? Говори же.

Макико отсутствовала несколько дольше, чем ожидала, и теперь торопилась подготовиться к приходу мужа.

— Я хочу сказать о коте Хитоми Сагавы.

— А что с котом?

Очевидно, речь шла о коте, которого сжег в топке Оно.

— Хитоми тоже живет в многоквартирном доме, и я предложил наш двор для захоронения кота.

— Ну и что?

— Извини, я скрыл это от тебя. Но кот был в ужасном виде. И мне хочется успокоить свою совесть.

— Ничего, я тебя прощаю. Только впредь ничего не скрывай от мамочки. И... Не зарывайте рыбок близко к коту — как бы он их не съел!

— Мы их зароем чуть подальше, хорошо?

— Когда закончите похороны, зайдите в дом, я вас угощу чем-нибудь. Только сперва вымойте руки!

5

Прошло три дня со времени гибели тропических рыбок. Установилась сухая холодная погода, характерная для токийской зимы. За два месяца не выпало ни одного дождя — своеобразный рекорд по длительности для засушливого сезона. Часто вспыхивали пожары. Иной раз за день случалось по несколько пожаров. Люди изнервничались в ожидании несчастья.

Макико Сагара жила в районе, расположенном в часе езды на поезде от центра Токио. Район этот еще недавно радовал сельской тишиной, но теперь быстро застраивался многоэтажными домами и заводами. В сухой сезон здесь также часто случались пожары. Если уж огонь вспыхивал, то быстро охватывал все здание, и пожарным оставалось только предотвращать распространение пожара, а о спасении пылающего здания нечего было и думать. Люди привыкли к мысли, что пожар означает потерю всего имущества.

В наступившую зиму произошли события, еще больше усилившие беспокойство местного населения. Жители примерно пяти домов получили открытки, на которых детским почерком значилось: «Примите соболезнование по случаю пожара!», или «Остерегайтесь пожара!», или «Обращайтесь с огнеопасными предметами осторожно!»

На первый взгляд, открытки не представляли собой ничего особенного — просто предостережение. Люди, получившие их, не обращали на них особого внимания, полагая, что они отправлены кем-нибудь из знакомых — на открытках не было подписи. Верно, кто-то предостерегает о необходимости соблюдать осторожность в такой долгий засушливый сезон.

В открытках повторялось одно и то же, но поступали они через два-три дня,

и люди начали нервничать, потому что почти каждый день по соседству вспыхивали пожары.

Что бы эти открытки могли значить?

Больше всех досадовали люди, получавшие открытки с посланием: «Примите соболезнование по случаю пожара!»

— А что, если это угроза поджога? — спрашивали некоторые. Они отнесли открытки в полицию, которая сразу же начала расследование. Если это была шутка, то шутка исключительно дурного тона.

Почтовые марки на открытках были проштемпелеваны местной почтой. Это наводило на след кого-то из местных жителей, если только их не привозили откуда-нибудь из других мест.

Почерк на открытках представлял наибольший интерес, он был явно детским, в тексте встречались ошибки, которые мог сделать только ребенок. Специалист по почеркам, исследовав открытки, заявил, что он исключает возможность подделки детского почерка в целях прикрытия. «Вероятнее всего, открытки написаны рукой ученика начальной школы, иного мнения быть не может!» — сказал специалист.

Затем полиция постаралась установить, что общее связывает всех пятерых адресатов открыток. Выяснилось, что у всех пятерых были дети, посещавшие местную начальную школу, и учились они в одном классе. Это сильно облегчило расследование.

Не прошло много времени, как полиция установила идентичность почерка на открытках с почерком Соичи Оно. Припертый фактами к стене, Оно сказал, что он не хотел сделать ничего дурного, а только предостеречь родителей своих одноклассниц.

— Так почему ты не подписывал открытки?

— Я посылая их домой девочкам. Я стеснялся подписывать их.

— Почему посылая так много открыток?

— Пожары случались каждый день, и я очень расстраивался. Я собирался их посылать, пока не установится период дождей.

Подозреваемый был ребенком. Доказательства злого умысла не было. Открытки не содержали ничего, кроме предостережений, ничего предосудительного, подпадающего под статью закона. Правда, в такое опасное время года многократные предостережения не могли не вызывать страха, но Оно утверждал, что таким образом он выражал свою симпатию к девочкам из своего класса. И на самом деле, к этим девочкам он всегда проявлял интерес. Возможно, в возрасте Соичи еще рано интересоваться прекрасным полом, но способ выражения своих симпатий точно соответствовал его возрасту. Приметы угроз в открытках отсутствовали. Даже если с его стороны были попытки нарушить душевный покой людей, то и тогда он не подлежал преследованию по закону будучи ребенком десяти лет.

— Если этот мальчишка разбирается в законах, чтобы знать, что он может безнаказанно угрожать людям, то он здорово хитроумен.

— Что вы такое говорите! Ведь он только четвероклассник! У меня самого мальчик учится в четвертом классе — так это еще настоящий младенец!

— Страшно подумать, что он мог послать предупреждения о пожаре в качестве любовного послания своим знакомым девочкам!

Раскрыв личность автора открыток, полиция сочла свою задачу выполненной, не найдя в открытках никакого криминала. Пятеро девочек из класса Оно рассказали:

— Соичи Оно попросил у нас конспекты по естествознанию...

— Мы побоялись дать их ему. Он мог бы и не вернуть...

— Верно поэтому он обозлился на нас и устроил нам пакость.

Такой рассказ мог бы раскрыть мотив для угроз, если бы не одно обстоятельство: поскольку девочки были лучшими ученицами по естествознанию в классе, то и другие мальчики могли просить у них конспекты. Так что было трудно связать угрозы Оно с их отказом дать ему конспекты. Нелестная характеристика учителей на Оно не произвела на полицию никакого впечатления.

Руководство школы и родители — все обозлились на Оно. «У него настоящий талант к злодеяниям», — сказал кто-то из учителей. Они были уверены, что сожжение кота, гибель рыбок, а теперь и открытки — дело рук Соичи, хотя он и не был пойман с поличным: никто не видел, как он сунул кота в инсинератор, или подмешал яд в корм рыбкам, или рассыпал открытки. Он легко избежал наказания. Может быть, у него не было четкого знания законов, но дело походило на то, что он рассчитывал на безнаказанность именно потому, что был ребенком.

Макико Сагара не сообщила кому следует об игре «Перебеги улицу», затеянной Оно. Однако, если считать этот инцидент, продиктованный его злой волей, Оно совершил четыре настоящих преступления. Поистине, он обладал особыми

способностями к злодейству. Ситуация сложилась настолько серьезной, что на Оно стали смотреть в школе как на бомбу замедленного действия.

6

— Больше мы не можем так встречаться.

Макико говорила спокойно. Хотя они еще не остыли от объятий, Макико мысленно уже вернулась к роли жены и матери.

— Почему? Разве муж что-нибудь подозревает? — спросил Обата. В его голосе сквозили нотки нежности, потому что он поглаживал полные груди Макико.

— Нет, из-за Масао. Его стало трудно обманывать, и чем дальше, тем труднее. Только недавно он был несмышленьким, а теперь он все понимает. Прошлый раз, когда я вернулась со свидания, он сказал мне: «Что-то ты стала слишком часто уходить из дома последнее время, мамочка. Не правда ли?» Я так и обмерла.

— Не придавай этому такого большого значения!

Обату беспокоила мысль, что станет с ним, если эта женщина бросит его. До сих пор стоило ему только попросить, как она щедро позволяла ему пользоваться своим роскошным телом. Мало того, что он удовлетворял свои желания, он вдобавок получал от нее деньги на карманные расходы.

— Наверняка он подозревает, что со мной что-то неладное. Он все время спрашивает, где я была. Магазины и салоны красоты его уже не обманывают. На днях, когда я сказала, что ходила в парикмахерскую, он спросил, почему у меня та же самая прическа. Я здорово испугалась.

— Ах, не тревожься по пустякам.

Обата старался успокоить Макико.

— А я уверена — он знает, что происходит между нами.

— Брось, он еще маленький!

— Раньше он часто говорил о тебе в присутствии отца, а последнее время совсем не упоминает твоего имени. Он очень восприимчив и подозрителен: он что-то учуял.

— Просто он заинтересовался кем-то другим. Для него я уже в прошлом. Давай поговорим на другую тему.

— Мне надо идти. Масао придет домой рано.

— У него сегодня нет частных уроков?

— Нет, его учительница отправилась в путешествие. Она попросила Масао прийти в другой раз. Ты слушаешь, что я говорю?

— Извини, я хочу тебя...

— Ты чересчур избаловался. Если ты не переменишься, мне придется расстаться с тобой. На сегодня хватит.

Макико соскользнула с постели. Он следил, как она натягивала на себя одну за другой принадлежностью туалета, превращаясь из пылкой любовницы в недоступную даму, жену другого мужчины и мать своего ребенка. Он проводил ее до порога жадным взглядом.

— Когда мы увидимся?

— Я свяжусь с тобой сама. Ты мне не звони — за мной следит множество глаз. Одевайся — отвезешь меня до такси.

Обата был физически сильным мужчиной, что и требовалось Макико, ее вечно усталый муж все чаще ее раздражал.

Обата испытывал финансовые затруднения, поэтому между ними не могло быть и речи о более прочном союзе. Они довольствовались случайными свиданиями, и, естественно, тот, кто располагал деньгами, платил своего рода арендную плату. Макико оплачивала все расходы, связанные с их свиданиями, и, кроме того, платила ему самому каждый раз. Этим она вносила не только арендную плату, но и обеспечивала себе гарантию безопасности.

Обата добросовестно соблюдал условия их сделки, не пытаясь выходить за рамки молчаливого договора. Они его устраивали. Во-первых, под рукой была прекрасная любовница; во-вторых, у него водились карманные денежки, тогда как его приятели-холостяки вынуждены были подрабатывать в ночных клубах и продавать себя женщинам. Им не приходилось выбирать и привередничать. Ему же повезло — он получал не только удовольствие, но и вознаграждение. Чего уж лучше!

Макико была для него действительно желанной. Их встречи доставляли им наслаждение и длились уже два года. Отсутствие духовных связей только усиливало удовольствие.

Но недавно в их отношениях что-то сломалось. Раньше они встречались регу-

лярно, в определенное время и в определенном месте. не оговаривая встречи особо. Правда, бывало, что-нибудь мешало Макико являться на свидание, как бы ей ни хотелось этого. Когда Масао подрос, Макико стало трудно пользоваться в полной мере своей свободой во время отлучек мужа — ей мешали то частные уроки сына, то работа в родительском комитете школы. Да и муж последнее время оставался дома чаще — дела у него шли успешно.

И баланс спроса и предложения нарушился. Для Макико Обата был не больше, чем простой заменой мужа, изюминкой в замужней жизни, которая иначе была бы слишком пресной. Более редкие встречи с Обатой не доставляли ей больших огорчений, тогда как для него дело обстояло иначе: Макико была у него единственной женщиной, и без нее он испытывал не только любовную жажду, но и финансовые затруднения. Такое различие ставило его в более зависимое положение.

Макико подумала про себя: «Кажется, пора расстаться с Обатой». Что из того, что их свидания доставляли удовольствие им обоим? Конечно, Обата не такой нежный любовник, как муж, зато он обладает мужской силой, служащей неиссякаемым источником удовольствий. Но пора подумать и о благоразумии. Если она поддастся страсти и потеряет голову, она рискует нанести себе непоправимый вред. Нет, пора остановиться, пока муж остается в неведении. Да... пора расстаться навсегда.

Обата обычно увозил Макико из мотеля на своей машине, а потом она пересаживалась в такси всегда в одном и том же месте. Так было вернее и безопаснее, чем вызывать такси к мотелю. Если Макико видели в машине Обаты, это легко можно было объяснить. Главное, что ее не видели, когда она входит или выходит из мотеля.

— Я высажусь немного дальше, около пешеходного мостика.

Когда машина выезжала из мотеля, Макико пригнулась. Она выпрямилась, как только машина отъехала на достаточно безопасное расстояние.

— Впереди что-то вроде аварии!

Прямо у пешеходного мостика стояли полицейский мотоцикл и машина скорой помощи.

— Черт! — сказала Макико, нахмурившись.

— Ничего, я тебя высажу за мостом.

Обманывая мужа, Макико испытывала странное желание спрятаться от полиции. Обата, вероятно, испытывал то же чувство, и он нажал на акселератор.

7

Соичи Оно дрожал на холодном ветру, стоя на пешеходном мостике. Голубая «Каролла» уже давно должна была проехать внизу. Он хорошо запомнил регистрационный номер машины, и теперь только ожидал команду, когда машина приблизится к мостику.

Внизу, под мостом, двигался нескончаемый поток машин. Когда он наблюдал за ним, свесив голову, ему казалось, что машины несет какой-то мощный конвейер. Здесь, наверху, прохожих было мало. Одинокие пешеходы проходили мимо, не обращая на него внимания. «Верно, еще один ребенок, свихнувшийся на машинах», — думали они.

— Алло, алло! Машина появилась. Голубая «Каролла». Приближается к мостику. Готовься!

Голос слышался из небольшой портативной радиации, висевшей у Соичи на шее. Соичи ответил, затем вытащил что-то, спрятанное у него за пазухой.

Машина с Макико и Обатой приближалась к мостику. Краем глаза Макико заметила на середине моста небольшую фигуру — вероятно, ребенка. Затем, когда машина въезжала под мост, она потеряла его из вида. И в этот момент какой-то небольшой черный предмет выпал из рук ребенка и полетел в машину.

— Осторожнее!

Одновременно с криком черный предмет ударился о капот и взорвался фонтаном пламени. Завизжали тормоза, «Кароллу» вынесло за осевую линию прямо под нос встречной машины. Раздался сильный треск, вверх взвился столб огня, и Макико потеряла сознание. В этот момент, когда бутылка с зажигательной смесью полетела вниз и ударилась в машину, в радиации послышался истошный вопль: «Стой, стой, отставить!»

Соичи с недоумением наблюдал, какие ужасные последствия произвел его невинный поступок. Полицейские свистки и вой сирены «Скорой помощи» вывели его из оцепенения, и он бросился бежать. Полиция была рядом, авария произошла у них почти на глазах, поэтому Соичи Оно быстро поймали.

Обату отправили в больницу, но по дороге он скончался. Водитель встреч-

ной машины получил серьезную травму, и ему предстояло проваляться в больнице не один месяц. Макико отделалась легкими царапинами. Столкновение для нее обошлось без последствий, поскольку она, прячась от полиции, полулежала на заднем сиденье. Тем не менее, моральное потрясение она пережила сильное.

Во время допроса в полиции Оно сказал, что играл с бутылкой и понятия не имеет, что именно в ней было. В результате его игры пострадали три человека — погиб один и двое ранены. Осмотрели рацию Соичи — это был отличный аппарат, способный держать связь на два километра в городе и в радиусе двадцати километров на открытой местности. Если он был оснащен рацией, значит, имелся еще кто-то, с кем он поддерживал связь. Полиция взялась за розыски этого человека.

Как считала полиция, рация понадобилась Оно, чтобы получить сигнал, когда надо бросать бутылку. А что, если на другом конце связи был взрослый? Нет ничего отвратительнее идеи совершить преступление с помощью ребенка. Кто бы мог подбить Соичи на такое преступление? Полиция не могла выйти ни на кого из взрослых, кто стоял бы за спиной Соичи. Не было также оснований полагать, что Оно испытывал ненависть к людям, сидевшим в машине. Поэтому сыщики решили опросить всех, у кого имелся радиопередатчик, в надежде, что они могли перехватить случайно разговор Оно со своим соучастником. Полиция была уверена, что этот разговор даст им ключ к раскрытию того, кто использовал Оно как свое оружие.

8

Через два дня после несчастного случая к Макико заявили два сыщика, один из которых был старшим инспектором местного отделения полиции. Выразив сожаление по поводу трагического события, он приступил к делу: «У нас есть к вам пара вопросов...»

Их появление не было для нее неожиданностью. Еще когда она находилась в пункте скорой помощи, ей задали несколько простых вопросов, но до сих пор не беспокоили настоящим допросом. Макико была к нему готова.

— Что вы хотите узнать?

— Во-первых, каковы были ваши отношения с покойным Обатой?

— Я это уже объясняла. Господин Обата был студентом выпускного курса университета Васеды. Год тому назад или около этого он давал уроки моему сыну.

— Почему вы находились в его машине?

— Он подвез меня.

Так она сказала и своему мужу.

— Случайно?

Легкая улыбка на губах инспектора встревожила Макико. Неужели он что-то подозревает?

— Госпожа Сагара, у нас нет намерений вторгаться в вашу личную жизнь. Тем не менее, нам нужна правда.

— Я и говорю вам правду. — Она попыталась сохранить невинный вид.

— Госпожа Сагара, в кармане у Обаты мы нашли коробку спичек с названием мотеля. Мы уже побеседовали там с людьми.

Говоря это, инспектор вытащил сигарету и прикурил от спички, из того самого коробка, что лежат в номерах мотеля. Макико побледнела.

— Вы встречались с ним довольно долгое время, не так ли?

Сыщик выпустил облачко легкого дыма.

Макико изменила выдержка:

— Я не хочу ничего скрывать, но, пожалуйста, сохраните это в тайне от мужа.

— Мы не хотим разрушать вашу семью, поэтому и пришли, когда мужа нет дома.

— Что еще вам нужно от меня? — Макико с облегчением вздохнула, поняв, что ее связь с Обатой не была для них главной целью прихода.

— Есть ли у вас повод подозревать, что ваш сын знал о ваших отношениях с Обатой?

— Возможно, он такой наблюдательный. — Макико припомнилась подозрительность в глазах Масао в последнее время. — А почему вас это интересует?

— Как вы думаете: если сын знал, не испытывал ли он ненависти к Обате? Она нахмурилась.

— Не знаю... — К чему полицейский клонит? За его словами явно крылся какой-то смысл. — Вы хотите сказать, что мой сын имеет какое-то отношение к делу?

— Да, не хотелось бы верить этому, но...

— Оно сказал что-то такое, что вызвало у вас подозрение?

— У Оно была рация.

— Это не имеет отношения к моему сыну.

— Мы установили, что Оно был на связи с вашим сыном как раз перед аварией.

— Но я сама находилась в машине. Какую бы ненависть он ни испытывал к Обате, он ни за что не стал бы подвергать меня опасности. Масао — добрый мальчик.

Надо же так глупо ошибаться, они, должно быть, совсем спятили! Подозревать в чем-то Масао — с ума сойти! Макико была вне себя от негодования.

Инспектор продолжал, не обращая внимания на ее раздражение:

— Мы узнали, что у Соичи Оно плохая рация. Мы собрали всех, кто так или иначе имел отношение к несчастным случаям, происшедшим по его вине. И мы сделали кое-какие выводы.

— Касательно Масао?

— К сожалению, да. — Он пристально глянул в глаза Макико. — Начнем с того, что у Найто отравили тропических рыбок. Он первый ученик в классе по естествознанию. Ваш сын — второй.

— Ну так что?

— Прошу выслушать дальше. Хитоми Сагава — первая ученица по арифметике, ваш сын — второй. Пятеро девочек, семьи которых получили предупреждения о пожаре, идут впереди вашего сына по музыке.

— Ну и что? Масао не супермен, он не может быть первым по всем предметам.

— Верно, я согласен с вами. Как правило, Масао идет первым по многим предметам, но он второй или даже ниже по ряду предметов. Прочтите вот это. — Он протянул ей лист бумаги. — Здесь сочинение вашего сына.

Недоумевая, чего ради старший инспектор принес такую странную вещь, Макико взяла тетрадь и прочитала:

«Когда я вырасту, я стану президентом компании, как мой папа. Президент — первый человек в компании. Я тоже хочу быть первым. Я предпочитаю быть последним, чем вторым. Я буду учиться так, чтобы быть первым по арифметике, языку, естествознанию, музыке, физкультуре и по всем другим предметам».

Макико вспомнила вдруг о Танаке, который был первым в классе по физкультуре — его вовлекли в игру «Перебеги улицу». Все в классе называли его профессором физкультуры. Ах, значит, и за этой игрой стоял...

Перед глазами Макико выстроились чудовищные картины. Отец всегда поощрял стремление Масао быть первым. Масао мог быть первым почти по всем предметам, но ни по одному из них он не обнаруживал блестящих способностей. Он достигал успехов во всем, однако часто бывал вторым или даже третьим по некоторым предметам. Он терпеть не мог плестись в хвосте — он должен был быть только первым. Вот и недавно он ухватился за частные уроки по музыке, чтобы обогнать одноклассниц, которые шли впереди него по музыке.

В четвертом классе у детей появляется дух соперничества. Поощряя их усердие, администрация школы ввела золотые и серебряные печати за успехи. Дети собирали печати и хвастались, у кого их больше и чьи лучше. У Масао их накопилось больше всех. Макико чувствовала, что такая страсть к поощрениям ненормальна, и часто внушала сыну, что нужно меньше гоняться за наградами и больше играть, как все дети его возраста. Но Масао не прислушивался к ее словам. И все-таки полиция ошибается, полагая, что Масао мог использовать Соичи Оно, чтобы избавиться от своих соперников.

— Ну как вам не стыдно подозревать Масао в том, что из желания быть первым он связался с Соичи Оно! Это же совершенно беспочвенное подозрение, которое может нарушить душевный покой ребенка.

— Нет, госпожа Сагара, отнюдь не беспочвенное. У нас есть доказательства.

— Доказательства?!

— У Оно имелась рация. Мы предположили, что он был с кем-то на связи перед несчастным случаем. Мы установили всех, у кого в округе имеется собственная рация.

Инспектор глянул на Макико, словно прося у нее разрешения продолжать, — она рассеянно кивнула головой.

— В некоторых магазинах и ресторанах используютсярации. Мы опросили всех владельцев раций, и оказалось, что как раз накануне аварии некоторые из них слышали по рации детский голос: «Голубая «Каролла», номер Шиногава 116-654. Приближается к мосту. Приготовься». Но самое важное — это то, что он сказал дальше.

Инспектор замолчал.

— Что он сказал? — Макико сгорала от нетерпения.

— Он сказал: «Нет, в машине мама! Стой, я везу тебе, стой!» — Макико растерялась. Она вспомнила, что не высадилась из машины в обычном месте, потому что там была полиция. Масао намеревался убить только Обату. Когда он увидел в машине мать, он отчаянно пытался остановить Оно.

— Номер принадлежит машине Обаты. Масао — ваш единственный ребенок, никто другой не мог назвать вас мамой.

— Но почему? Почему?

Глаза Макико наполнились слезами. Голос инспектора доносился до нее словно из тьмы, с трудом прорываясь к ней. Она никак не могла поверить, что Масао, ее Масао — мальчик, провожающий старушек, помогающий своим товарищам хоронить их любимцев, — способен на такой ужас.

— Госпожа Сагара, я не собираюсь читать вам мораль, но хочу попросить вас подумать о своем поведении. Подумайте, какой удар постиг мальчика, когда он узнал, что мать, которую он любит, и учитель, которого он уважает, предадут его отца и его самого. Масао таил это все в душе, госпожа Сагара. Несчастный случай — взрыв злости, накопившейся у него за долгое время.

Возвращаясь мысленно к прошлому, Макико вспомнила, что жажда Масао быть первым появилась у него примерно в то время, когда она впервые отправилась на свидание с Обатой. Ожесточение сердца у Масао вылилось в ряде эпизодов, связанных с Соичи Оно.

— Соичи Оно рассказал нам все. Масао шантажировал его. Отец у него работает в компании вашего мужа. Масао сказал, что если Оно не будет подчиняться ему, ваш муж прогонит его отца. А Соичи знал, что, потеряй отец работу, он не сможет найти другой из-за увечья и семья будет обречена на голод. Соичи — любящий сын, он не мог допустить этого. А Масао носит маску милого ребенка и прилежного ученика, однако он использовал власть отца, чтобы поработить человека, не имеющего возможности дать ему отпор.

Макико глядела на сыщика во все глаза.

— Корм для рыбок, открытки насчет пожара — все это было придумано вашим сыном. Он получил рацию и зажигательную смесь от Масао. Все это ужасно. Но, госпожа Сагара, вы сами виноваты в том, что за маской невинного, любящего ребенка кроется страшное лицо негодяя.

У Макико зазвенело в ушах. В словах старшего инспектора ей слышалось:

— Это вы убили кота, рыбок, Обату.

В этот момент из сада до нее донеслись голоса детей. Она повернулась и увидела из окна гостиной Масао, Хитоми Сагаву и компанию их одноклассников. Вероятно, они пришли прямо из школы.

— Мамочка! — крикнул Масао в окно. — Сегодня исполняется годовщина со дня смерти кота Хитоми. Мы собираемся провести церемонию у могилки.

Последний отблеск зимнего солнца играл на его пухленьких щечках, окрашивая нежный пушок на них в золотистый цвет. Тихий ветерок ерошил гладкие черные волосы.

Инспектор посмотрел на него и серьезно сказал:

— Какой милый ребенок, не правда ли?

Перевод В. Томилова.

Мобарак

Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

1 (1). Алм. (2). Аллах — нет божества, кроме Него, — живой, сущий!

2 (3). Ниспослал Он тебе писание в истине, подтверждая истинность того, что ниспослано до Него. И ниспослал Он Тору и Евангелие (4). раньше в руководство для людей и ниспослал Различение.²

3. Поистине, те, которые не веруют в знамения Аллаха, — для них сильное наказание. Поистине, Аллах велик, обладатель мщения!

4 (5). Поистине, от Аллаха не скрыто ничто на земле и на небе. (6). Он — тот, кто придает вам форму в утробах, как пожелает. Нет божества, кроме Него, великого, мудрого!

5 (7). Он — тот, кто ниспослал тебе писание; в нем есть стихи,³ расположенные в порядке, которые — мать книги; и другие — сходные по смыслу.⁴ Те же, в сердцах которых уклонение, — они следуют за тем, что в нем сходно, домогаясь смятения и домогаясь толкования этого. Не знает его толкования никто, кроме Аллаха.⁵ И твердые в знаниях говорят: «Мы уверовали в него: все — от нашего Господа». Вспоминают только обладатели разума!

6 (8). Господи наш! Не уклоняй наши сердца после того, как ты вывел нас на прямой путь, и дай нам от Тебя милость: ведь Ты, поистине, — податель!

7 (9). Господи наш! Поистине, Ты собираешь людей для дня, в котором нет сомнения.⁶ Поистине, Аллах не меняет Своего обетования!

8 (10). Поистине, те, которые не уверовали, не избавят их ни от чего пред Аллахом ни их достояния, ни их дети!⁷ Эти — растопка для огня,

9 (11). как и деяние рода Фирауна и тех, которые были до них: они считали ложью Наши знамения, и схватил их Аллах за их грехи, — ведь Аллах силен в наказании!

10 (12). Скажи тем, которые не уверовали: «Будете вы побеждены и собраны в геенну. Скверно это седалище!»

11 (13). Было для вас знамение в двух отрядах, которые встретились: один отряд сражается на пути Аллаха, а другой — неверный. И увидели они их на взгляд вдвойне большими, чем они были.⁸ Ведь Аллах подкрепляет Своей помощью, кого пожелает. Поистине, в этом — назидание для обладающих зрением!

12 (14). Разукрашена людям любовь страстей: к женщинам и детям, и нагроможденным кинтарам золота и серебра,⁹ и меченым коням, и скоту, и посевам. Это — пользование ближайшей жизни, а у Аллаха — хорошее пристанище!

13 (15). Скажи: «Не сообщить ли нам вам про лучшее, чем это?» Для тех, которые богобоязненны, у Господа их — сады, где внизу текут реки, — они там пребудут вечно, — и супруги чистые, и благоволение от Аллаха. Поистине, Аллах видит рабов, —

14 (16). тех, которые говорят: «Господи наш! Мы уверовали. Прости же нам наши грехи и защити нас от наказания огня!», —

15 (17). терпеливых, искренних, благоговейных, расходующих, просящих прощения на заре.

16 (18). Свидетельствует Аллах, что нет божества, кроме Него, и ангелы, и обладающие знанием, которые стойки в справедливости: нет божества, кроме Него, великого, мудрого!

17 (19). Поистине, религия пред Аллахом — ислам, и разошлись те, кому было даровано писание, только после того, как пришло к ним знание, по злобе между собой. А если кто не верует в знамения Аллаха... то ведь Аллах быстр в расчете!

18 (20). А если они станут препираться с тобою, то скажи: «Я предал свое лицо Аллаху и те, кто за мной последовали».

19. И скажи тем, кому даровано писание, и простецам: «Предались ли вы?» И если они предались, то пошли по прямому пути; а если они отвернулись, то на тебе — только передача, а Аллах видит Своих рабов.

20 (21). Тех, которые не веруют в знамения Аллаха и избивают пророков без права, и избивают тех из людей, которые приказывают справедливость, обрадуй мучительным наказанием!

21 (22). Это — те, дела которых оказались тщетными в ближайшей жизни и в будущей, и нет им никаких помощников!

22 (23). Разве ты не видел тех, которым была дана часть писания?¹⁰ Их призывают к писанию Аллаха, чтобы оно решило между ними; потом некоторые из них отворачиваются, отвратившись.

23 (24). Это — потому, что они говорили: «Никогда не коснется нас огонь, разве что на исчисленные дни. И обольстило их в их религии то, что они измышляли.

24 (25). А как будет, когда Мы их соберем для дня, в котором нет сомнения, и каждой душе будет дано сполна, что она приобрела, и они не будут обижены?

25 (26). Скажи:¹¹ «О Боже, царь царства! Ты даруешь власть, кому пожелаешь, и унижаешь, кого желаешь. В Твоей руке — благо; Ты ведь над каждой вещью мощен!

26 (27). Ты вводишь ночь в день и вводишь день в ночь, и выводишь живое из мертвого, и выводишь мертвое из живого, и питаешь, кого пожелаешь, без счета!

27 (28). Пусть верующие не берут себе близкими неверных помимо верующих. А кто сделает это, у того с Аллахом нет ничего общего, если вы только не будете опасаться их страха. Аллах предостерегает вас от самого Себя, и к Аллаху — возвращение».

(29). Скажи: «Если вы скроете то, что в душах, или откроете это, узнает Аллах: ведь Он знает то, что в небесах и что на земле. Аллах над всякой вещью мощен!

28 (30). В тот день всякая душа найдет представленным то, что она сделала доброго и что она сделала злого. И захочет она, чтобы между ней и этим было великое расстояние. Остерегает вас Аллах от Себя самого, — поистине, Аллах милостив к рабам!»

29 (31). Скажи: «Если вы любите Аллаха, то следуйте за мной, будет любить вас тогда Аллах и простит вам ваши грехи» — поистине, Аллах — прощающий, милосердный.

(32). Скажи: «Повинуйтесь Аллаху и посланнику! А если отвернетесь... то ведь Аллах не любит неверных!»

30 (33). Поистине, Аллах избрал Адама и Нуха и род Ибрахима и род Имрана пред мирами (34), как потомство одних от других.¹² Поистине, Аллах — слышащий, знающий!

31 (35). Вот сказала жена Имрана: «Господи! Я обетовала Тебе то, что у меня в утробе,¹³ освобожденным (для Тебя). Прими же от меня, — ведь Ты — слышащий, знающий».

(36). И когда она сложила ее, то сказала: «Господи! Вот, я сложила ее — женского пола». — А Аллах лучше знал, что она сложила, — ведь мужской пол не то, что женский. — «И я назвала ее Марйам, и вот — я отдаю Тебе ее и ее потомство под защиту от сатаны, побиваемого камнями».

32 (37). И Господь ее принял ее хорошим приемом, и возрастил ее хорошим ростом, и поручил ее Закарии.¹⁴ Всякий раз, как Закарийя входил к ней в михраб,¹⁵ он находил у нее пропитание. Он сказал: «О Марйам! Откуда тебе это?» Она сказала: «Это от Аллаха». Поистине, Аллах питает, кого пожелает, без счета!

33 (38). Там воззвал Закарийя к своему Господу и сказал: «Господи! Дай мне от Тебя потомство благое. Ведь Ты — слышащий воззвание».

(39). И возгласили ему ангелы, когда он стоя молился в михрабе:

34. «Аллах радуется тебе вестью о Йахйе, подтверждающем истинность слова от Аллаха, господине, воздержном и пророке из праведников!»

35 (40). Он сказал: «Господи! Как будет у меня мальчик, когда до меня дошла уже старость, а жена моя — бесплодна?» Он сказал: «Так! Аллах творит, что пожелает».

36 (41). Он сказал: «Господи! Сделай мне знамение». Он сказал: «Знамение твое, что ты не будешь говорить с людьми три дня, иначе как знаками. И поминай твоего Господа много и восхваляй по вечерам и утрам».

37 (42). И вот, сказали ангелы: «О Марйам! Поистине, Аллах избрал тебя, и очистил. и избрал тебя пред женщинами миров».¹⁶

38 (43). О Марйам! Благоговей пред твоим Господом, и пади ниц, и поклоняйся с поклоняющимися».

39 (44). Это — из рассказов о сокровенном, который Мы тебе открываем. Ты не был при них, когда они бросали свои письменные трости: который из них будет заботиться о Марйам.¹⁷ И ты не был при них в то время, как они препирались.

40 (45). Вот сказали ангелы: «О Марйам! Вот, Аллах радуется тебе вестью о слове от Него, имя которого Мессия 'Иса, сын Марйам, славном в ближнем и последнем мире и из приближенных».

41 (46). И будет говорить он с людьми в колыбели и взрослым и будет из праведников».

42 (47). Сказала она: «Господи! Откуда будет у меня ребенок, когда меня не касался человек?» Сказал он: «Так! Аллах творит, что желает. Когда Он решит какое-нибудь дело, то только скажет ему: «Будь!» — и оно бывает.

43 (48). И научит Он его писанию и мудрости, и Торе, и Евангелию, (49). и сделает посланником¹⁸ к сынам Исраила». — «Я пришел к вам со знамением от вашего Господа. Я сотворю вам из глины по образу птицы и подую в нее, и станет это птицей по изволению Аллаха. Я исцелю слепого, прокаженного и оживлю мертвых с дозволения Аллаха. Я сообщу вам, что вы едите и что сохраняете в ваших домах. Поистине, в этом — знамение для вас, если вы верующие!»

44 (50). И в подтверждение истинности того, что ниспослано до меня в Торе, и чтобы разрешить вам часть того, что было вам запрещено. И пришел я со знамением от вашего Господа. Побойтесь же Аллаха и повинуйтесь мне. (51). Ведь Аллах — мой Господь и ваш Господь. Поклоняйтесь же Ему: это — путь прямой!»

45 (52). И когда 'Иса почувствовал в них неверие, то сказал: «Кто мои помощники¹⁹ Аллаху?» Сказали апостолы: «Мы — помощники Аллаха. Мы уверовали в Аллаха, засвидетельствуй же, что мы — предавшиеся».

46 (53). Господи наш! Мы уверовали в то, что Ты ниспослал, и последовали за посланником. Запиши же нас вместе с исповедующими!».

47 (54). И хитрили они, и хитрил Аллах, а Аллах — лучший из хитрецов.

48 (55). Вот сказал Аллах: «О 'Иса! Я упокою тебя, и вознесу тебя ко Мне, и очищу тебя от тех, которые не веровали, и сделаю тех, которые последовали за тобой, выше тех, которые не веровали, до дня воскресения. Потом ко Мне будет ваше возвращение, и Я рассужу между вами относительно того, в чем вы разногласили».

49 (56). Тех же, которые не веровали, Я накажу сильным наказанием в ближайшей жизни и в последней, и нет им помощников!»

50 (57). А те, которые уверовали, творили благое, — Он полностью даст им их награду: ведь Аллах не любит обидчиков!

51 (58). Это Мы читаем тебе из знамений и мудрого напоминания.

52 (59). Поистине, 'Иса пред Аллахом подобен Адаму: Он создал его из праха, потом сказал ему: «Будь!» — и он стал.

53 (60). Истина — от твоего Господа. Не будь же сомневающимся!

54 (61). Кто же будет препираться с тобой об этом после того как пришло к тебе знание, то скажи: «Приходите, призовем наших сынов и ваших сынов, наших женщин и ваших женщин, и нас самих и вас самих, а потом воззовем и направим проклятие Аллаха на лжецов!»

55 (62). Поистине, это — рассказ истинный, и нет никакого божества, кроме Аллаха, и, поистине, Аллах, Он — великий, мудрый!

56 (63). А если они отвратятся, то ведь Аллах знает распространяющих порчу!

57 (64). Скажи: «О обладатели писания! Приходите к слову, равному для нас и для вас, чтобы нам не поклоняться никому, кроме Аллаха, и ничего не придавать Ему в сотоварищи, и чтобы одним из нас не обращать других в господ, помимо Аллаха. Если же они отвернутся, то скажите: «Засвидетельствуйте, что мы — предавшиеся».

58 (65). О обладатели писания! Почему вы препираетесь об Ибрахиме? Тора и Евангелие были ниспосланы только после него. Разве вы не уразумеваете?

59 (66). Вот, вы — те, кто препирается о том, о чем у вас есть знание; почему же вы препираетесь о том, о чем у вас нет знания? Поистине, Аллах знает, а вы не знаете!

60 (67). Ибрахим не был ни иудеем, ни христианином, а был он ханифом²⁰ предавшимся и не был из многобожников.

61 (68). Самые близкие к Ибрахиму люди, конечно, те, которые за ним последовали, и этот пророк и те, которые уверовали. А Аллах — друг верующих.

62 (69). Хотела бы партия²¹ из обладателей писания сбить вас с пути. Но сбивают они только самих себя и не знают этого!

63 (70). О обладатели писания! Почему вы не веруете в знамения Аллаха, раз вы их свидетели?

64 (71). О обладатели писания! Почему вы облачаете истину ложью и скрываете истину, в то время как вы знаете?»

65 (72). И говорит партия из обладателей писания: «Веруйте в то, что ниспослано

тем, которые уверовали, в начале дня и отрекитесь в конце его, — может быть, они вернутся.

66 (73). И не веруйте никому, кроме того, кто последовал за вашей религией». Скажи: «Поистине, прямое руководство — руководство Аллаха — в том, что дается кому-нибудь такое же, как было дано вам». Или они станут препираться с вами пред вашим Господом? Скажи: «Поистине, милость — в руке Аллаха: Он дарует ее тем, кому пожелает!» Поистине, Аллах объемлющ, знающ!

67 (74). Он отличает Своим милосердием, кого пожелает. А Аллах — обладатель великой милости!

68 (75). Среди обладателей писания есть такие, что, если ты доверишь им кинтар, они вернут тебе, но среди них есть и такие, что, если доверишь им динар, то они не вернут его тебе, если ты не будешь все время стоять над ними.²²

69. Это — потому, что они говорят: «Нет на нас в простецах никакого пути».²³ И говорят они на Аллаха ложь и знают это.

70 (76). Да! Кто верно выполнил свой договор и был богобоязнен... Поистине, Аллах любит богобоязненных!

71 (77). Поистине, те, которые покупают за договор с Аллахом и свои клятвы малую цену, — им нет доли в последней жизни, и не будет беседовать с ними Аллах, и не посмотрит на них в день воскресения, и не очистит их; и им — наказание болезненное!

72 (78). А среди них есть такие, которые своими языками искривляют писание, чтобы вы сочли это писанием, хотя оно и не писание, и говорят: «Это — от Аллаха», а это — не от Аллаха, и говорят они на Аллаха ложь, зная это.²⁴

73 (79). Не годится человеку, чтобы ему Аллах даровал писание, и мудрость, и пророчество, а потом он сказал бы людям: «Будьте рабами мне, вместо Аллаха, но будьте раввинами»²⁵ за то, что вы учите писанию, и за то, что вы изучаете.

74 (80). И не прикажет Он вам, чтобы вы взяли ангелов и пророков господами. Разве ж Он прикажет вам неверие после того, как вы — предавшиеся?

75 (81). И вот взял Аллах договор с пророков: «Вот то, что Я дарую вам из писания и мудрости... Потом придет к вам посланник, подтверждающий истинность того, что с вами. Вы обязательно уверуете в него и будете ему помогать». Он сказал: «Подтверждаете ли вы и принимаете ли на этом условии Мою ношу?» Они сказали: «Мы подтверждаем». Он сказал: «Засвидетельствуйте же, и Я буду с вами из свидетелей».

76 (82). А кто отвернулся после этого, — те распутники.

77 (83). Неужели же они стремятся к религии другой, чем религия Аллаха, когда Ему предались те, что в небесах и на земле, добровольно и неволью, и к Нему вы будете возвращены?

78 (84). Скажи: «Мы уверовали в Аллаха и в то, что ниспослано нам, и что ниспослано Ибрахиму, и Исмаилу, и Исхаку, и Йакубу, и коленам, и в то, что было даровано Мусе, и 'Исе, и пророкам от Господа их».²⁶ Мы не различаем между кем-либо из них, и Ему мы предаемся».

79 (85). Кто же ищет не ислама как религии, от того не будет принято, и он в последней жизни окажется в числе потерпевших убыток.

80 (86). Как Аллах будет вести прямих путем людей, которые отрекались после того, как они уверовали и засвидетельствовали,²⁷ что посланник — истина, и пришли к ним ясные знамения? Поистине, Аллах не ведет людей неправедных!

81 (87). Этим воздаяние — в том, что на них — проклятие Аллаха, и ангелов, и всех людей.

82 (88). Вечто пребывающими в нем они будут, — не будет облегчено им наказание, и не будет дано им отсрочки, —

83 (89). кроме тех, которые обратились после этого и совершили благое. Поистине, Аллах прощающ, милосерд!

84 (90). Поистине, те, которые отреклись после того, как они уверовали, потом усилились неверием, — не будет принято их обращение. Поистине, они — заблудшие!

85 (91). Поистине, те, которые не уверовали и умерли, будучи неверными, — не будет принята ни от кого из них даже земля, полная золотом, даже если бы он захотел выкупить себя этим. Для них — мучительное наказание, и нет им помощников!

86 (92). Никогда не достигнете вы благочестия, пока не будете расходовать то, что любите. А что бы вы ни издержали, — Аллах про это знает.

87 (93). Всякая пища была позволена сынам Исраила,²⁸ кроме того, что запретил Исраил сам себе раньше, чем была ниспослана Тора. Скажи: «Принесите же Тору и читайте ее, если вы правдивы!»²⁹

88 (94). И кто измыслил на Аллаха ложь после этого, — те — неправедные!

89 (95). Скажи: «Правду говорит Аллах! Следуйте же за религией Ибрахима, ханифа, — ведь он не был многобожником!

90 (96). Поистине, первый дом, который установлен для людей, — тот, который в Бекке,³⁰ — благословенным и в руководство для миров!

91 (97). Там — ясные знамения для людей — место Ибрахима,³¹ и тот, кто вошел

в него, безопасен. А у Аллаха — на людях обязательство хаджа к дому, — для тех, кто в состоянии совершить путь к нему.

92. А кто не верует... то ведь Аллах — богат, превыше миров!»

93 (98). Скажи:³² «О обладатели писания! Почему вы не веруете в знамения Аллаха, а Аллах — свидетель в том, что вы делаете?»

94 (99). Скажи: «О обладатели писания! Почему вы отклоняете от пути Аллаха тех, кто уверовал, стремясь его искривить, а вы — свидетели? Поистине, Аллах не небрежит тем, что вы делаете!»

95 (100). О вы, которые уверовали! Если вы будете повиноваться партии из тех, кому даровано писание,³³ они обратят вас, после того как вы уверовали, опять в неверных.

96 (101). Как же вы не веруете, когда вам читаются знамения Аллаха и среди вас есть Его посланник?³⁴ А кто держится за Аллаха, тот выведен уже на прямой путь.

97 (102). О вы, которые уверовали! Бойтесь Аллаха должным страхом к Нему и не умирайте иначе, как будучи мусульманами.

98 (103). Держитесь за вервь Аллаха все, и не разделяйтесь, и помните милость Аллаха вам, когда вы были врагами³⁵, а Он сблизил ваши сердца, и вы стали по Его милости братьями!

99. Вы были на краю пропасти огня, и Он спас вас оттуда. Так разъясняет вам Аллах Свои знамения, — может быть, вы пойдете прямым путем! —

100 (104). и пусть будет среди вас община, которая призывает к добру, приказывает одобренное и удерживает от неодобряемого. Эти — счастливы.

101 (105). И не будьте таковы, как те, которые разделились и стали разногласить³⁶, после того как пришли к ним ясные знамения; для этих — великое наказание

102 (106). в тот день, когда побелеют лица и почернеют лица! А те, у которых лица почернели... Неужели вы стали неверными, после того как вы уверовали? Вкусите же наказание за то, что вы не веровали!

103 (107). А те, лица которых побелели, — в милости Аллаха, они в ней вечно пребывают!

104 (108). Таковы знамения Аллаха; Мы их читаем тебе с истиной. Поистине, Аллах не желает обиды мирам!

105 (109). Аллаху принадлежит то, что в небесах, и то, что на земле; и к Аллаху возвращаются дела.

106 (110). Вы были лучшей из общин, которая выведена пред людьми: вы приказывали одобряемое и удерживали от неодобряемого и веровали в Аллаха. А если бы уверовали обладатели писания, было бы лучше для них. Среди них есть верующие, но большая часть — распутники.

107 (111). Они не повредят вам, разве только страданием; и если они станут сражаться с вами, то повернутся к вам тылом. Потом не будет им помощи³⁷.

108 (112). Поражены они унижением, где бы ни находились, если только не с вервью Аллаха и не с вервью людей. Они оказались под гневом Аллаха, и поражены они бедностью. Это — за то, что они не веровали в знамения Аллаха и избивали пророков без права. Это — за то, что они ослушались и были преступниками.

109 (113). Не одинаковы они, — среди обладателей писания есть община стойкая³⁸: они читают знамения Аллаха в часы ночи, совершая поклонение.

110 (114). Они веруют в Аллаха и последний день, приказывают одобряемое и удерживают от неодобряемого. Они спешат друг перед другом в совершении благого; они — праведники.

111 (115). Что бы они ни сделали доброго, никогда его не будут отрицать за ними. Поистине, Аллах знает богобоязненных!

112 (116). Поистине, тех, которые не веровали, ни в чем не избавят их имущества и их дети пред Аллахом! Они — обитатели огня, они в нем вечно пребывают!

113 (117). То, что они тратят в этой ближайшей жизни, подобно вихрю, в котором холод: он поразил посев людей, которые обидели самих себя, и погубил его. Поистине, Аллах их не обижал, но они сами себя обижают.

114 (118). О вы, которые уверовали³⁹! Не берите себе близких друзей, кроме вас самих. Они не преминут вам вредить, они хотели бы того, чтобы вы попали в беду. Обнаружилась ненависть из их уст, а то, что скрывают их груди, больше. Мы разъяснили вам знамения, если вы разумны!

115 (119). Вот, вы — те, которые любят их, а они вас не любят. Вы веруете в писание целиком, и когда они встретят вас, то говорят: «Мы уверовали». А когда останутся наедине, то кусают от злости к вам пальцы. Скажи: «Умирайте от вашего гнева! Поистине, Аллах знает про то, что в груди».

116 (120). Если вас коснется хорошее, это их огорчает; если вас постигнет дурное, они радуются этому. А если вы будете терпеливы и богобоязненны, не повредят вам их козни ни в чем. Поистине, Аллах объемлет то, что они делают!

117 (121). И вот утром ты ушел от семьи своей, устанавливая верующих в ряды для сражения, а Аллах — слышащий, знающий.

118 (122). Вот задумали два отряда из вас оробеть, а Аллах — их помощник: на Аллаха пусть полагаются верующие!

119 (123). Уже помог вам Аллах при Бадре⁴⁰, когда вы были унижены. Побойтесь же Аллаха, — может быть, вы окажетесь благодарными!

120 (124). Вот ты говоришь верующим: «Разве не довольно вам того, что поможет вам Господь ваш тремя тысячами ангелов ниспосланных?»

121 (125). Да, если вы будете терпеливы и богобоязненны и они придут к вам стремительно, — тогда поможет вам Господь пятью тысячами ангелов отмеченных⁴¹.

122 (126). Аллах сделал это только радостной вестью для вас, и чтобы от этого успокоились ваши сердца. Помощь — только от Аллаха, великого, мудрого, (127). чтобы отсечь какую-либо конечность у тех, которые не веровали, или низвергнуть их, так чтобы они обратились назад без успеха.

123 (128). Тебе нет ничего в этом деле: обратится ли Он к ним или накажет их. Поистине, они — несправедливые.

124 (129). Аллаху принадлежит то, что в небесах, и то, что на земле. Он прощает, кому захочет, и наказывает, кого захочет. Аллах — прощающий, милостивый!

125 (130). О вы, которые уверовали! Не пожирайте роста, удвоенного вдвойне⁴², и бойтесь Аллаха, — может быть, вы окажетесь счастливыми!

126 (131). И бойтесь огня, который уготован неверным, (132). и повинуйтесь Аллаху и посланнику, — может быть, вы будете помилованы!

127 (133). И устремляйтесь к прощению от вашего Господа и к раю, ширина которого — небеса и земля, уготованному для богобоязненных,

128 (134). которые расхoduют и в радости и в горе, сдерживающих гнев, прощающих людям. Поистине, Аллах любит делающих добро!

129 (135). А те, которые совершили мерзость или обидели самих себя, вспомнили Аллаха и попросили прощения своим грехам, — а кто прощает грехи, кроме Аллаха? — и не упорствовали в том, что они совершили, будучи знающими, —

130 (136). у этих наградой — прощение от Господа их и сады, где внизу текут реки, — вечно пребывать они будут там — и прекрасна награда делающих!

131 (137). До вас уже прошли примерные обычаи; походите по земле и посмотрите, каков был конец считающих ложью!

132 (138). Это — разъяснение людям и руководство, и увещание для богобоязненных.

133 (139). Не слабейте и не печальтесь, в то время как вы стоите выше, если вы из верующих!

134 (140). Если вас коснулась рана, то такая же рана коснулась и того народа⁴³. Эти дни мы сменяем чередой среди людей, и чтобы знал Аллах тех, которые уверовали, и взял из вас исповедников, — поистине, Аллах не любит несправедливых! —

135 (141). и чтобы очистил Аллах тех, которые уверовали, и стер неверных.

136 (142). Или вы думали, что войдете в рай, когда Аллах еще не узнал тех, которые усердствовали из вас, и узнал терпеливых?

137 (143). Вы желали смерти прежде, чем встретили ее. Вы ее уже видели в то время, как смотрели!

138 (144). И Мухаммад⁴⁴ — только посланник, до которого были посланники. Разве ж если он умрет или будет убит, вы обратитесь вспять? Кто обращается вспять, тот ни в чем не повредит Аллаху, и Аллах воздаст благодарным.

139 (145). Не подобает душе умирать иначе, как с дозволения Аллаха, по писанию с установленным сроком⁴⁵. И если кто желает награды ближней жизни, Мы даруем ему ее; а кто желает награды в последней, Мы даруем ему ее, — и воздадим Мы благодарным!

140 (146). Сколько пророков, с которыми сражались многие толпы⁴⁶, и они не ослабели от того, что постигло их на пути Аллаха, и не ослабели и не подчинились — а Аллах любит терпеливых!

141 (147). Речь их было только то, что они сказали: «Господи наш! Прости нам наши грехи и чрезмерность в нашем деле, укрепи наши стопы и помоги нам против людей неверных». (148). И даровал им Аллах награду ближайшей жизни и прекрасную награду будущей. Поистине, Аллах любит делающих добро!

142 (149). О вы, которые уверовали! Если вы будете повиноваться тем, которые не веровали, они обратят вас вспять, и вы вернетесь понесшими убыток.

143 (150). Да! Аллах — ваш покровитель. И Он — лучший из помощников!

144 (151). Мы ввергнем в сердца тех, которые не веровали, ужас за то, что они придавали Аллаху в сотоварищи то, чему Он не ниспослал никакой власти. Убежище их — огонь, и скверно пребывание нечестивых!

145 (152). Аллах оправдал пред вами Свое обещание, когда вы перебили их по Его

дозволению⁴⁷. А когда вы оробели и стали препираться о деле и ослушались, после того как Он показал вам то, что вы любите,

146. среди вас оказались желающие ближнего мира и среди вас были желающие последнего. Потом Он отвернул вас от них, чтобы испытать вас; и Он простил вас, — ведь Аллах — обладатель милости к верующим!

147 (153). Вот вы поднимались и не поворачивались ни к кому, а посланник звал вас в ваших последних отрядах. И Он воздал вам огорчением за огорчение, чтобы вы не печалились о том, что вас миновало и что вас постигло. Поистине, Аллах сведущ в том, что вы делаете!

148 (154). Потом Он низвел на вас после огорчения для спокойствия сон, который покрыл одну часть вас, а другую часть обеспокоили их души⁴⁸: они думали об Аллахе несправедливое думой язычества, говоря: «Разве для нас есть что-нибудь из этого дела?» Скажи: «Все дело принадлежит Аллаху». Они скрывают в своих душах то, чего не обнаруживают тебе. Они говорят: «Если бы у нас было что-нибудь из этого дела, то не были бы мы убиты тут». Скажи: «Если бы вы были в своих домах, то те, кому предписано убиение, вышли бы к местам своего падения... и чтобы Аллах испытал то, что в вашей груди, и чтобы очистить то, что в ваших сердцах». Поистине, Аллах знает про то, что в груди!

149 (155). Поистине, те из вас, которые отвернулись, в тот день, когда встретились два отряда, — их заставил споткнуться сатана чем-то, что они приобрели. Аллах уже простил их, — ведь Аллах — прощающий, кроткий!

150 (156). О вы, которые уверовали! Не будьте, как те, кто не веровал и говорил своим братьям, когда они двинулись по земле или совершали поход: «Если бы они были при нас, то не умерли бы и не были бы убиты»... чтобы Аллах сделал это огорчением в их сердцах. Поистине, Аллах оживляет и умерщвляет. И Аллах видит то, что вы делаете!

151 (157). И, конечно, если бы вы были убиты на пути Аллаха или умерли, то прощение от Аллаха и милосердие — лучше того, что вы собираете.

152 (158). И если вы умрете или будете убиты, то конечно, к Аллаху вы будете собраны.

153 (159). По милосердию от Аллаха ты смягчился к ним; а если бы ты был грубым, с жестоким сердцем, то они бы рассеялись от тебя. Извини же их и попроси им прощения и советуйся с ними о деле. А когда ты решился, то положишься на Аллаха, — поистине, Аллах любит полагающихся!

154 (160). Если Аллах окажет вам помощь, то нет победителя для вас, а если Он вас покинет, то кто же поможет вам после Него? На Аллаха пусть полагаются верующие!

155 (161). Не годится пророку обманывать⁴⁹. А кто обманет — придет с тем, чем обманул, в день воскресения. Потом всякой душе будет воздано сполна, что она приобрела, и они не будут обижены.

156 (162). Разве тот, кто последовал за благоволением Аллаха, таков, как тот, кто навлек гнев Аллаха? Убежище его — геенна, скверно это возвращение!

157 (163). Они — по степеням у Аллаха, и Аллах видит то, что они делают!

158 (164). Оказал Аллах милость верующим, когда воздвиг среди них посланника из них самих; он читает им Его знамения, очищает их и учит их писанию и мудрости, хотя они и были раньше в явном заблуждении.

159 (165). Разве же после того, как вас постигло бедствие, — а вы причинили двойное⁵⁰, — вы сказали: «Откуда это?» Скажи: «Это от вас самих», — поистине, Аллах над всякой вещью мощен!

160 (166). И то, что вас постигло, когда встретились два сборища, по дозволению Аллаха и для того, чтобы Он узнал верующих (167). и узнал тех, которые лицемерят. И сказано было им: «Приходите, сражайтесь на пути Аллаха или отгоните!» Они сказали: «Если бы мы знали сражение, мы последовали бы за вами». Они в тот день — ближе к неверию, чем к вере!

161. Они говорят своими устами то, чего нет у них в сердце, а Аллах лучше знает то, что они скрывают!

162 (168). Те, которые сказали о своих братьях, — а сами остались: «Если бы они послушались нас, не были бы убиты»... Скажи им: «Отдалите от самих себя смерть, если вы говорите правду!»

163 (169). И никак не считай тех, которые убиты на пути Аллаха, мертвыми. Нет, живые! Они у своего Господа получают удел⁵¹,

164 (170). радуясь тому, что даровал им Аллах из Своей милости, и ликуют они о тех, которые еще не присоединились к ним, следуя за ними, что над ними нет страха и не будут они опечалены!

165 (171). Они ликуют о милости от Аллаха, и щедрости, и о том, что Аллах не губит награды верующих.

166 (172). Те, которые дали ответ Аллаху и посланнику, после того как постигли их раны. Тем из них, которые делали добро и боялись, награда великая!

167 (173). Тем, которым говорили люди: «Вот, люди собрались против вас, бойтесь их!» — но это только увеличило веру в них, и они говорили: «Достаточно нам Аллаха, Он — прекрасный доверенный!»

168 (174). И они вернулись с милостью от Аллаха и щедростью, не коснулось их дурное, и последовали они за благоволением Аллаха. Поистине, Аллах — обладатель великой милости!

169 (175). Это только сатана, который делает страшными своих близких. Но не бойтесь их, а бойтесь Меня, если вы верующие!

170 (176). Пусть не печалят тебя те, которые устремляются к неверию: ведь они ни в чем не повредят Аллаху. Аллах желает не дать им доли в последней жизни, и для них — великое наказание!

171 (177). Поистине, те, которые купили неверие за веру, не повредят Аллаху ни в чем, а им — болезненное наказание!

172 (178). И пусть не считают никак те, которые не веровали, что то, что Мы им продлеваем, — во благо для них самих. Мы продлеваем им, только чтобы они усилились в грехе, и для них — наказание унижительное!

173 (179). Аллах не таков, чтобы оставить верующих в том состоянии, как вы, до того, как Он отличит мерзкого от хорошего.

174. И не таков Аллах, чтобы ознакомить вас с сокровенным, но Аллах избирает из Своих посланников, кого хочет. Веруйте же в Аллаха и Его посланников, а если уверуете и будете бояться, то вам — великая награда!

175 (180). И пусть не считают те, которые скупятся на милости, дарованные им Аллахом, что это — лучше для них. Нет, это — хуже для них!

176. Будут окружены они ожерельем того, чем скупались, в день воскресения; и Аллаху принадлежит наследство небес и земли; и Аллах сведущ в том, что вы делаете!

177 (181). Слышал Аллах речи тех, которые говорили: «Ведь Аллах беден, а мы богаты». ⁵² Мы запишем то, что они говорили, и избием ими пророков без права и скажем: «Вкусите наказание огня!»

178 (182). Это — за то, что уготовали ваши руки, и потому что Аллах — не обидчик для рабов.

179 (183). Те, которые говорят: «Ведь Аллах заповедал нам, чтобы мы не верили посланнику, пока не придет он к нам с жертвой, которую пожрет огонь». ⁵³

180. Скажи: «Приходили к вам уже посланники до меня с ясными знаменами и с тем, о чем вы сказали. Почему же вы их перебили, если вы были правдивы?»

181 (184). Если они сочли тебя лжецом, то ведь были объявлены лжецами посланники до тебя, которые приходили с ясными знаменами, и с книгами, и с писанием освещающим.

182 (185). Всякая душа вкушает смерть, и вам сполна будут даны ваши награды в день воскресения. И кто будет удален от огня и введен в рай, тот получил успех. А ближайшая жизнь — только пользование обольщением.

183 (186). Вы будете испытаны и в ваших имуществах и в вас самих, и вы услышите от тех, кому даровано писание до вас, и от тех, кто был многожизненным, много обиды. А если вы будете терпеливы и богобоязненны, то это — из твердости в делах. ⁵⁴

184 (187). И вот взял Аллах с тех, кому даровано писание, завет: «Вы будете разъяснять его людям и не будете скрывать». Но они бросили это за свои спины и купили за это малую цену. Скверно же то, что они покупают!

185 (188). Пусть не считают те, которые радуются тому, что совершили, и любят, чтобы их хвалили за то, чего они не делали, — не считай их и ты в безопасности от наказания. Поистине, для них — мучительное наказание!

186 (189). Аллаху принадлежит власть над небесами и землей. И Аллах над всякой вещью мощен!

187 (190). Поистине, в создании небес и земли и в смене ночи и дня — знамения для обладающих умом, —

188 (191). тех, которые поминают Аллаха, стоя, сидя и на своих боках ⁵⁵, и размышляют о сотворении небес и земли: «Господи наш! Не создал Ты этого попусту. Хвала Тебе! Защити же нас от наказания огня.

189 (192). Господи наш! ⁵⁶ Кого Ты введешь в огонь, того Ты посрамил. И нет у несправедливых помощников!

190 (193). Господи наш! Мы слышали взывающего, который звал к вере: «Уверуйте в Господа вашего!» И мы уверовали.

191. Господи наш! Прости же нам грехи и очисти нас от наших скверных деяний и упокой нас с праведниками.

192 (194). Господи наш! И даруй нам то, что Ты обещал через Своих посланников, и не посрами нас в день воскресения. Ведь Ты не нарушаешь обещания.

193 (195). И ответил им Господь их: «Я не погублю деяний ни одного из ваших деятелей — ни мужчины, ни женщины. ⁵⁷ Одни вы от других.

194. А тем, которые выселились или были изгнаны из своих жилищ ⁵⁸, и были под-

вергнуты страданиям на Моем пути, и сражались, и были убиты, — Я очищу их дурные деяния и введу их в сады, где внизу текут реки, —

195. в награду от Аллаха, а у Аллаха — хорошая награда!»

196 (196). Пусть не соблазняет тебя изворотливость тех, которые не уверовали в стране: (197). малое пользование, а потом убежище их — геенна,⁵⁹ и скверно это ложе!

197 (198). Но для тех, которые убоились своего Господа, — сады, где внизу текут реки, — вечно пребудут они там, — как прием от Аллаха. То, что у Аллаха, — лучше для праведных!

198 (199). Действительно, среди обладателей писания есть такие, что веруют в Аллаха и в то, что ниспослано вам и что ниспослано им, смиряясь пред Аллахом; они не покупают за знания Аллаха малую цену.⁶⁰

199. Эти — для них награда их у их Господа. Поистине, Аллах быстр в расчете!

200 (200). О вы, которые уверовали, терпите и будьте терпимы, будьте стойки⁶¹ и бойтесь Аллаха, — может быть, вы будете счастливы!

КОММЕНТАРИИ

1. Имран — отец Марйам, в Евангелии Иоахим. Прочитана до битвы на горе Ухуд (22 марта 625 г.). Состоит из нескольких частей: аяты 1—86 — первое в Медине подобное повествование об Исе Масихе (Иисусе Христе). Аяты 87—113 — проповедь, обращенная к иудеям; 114—193 — к верующим; аяты 194—200 — назидания и предписания.

2. В оригинале — ат-Таурат, ал-Инджил, ал-Фуркан.

3. Перевод не вполне ясный. В тексте слово «аят» употреблено в значении знамения Аллаха. Аяты, имеющие ясный смысл, составляют «Мать книги», т. е. Коран.

4. «Сходные по смыслу» — аяты, не вполне ясные по смыслу, допускающие различные толкования. В мусульманском богословии сложилась традиция, различающая аяты ясные (мухкамат) и не вполне ясные (муташахихат).

5. В ранней традиции ислама отдельные богословы считали вообще грехом любое толкование Корана. Но сторонники допустимости толкования основывались на фразе «о людях с твердым знанием». Так традиция толкования Корана на практике получила широкое распространение, хотя этим занимались только самые крупные богословы. В традиции ислама признаны авторитетными шесть толкований: Табари (838 — 923), Саалиби (ум. 1038), Замахшари (1074 — 1143), Байзави (ум. между 1282—1316), Фахр ад-дин Рази (ум. 1209), Джалалейн (т. е. ал-Махалли, ум. 1459) и ас-Суюти (ум. 1505).

6. Имеется в виду Судный день.

7. Общественное положение человека тогда оценивалось, помимо богатства, и количеством сыновей, что характерно и нынче для многих народов Востока.

8. Имеется в виду битва при Бадре. То, что отряд мусульман (по первоисточникам их было около 320 человек) показался мекканцам в два раза большим, связано с легендой о том, что Аллах послал ангелов в одежде воинов в помощь мусульманам, в результате этого отряд мекканцев, состоящий из более 800 человек, был разгромлен. Позже эта легенда прочно вошла во все традиционные источники.

9. Кинтар — мера веса равная сейчас 45 кг. В толкованиях указывается, что в то время он равнялся 8000 мискалей (мискаль — золотник, равен 4,64 г.), что составляет около 37 кг. В тексте Корана кинтар имеет и общее значение — как накопление золота и серебра вообще.

10. Имеются в виду иудеи, которым, по представлениям Корана, была дана часть писания.

11. Аяты 25—26 — вставка молитвенного содержания.

12. В содержании аята имеется путаница: Иисус Христос по Евангелию связан с родом Авраама через своего отца Иосифа — плотника, а не через род Иоахима (Евангелие от Луки, гл. 1).

13. Аяты 31—36 — повествование о рождении Иахья (Иоанна Предтечи). Выражение «побиваемый камнями» (араб. «раджим») — распространенный эпитет шайтана (шайтан ар-раджим).

14. Закарийа — в Евангелии Захарий — отец Иоанна Предтечи.

15. Михраб — ниша в мечети, указывающая направление киблы, куда молящиеся обращают свое лицо. Здесь — в значении храма, места поклонения. По Евангелию Захарий молился, прося у бога сына, в Иерусалимском Храме.

16. Аяты 37—42 — повествование об избрании Марйам как невесты бога и о рождении Исы как мессии.

17. Аят 39 сложной конструкции и неясного содержания, в канонических Евангелиях не имеет параллели. По толкованиям, речь идет о людях, которые препирались между собой о том, кто из них имеет право на покровительство над Марйам. Однако неясно, о каких событиях идет речь.

18. В Евангелиях, как известно, Иисус Христос изображается как бог-сын и спаситель. А здесь он как посланник к иудеям. Отсюда очевидно основное различие мусульманской и христианской трактовки миссии Исы Масиха.

19. Арабский термин «ансар» означает «помощники», мединские последователи Мухаммада были названы «ансарами». Здесь апостолы Исы Масиха названы помощниками Аллаха.

20. До и в период возникновения ислама в Аравии были известны проповедники единобожия, выступавшие против поклонения племенным идолам, их называли ханифами. В истории ислама

известны имена четырех из них: Мусайлимы, Асвада, Саджахи, Тулейхи. Мухаммад также был одним из ханифов, выступал за единобожие — за восстановление «веры Ибрахима», которая отличается в Коране от учения иудеев и христиан. По содержанию Корана, у Мухаммада до конца жизни сохраняется представление, что религия ислама и есть восстановление веры Ибрахима.

21. Термин «таифа» переведен здесь как «партия». Более точное значение — группа, а этническое значение — род.

22. Имеются в виду мединские евреи, занимавшиеся финансовыми делами — брали деньги у одних, давали в долг другим. У них было дозволено ростовщичество — получение процента на деньги.

23. Перевод не совсем ясный. Арабское слово «уммийун», переведенное как «простецы», — означает «безграмотные». Смысл аята: вышеупомянутые мединские евреи отказываются от своих обязанностей, пользуясь тем, что простые люди безграмотны. Правильность такого понимания подтверждается аятами 70—71, где речь идет о верности своим обязанностям, о том, чтобы человек сам не обесценивал свою клятву.

24. В аятах 72—74 — предостережение от неправедных пророков. Но конкретно-исторический субъект неясен.

25. Обличение проповедников, которые сами претендуют на место бога и требуют поклонения себе. Человек, изучая писание, становится только праведником. Термин «рабанийун» переведен как «раввины». Значение его в толкованиях передается как «праведные в вере и твердые в знаниях». Следовательно, можно считать, что содержание этого термина шире значения «раввина» — священника иудаизма.

26. У арабов существует представление о том, что и арабы, и иудеи происходят от Ибрахима: иудеи от его сына Исхака, а арабы — от его сына Исмаила. О семитском происхождении и едином корне воззрений и традиций этих народов уже сказано.

27. В аятах 80—84 проводится четкое различие между теми, кто исповедовал другие религии и затем принял ислам, и теми, кто уже принял ислам, а затем отрекся от него. Первых бог прощает, а у вторых не будет приниматься их покаяние. Строгое отношение к отрехшимся от ислама было заложено еще в Медине в связи со случаями лицемерия (мунафикун).

28. В Коране иудеи везде называются сынами Израиля, поскольку Израиль по Евангелию — второе имя Иакова, данное ему богом.

29. Аяты 87—113 связаны по времени с Бадром, прочитаны после битвы.

30. Это единственное упоминание Мекки на местном диалекте в форме Бакаа. Отдельные толкователи и европейские исследователи отождествляли это с долиной Букаа или долиной Вакаа. Однако более убедительным является отождествление с Меккой, что подтверждает содержание следующего аята.

31. «Место Ибрахима» (плоский камень) — место, на котором стоял Ибрахим (араб. макам Ибрахим). Камень этот и сейчас находится внутри ограждения святилища Кааба, и паломники поклоняются ему. Вообще следует различать святилище и храм Кааба: первое занимает определенную площадь, ограждено, в центре его — храм Кааба, каменное здание в форме куба. А вокруг храма (внутри ограждения святилища) находится ряд других мусульманских святынь — «Место Ибрахима», источник Зам-зам, две небольшие возвышенности Сафа и Марва и др. Причем Сафа служила местом провозглашения новостей, проповедей пророков еще до ислама. И Мухаммад произнес с этой возвышенности свою открытую проповедь в Мекке. Мекка под названием Макараба (от курбан — место жертвоприношения) упоминается еще Геродотом в V веке до нашей эры и Птолемеем во II веке нашей эры.

32. Аяты 93—94 — вставка, полемика с поэтом иудейского племени бану Кайнука, относится к периоду после сражения на горе Ухуд (август-сентябрь 625 г.).

33. Предостережение тем, кто склонен был верить проповедникам из мединских иудеев.

34. Мухаммад.

35. Намек на период до образования группы последователей Мухаммада в Мекке, когда между родами курейшитов существовали вражда и столкновения.

36. В аятах 100—101 содержится призыв к единству, предостережение против раскола. В толкованиях Корана в качестве примера упоминается ранний раскол в иудаизме и христианстве, появление разных сект: эбионитов, самарян, мишнаитов в иудаизме; маронитов, несториан, яковитов в христианстве.

37. Предполагается, что аяты 107—108 прочитаны после Ухуда, в связи с вероломством вождя племени бану Надыр, снабдившего вождя мекканцев сведениями о мусульманах перед битвой на горе Ухуд и организовавшего затем покушение на Мухаммада. Племя за это было выселено из мединского оазиса в район Хайбара (начало сентября 625 г.).

38. Из обладателей писания (иудеев) часть признается в качестве верующих — праведных.

39. Группа аятов 114—193 — назидания и предписания верующим. В начале речь идет о лицемерах, которые нарушали слово и изменили мусульманам в самый опасный момент битвы при Ухуде. Эти аяты прочитаны после битвы.

40. Намек на битву при Бадре, как уже было указано, связан с легендой о помощи воинов-ангелов во время сражения. В следующем аяте отмечено их количество — 3000 ангелов.

41. Здесь уже говорится о возможности помощи 5000 ангелов. Аяты 119—124 могли быть прочитаны скорее всего перед битвой при Ухуде.

42. Аяты 125—133 затрагивают совершенно другую тему. Запрет ростовщичества — получение процента на деньги. Имеются сведения, что в доисламской Мекке процент иногда доходил до двойного размера.

43. В толкованиях дается следующий смысл: да, при Ухуде мусульмане были побеждены, зато они нанесли поражение при Бадре.

44. Имя пророка Мухаммада упоминается в Коране четыре раза (по хронологическому порядку): 47-я сура, 2-й аят (после Бадра), 3-я сура, 138-й аят (до Ухуда), 33-я сура, 40-й аят (после

«окопов»), 48-я сура, 29-й аят (перед завоеванием Мекки). Есть еще упоминание имени Ахмад в 61-й суре, 6-м аяте (после Ухуда), которое также традиция относит к Мухаммаду.

45. Перевод неясен. Смысл в толкованиях: нет такой души, которая умерла бы вне дозволения Аллаха, в неустановленный им срок.

46. Имеет место диаметрально противоположное понимание первой фразы этого аята. В настоящем переводе неясно — «многие толпы» сражались на стороне пророков или против них? Г. С. Саблуков переводит: «Сколько было пророков, с которыми вступали в битву тысячи врагов», т. е. люди выступали против пророков, а не на их стороне. В толкованиях, наоборот, утверждается, что тысячи людей выступали на стороне пророков. Конструкция текста такова, что вынести окончательное суждение невозможно.

47. Намек на победу при Бадре. А далее, в аятах 146—147, следует упрек стрелкам, которые в начале битвы при Ухуде, когда наметилась победа, оставили свою позицию и принялись грабить лагерь мекканцев. В результате удар мекканской конницы на фланг оказался неотразимым, Мухаммад был ранен, и мединцы потерпели поражение.

48. После поражения в битве на горе Ухуд часть мусульман охватило упадочническое настроение. Здесь обращение к ним, чтобы поднять их дух и одновременно объявить прощение провинившимся стрелкам, ободрить их победой в будущем.

49. Речь в тексте идет не об обмане как таковом, а о нечестности и несправедливости. По толкованиям, кто-то из приближенных Мухаммада попросил выделить ему большую долю от добычи, пока отсутствовали другие. В связи с этим в аятах 155—156 речь идет о недопустимости нечестности, несправедливости в отношении доли в добыче.

50. Аят прочитан в связи с упадническим настроением некоторых мединцев после поражения при Ухуде. Это поражение не должно огорчать верующих, они ведь победили при Бадре.

51. Аяты 163—174 — проповедь, направленная на поднятие боевого духа мусульман, призыв не бояться смерти. Из этих и предыдущих аятов ясно, что в мединский период перед верующими выдвигается в качестве важнейшего — требование воевать в защиту ислама.

52. Тут имеются в виду сборы в пользу общины, расходы на войну, которые все более увеличивались и вызывали ропот у отдельных людей.

53. Речь идет о жертве (в тексте «курбан»), с которой должен прийти пророк. В ту эпоху, как по библейским, так и кораническим легендам, жертвоприношение осуществлялось путем всеожожения. Этот обряд имеет глубокие корни: известно сожжение жертвы еще в Шумере, Акаде, по легендам «Повести о Гильгамеше». В данном случае конкретно: после поражения мусульман при Ухуде один из влиятельных последователей Мухаммада, который скрытно соперничал с ним, высказал недоверие посланнику. Затем опомнился и пришел объяснить, что он подобное не говорил. Термин «курбан» И. Ю. Крачковский считает заимствованным из еврейского. Однако его корневые буквы собственно арабские и означают «сближение», «приближение», в смысле — приближение к богу посредством жертвоприношения. Семитская корневая система слов одинаково унаследована и в арабском, и в древнееврейском языках.

54. В аятах 183—185 — полемика с мединским иудействующим племенем бану Надыр, которое было выслано из мединского оазиса в сентябре 625 г. Это второе племя, высланное из Медины. Первым в начале апреля 624 г. после битвы при Бадре было выслано племя бану Кайнука.

55. В толкованиях имеются в виду больные и очень старые люди, которые не в состоянии встать. Им разрешается восхвалять Аллаха лежа.

56. Аяты 189—192 с обращением «Господи наш» — популярные среди верующих молитвы.

57. Аят 193 обычно трактуется как признание равноправия женщин с мужчинами в делах веры, хотя узаконено их подчиненное положение в семейно-брачных отношениях.

58. Аяты 194 — 195 — упоминание о мухаджирах, переселившихся в Медину, оставивших свои жилища в Мекке и верно сражавшихся на стороне Мухаммада.

59. В тексте «джаханнам» — происходит от древнееврейского «ге хинном» — долина Хинном — место недалеко от Иерусалима, где в древние века приносили в жертву людей (преимущественно детей и рабов). Ге хинном — считалась местом ужаса. «Геенна» тоже происходит от этого слова.

60. Тут имеются в виду конкретные люди с их родственниками, исповедующие иудаизм, но находящиеся в хороших взаимоотношениях с мусульманами. В толкованиях Корана упоминаются их имена.

61. Стойки — в битве.

Продолжение следует

ДОНАЛД УЭСТЛЕЙК

Перевод с английского А. Зильберглейта

РОМАН¹

5

«Линкольн» цвета лаванды, на номерах которого красовалась пометка «доктор медицины», медленно продвигал свой широкий нос среди низких длинных складов ньюаркских доков. Садящееся солнце отбрасывало длинные тени поперек пустых улиц. Был вторник, пятнадцатое августа; солнце поднялось в пять часов одиннадцать минут этим утром и должно было сесть без двух минут восемь вечера. Сейчас было шесть тридцать.

Мэрч, сидевший за рулем, почувствовал, как солнце слепит глаза, отражаясь в зеркале заднего вида. Он передвинул зеркало в ночное положение, сведя солнце к желтоватому шару, оправленному в оливковую дымку, и раздраженно сказал:

— Где же, к дьяволу, это место все-таки?

— Немного подальше, — сказал Келп, держа перед глазами машинописный листок с инструкциями. Он сидел рядом с Мэрчем, трое остальных были сзади: Дортмундер справа, Чеввик посередине, Гринвуд слева. Все они снова были в своих синих формах охранников, тех самых, что сослужили им службу в Колизее. Мэрч, у которого не было такой формы, надел куртку и шапочку водителя междугородных автобусов. Хотя снаружи было, как и положено в августе, жарко, кондиционирование внутри делало климат как раз подходящим для такой одежды.

— Сверни вон там, — показал жестом Келп.

Мэрч покачал с отвращением головой.

— В какую сторону? — спросил он с заученным терпением в голосе.

— Налево, — отозвался Келп. — Разве я не сказал?

Мэрч повернул налево, в узкий заасфальтированный проезд между двумя кирпичными складами. Здесь уже наступили сумерки, но солнце еще бросало оранжевый отсвет на сложенную штабелем в конце проезда деревянную тару.

¹ Окончание. Начало в № 1.

Мэрч обогнул штабель и вывел «линкольн» к широкой открытой площадке, окруженной со всех сторон задними стенами складов. На площадке стоял вертолет.

— Этот, здорово, — прошептал Келп. В голосе его звучал благоговейный страх.

Вертолет был окрашен в скучный армейский цвет хаки, у него был круглый стеклянный нос, маленькие застекленные боковые оконца и лопасти, которые висели наподобие веревок для белья.

Мэрч с тряской протащил «линкольн» по неровной земле и остановил его у вертолета. Они увидели, что он был лишь чуть выше человеческого роста и немного длиннее «линкольна». Квадраты и прямоугольники непрозрачной липкой ленты во многих местах покрывали его корпус, очевидно, для того, чтобы скрыть опознавательные знаки.

Они вышли из прохладного «линкольна» в жаркий внешний мир, и Мэрч с удовольствием потер руки, разглядывая стоявшую перед ним машину.

— Эта птичка что надо! — проговорил он.

Дортмундер с внезапным подозрением спросил:

— Ты действительно летал на одной из таких штуковин?

— Я же говорил, — сказал Мэрч, — что могу водить что угодно.

— Н-да, — подтвердил Дортмундер. — Ты говорил, я помню это.

— Вот видишь — обрадовался Мэрч. Он продолжал восторженно скалиться на вертолет.

— Водить что угодно ты можешь, — не унимался Дортмундер, — но вопрос в том, водил ли ты когда-нибудь одну из таких штук?

— Не отвечай ему, — дернул Мэрча Келп. — Я не хочу знать ответ, и он тоже не хочет, не сейчас. Пошли, давайте грузиться.

— Именно, — с готовностью согласился Мэрч, в то время как Дортмундер в раздумье качал головой.

Мэрч обошел «линкольн», открыл багажник, и они все начали переносить вещи из машины на вертолет. Чевик нес свой черный портфель. Гринвуд и Дортмундер тащили, осторожно взявшись за ручки, зеленый металлический ящик, полный детонаторов, гранат со слезоточивым газом и разных инструментов. У каждого из них вдобавок на плече висел автомат. Келп нес фанерный ящик, наполненный наручниками и лентами белой ткани. Мэрч удостоверился, что «линкольн» как следует заперт, и двинулся вслед, держа в левой руке портативный генератор радиопомех, а в правой — тяжелый черный ящик со множеством кнопок, шкал и сложенных антенн.

Внутренность вертолета была похожа на внутренность легкового автомобиля, с двумя мягкими откидными сиденьями впереди и длинным поперечным сиденьем сзади. Имелось место и для багажа, куда они все и сложили, а затем расселись: Мэрч — на место пилота, Дортмундер — рядом с ним, остальные трое позади. Они закрыли дверцу, и Дортмундер стал изучать Мэрча, разглядывающего приборы управления. Через минуту Дортмундер заключил с отвращением:

— Да ты никогда раньше не видел такой штуковины.

Мэрч повернулся к нему.

— Вы шутите? Я читал в «Полярной механике», как сделать эту штуку, а вы полагаете, я не могу ее вести?

Дортмундер через плечо бросил Келпу:

— Я мог бы прямо сейчас спокойно продавать энциклопедии.

Мэрч, оскорбленный, сказал Дортмундеру:

— А ну-ка, смотрите, — я нажимаю этот выключатель, видите? Тяну на себя этот рычаг. И я делаю это...

Раздался рев. Дортмундер посмотрел вверх и сквозь стеклянный колпак увидел, что лопасти вращаются. Они вертелись все быстрее и быстрее и стали легким расплывчатым шаром.

Мэрч снисходительно похлопал Дортмундера по колену. Он все продолжал объяснять, что и как следует делать, хотя Дортмундер уже просто не мог его слышать.

Внезапно Мэрч улыбнулся, откинулся на спинку сиденья и показал жестом Дортмундеру — посмотри туда. Дортмундер посмотрел... и не увидел земли. Он наклонился вперед, глядя сквозь стекла кабины, земля довольно далеко внизу — желто-зелено-черная, изрезанная длинными тенями садящегося солнца.

— О да-а, — мягко сказал Дортмундер, хотя никто не мог его слышать. — Все в порядке.

Мэрч повозился с приборами пару минут, привыкая к ним, заставляя вертолет проделывать кое-какие сомнительные маневры, но затем успокоился, устроился поудобнее, и они начали двигаться на северо-восток.

Раньше Дортмундер не отдавал себе отчета в том, до какой степени набито небо. Ньюаркский аэропорт находился чуть-чуть позади них, и в воздухе было полно летевших по кругу самолетов. Мэрч вел вертолет под ними, направляясь в хорошем темпе к Нью-Йорку. Они пролетели над Ньюарк Бэй, и тут он уяснил, как надо поворачивать, и повернул немного влево, и они проследовали на север вдоль Гудзона, оставляя

справа Манхэттен, это скопище сталактитов и впадин, а слева Нью Джерси, напоминающий россыпь неубранного мусора.

Постепенно Дортмундеру стало все это нравиться. Мэрч, казалось, не делал ничего неверного, и, за вычетом шума, было в общем-то приятно висеть таким образом в небесах. Мужики сзади все время толкали друг друга в бока и показывали на разные штуки вроде Эмпайр Стэйт Билдинг, и Дортмундер тоже один раз повернулся к Келпу и улынулся ему, а тот повел плечами и улыбнулся в ответ.

Реактивный самолет, который они планировали использовать в качестве прикрытия, обычно пролетал над полицейским участком ровно в семь тридцать два каждый вечер. В кабине вертолета, оглушенные шумом собственного мотора, они не могли его слышать, и им оставалось надеяться, что они увидят его. Дортмундер не представлял, что шум окажется для него такой проблемой, это беспокоило и сводило на нет удовольствие, доставляемое полетом.

Мэрч постучал по его колену и показал направо. Дортмундер увидел еще один вертолет с крупными буквами названия радиостанции на боку. Пилот помахал им, и Дортмундер помахал в ответ. Человек рядом с пилотом был слишком занят, чтобы махать, непрерывно говоря в микрофон и глядя вниз на Уэст Сайд Хайуэй, который был совершенно забит машинами.

Далеко слева от них солнце медленно утонуло около Пенсильвании, и небо становилось розовым, розовато-лиловым, алым. Манхэттен уже был в сумерках.

Дортмундер взглянул на часы. Семь двадцать. Все идет хорошо.

План состоял в том, чтобы облететь кругом полицейский участок и подойти к нему сзади, дабы легавые перед участком не могли мельком засечь вертолет, садящийся к ним на крышу. Мэрч продолжал двигаться на север вдоль Гудзона, пока искореженные зубья Гарлема не встали справа от них, и тут он произвел широкий стремительный разворот. Это было совсем как в детстве на одной из каруселей на Кони-Айленде, только повыше.

Мэрч к этому моменту разобрался и в контроле высоты. Он стал снижаться в районе Верхнего Вест Сайда, прицеливаясь к нужной им улице по таким ориентирам, как Централ Парк и пересечение Бродвея с Уэст Энд авеню. И там, точно по курсу, зиял черный прямоугольник крыши полицейского участка.

Келп наклонился вперед и похлопал Дортмундера по плечу. Когда Дортмундер посмотрел на него, он показал в небо с правой стороны. Дортмундер поглядел туда и увидел реактивный самолет, надвигающийся с запада,— стремительный, сверкающий. Дортмундер ухмыльнулся и кивнул головой.

Мэрч приземлился на крышу так же нежно, как обычно опускал пивную кружку на стойку бара. Он выключил двигатель, и во внезапно наступившей в кабине тишине они услышали самолет, скользивший в небе над ними вниз, по направлению к аэропорту Ла Гардиа.

— Конечная остановка,— сказал Мэрч, и шум реактивных двигателей замер вдали на востоке.

Дортмундер открыл дверь, и они выбрались наружу. Чевфик поспешил к двери в маленькой будке, торчавшей над крышей, пока остальные разгружали вертолет. Келп взял пару кабельных кусачек, подошел к левому переднему краю крыши, лег на живот и, немного свесившись вниз, перерезал телефонный кабель. Мэрч установил на крыше портативный передатчик радиопомех, включил его, надел наушники и начал колдовать с настройкой. Все радиопередачи из данного здания быстро сделались абсолютно неразборчивыми.

К этому времени Чевфик открыл дверцу. Дортмундер и Гринвуд набили карманы детонаторами и гранатами со слезоточивым газом и последовали за Чевфиком вниз по лестнице к лишенной окон металлической двери. Чевфик секунду-другую изучал ее, затем сказал:

— Эту мне придется взрывать. Вернитесь наверх.

Келп двигался вниз, неся картонку с наручниками и полосами белой материи. Дортмундер встретил его на полпути и сказал:

— Обратно на крышу. Чевфику придется взрывать.

— Есть.

Все трое заторопились наверх, где Мэрч оставил генератор помех и сидел на краю крыши, как раз в том месте, где должен был по фасаду находиться центральный вход, несколько детонаторов лежали рядом с ним. Он посмотрел на Келпа и Дортмундера и помахал им. Дортмундер показал ему два пальца, имея в виду две минуты ожидания, и Мэрч кивнул в ответ.

Чевфик поднялся по лестнице. Дортмундер спросил его:

— Как наши дела?

— Три,— сказал Чевфик с отсутствующим видом.— Два. Один.

«Бу-ум!»— грохнул взрыв.

Сероватый дымок лениво поднялся по лестнице и выполз на крышу.

Дортмундер бросился вниз сквозь дым, обнаружил металлическую дверь, лежащую у подножия лестницы, и рванул сквозь проем в короткий квадратный холл. Точно перед ним тяжелые ворота из стальных брусьев отгораживали конец холла, откуда уходила вниз лестница. Выглядевший изумленным, полицейский сидел на высоком стуле там, сразу же за воротами, за полной бумагой конторкой. Это был худой седовласый легавый, и его реакция была слегка замедленной. Кроме того, он не был вооружен. Как от Гринвуда, так и от Мэрча, Дортмундер знал, что все дежурившие наверху легавые не были вооружены.

— Взять его, — бросил Дортмундер через плечо и повернул в другую сторону, где полный полисмен с сэндвичем из ветчины, сыра и ржаного хлеба в руке пытался закрыть другие ворота. Дортмундер непринужденно направил на него автомат:

— Прекрати это.

Легавый взглянул на Дортмундера и поднял руки. Кусок ржаного хлеба висел над костяшками его пальцев, как болтающееся собачье ухо.

Гринвуд тем временем просил пожилого полисмена поразмышлять над своим выходом на пенсию. Тот стоял около конторки, подняв вверх руки, пока Гринвуд швырял три детонатора и две гранаты со слезоточивым газом сквозь решетку вниз по лестнице. Раздались взрывы, смысл которых состоял в том, чтобы никто не поднимался наверх.

Здесь, наверху, был еще один дежурный офицер, его пост находился на отрезке между вторыми и третьими воротами. Он сидел за обшарпанным письменным столом, читая журнал «Рэмпартс», и когда Дортмундер и Гринвуд ввели двух других полицейских под дулами автоматов, третий посмотрел на них с недоумением, отложил журнал, встал, поднял руки и поинтересовался:

— Вы уверены, что попали, куда хотели?

— Открывай, — скомандовал Дортмундер, показав на последние решетчатые ворота. За ними, в блоке предварительного заключения, сквозь решетки камер с обеих сторон от прохода, их радостно приветствовали взмахами рук. Никто, там внутри, не знал в точности, что происходит, но все горело желанием принять в этом участие.

— Браток, — обратился к Дортмундеру легавый номер три, — самый тяжелый случай из тех, кто находится там, это латвийский моряк, ударивший бармена бутылкой виски «Джонни Уокер Ред Лейбл». Семь швов. Вы уверены, что вам нужен один из наших людей?

— Давай открывай, — повторил нетерпеливо Дортмундер.

Легавый пожал плечами.

— Как скажете.

Сидя на крыше, Мэрч начал бросать на улицу детонаторы. Он хотел создать шум и кутерьму, никого не убивая, что было легко первые два раза, но что становилось все более затруднительным по мере того, как улица заполнялась полисменами, метавшимися туда и сюда в попытке уяснить, кто напал на кого и откуда.

В кабинете командовавшего участком капитана, на втором этаже, спокойный вечер превратился в форменный бедлам. Капитан, конечно, отправился домой, закончив работу, после того, как заключенные наверху получили свой ужин и вечерняя смена патрульных была отправлена на маршрут, и оставшийся в качестве командира лейтенант расслабился в преддверии того неторопливого спокойного периода дня, на который и рассчитывал Дортмундер. Лейтенант как раз проглядывал рапорты детективов, отыскивая скабрзные подробности, когда люди стали влетать один за другим в его кабинет.

Первый, правда, пока еще вошел спокойно. Это был дежурный по коммутатору. Он доложил:

— Сэр, телефоны отключились.

— О?! Надо звонить в телефонную компанию, чтобы они починили пронто, — сказал лейтенант. Он любил слово «пронто», которое давало ему ощущение, будто он — Син Коннери. Он протянул руку к аппарату, чтобы позвонить в телефонную компанию, но когда поднес трубку к уху, не услышал в ней ни звука.

Дежурный смотрел на него странно, и тогда он воскликнул:

— Ах! Ах, да, — и положил трубку на рычаг.

И в этот момент дежурный полисмен из радиорубки вбежал с растерянным видом и выпалил:

— Сэр, кто-то забивает помехами наш сигнал!

— Что?! — лейтенант слышал слова, но не осознавал их значения.

— Мы не можем передавать, — возмущался полисмен, — и не можем принимать передачи. Кто-то пристроил к нам генератор помех, я это точно знаю, у нас случилось такое на юге Тихого океана.

— Что-то сломалось, — сказал лейтенант. — Вот и все. — Он был обеспокоен, но будь он проклят, если покажет это. — Просто что-то сломалось, и все.

Где-то в здании раздался взрыв. Лейтенант вскочил.

— Боже мой! Что это?!

— Взрыв, сэр, — сказал дежурный с коммутатора.
Грохот повторился.

— Два взрыва, — сказал дежурный из радиорубки. — Сэр.
После третьего взрыва вбежал патрульный, крича:
— Бомба на улице!
Лейтенант сделал пару неуверенных движений.
— Революция, — пробормотал он. — Это революция. Они всегда сначала нападают на полицейские участки.

Другой патрульный ворвался с воплем:
— Слезоточивый газ на лестничной клетке, сэр! И кто-то взорвал лестницу между четвертым и пятым этажами!
— Мобилизоваться! — завопил лейтенант. — Звонить губернатору! Звонить мэру! — Он схватил телефон. — Алло! Алло! Тревога!
Еще один полисмен вбежал и прокричал:
— Сэр, на улице пожар!
— Что?! Что?!
— Бомба попала в припаркованную машину — она там горит!
— Бомба? Бомба! — лейтенант посмотрел на телефонную трубку, которую все время держал в руке, и вдруг отшвырнул ее так, как если бы у нее выросли зубы. — Вскрыть оружейную! — прокричал он. — Весь штатный состав на первый этаж, живо! Мне нужен доброволец, который пойдет с донесением через вражеские цепи!
— С донесением, сэр? К кому?
— К телефонной компании, к кому же еще? Я должен позвонить капитану!

Наверху, в блоке предварительного заключения, Келп надел легавым наручниками и вставил кляпы. Чевфик, взяв со стола ключи от камер, открывал вторую камеру справа. Дортмундер и Гринвуд были начеку, с автоматами наготове, а шум и гам из остальных камер достиг уровня, близкого к аду кромешному.

Внутри камеры, которую открывал Чевфик, находился маленький, жилистый, грязный старик в черном плаще, коричневых брюках и серых теннисках. Его длинные волосы были серыми и косматыми, и такой же была его борода. Он взирал на Чевфика с видом человека, чьи самые сокровенные и несбыточные фантазии вдруг на глазах превращаются в реальность. Как замороженный, он повторял:
— Меня? Меня, ребятки?

Чевфик открыл дверь камеры, и Гринвуд, небрежно держа автомат в левой руке, направился прямо к задней стене, чуть оттеснив старика, который продолжал подмигивать всем и каждому и показывать на себя.

Боковые стены камеры были металлическими, передняя состояла из железных прутьев, но задняя, будучи внешней стеной здания, была каменная. Гринвуд встал на цыпочки, дотянулся почти до потолка и вытащил из стены маленький кусочек камня. Затем он запустил в углубление руку...

Келп и Дортмундер тем временем загнали трех полицейских в блок предварительного заключения и ожидали около второй справа камеры, пока выйдет Гринвуд, чтобы поместить затем туда полицейских.

Гринвуд, пальцы которого все еще шарили в тайничке, обернулся и поглядел на Дортмундера с какой-то совершенно стеклянной улыбкой.
Дортмундер подошел к двери камеры.
— В чем дело?
— Я не понимаю... — пальцы Гринвуда скребли стены тайника, как пауки. Снаружи приглушенно доносились разрывы детонаторов.
Дортмундер спросил:
— Его там нет?
Старик, поочередно заглядывая в лицо каждому, произнес:
— Я, ребятки?
Гринвуд поглядел на него с внезапным подозрением.
— Ты! Ты взял его?
Старик вдруг начал выглядеть не только растерянным, но и испуганным.
— Я? Я?
— Он не брал его, — сказал Дортмундер. — Погляди на него. Начать с того, что он не мог бы сюда дотянуться.
Гринвуд начал звереть.
— Кто, тогда? — сказал он. — Если не он, то кто?
— Вещь оставалась здесь почти два месяца, — сказал Дортмундер. Он повернулся к Келпу. — Вынь кляп у одного из них.
Келп вынул, и Дортмундер спросил полисмена:
— Когда эта птичка попала в клетку?
— В три часа ночи, сегодня.

Гринвуд сказал Дортмундеру:

— Я клянусь, что положил его...

— Я тебе верю, — голос Дортмундера звучал устало. — Кто-то нашел его, и все. Давайте сматываться отсюда. — Он вышел из камеры, убитый неудачей Гринвуд — за ним по пятам.

— Как насчет меня, ребята? Вы берете меня с собой, ведь так?! — проблеял старик.

Дортмундер посмотрел на него, затем повернулся к вновь озвученному полицейскому:

— За что он здесь?

— Разгуливал голым по магазину Лорда и Тэйлора.

— Это подстроили! — завопил старик. — Я никогда...

— Он все еще в своей «рабочей одежде», — сказал полисмен. — Пусть-ка распахнет плащ.

Старик замялся и забеспокоился.

— Это ничего не значит, — сказал он. — Это ничего...

— Распахни плащ, — оборвал его Дортмундер.

— Это ничего не значит, — настойчиво повторил старик.

— Распахивай плащ, — повторил Дортмундер.

Старик, что-то бормоча себе под нос, распахнул полы и... оказался совершенно голым. Коричневые брюки оказались отрезанными брючинами, подвязанными выше колен. Старик нуждался в хорошей ванне.

Под брезгливыми взглядами старик съежился и несмело хихикнул.

Дортмундер сказал:

— Может, вам лучше побыть здесь. — Он повернулся к полицейским. — Заходите к нему.

Полисмены вошли. Чефвик запер дверь, и они двинулись назад. На их пути не было ни души, но они бросили еще парочку гранат со слезоточивым газом, на всякий случай. Они быстро поднялись по лестнице на крышу, следуя плану отхода так, как если бы Изумруд Талабво на самом деле был там, где его оставил Гринвуд, и наверху Дортмундер швырнул вниз еще три детонатора и закрыл дверь.

Мэрч был уже в вертолете и, увидев их, запустил двигатель. Винты начали вращаться и реветь, и Дортмундер и остальные рванули к борту машины и забрались в нее.

Внизу, на первом этаже, лейтенант прервал руководство раздачей оружия, поднял голову и прислушался к безошибочному «Чафф-чафф» пролетающего рядом вертолета.

— Боже мой! — прошептал он. — Их, должно быть, снабжает Кастро!

Мэрч поднял вертолет в воздух и развернул его в северном направлении. Они летели без опознавательных огней, забирая на север и запад над Гарлемом, затем — резко снизившись над Гудзоном и повернув к югу.

Мэрч был единственным, кто не знал об исчезнувшем изумруде, но когда он заметил, что все остальные не выглядят счастливыми, он начал понимать, что что-то не так. Он стал выяснять, что именно стряслось, не обращая внимания на приборы управления и на темную воду, стремительно летевшую навстречу чуть ниже хлипкого аппарата, в котором летели они, так что в конце концов Дортмундер сложил руки рупором около уха Мэрча и проорал туда все факты. Мэрч хотел превратить это в разговор, но когда Дортмундер указал ему на плывущий по реке танкер, в который они вот-вот должны были врезаться в районе Аппер Бэй, Мэрч вернулся к своим обязанностям.

В восемь десять они были на земле, в точке, из которой стартовали. В гнетущей тишине, последовавшей за выключением двигателя, сначала никто не произнес ни слова, пока наконец Мэрч печально не прокомментировал:

— Я вот подумываю, не купить ли одну такую штуковину. Она заделывает даже Окружную дорогу, представляете?

Никто ему не ответил. Они спустились на землю, чувствуя себя одеревеневшими от неудобного сидения, и прошли к «линкольну», цвет которого в темноте меньше напоминал лаванду.

По дороге назад, на Манхэттен, разговоров было немного. Они высадили Дортмундера у его квартиры, и он поднялся наверх, приготовил себе «бурбон» со льдом, сел на диван и поглядел на свой элегантный чемоданчик, полный брошюрок про энциклопедии.

Дортмундер глубоко вздохнул.

— Собачка! Хорошая! — говорил ласково Дортмундер, но немецкую овчарку невозможно было купить. Она стояла внизу у приступки и издавала мягкое горловое «Р-р-р-р-р» каждый раз, как Дортмундер пробовал шевельнуться, чтобы сойти с крыльца. Судя по всему, проклятый пес намеревался продержаться его здесь, пока кто-нибудь из хозяев не придет домой.

— Пойми, собачка, — Дортмундер старался быть убедительным, — все, что я сделал, — это позвонил в дверь. Я никуда не вламывался, ничего не украл. Я просто позвонил. Но дома никого нет, и теперь я хочу пойти в какой-нибудь другой дом и позвонить там.

— Р-р-р-р-р, — сказала собака.

Дортмундер показал на свой атташе-кейс.

— Я коммивояжер, собачка. Продаю энциклопедии. Книги. Большие книги. Собачка, как ты насчет книг?

Пес настороженно продолжал наблюдать.

— Ну ладно, собака, — сказал Дортмундер строго. — Хорошего помаленьку. У меня хватает и других дел, у меня нет времени валять тут с тобой дурака. Я должен добыть денег на оплату квартиры. Так что я ухожу отсюда, и только и всего. — Он сделал решительный шаг.

— Р-ррррр! — рывкнула собака.

Дортмундер отпрянул назад.

— Будь оно все проклято, собака! — крикнул он. — Это смешно!

Пес вовсе так не думал. Это был один из тех псов, которые живут по правилам. Правила есть правила, и Дортмундер не заслуживал никаких специальных одолжений.

Дортмундер огляделся по сторонам, но по соседству было так же пусто, как у пса в башке. Около двух часов пополудни седьмого сентября (спустя три недели и два дня после налета на полицейский участок) дети всей округи находились в школе. Все местные папаша, конечно, торчали на службе, и один господь бог ведает, где были все мамыши. Где бы ни были, Дортмундер был один, в ловушке, рядом с зубами сверхусердного пса на крыльце не слишком нового, но удобного дома в не слишком новом, но удобном жилом районе Лонг Айленда, приблизительно в сорока милях от Манхэттена. Время — деньги, он не мог себе позволить сорить ни тем ни другим, а проклятая собака стоила ему и того и другого.

— Должны быть законы против собак, — сказал Дортмундер мрачно. — В особенности против таких, как ты. Тебя надо держать где-нибудь взаперти.

Собаку это не тронуло.

— Ты — угроза обществу, — объяснял ей Дортмундер. — Тебе еще дьявольски повезет, если я не подам на тебя в суд. В смысле, на твоего хозяина. Всю душу из него через суд вытрясу.

Угрозы не возымели действия. Ясно, что пес этот был из тех, кто не берет на себя ответственности. «Я просто выполняю приказы» — это будет его отговорка.

Дортмундер огляделся, но, к сожалению, под рукой не было обрезков досок или брусьев, которыми можно было бы выбить пса с крыльца на тщательно засеянный газон его хозяина.

— Будь оно все проклято! — повторил Дортмундер снова.

Его внимание привлекло какое-то движение. Он бросил взгляд внутрь квартала и обнаружил там коричневый «седан» с пометкой «доктор медицины» на номере. «Седан» неспешно катил в его сторону. Не хозяин ли это собаки? Если нет, дадут ли что-нибудь Дортмундеру призывы о помощи? Он будет чувствовать себя дураком, зовя на помощь среди всей этой пригородной тишины и покоя, но если бы это помогло...

Автомобиль просигналил, кто-то помахал рукой. Дортмундер скосил глаза и увидел Келпа — его голова торчала из бокового окна. Келп прокричал:

— Эй, Дортмундер!

— Я тут! — радостно откликнулся Дортмундер. Он чувствовал себя, как моряк, двадцать лет проведший на необитаемом острове, а теперь, наконец, увидевший корабль, который подходит прямо к берегу. Он замахал атташе-кейсом над головой, чтобы привлечь внимание Келпа, хотя Келп, судя по всему, и так уловил, кто это и где именно.

— Это я! — кричал Дортмундер. — Я здесь!

«Седан» вильнул к берегу, и Келп позвал:

— Иди сюда, у меня есть для тебя новости.

Дортмундер показал на пса.

— Собака!

Келп нахмурился. Солнце светило ему прямо в глаза, так что он прикрыл их ладонью и крикнул:

— Что ты сказал?

— Тут эта собака, — прокричал в ответ Дортмундер. — Она не отпускает меня с крыльца.

— Как это?

— Откуда я знаю! — раздраженно огрызнулся Дортмундер. — Может, я похож на сержанта Престопа? ¹

Келп вышел из машины, с другой стороны из нее вылез Гринвуд, и оба направились к крыльцу. Гринвуд крикнул:

— Ты пробовал позвонить в дверь?

— С этого-то все и началось, — ответил Дортмундер.

Собака обнаружила вновь прибывших. Она начала пятиться назад, описав четверть круга, пока ей не стали видны все, и настороженно застыла в таком положении.

Келп спросил:

— Ты что-нибудь ей сделал?

— Все, что я сделал, — настаивал Дортмундер, — это позвонил в дверь.

— Обычно, — сказал Келп, — если ты действительно ничего не сделал собаке, не напугал или что-нибудь такое, она...

— Напугал? Это я-то!

Гринвуд протянул руку к собаке и сказал:

— Сидеть!

Пес наострил уши в недоумении.

Гринвуд повторил более твердо:

— С и д е т ь!

Пес поднялся из своего полулежачего положения и стоял, недоуменно глядя на Гринвуда, который так здорово изображал Голос Его Хозяина. «Кто этот незнакомец, — очевидно думал пес, — столь хорошо знающий собачий язык?»

— Я сказал тебе сидеть, — настаивал Гринвуд.

Пса как будто передернуло. Когда сомневаешься, выполняй приказ! Собака села.

— Вперед, — сказал Гринвуд Дортмундеру, — она тебя не тронет.

— Не тронет? — бросая на собаку полные недоверия взгляды, Дортмундер начал осторожно спускаться с крыльца.

— Не делай вид, будто боишься ее, — сказал Гринвуд.

Пес был в неуверенности. Он поглядел на Дортмундера, на Гринвуда, снова на Дортмундера.

— Спокойно! — прикрикнул Гринвуд.

Дортмундер остановился.

— Не ты, — сказал Гринвуд. — Собака.

— А-а, — Дортмундер одолел оставшиеся ступеньки и продефилировал мимо собаки, которая впилась глазами в его левое колено, словно для того, чтобы быть в полной уверенности, куда надо метить, когда они встретятся в следующий раз.

— Сидеть на месте! — снова произнес Гринвуд, сопроводив слова энергичным жестом, а потом он повернулся и проследовал за Дортмундером и Келпом на улицу, через тротуар и к «седану».

Все трое сели в машину, Дортмундер на заднее сиденье, и Келп повез их прочь отсюда. Собака, все еще сидевшая на том же месте на лужайке, внимательно наблюдала за ними до тех пор, пока они не скрылись из глаз. Должно быть, запоминала номер машины.

— Я глубоко благодарен вам, — сказал Дортмундер. Он сидел, наклонившись вперед и опираясь локтями на спинку переднего сиденья.

— Ради бога, — благодушно сказал Келп.

— Однако, что вы тут делаете вдвоем? — спросил Дортмундер. — Я думал, что вы все еще работаете «чет-нечет».

— Мы искали тебя, — сказал Келп. — Вчера ты говорил, что сегодня скорее всего будешь работать в этом районе, вот мы и попытали тут счастья.

— Я рад, что у вас получилось.

— У нас новости для тебя. Ну, то есть, у Гринвуда.

Дортмундер посмотрел на Гринвуда.

— Хорошие новости?

— Самые лучшие, — откликнулся Гринвуд. — Помнишь это дельце с изумрудом?

Дортмундер отпрянул назад, как если бы переднее сиденье внезапно атаковали гадюки.

¹ Персонаж популярных телесериалов.

— Опять это!

Гринвуд на переднем сиденье повернулся, сколько мог, чтобы взглянуть на него.

— Мы все еще можем заполучить его, — сказал он. — У нас по-прежнему есть шанс.

— Отвезите меня назад к собаке, — попросил Дортмундер.

Келп, глядя на него через зеркало заднего обзора, сказал:

— Нет, ты послушай, это действительно стоящая вещь.

— Назад к собаке, — заявил Дортмундер. — Я знаю, когда пора кончать.

— Я не могу тебя упрекнуть ни в чем, — сказал Гринвуд. — Я сам чувствую почти то же самое. Но дьявол его забирает, я уже вложил столько сил в этот вонючий изумруд, что мне ненавистна сама мысль бросить это дело. Я был вынужден заплатить из своего собственного кармана за полный комплект новых документов, отказаться от целой записной книжки телефонов, бросить по-настоящему замечательную квартиру, которую я снимал по такой цене, какую больше в Нью-Йорке не найдешь. И у нас все еще нет изумруда.

— В этом-то все и дело, — возразил Дортмундер. — Смотри, что уже приключилось с тобой. Ты что, хочешь схлопотать еще?

— Я хочу закончить дело, — сказал Гринвуд.

— Это оно прикончит тебя, — обозлился Дортмундер. — Я вообще-то не из тех, кого можно назвать суеверным, но если когда-нибудь существовало заколдованное дело, так это именно оно.

— Ты хоть выслушаешь, что скажет Гринвуд по этому поводу, или нет? — вмешался Келп. — Окажи ему такую любезность, послушай минуту.

— Что он может сказать, чего я еще не знаю?!

— Ну, тут как раз есть кое-что, — сказал Келп. Он снова бросил взгляд на зеркало заднего обзора, затем свернул налево и произнес: — Понимаешь, получается, что он кое-что от нас скрыл.

— Я не скрывал, — сказал Гринвуд. — Ну, не совсем. В общем, получилось так, что я был страшно смущен. Меня надули, как салагу. У меня просто не было сил рассказать об этом до тех пор, пока я не рассчитался. Ты понимаешь, что я имею в виду?

Дортмундер пристально посмотрел на него:

— Ты все рассказал Проскеру?

Гринвуд виновато опустил голову.

— Это казалось хорошей идеей в тот момент, — пробормотал он. — Он был моим адвокатом, и все такое. И он объяснил все это так, что, мол, если что-нибудь пойдет наперекос, когда вы, ребята, будете вытаскивать меня из тюрьмы, он, по крайней мере, сможет прихватить изумруд и передать его Айко. И использовать деньги на то, чтобы вытащить из тюрьмы нас всех.

Дортмундер скорчил кислую мину.

— А он, случаем, не продал тебе акции золотых рудников?

— Это выглядело разумно, — сказал Гринвуд жалобно. — Кто бы мог подумать, что он окажется вором?!

— Сейчас уже не в этом дело, — заметил Келп. — Дело в том, что теперь мы знаем, у кого изумруд.

— Прошло уже больше трех недель, — произнес Дортмундер. — Отчего же понадобилось столько времени, чтобы донести эти новости до нас.

Гринвуд оправдывался:

— Я хотел попробовать захватить изумруд самостоятельно. Как-никак, вы уже сделали достаточно, вы прошли через три операции, вы вытащили меня из тюрьмы. Я был просто обязан рассчитаться с вами и выручить изумруд из лап Проскера.

Дортмундер одарил его взглядом, полным скепсиса.

— Я клянусь! — горячо сказал Гринвуд. — Я не собирался его прикарманить, я хотел вернуть его нашей группе.

— Все это ни то ни се, — проговорил Келп. — Весь трюк в том, что мы знаем, что он у Проскера. Нам известно, что тот не передал камушек Майору Айко, это я выяснил у Майора сегодня утром. Значит, он придержит камень, пока все не утихнет, а потом толкнет его за максимальную цену. Так что все, что мы должны сделать, — пойти к Проскеру, забрать у него изумруд, передать Айко — и мы снова в бизнесе!

— Если бы все было так просто, — сказал Дортмундер, — Гринвуд не сидел бы здесь без камня.

— Ты прав, — сказал Гринвуд. — Есть небольшая проблема...

— Небольшая? — с иронией уточнил Дортмундер.

— После того, как мы не нашли изумруд в полицейском участке, — начал излагать Гринвуд, — я, естественно, стал разыскивать Проскера.

— Естественно, — ядовито произнес Дортмундер.

— Он исчез, — продолжал Гринвуд. — В офисе сказали, что Проскер уехал в отпуск, никто не знал, когда он должен вернуться. Не знала и его жена, где он, она дума-

ла, что он скрывается где-то с секретаршей. Вот этим я и занимался все три последние недели — пытался разыскать Проскера.

Дортмундер усмехнулся:

— И теперь ты хочешь, чтобы все мы стали помогать тебе в поисках.

— Нет, — сказал Гринвуд. — Я нашел его. Два дня назад. Я выяснил, где он. Но проблема в том, что его будет немного трудно достать оттуда.

Дортмундер прикрыл рукою глаза.

— Ты можешь собраться с духом и сказать мне — откуда.

Гринвуд прочистил горло.

— В тот самый день, когда мы вломились в полицейский участок, — произнес он, — Проскер «попал» в сумасшедший дом.

Наступила долгая тишина. Дортмундер не двигался. Гринвуд обеспокоенно наблюдал за ним. Келп по очереди наблюдал то за Дортмундером, то за дорогой.

Наконец Дортмундер тяжело вздохнул. Он убрал руку от глаз и поднял голову. Выглядел он очень усталым. Он похлопал Келпа по плечу.

— Келп!

Келп посмотрел в зеркало заднего обзора.

— Да-а?

— Пожалуйста, отвези меня назад к собаке.

2

Офицер нью-йоркской полиции, контролировавший условно освобожденного Дортмундера, был перегруженным работой и замученным ее безнадежностью лысеющим человеком по фамилии Стин. Два дня спустя после того, как Дортмундер был спасен от собаки Гринвудом и Келпом, он сидел в кабинете Стина на очередной регулярно проводимой беседе, и Стин говорил ему:

— Ну, все это выглядит так, как если бы вы действительно вступили на этот раз на честный путь, Дортмундер. Это очень хорошо.

— Я усвоил уроки, — отозвался Дортмундер.

— Учиться никогда не поздно, — согласился Стин. — Но разрешите мне дать вам один маленький совет. Исходя из моего опыта, из опыта нашей организации и вообще, могу сказать — то, чего вы должны опасаться более всего, это дурные компании.

Дортмундер кивнул.

— Ну вот, — сказал Стин, — может показаться странным, что я говорю это человеку вашего возраста, но факт есть факт, много больше рецидивов вызвано дурной компанией, нежели какими-либо иными причинами. Вам стоит запомнить это на случай, если кто-то из ваших старых дружков явится к вам с этой песенкой насчет всего-одного-последнего-дельца, которое, мол, тут же выведет вас на Легкую Улицу.

— Я уже отказал им, — тяжело вздохнул Дортмундер. — Вы не беспокойтесь.

Стин посмотрел на него лишенным всякого смысла взглядом.

— Вы что?

— Я сказал — нет.

Стин потряс головой:

— Что нет?

— Нет, я не пойду на это, — объяснил ему Дортмундер. Он поглядел на Стина, увидел что тот пребывает в полной «темноте», и потому пояснил: — Сказал — нет — этим ребятам со всего-одним-последним-дельцем. Я сказал им — без меня.

Стин изумленно уставился на него:

— К вам подкатывались? Насчет ограбления?

— Конечно.

— И вы отказались?

— Точно так, — вновь вздохнул Дортмундер. — Просто наступает момент, когда ты должен отказаться от любого темного дела.

— И вы... — сказал Стин с таким напряжением, что его голос сорвался — сообщаете об этом мне?

— Ну, вы сами затронули этот вопрос, — напомнил ему Дортмундер.

— Это верно, — произнес Стин неуверенным и глухим голосом. — Я и затронул, верно. — Он в растерянности оглядел свой унылый обшарпанный кабинет с выцветшими вдохновляющими плакатами на стенах, и его глаза сверкнули непривычным огнем. Было видно, что он думает: «Это все-таки работает! Вся система контроля за досрочно освобожденными, вся бумажная канитель, и раздражение, и грязные дешевые комнатухи офисов, клянусь богом, все это работает! Освобожденному предложили принять участие в преступлении, и он отказался, и даже доложил об этом контролирующему офицеру! В жизни все-таки есть смысл, несмотря ни на что!»

Постепенно Дортмундер начал проявлять нетерпение. Он прокашлялся и стал постучивать пальцами по письменному столу.

Наконец он сказал:

— Если я вам больше не нужен...

Взгляд Стин снова медленно сфокусировался на нем.

— Дортмундер, — произнес он, — я хочу, чтобы вы знали нечто. Я хочу, чтобы вы знали, что вы сделали меня очень счастливым человеком.

Дортмундер понятия не имел, какого черта тот болтает.

— Ну, это хорошо, — сказал он. — Если я могу помочь, то в любое время с удовольствием.

Стин приподнял голову и склонил ее набок, как это делала собака два дня назад.

— Я не думаю, — сказал он, — что вы хотите сообщить мне имена людей, которые вступили в контакт с вами?

Дортмундер пожал плечами.

— Это были просто какие-то люди, — сказал он. Теперь он слегка сожалел, что затеял все это. В обычных условиях он не стал бы этого делать, но эпопея с изумрудом просто вывернула его наизнанку за последние несколько месяцев, и привычки всей его жизни катились под откос. — Просто некие люди, которых я знал когда-то, — подчеркнул он, давая понять, что не скажет ничего сверх этого.

Стин кивнул.

— Я понимаю, — сказал он. — Вы все еще должны проводить где-то черту. Все равно, сегодня красная дата в календаре профилактики преступлений, я хочу, чтобы вы знали это. И в моем личном календаре тоже.

— Это здорово, — пробормотал Дортмундер. Он как-то не уследил за основной мыслью, ну да бог с ним.

Стин посмотрел на бумаги, лежавшие на его столе.

— Ну так давайте поглядим... остались только обычные вопросы, я думаю. Вы все еще посещаете школу машинистов?

— Да, конечно, — заверил Дортмундер, хотя никакой школы не существовало в помине, само собой.

— И вас по-прежнему поддерживает двоюродный брат жены, не так ли? Мистер Келп.

— Точно, — сказал Дортмундер.

— Вам повезло, что у вас такие родственники, — сказал Стин. — Я бы не удивился, если бы выяснилось, что мистер Келп имеет некоторое отношение к тому, что вы мне сегодня рассказали.

Дортмундер нахмурился.

— Да ну?

Стин, счастливо улыбаясь бумажкам на столе, не уловил выражения лица Дортмундера, что, в целом, было к лучшему.

— Ну вот и все на сегодня, — сказал он и поднял глаза, — на лице Дортмундера не было никакого выражения вообще.

Дортмундер встал.

— До встречи.

— Продолжайте в том же духе, — напутствовал его Стин. — Берегитесь этих дурных компаний.

— Непременно, — сказал Дортмундер и отправился домой, где вся компания собралась в его гостиной и накачивалась его выпивкой. Он закрыл за собой дверь и спросил:

— Как это вы залетели сюда, птишки? Кто вас пустил?

— Я, — сказал Чеввик. — Я надеюсь, вы не будете возражать. — Он пил имбирное пиво.

— С чего бы это? — сказал Дортмундер. — Тут ведь не какая-нибудь там частная квартира или что-то в этом роде, правда?

— Мы все хотим поговорить с тобой, — сказал Келп. Он пил дортмундеровский «бурбон» и протянул Дортмундеру стакан с напитком, говоря:

— Я припас стаканчик и для тебя.

Дортмундер взял стакан и заявил:

— Я не собираюсь вламываться ни в какой сумасшедший дом. Если вы, граждане, собираетесь, то, вероятно, там вам и место, так что смело вперед.

Он направился к своему любимому креслу, но там вальяжно расположился Гринвуд, поэтому Дортмундеру пришлось сесть на неудобный стул.

Келп сказал:

— Все остальные «за», Дортмундер. Каждый хочет попытать счастья еще разок.

А Гринвуд добавил:

— Мы все хотим, чтобы ты был с нами.

— На что я вам нужен?? Обойдетесь без меня, вас и так четверо.

— Ты планировщик, Дортмундер, ты организатор. Нам необходимо, чтобы ты вел дело, — вкрадчиво произнес Келп.

— Ты можешь сделать это сам, — ответил Дортмундер. — Или Гринвуд. Чэфвик тоже смог бы. Я не знаю, может, и Мэрч бы смог.

Мэрч покачал головой:

— Не так хорошо, как вы.

— Я вам не нужен, — повторил Дортмундер. — Кроме того, меня только что предупредили насчет дурных компаний, а ведь это как раз вы и есть.

Келп плавным жестом отвел прочь последнее заявление.

— Все эти хохмы с гороскопами не значат ровно ничего. Я как-то раз попался на крючок — моя вторая жена была форменно помешана на таких вещах. Единственный раз, когда я потерпел фиаско, я сделал именно то, что советовал мне гороскоп.

Дортмундер хмуро поглядел на него.

— О каком черте ты тут говоришь?

— Гороскоп, — разъярил Келп. Он пошевелил руками, как человек, переставляющий части загадочной мозаики. — Дурные компании! Дальняя дорога! Полдень удачен для браков по расчету. Все в таком духе...

Дортмундер прищурился, чтобы получше разглядеть Келпа и понять его. В конце концов он пробурчал с некоторым сомнением:

— Ты имеешь в виду гороскоп?

— Разумеется, — ответил Келп. — Естественно.

Дортмундер покачал головой, все еще пытаясь уяснить.

• — Ты веришь в гороскоп?

— Нет, — сказал Келп. — Это ты веришь.

Дортмундер поразмышлял об этом еще несколько секунд, затем тяжело кивнул и сказал, обращаясь сразу ко всем:

— Я надеюсь, друзья, вы будете счастливы здесь. Я сообщу вам, куда прислать мое барахло. — Он повернулся и направился к двери.

— Эй! Подожди секунду! — воскликнул Келп.

Чэфвик вскочил со стула и преградил Дортмундеру путь.

— Я понимаю ваши чувства, — сказал он. — Честно. Сперва, когда Келп и Гринвуд пришли за мной, я был настроен точно так же. Но я выслушал их, я дал им возможность объяснить, и когда они это сделали...

— В этом-то и заключалась ваша ошибка, — прошипел Дортмундер. — Никогда не слушайте эту парочку, они давно превратили всю жизнь в «чет-нечет»...

— Дортмундер, — проговорил Чэфвик, — мы нуждаемся в вас. Это просто, как мычание. Во главе с вами мы можем успешно покончить с этим делом раз и навсегда.

Дортмундер поглядел на него удивленно:

— Дело? Д е л а, вы хотите сказать. Отдаете ли вы себе отчет в том, что мы уже провернули три взлома ради этого паршивого изумруда и до сих пор не имеем его? И не важно, сколько еще мы проведем операций, добыча останется прежней.

Гринвуд подошел к двери, где стояли Чэфвик и Дортмундер, и сказал:

— Нет, это не так. Сначала мы имели тридцать тысяч на брата, а на полицейский участок пошли — уже тридцать пять.

Келп добавил:

— И Майор снова поднимет ставку, я уже говорил с ним. Еще пять тысяч на душу. Это выходит сорок тысяч за то, чтобы войти в психиатрическую лечебницу и выйти оттуда вместе с этим совершенно чокнутым Проскером.

Дортмундер повернулся к нему.

— Вовсе нет, — отчеканил он. — Это будет четвертое дело! На этот раз — хищение, что является федеральным преступлением и грозит электрическим стулом. Но если даже оставаться в рамках чистой экономики, это четвертый взлом, а четыре взлома за сорок тысяч дают по десять тысяч за операцию, а за десять тысяч я не работал с тех пор, как мне исполнилось четырнадцать лет.

Келп сказал:

— Ты вспомни еще об оплате расходов. Это еще пара тысяч к тому времени, как мы кончим. Двенадцать тысяч за ограбление вовсе не так уж плохо.

— Это заколдованное дело, — сказал Дортмундер. — Не пойте мне больше про всю эту гороскопную муть, я все равно скажу, что я не суеверен и не верю в заколдованные дела, но одно такое дело существует на свете — и это проклятый изумруд.

Гринвуд сказал:

— Но ты хоть взгляни на место, Дортмундер. Просто сядь с нами в поезд и взгляни, только этого мы от тебя и хотим. Если оно тебе не глянется, мы забудем о нем.

— Оно мне не глянется, — сказал Дортмундер.

Гринвуд не отставал:

— Откуда ты знаешь? Ты же еще не видел, что и как.

— Мне и не надо видеть, — отрезал Дортмундер. — Я уже заранее ненавижу все

это. — Он развел руками. — Почему бы вам, люди, просто не отправиться и не сделать все самим? Или, если вам требуется пятеро, не пригласить кого-нибудь другого?! Вы даже можете воспользоваться моим телефоном.

— Я думаю, нам пора выложить карты на стол, — решительно проговорил Чеввик. Гринвуд пожал плечами.

— Похоже на то.

Мэрч, единственный, кто до сих пор все еще сидел и только потягивал свое пиво, пробурчал:

— Я говорил вам об этом с самого начала.

Келп возразил ему:

— Мне просто не хотелось таким образом оказывать на него давление, вот и все.

Дортмундер, переводя полный подозрения взгляд с одного на другого, произнес:

— Ну, что еще?

— Айко не станет нас финансировать без вашего участия, Дортмундер, — сказал ему Чеввик, а Гринвуд добавил: — Ты купил его на все сто, Дортмундер, он знает, что ты лучший из всех, кто есть в наличии.

— Будь оно все проклято, — прорычал Дортмундер.

Келп все уговаривал:

— Мы только хотим, чтобы ты глянул на то место. И если ты скажешь — не пойдем, мы не станем тебя больше беспокоить.

— Мы могли бы съездить на поезде завтра, — предложил Гринвуд.

— Если вы пожелаете, — сказал Чеввик.

Они стояли вокруг Дортмундера и ждали, чтобы он сказал что-нибудь. Но он глядел в пол и посасывал костяшки пальцев. Наконец он двинулся сквозь них обратно к столу, на котором оставил свой «бурбон», взял стакан, сделал добрый глоток, обернулся и задумчиво уставился на приятелей:

Гринвуд спросил:

— Ты поедешь, глянешь на место?

— Похоже на то, — сказал Дортмундер. От его слов не веяло оптимизмом.

Зато все остальные пришли в восторг.

— Как это здорово! — воскликнул Келп.

— Эта поездка даст мне шанс проверить, все ли в порядке с моей головой, — произнес Дортмундер и осушил стакан.

3

— Билеты, — сказал проводник.

— Воздух, — сказал Дортмундер.

Проводник стоял в проходе с компостером наготове. Он удивленно спросил: — Что?

— В этом вагоне совершенно нет воздуха, — объяснил ему Дортмундер. — Окна не открываются, дышать совершенно нечем.

— Вы правы, — сказал проводник. — Нельзя ли получить ваши билеты?

— Нельзя ли получить немного воздуха?

— Не спрашивайте меня, — сказал проводник. — Железная дорога гарантирует транспортировку, вы сели тут, слезли там. Железная дорога не делает бизнес с воздухом. Мне нужны ваши билеты.

— А мне нужен воздух, — отозвался Дортмундер.

— Вы можете сойти с поезда на следующей остановке, — заявил кондуктор. — Масса воздуха на платформах.

Келп, сидевший рядом с Дортмундером, потянул его за рукав и сказал:

— Плюнь на него. Все одно не добьешься никакого толка.

Дортмундер посмотрел на физиономию проводника и понял, что Келп прав. Он пожал плечами и подал свой билет, то же самое проделал Келп, и проводник пробил в них дырки и вернул обратно. Затем он повторил процедуру с Мэрчем, через проход напротив, и с Гринвудом и Чеввиком на следующем сиденье. Поскольку эти пятеро были единственными обитателями данного вагона, проводник медленно двинулся по проходу и вышел через дальнюю дверь, снова оставив их одних.

Келп сказал:

— Никогда не получишь удовлетворения от этих профсоюзных типов.

— Точно, — согласился Дортмундер. Он огляделся и спросил: — Кто-нибудь при пушке?

Келп вздрогнул и испуганно воскликнул:

— Ты ведь не станешь убирать человека за то, что в вагоне нет воздуха?

— Кто сказал «убирать»? Что, никто не взял?

— Я, — сказал Гринвуд и из глубин своей норфолкской куртки, — он был самым большим модником во всей компании, — достал Смит и Вессон, пятазарядный револьвер калибра 0032 с двухдюймовым стволом.

Он вручил его Дортмундеру, рукояткой вперед, и Дортмундер сказал: «Благодарю». Он взял револьвер, перехватил его, держа за ствол и зарядную камеру, и сказал Келпу: «Извини!», — затем потянулся через колени Келпа и пробил дырку в оконном стекле.

— Эй! — вскрикнул Келп.

— Воздух, — пояснил Дортмундер. Он повернулся и вручил револьвер Гринвуду со словами: — Еще раз благодарю.

Гринвуд был слегка ошеломлен. Он сказал: «Пожалуйста, сколько угодно», — и стал рассматривать рукоятку на предмет появившихся царапин. Таковые отсутствовали, и он спрятал револьвер.

Было воскресенье, десятое сентября, и они находились в едва ли не единственном пассажирском поезде, курсирующем по воскресеньям в данном направлении. Платформы, у которых состав время от времени останавливался, были пусты, разве что их украшали два-три старика в висящих мешком рабочих штанах, что стоят, прислонясь к стенке, на платформе каждой станции любой пригородной железной дороги Соединенных Штатов. Солнце сияло, свежий ветер, наполненный запахами позднего лета, задувал в проделанную Дортмундером дыру. Поезд деловито погромыхивал на созерцательной скорости семнадцать миль в час, предоставляя пассажирам возможность по-настоящему разглядеть ландшафт, и все в целом составляло атмосферу неторопливой экскурсии того приятного сорта, какие не часто встречаются в нашем двадцатом столетии.

— Долго еще? — спросил Дортмундер.

Келп бросил взгляд на часы.

— Еще минут десять-пятнадцать. Можно будет поглядеть на местечко прямо из поезда. С этой стороны.

Дортмундер кивнул.

— Это старое кирпичное строение, — сказал Келп. — В свое время там была фабрика, они выпускали стандартные укрытия от радиоактивных осадков.

Дортмундер посмотрел на него с неприязнью.

— Всякий раз ты сообщаешь значительно больше фактов, чем мне бы хотелось услышать. Стандартные укрытия! Я не хочу знать, почему эта фабрика обанкротилась!

— Кстати, очень любопытная история, — сказал Келп.

— Я так и думал.

В этот момент поезд остановился, и Дортмундер и Келп поглядели на стоявших на платформе трех стариков, которые поглядели на них. Поезд тронулся снова, и Келп сказал:

— Наша следующая.

— Как называется городок?

— Нью Микены. Он назван так в честь одного древнегреческого города.

— Я не хочу знать, в честь чего, — разозлился Дортмундер.

Келп посмотрел на него с удивлением.

— Что с тобой?

— Ничего, — отмахнулся Дортмундер. Проводник снова вошел в вагон, прошествовал по проходу и остановился около них. Он нахмурился, увидев дырку в окне, и спросил:

— Кто это сделал?

— Старик на последней станции, — сказал Дортмундер.

Проводник ощерился на него.

— Это сделали вы!

Келп убедительно произнес:

— Нет, нет, не он. Это старик, там, на последней станции.

Гринвуд со своего места подтвердил:

— Это верно. Я видел, как все произошло. Это сделал старик, там, на последней станции.

Проводник обвел их всех пылающим от ненависти взором.

— И вы надеетесь, что я этому поверю?

Ему никто не ответил.

Он еще больше нахмурился, уставившись на дыру в окне, потом резко повернулся к Мэрчу, сидевшему через проход.

— Вы видели, как все было?

— Конечно, — кивнул Мэрч.

— Что же произошло?

— Это сделал старик, — веско сказал Мэрч. — Там, на последней станции.

Проводник угрюмо свел брови, глядя на него.

— Вы с этими людьми?

— В жизни никогда их не видел, — ответил Мэрч.

Проводник еще раз окинул всех полным недоверия взглядом, затем пробормотал нечто, чего никто не смог разобрать, и, повернувшись, направился в дальний конец вагона. Он вышел, но тут же всунулся обратно и прокричал: «Следующая остановка Нью Маккинни!», — как бы предлагая всем сделать из этого выводы. Он огляделся, подождал, затем снова скрылся и захлопнул дверь.

Дортмундер повернулся к Келпу:

— Мне показалось, ты сказал — следующая наша.

— Должна бы быть, — сказал Келп. Он выглянул из окна и добавил: — Да, точно. Вот наше место.

Дортмундер посмотрел туда, куда указывал Келп, и увидел большое, широко раскинувшееся здание из красного кирпича с правой стороны от железной дороги. Высокая ограда из металлических звеньев окружала его, через определенные интервалы к ограде были прикреплены металлические таблички. Дортмундер прищурился, но так и не смог разобрать, что именно на них было написано. Он спросил Келпа:

— Что там на табличках?

— Опасно, — ответил Келп, — высокое напряжение.

Дортмундер поглядел на него, но Келп таращился в окно, отказываясь встретиться с ним взглядом. Дортмундер покачал головой и снова посмотрел на психиатрическую лечебницу, обнаружив железнодорожную колею, плавно отходящую от ветки, по которой шел поезд, и загибающую дальше, под электрифицированной оградой, на территорию сумасшедшего дома. Рельсы были ржавыми от ржавчины и внутри ограды заканчивались специально декорированной клумбой. Люди в белых пижамах и белых халатах прогуливались там по травке под наблюдением кого-то... вроде вооруженной охраны в синих униформах.

— Пока что, — сказал Дортмундер, — непохоже, чтобы это было легко.

— Дай шанс! — отозвался Келп.

Пока психлечебница уплывала назад, поезд начал тормозить. Дверь в дальнем конце вагона открылась, и проводник, просунув в нее голову, вновь завопил: «Нью Маккинни!»

Келп и Дортмундер недоуменно взглянули друг на друга. Затем они дружно посмотрели в окно, в рамку которого потихоньку вплыла платформа. Вывеска на ней гласила: «Нью Микены».

— Нью Маккинни; — вновь проорал проводник.

— Мне кажется, я его ненавижу, — сказал Дортмундер. Он встал, следом за ним поднялись и четверо остальных. Они прошли по проходу со скрежетом оставляющего поезда, и проводник бросил на них прощальный ненавидящий взгляд.

— Я думал, что вы не с этими типами, — сказал он Мэрчу.

— С кем? — спросил Мэрч и пошел по платформе.

Поезд тронулся и медленно потянулся прочь от станции, проводник, высунувшись, долго смотрел вслед своим пассажирам. Три старика на платформе тоже внимательно изучали их, один даже сплюнул табачную жвачку в честь такого случая.

Дортмундер и его приятели прошли через помещение станции на другую сторону, где отклонили предложение толстого усатого человека, утверждавшего, что его тачка выпуска 1949 года представляет собой такси.

— Мы можем пройтись, — сказал Келп Дортмундеру. — Это недалеко.

Так оно и было. Они прошли около семи кварталов и оказались перед главным входом, над которым красовалась вывеска: «Санаторий Ясной Луны». Электрифицированная ограда в этом месте была поставлена в стороне от дороги, но впереди нее была еще одна загородка из металлических цепей. Два вооруженных охранника сидели на складных стульях у главных ворот, о чем-то болтая.

Дортмундер остановился и оглядел все это.

— Интересно, кто там у них? — сказал он. — Рудольф Гесс?

— Это то, что называют лечебницей максимальной безопасности, — пояснил Келп. — Только для богатых психов. Большинство из них тут эти, преступно безумные, но у их родственников хватает денег держать их не в какой-нибудь государственной психушке.

— Я зря потерял целый день, — сказал с сожалением Дортмундер. — Успел бы сегодня продать полдюжины энциклопедий. Воскресенье — хороший день для энциклопедий, муж дома, и ты можешь сказать ему, что завезешь ему книжный шкаф в разобранном виде, который он сам соберет, а он вручит тебе свой бумажник.

Чеввик спросил:

— Так вы считаете, что ничего сделать нельзя?

— Вооруженная охрана, — сказал Дортмундер. — Проволока под высоким напряжением. Не говоря уж об обитателях. Вы что, жаждете связаться с ними?

Гринвуд сказал:

— Я надеялся, что ты найдешь какой-нибудь способ. Должен же быть какой-то способ проникнуть туда.

— Конечно, способ попасть туда есть, — усмехнулся Дортмундер. — Например, прыгнуть туда с парашютом. Но вот посмотрим, как ты выберешься оттуда.

Мэрч сказал:

— Почему бы нам не обойти вокруг психушки? Может, мы что-нибудь увидим.

— Вроде зенитных пулеметов, — сказал Дортмундер. — Нет, в эту психушку вломиться не просто.

— У нас все равно час до обратного поезда, надо ждать. С тем же успехом можем и прогуляться вокруг, — проговорил Келп.

Дортмундер пожал плечами.

— Ол райт, пошли...

Они обошли вокруг и не увидели ничего обнадеживающего. Когда вышли к задней стороне здания, им пришлось покинуть заасфальтированную дорогу и идти по поросшему кустами полю. Они перешагнули через ржавые оранжевые рельсы, и Чеввик покорно произнес:

— Я держу свои рельсы в куда лучшем состоянии, чем эти!

— Ну ведь этими больше никто не пользуется, — возразил Келп.

Мэрч прошептал:

— Смотрите-ка, один из этих помешанных машет нам!

И вправду, человек в белом стоял около клумбы и махал им рукой. Он прикрывал глаза от бьющего в них солнца и в довершение картины широко улыбался.

Они начали махать в ответ, как вдруг Гринвуд вскрикнул.

— Стойте! Да ведь это же Проскер!

Все застыли в нелепых позах, с поднятыми вверх руками. Чеввик проговорил: «Так оно и есть!» Там, около цветочной клумбы, Проскер махал и махал им, а потом стал хохотать. Он даже согнулся пополам и хлопнул себя по коленям, и новый приступ смеха накатил на него. Он пытался махать и смеяться одновременно и от этого чуть не упал.

— Гринвуд, дай мне опять свою штуковину, — процедил Дортмундер.

— Нет, Дортмундер, — сказал Келп. — Он нужен нам, чтобы получить изумруд.

— Только нам до него не добраться, — вздохнул Мэрч. — Так что разницы никакой.

— Мы еще поглядим насчет этого, — сказал Дортмундер и погрозил Проскере кулаком, в результате чего тот захохотал еще пуще и вынужден был сесть на землю. Подошел слугитель, поглядел на него, но ничего не предпринял.

Келп сказал:

— Мне просто неважно терпеть, что нас отделал такой вшиварик, как он.

— Он нас не отделал, — произнес Дортмундер мрачно. — Это мы его...

Все поглядели на него. Келп сказал:

— Ты имеешь в виду?..

— Он не может смеяться надо мной, — сказал Дортмундер. — С меня достаточно, но, все.

— В смысле, мы будем охотиться за ним?

— В смысле, что с меня достаточно, — повторил Дортмундер и повернулся к Келпу: — Отправляйся к Айко и скажи, чтобы он снова начал платить нам. — Он вновь посмотрел на Проспера, который теперь копался в земле, держась за бока и стуча каблуками по лужайке.

— Если он полагает, что сможет отсидеться здесь, — сказал Дортмундер, — он действительно ненормальный.

4

Когда эбеновый человек ввел к нему Келпа, Майор Айко стоял у бильярдного стола, прицеливаясь кием, как снайпер из мушкета. Келп глянул на то, что творилось на столе, и сказал:

— Если вы ударите по двенадцатому, как собираетесь, ваш шар срикошетирует от тройки и закатит восьмой.

Не двигаясь, Майор поднял глаза на Келпа.

— Вы ошибаетесь, — сказал он. — Я уже натренировался.

Келп пожал плечами.

— Что ж, вперед. Майор прицеливался еще некоторое время, потом ударил свой шар, который стукнулся о двенадцатый, срикошетировал от тройки и закатил восьмой. «БАНИМИ КА ЮНТ!» — воскликнул Майор и бросил кий на стол.

— Ну? — пролаял он в сторону Келпа. — Уже две недели, как Дортмундер согласился выполнить работу. Деньги продолжают утекать, а изумруд все не появляется.

— Мы готовы, — сказал Келп, — и вытащил смятый листок из кармана. — Вот то, что нам нужно.

— Я надеюсь, на этот раз без вертолетов?!

— Да, это слишком далеко от Нью-Йорка. Но мы подумывали о них.

— Не сомневаюсь, — сказал Майор сухо и взял листок.

Келп спросил:

— Вы не против, если я пока уложу пару штук?

— Валайте, — ответил Майор и развернул список.

Келп взял кий, закатил тройку, и тут Майор взревел:

— Локомотив!!

Келп утвердительно кивнул и положил кий. Обернувшись к Майору, он сказал:

— Дортмундер думает, что с этим могут быть проблемы.

— Проблемы! — Майор выглядел так, как если бы его хватили обухом по голове.

— Нам не нужен большой паровоз, — сказал Келп. — Нам требуется нечто, способное ехать по стандартным рельсам с помощью собственной тяги. Но это должно быть побольше, чем дрезина.

— Больше, чем дрезина, — странно повторил майор. Он попятился назад, пока не ощутил икрами стул, на который и опустился. Забытый список вяло болтался в его руке.

— Железнодорожный эксперт у нас — Чэфвик, — сказал Келп. — Так что, если хотите, можете переговорить с ним, он объяснит, что нам в точности нужно.

— Конечно, конечно, — сказал Майор.

— Он мог бы подъехать завтра днем, — предложил Келп.

— Конечно, — повторил Майор.

— Если вы к тому времени подготовите своих людей... чтобы ему с ними переговорить.

— Конечно, — заведенно сказал Майор.

Келп настороженно посмотрел на него.

— С вами все о'кэй, Майор?

— Конечно.

Келп подошел и помахал рукой перед глазами Майора. В них ничего не переменялось, они продолжали сосредоточенно смотреть в какую-то точку посреди комнаты. Келп сказал:

— Может, мне лучше позвонить попозже? Когда вам станет лучше?

— Конечно, — согласился Майор.

— Нам ведь в самом деле нужен не такой уж и большой локомотив, — пытался оправдаться Келп. — Просто такой локомотивчик... средних размеров.

— Конечно, — кивнул Майор.

— Ну вот, — Келп огляделся немного беспомощно. — Я позвоню вам позже. Приблизительно — когда Чэфвик подъедет.

— Конечно, — сказал Майор.

Келп попятился к дверям и постоял там секунду в замешательстве, чувствуя необходимость сказать Майору нечто такое, что немного поднимет его дух.

— Вы стали значительно лучше играть на бильярде, Майор, — сказал он наконец. И Майор сказал свое неизменное:

— Конечно.

5

Майор Айко стоял около грузовика и обеспокоенно морщил лоб.

— Я должен вернуть этот локомотив обратно, — сказал он жестко. — Не потеряйте его, не ломайте. Я обязан вернуть его, мне его одолжили на время.

— Получите его целеньким, — заверил Майора Дортмундер. Он сверился с часами и сказал: — Нам пора двигаться.

— Осторожнее с локомотивом, — настаивал Майор. — Это все, о чем я прошу.

Чэфвик сказал:

— Майор, даю вам слово чести — никакого ущерба этому локомотиву нанесено не будет. Я думаю, вам известны мои чувства к локомотивам.

Майор кивнул, несколько успокоенный, но все еще взволнованный. Одна из мышц его щеки постоянно дергалась.

— Время двигаться, — повторил Дортмундер. — До встречи, Майор.

Мэрч, естественно, был за рулем, а Дортмундер сидел рядом с ним в кабине, тогда как трое остальных забрались в фургон, к локомотиву. Майор стоял, наблюдая за посадкой, и Мэрч помахал ему и тронул грузовик по проселочной дороге от заброшенной фермы к хайуэй, по которой он свернул на север, прочь от Нью-Йорка, в сторону городка Нью Микены.

Это был совершенно безымянный грузовик, с обычной красной кабиной и трейлером с фургоном, целиком укутанным в оливкового цвета брезент, и никто из тех, мимо кого они проезжали, не удостоил его любопытным взглядом. Но под полотнищами брезента прятался на самом деле очень цветистый фургон, стены которого сочтала ярко намалеванные сценки на железнодорожные темы с красными, высотой с фут, буквами, которые бежали вдоль всей его длины и гласили: ОСТРОВ ВЕСЕЛЬЯ — ПАРК РАЗВЛЕЧЕНИЙ — ТОМ ТАМ. А пониже, чуть более мелкими черными буквами: Знаменитый локомотив.

На какие ружины Майор нажимал, какие истории рассказывал, какие взятки платил, какое оказывал давление с целью заполучить этот паровоз, Дортмундер не знал и знать не хотел. Он достал его, вот и все, в пределах двух недель с момента заказа, и теперь Дортмундер собирался стереть тот самый смех с физиономий адвоката Проскера. О да — стереть!

Стоял второй день октября, солнечный, но прохладный, на боковых дорогах, по которым они путешествовали, транспорта было мало, и они добрались до Нью Микен за хорошее время. Мэрч провез их через город на дорогу к «Санаторию Ясной Луны». Они проехали мимо, и Дортмундер бросил взгляд на главный вход. Тихо-мирно. Те же два охранника треплются у главных ворот. Все, как было.

Они проехали еще три мили по той же дороге, и затем Мэрч повернул направо. Полумилей дальше он свернул на обочину и остановился, поставив машину на ручной тормоз, но не выключая двигатель. Кругом была лесистая и холмистая местность без домов или других строений. В ста ярдах впереди виднелся белый знак, извещавший о железнодорожном переезде.

Дортмундер посмотрел на часы.

— Пройдет через четыре минуты, — сообщил он.

В последние две недели они побывали повсюду в этом районе, пока не изучили его так же, как свои квартиры. Они знали, на каких дорогах было большое движение, а какие были обычно пусты. Они знали, куда шло множество проселочных дорог, знали, как выглядят местные полицейские машины и где легавые стремятся проводить послеполуденное время по воскресеньям, им были известны четыре или пять хороших мест неподалеку, где можно было укрыться вместе с грузовиком.

Наконец, они знали железнодорожное расписание. Очевидно, даже лучше, чем сама железная дорога, потому что поезд, которого дожидался Дортмундер, опаздывал почти на пять минут. Но в конце концов они услышали, как тот постукивает в отдалении, и вот он медленно появился и начал тащиться мимо, тот самый пассажирский поезд, которым Дортмундер и компания добирались сюда две недели назад.

— Вот наше окно, — радостно сказал Мэрч и показал на стекло с дыркой, скользившее мимо них.

— Я и не думал, что они его починят, — удивился Дортмундер.

Поезду требуется порядочное время, чтобы проползти мимо любой фиксированной точки, особенно со скоростью семнадцать миль в час, но так или иначе, последний вагон прошел, и дорога снова была пуста.

Мэрч взглянул на Дортмундера и спросил:

— Сколько?

— Дай ему пару минут.

Они знали, что следующий «работник» данной железнодорожной ветки — товарняк, идущий на юг только в девять тридцать вечера. В течение недели множество поездов двигалось туда и сюда, и пассажирских, и товарных, но по воскресеньям большинство из них «отдыхали».

После минуты-другой Дортмундер бросил окурочек «Кэмела» на пол кабины и наступил на него.

— Теперь можно двигаться, — разрешил он.

— Есть.

Мэрч тронул грузовик и легко направил его к рельсам. Он маневрировал вперед и назад до тех пор, пока машина не стала точно поперек дороги, перегородив ее, и тогда Дортмундер вышел и обошел грузовик, чтобы открыть задние двери. Гринвуд и Келп сразу же начали сталкивать сверху длинную сложную доскообразную конструкцию, оказавшуюся широким металлическим скатом с железнодорожными рельсами посередине. Дальний конец ската звякнул о рельсы, лежащие внизу, и Гринвуд слез, чтобы помочь Дортмундеру толкать и тащить его до тех пор, пока рельсы на скате не совпадут с основной колеей. Тогда Гринвуд махнул Келпу, стоявшему в дверях фургона, который обернулся и помахал внутрь, и через несколько секунд оттуда появился локомотив.

И какой! Это был «Том Там», знаменитый паровоз, или, во всяком случае, копия знаменитого «Том Тама», оригинал которого, построенный для компании «Балтимор и Огайо» в 1830 году, был первым регулярно курсировавшим американским паровым локомотивом. Тот выглядел как все старые-престарые паровозы из фильмов Уолта

Диснея, и так же выглядела модель, бывшая точной копией оригинала. Ну, может, и не совсем точной, поскольку одно-два маленьких различия существовали, например, настоящий «Том Там» двигался с помощью пара, тогда как копия работала на бензиновом двигателе от Форда образца 1962 года. Но выглядел он законно, что и было важно, и кто бы стал разоряться по поводу тоненькой струйки дыма, вьющейся сзади, вместо толстенького грибочка пара, который должен был бы вырастать над широкогорлой трубой?

Ясно, что эта копия не проводила все время в своем родном парке, упоминавшемся на борту грузовика-носителя, но, по крайней мере от случая к случаю, путешествовала и демонстрировалась на ярмарках, открытиях супермаркетов и на других гала-представлениях. Специально оборудованный для перевозки локомотива грузовик сам по себе указывал на это, так же как и тот факт, что колеса паровозика были приспособлены к стандартной ширине современной рельсовой колеи.

Паровоз явился полностью укомплектованным, с собственным тендером — похожей на ящик деревянной конструкции, напоминавшей закусочную на колесах. В оригинале тендер обычно был доверху заполнен углем, но в копии он был пустым, если не считать швабры с зеленым древком, прислоненной в одном из углов.

Чефвик стоял у рукояток управления, когда «Том Там» медленно съехал по скату и осуществил непростой переход с одних рельсов на другие, и он, Чефвик, был на седьмом небе, улыбаясь и сияя направо и налево в чистейшем и несомненном наслаждении. Мысленно он представлял дело так, что не ему дали паровоз настоящих размеров, а он сам сжался до подходящей величины. Он собственной персоной управлял игрушечным поездом. Он просиял в сторону Дортмундера и произнес: «Ту-ту».

— Знаю дело, — сказал Дортмундер. — Вперед еще чуть-чуть.

Чефвик с легкостью подал «Том Тама» на несколько футов вперед.

— Вот теперь как раз, — сказал Дортмундер и отправился помогать Гринвуду и Келпу захихивать скат обратно в фургон. Они закрыли двери грузовика и крикнули Мэрчу, который кричал в ответ и повел машину с места по широкой дуге. До сих пор, к счастью, транспорта не было никакого.

Чефвик, Гринвуд и Келп уже были в гидрокостюмах, черная резина которых лоснилась и блестела на солнце. Они пока еще не надели перчатки, и маски, и капюшоны, но за вычетом этого были целиком заключены в резину. Это что касается проволоки под напряжением.

Дортмундер, Гринвуд и Келп забрались в тендер, и Дортмундер крикнул Чефвику:

— Вперед!

— Есть, — ответил Чефвик. — «Ту-ту», — просигналил он, и «Том Там», воспрянув духом, затряхал по рельсам.

Еще один гидрокостюм ожидал Дортмундера в тендере, на ящике с оружием. Он надел его и сказал:

— Помните: когда будем прорываться, закрывайте лица руками.

— Есть, — сказал Келп.

«Том Там» двигался быстрее семнадцати миль в час, так что они вскоре добрались до «Санатория Ясной Луны», где Чефвик остановил свой локомотив как раз там, где старые рельсы ответвлялись от основной колеи к территории лечебницы. Гринвуд прыгнул на землю, подошел к стрелке, перевел ее и снова забрался в тендер.

Потребовалось две ночи на то, чтобы смазать, вправить и подтянуть старую стрелку, и она снова смогла работать. Для железных дорог слишком дорогое удовольствие — снимать все старое и неиспользованное оборудование, да оно никому и не мешает, когда стоит, где поставлено, по причине чего так много заброшенных отрезков железнодорожной колеи и рассеяно по всем Соединенным Штатам. И надо сказать, что, кроме ржавчины, ничего плохого со всем этим железом не происходит, и в данном случае именно ржавчина составляла единственную проблему. Теперь стрелка работала, как в сказке.

Они все натянули капюшоны, и перчатки, и маски, и вот локомотив, направляемый Чефвиком, понесся все быстрее и быстрее по неровным рыжим рельсам к ограде сумасшедшего дома. «Том Там», вместе с тендером и всем остальным, был все же легче того «форда», с которого был снят его двигатель, и он разогнался, как ракета, до шестидесяти миль в час, прежде чем врезался в ограждение.

Хрясь! Искры, шипение, дым, проволока, извивающаяся, как живая. Колеса «Том Тама» скрипят и визжат на погнутых старых рельсах, затем взвизгивают еще громче, как только Чефвик включает тормоза. Они разорвали ограду, как спринтер финишную ленточку, и остановились со скрипом и визгом в окружении хризантем.

Главный врач доктор Пэнчард Л. Уиском сидел за письменным столом своего кабинета, расположенного на противоположной стороне здания, и перечитывал только что законченную им статью для «Американского журнала прикладной пан-психотерапии», озаглавленную: «Случаи индуцированных галлюцинаций среди персонала психи-

атрических лечебниц», когда облаченный в белое медбрат влетел к нему с воплем: «Доктор! Там в саду паровоз!»

Доктор Уиском поглядел на медбрата, потом на свою рукопись. Снова перевел глаза на медбрата. И сказал:

— Садитесь, Фостер. Давайте поговорим об этом...

В саду Дортмундер, Гринвуд и Келп соскочили с тендера в своих гидрокостюмах и масках для подводного плавания, сжимая в руках пистолеты-пулеметы. По лужайке носились перепуганные пациенты в белом, служители в голубом и представители медперсонала также в белом. Они неслись то туда, то сюда, то по кругу, крича друг на друга и хватая один другого, и сталкиваясь на каждом шагу. Бедлам есть бедлам.

Дортмундер поднял свой автомат, выпустил в воздух длинную очередь, и наступившая тишина напомнила ту тишину, которая случается после того, как кто-то уронит тысячу металлических подносов на кафельный пол. Стало тихо. Очень тихо.

Казалось, лужайка наполнена глазами, вся целиком. Дортмундер всмотрелся в эти глаза и отыскал Проскера. Он направил на него автомат и позвал:

— Проскер! Быстро сюда!

Проскер попытался сделать вид, что это не он, а кто-то другой, какой-нибудь Доу или Роу. Он продолжал стоять на месте, и Дортмундер крикнул:

— Ну что? Прострелить тебе ноги, чтобы тебя принесли? Быстро сюда!

Женщина-врач, стоявшая рядом с Проскером, внезапно закричала:

— Вы понимаете, что делаете с теми представлениями о реальности, которые мы пытаемся внушить этим людям? Как, по-вашему, они должны отличать иллюзию от реальности, когда вы тут творите такое?

— Успокойтесь со своей реальностью, — сказал ей Дортмундер и крикнул Проскеру: — Я начинаю терять терпение.

Но Проскер все стоял на месте, притворяясь другим, пока наконец один из стоявших рядом служителей не толкнул его, прикрикнув:

— Да пойдешь ты, наконец, или нет? Ты хочешь, чтобы убивали невинных людей?

Целый хор голосов вступил вслед за этой репликой, и вся ожившая картина — больше всего это напоминало Живые Шахматы — превратилась в нечто вроде рабочей цепи, подталкивающей Проскера через всю лужайку к локомотиву.

Когда Проскер оказался там, он вдруг сделался разговорчивым:

— Я нездоровый человек! — завопил он. — У меня болезни, тревоги, я лишился памяти! Я бы не был здесь, зачем бы я был здесь, если бы я не был больным человеком?! Я говорю вам, моя память разрушена, я не знаю ничего ни о чем.

— Ты просто влезай туда, — показал Дортмундер. — Мы тебе напомним.

С огромной неохотой, после многократного толкания сзади и мощной тяги спереди, Проскер оказался в тендере. Келп и Гринвуд держали его, а Дортмундер велел толпе оставаться на месте, пока они будут сматываться.

— Еще, — сказал он, — пошлите кого-нибудь перевести обратно стрелку. Вы ведь не хотите спустить с рельсов какой-нибудь поезд, правда?

Сотня голов кивнула в ответ.

— Отлично, — сказал Дортмундер и бросил Чеввику: — Поддай-ка его назад.

— О-о-кэй, — ответил Чеввик и добавил себе под нос: — Ту-ту.

Он не хотел произносить это в полный голос в зоне слышимости массы ненормальных людей, они могли неправильно это понять.

Паровоз, пятась, медленно выкатился из клумбы. Дортмундер и Келп окружили Проскера, подхватили его под локти и приподняли на несколько дюймов над полом. Он висел, зажатый со всех сторон гидрокостюмами, и бормотал:

— Что вы делаете? Что вы делаете?

— Не хотим подвергать тебя электрошоковой терапии, — сказал Гринвуд. — Сейчас мы пройдем сквозь проволоку под напряжением. Содействуйте, мистер Проскер.

— Ой, я буду содействовать, — пискнул Проскер. — Я буду содействовать!

— Конечно, будешь, — произнес Дортмундер.

6

Мэрч стоял около рельсов, курил «Мальборо» и размышлял о железнодорожных поездах. Каково бы это было — вести поезд, настоящий, современный дизель? Конечно, не сменишь полосу, когда захочется, но все-таки это может быть интересно, очень интересно.

За последние пятнадцать минут по дороге прошла одна машина, в западном направлении — древний зеленый пикап с древним серым фермером за рулем. Куча металлического барахла в кузове громко брякнула, когда пикап пересекал рельсы,

и фермер окатил Мэрча гнусным взглядом, будто подозревал, что тот несет ответственность за его шум.

Другой шум донесся минутой или двумя позже, а именно — дробь пистолета-пулемета, отдаленная, но четко слышная. Мэрч старательно прислушался, но стрельба не повторилась. Скорее всего просто предупреждение, а не признак серьезных неприятностей.

И вот что-то показалось вдали на рельсах. Мэрч подался вперед, вглядываясь, и — ура! — это был старый добрый «Том Там», который ехал задом наперед, его фордовский двигатель рычал на реверсе.

Хорошо. Мэрч щелчком выбросил «Мальборо» и подбежал к грузовику. Он быстро привел его в нужное положение на переезде, так что, когда «Том Там» прибыл, все было готово.

Чевфик остановил локомотив в нескольких ярдах от заднего конца фургона. Он уже выглядел немного печальным от того, что ему предстояло вернуться к своим нормальным размерам, но выбора не было. Его Волшебный Напиток был испит до дна.

Пока Гринвуд охранял Проскера в тендере, Дортмундер и Келп, сняв гидрокостюмы, сошли вниз и установили скат. Чевфик аккуратно подал локомотив вверх, в фургон, затем Дортмундер и Келп упаковали устройство для въезда, Келп забрался в кузов, Дортмундер закрыл задние двери и, обойдя машину, сел в кабину к Мэрчу.

Мэрч спросил:

— Все в порядке?

— Без проблем.

— В ближайшее место?

— Сойдет, — кивнул Дортмундер.

Рисунки В. Дачкина

Мэрч выжал сцепление и повел грузовик вперед, а через две мили сделал плавный поворот налево, на узкую грунтовую дорогу, одну из многих проселочных дорог, разведанных ими за последние две недели.

Эта, как они знали, уходила в леса и, по большому счету, не вела никуда. Ее первые полмили несли на себе признаки того, что временами ею пользовались автолюбители, но дальше колеи становились все уже, все гуще покрывала их трава, и в конце концов дорога полностью исчезала посреди сухой долины, лишенной всяких следов человека. Лишь кое-где валялись отесанные камни, составлявшие, видимо, когда-то ограды. Вероятно, в свое время здесь была ферма или даже небольшой поселок. Лесистые земли североамериканских штатов полны давно заброшенных ферм и таких же сельских городков, часть из которых исчезла без следа, а другая все еще была

обозначена случайно уцелевшим куском каменной стены или полужаросшей могильной плитой, отмечавшей то место, где некогда располагался церковный двор.

Мэрч завел грузовик настолько далеко, насколько хватило смелости, и остановился.

— Слушайте тишину,— сказал он.

Стоял полдень, и леса были абсолютно беззвучны. Это была более мягкая, приглушенная тишина, чем та, которая наступила в психолечебнице после автоматной очереди, выпущенной Дортмундером, но такая же полная и глубокая.

Дортмундер вылез из кабины, и когда он захлопнул дверь, звук раскатился меж деревьев, как грохот взрыва. Мэрч вышел с противоположной стороны, и они пошли вдоль разных бортов трейлера и встретились снова в его конце. Вокруг них повсюду были стволы деревьев, под ногами — оранжевые и красные листья. Листья все еще покрывали и ветви и все время падали, подрагивая, с веток вниз, как бы производя небольшое постоянное движение в окружающем воздухе, которое заставляло Дортмундера бросать быстрые острые взгляды то в одну, то в другую сторону.

Дортмундер открыл заднюю дверь, и они с Мэрчем забрались в фургон. Его внутренность освещалась тремя светильниками матового стекла, расположенными наверху, и все его пространство было почти целиком заполнено локомотивом, справа от которого свободного места не было вовсе, а слева оставался узкий проход, еле позволявший проскользнуть вдоль него. Дортмундер и Мэрч пробрались к передней части тендера и влезли туда.

Проскер сидел на ящике с оружием, и выражение невинного беспамятства на его лице начинало давать первые трещины. Келп, Гринвуд и Чеввик стояли вокруг и смотрели на него. Оружия ни у кого видно не было.

Дортмундер подошел к Проскеру и сказал:

— Проскер, это просто, как мочало. Если ты отнимаешь у нас изумруд, мы отнимаем у тебя жизнь. Раскалывайся поживее!

Проскер посмотрел снизу вверх на Дортмундера невинно, как щенок, наделавший в неподобающем месте, и проговорил:

— Я понятия не имею, о чем вы все твердите. Я больной человек.

Гринвуд с отвращением произнес:

— Давайте привяжем его к рельсам и прогоним по нему поезд разок-другой. Может, он тогда разговорится.

— Я сильно сомневаюсь,— сказал Чеввик.

— Мэрч, Келп, выведите его наружу и покажите, где мы сейчас находимся,— распорядился Дортмундер.

— Есть,— Мэрч и Келп весьма невежливо подхватили Проскера под локотки, стащили с тендера и протолкнули по узкому проходу в заднюю часть фургона. Они распахнули дверь и показали ему лес, деревья, сквозь листву которых послеполуденное солнце бросало яркие косые лучи, и когда Проскер нагляделся на все это, они снова захлопнули дверь, притащили его назад и опять посадили на ящик с оружием.

Дортмундер поинтересовался:

— Мы в лесу, не так ли?

— Да,— отозвался Проскер.— Мы в лесу.

— Ты помнишь про лес. Очень хорошо. Теперь взгляни-ка туда, на кабину машиниста. Что там стоит у стенки?

— Лопата,— сказал Проскер.

— А, так ты помнишь и про лопаты,— с удовлетворением заметил Дортмундер.— Я рад это слышать. А помнишь ли ты насчет могил?

Невинное выражение на физиономии Проскера полиняло еще сильнее.

— Вы не сделаете этого с больным человеком,— сказал он и с подчеркнутой слабостью прижал руку к сердцу.

— Нет, конечно,— сказал Дортмундер.— Но я сделаю это с мертвым человеком. Ведь мертвых хоронят в могилах.

Он дал Проскеру несколько секунд поразмышлять над сказанным, затем продолжил:

— Я сейчас объясню тебе, как все будет происходить. Мы останемся здесь на ночь, предоставив легавым возможность помотаться в поисках локомотива. Утром тронемся отсюда. Если до этого времени ты вернешь нам изумруд, мы отпустим тебя, и ты сможешь сказать полиции, что ты сбежал и что ты понятия не имеешь, чего ради все это произошло. Ты, естественно, не назовешь никаких имен, а не то мы снова явимся к тебе, в последний раз. Ты понимаешь, что мы достанем тебя, куда бы ты ни скрылся?

Проскер поглядел на паровоз, на тендер, на окружавшие его суровые лица.

— О, да,— сказал он.— Да, я понимаю это.

— Хорошо,— сказал Дортмундер.— Как ты управляешься с лопатой?

Проскер растерянно посмотрел на него.

— С лопатой?

— Ну да, с лопатой. На тот случай, если не вернешь изумруд,— объяснил До-

ртмундер.— Тогда мы утром двинем отсюда без тебя, и нам ни к чему, чтобы кто-нибудь тебя здесь обнаружил, так что тебе придется вырыть яму.

Проскер облизал губы.

— Я,— сказал он и остановился. Он еще раз взгляделся в их лица.— Я бы очень хотел помочь вам. Честно. Но я больной человек. У меня служебные неприятности, личные проблемы, моя любовница мне изменяет, у меня трения с Ассоциацией Адвокатов, у меня был тяжелый нервный припадок. Почему, вы думаете, я оказался в лечебнице?

— Ты прятался там от нас,— объяснил ему Дортмундер.— Ты упрятал себя туда сам. Если у тебя хватило памяти на то, чтобы устроиться в психолечебницу максимальной безопасности, у тебя должно хватить ее и на то, чтобы вспомнить об изумруде.

— Я не знаю, что сказать,— нерешительно проговорил Проскер.

— Ну и ладно,— сказал Дортмундер.— У тебя целая ночь, чтобы это обдумать.

7

— Так достаточно глубоко?

Дортмундер подошел и заглянул в яму. Проскер стоял в ней в своей белой пижаме, яма доходила ему до колена, и он изрядно вспотел, хотя утренний воздух был прохладным. Начался еще один солнечный денек, с бодрящим ясным воздухом осеннего леса, но Проскер выглядел так, как если бы стоял август и кондиционирование не работало.

— Это мелко,— сказал ему Дортмундер.— Ты хочешь, чтобы у тебя была мелкая могила? Эта могила только для грабителей и девиц из колледжа. Неужели у тебя нет чувства собственного достоинства?

— Нет, правда, не станете же вы меня убивать?!— сказал Проскер с одышкой.— Нет, не за какие-то там деньги. Человеческая жизнь бесконечно дороже денег, вы должны проявить больше гуманности...

Гринвуд подскочил и рявкнул:

— Проскер, я бы прикончил тебя из одного только раздражения. Ты надул меня, Проскер. Ты навлек на всех массу неприятностей, и получается, что я в этом виноват. Но думаю, ты все-таки поднапряжешь свою утерянную память, пока нам не пришла пора уезжать.

Проскер с выражением боли поглядел вдоль следа, оставленного грузовиком. Заметив это, Дортмундер сказал:

— Забудь об этом, Проскер. Если ты тянешь время в надежде, что вот-вот полиция вооруженных полицейских на мотоциклах прорвется сюда сквозь лес, то... лучше плюнь на это. Мы выбрали это место потому, что оно абсолютно безопасно.

Проскер изучающе вперился в лицо Дортмундера, и его собственная физиономия, наконец, потеряла выражение оскорбленной невинности. На смену ей явился напряженный расчет. Проскер некоторое время обдумывал ситуацию, затем отшвырнул лопату и с внезапным оживлением произнес:

— Ол райт. Вы, граждане, конечно, не стали бы убивать меня, вы не убийцы, но я вижу, что вы не отступитесь. И, похоже, меня никто не спасет. Помогите мне выбраться отсюда, и мы поговорим.

Вся его манера вдруг полностью изменилась, голос стал глубоким и уверенным, жесты быстрыми и точными, согбенная фигура распрямилась.

Дортмундер и Гринвуд подали ему руки, Проскер вылез из ямы, и Гринвуд сказал:

— Не будь так уверен во мне, Проскер.

Проскер взглянул на него.

— Вы в некотором роде женоубийца, мой мальчик. Это совсем не одно и то же.

— Ну, ты-то, конечно, не дамочка,— ответил ему Гринвуд.

Дортмундер сказал:

— Изумруд.

Проскер повернулся к нему.

— Позвольте задать вам гипотетический вопрос. Разрешите ли вы мне исчезнуть из поля вашего зрения до того, как я верну камень?

— Это даже не смешно,— ответил Дортмундер.

— Так я и думал,— произнес Проскер, разводя руками.— В таком случае, очень сожалею, но вы не получите его никогда.

— Я-таки убью его!— взревел Гринвуд, а Мэрч, Чэфвик и Келп придвинулись поближе, чтобы слышать весь разговор.

— Объясни,— потребовал Дортмундер.

Проскер сказал:

— Изумруд находится в моем персональном сейфе в банке на углу Пятой авеню

и Сорок Шестой улицы на Манхэттене. Для того, чтобы открыть сейф, требуется два ключа, мой и ключ банка. Банковские правила таковы, что я спускаюсь в их подвал в сопровождении служащего банка. Кроме нас двоих, не должно быть никого, и внизу я должен расписаться у них в книге, причем подпись они сличают с образцом, который хранится отдельно. Иными словами, это должен быть именно я, и я должен быть совершенно один. Видимо, если я дам вам слово, что не стану просить клерка вызвать полицию, пока мы находимся с ним внизу, вы мне не поверите, и я вас за это не виню. Я бы и сам не поверил. У вас есть возможность установить постоянное наблюдение за банком и похищать и обыскивать меня каждый раз, когда я буду выходить из него. Вы будете меня похищать, а изумруд будет оставаться там, где он и находится, без пользы и для меня, и для вас.

— Будь оно все проклято!— выругался Дортмундер.

— Я сожалею,— сказал Проскер.— Я действительно сожалею. Если бы я оставил камень где-нибудь еще, я уверен, что нам удалось бы выработать некую договоренность, по которой мне компенсировали бы мое время и расходы...

— Я должен врезать тебе по морде!— прокричал Гринвуд.

— Спокойно,— сказал ему Дортмундер. Проскеру он бросил:— Продолжай. Проскер пожал плечами.

— Задача неразрешима,— сказал он.— Я спрятал камень туда, откуда никто из нас не сможет его достать.

Дортмундер спросил:

— Где твой ключ?

— От сейфа? В моем городском офисе. Спрятан. Если вы думаете послать кого-нибудь вместо меня и подделать мою подпись, разрешите мне чисто по-джентльменски предупредить вас, что оба служащих банка прекрасно знают меня в лицо. Возможно, конечно, что ваш человек и не встретится с ними, но я бы не стал на это рассчитывать.

Гринвуд сказал:

— Дортмундер, а что если этот паразит подойдет? Его жена будет наследницей, верно? Тогда мы бы могли получить изумруд от нее.

Проскер возразил:

— Ну, нет, это тоже не сработает. В случае моей кончины сейф будет открыт в присутствии моей жены, двух банковских служащих, адвоката моей жены и, без сомнения, представителя Завещательного Суда. Боюсь, что моей жене никогда не удастся завладеть изумрудом.

— Будь оно все проклято!— пришел в ярость Дортмундер.

Келп сказал:

— Ты знаешь, что все это означает, Дортмундер?

— Не хочу слышать об этом,— отрезал Дортмундер.

— Нам придется ограбить банк,— заключил Келп.

— Только не говори мне ничего,— попросил Дортмундер.

— Я сожалею,— произнес Проскер живо.— Но делать нечего,— добавил он.

И тут Гринвуд дал ему в глаз, отчего адвокат сыграл обратно в яму.

— Где лопата?— спросил Гринвуд, но Дортмундер сказал:

— Забудь о ней. Вытащи его оттуда и запихни в фургон.

Мэрч спросил:

— Куда мы теперь?

— Обратно в город,— сказал Дортмундер. — Отвезем подарочек Майору.

ФАЗА ПЯТАЯ

1

— Не могу сказать, что я счастлив, — сказал Майор.

— А я, — заметил Дортмундер, — просто умираю от счастливого смеха.

Они все сидели в кабинете Майора, прибыв туда как раз в то время, когда у него был ленч. Проскер в перемазанной грязью пижаме и в халате сидел посередине, где каждый мог его видеть. Майор разместился за письменным столом, а все остальные образовали полукруг, обращенный лицом к нему.

Проскер проговорил:

— Я глубоко сожалею, поверьте. С моей стороны, это было недалеко видно, я действовал второпях, а теперь, все осознав, сожалею...

Под его глазом расцветал роскошный синяк.

— Ты лучше заткнись, — посоветовал ему Гринвуд, — а то я устрою тебе еще кое-что, о чем ты сможешь сожалеть.

— Я нанял вас, господа, потому, — заявил вдруг Майор, — что поверил тому, будто вы профессионалы и якобы знаете, как правильно сделать дело.

Келп подскочил как ужаленный:

— Мы и есть профессионалы, Майор, и мы правильно делаем дело. Мы сделали четыре дела, и все четыре сделали правильно. Мы скрылись с изумрудом. Мы вынули Гринвуда из тюрьмы. Мы ворвались в полицейский участок и вернулись оттуда. И мы похитили Проскера из психушки. Все это мы сделали четко.

— Тогда почему, — сказал Майор со злостью, — у меня до сих пор нет Изумруда Талабво? — Он протянул руку вперед и раскрыл пустую ладонь, чтобы показать, что у него нет изумруда.

— Обстоятельства, — сказал Келп. — Обстоятельства, как сговорились, все против нас.

Майор хмыкнул.

Чефвик сказал:

— Майор, в данный момент вы раздражены, что вполне понятно. Но ведь и мы тоже раздражены, и тоже вполне обоснованно. Мне не хочется говорить о себе, Майор, но должен сказать вам, что за двадцать три года работы я познакомился с большим числом людей, занимающихся нашим бизнесом, и я заверяю вас, что данная команда ни в одном ее звене улучшена быть не может.

— Так оно и есть, — подтвердил Келп. — Возьмите Дортмундера. Этот человек — гений. Он взял и разработал четыре операции за четыре месяца и все привел к успеху. Никто другой не сумел бы организовать одно только похищение Проскера, не говоря уж о трех других взломах.

Гринвуд сказал:

— А то, что говорил Чефвик о всех нас, вдвойне справедливо по отношению к самому Чефвику, потому что он не только один из лучших мастеров по замкам, но к тому же первоклассный железнодорожник.

Чефвик вспыхнул от удовольствия и смущения.

— Прежде чем вы начнете произносить тосты в собственную честь, позвольте напомнить вам, что у меня все еще нет Изумруда Талабво, — жестко произнес Майор.

— Мы это знаем, Майор, — сказал Дортмундер. — И мы тоже еще не получили свои сорок тысяч каждый.

— Вы все время получаете их по частям, — едко заметил Майор. — Учитываете ли вы, что к настоящему времени я выплатил только зарплаты двадцать тысяч долларов! Плюс почти восемь тысяч на материалы и оборудование для этих образцово-показательных ограблений. Двадцать тысяч долларов, и что я могу продемонстрировать за них? Операция была успешной, но пациент скончался, не так ли?! Это просто не годится. Это совсем уж не годится, и это конец.

Дортмундер рывком поднялся.

— Меня это устраивает, Майор, — сказал он. — Я прибыл сюда, желая попытаться еще разок, но если вы прекращаете операцию, я с вами бороться не стану. У меня завтра юбилей, завтра будет четыре месяца, как я вышел из тюрьмы, и все это время я только и гонялся за вашим проклятым изумрудом. Меня от этого тошнит, говоря по правде, и если бы Проскер не вынудил меня, я бросил бы все еще до последнего дела.

— Есть еще одна вещь, о которой я должен сожалеть, — с некоторым фатализмом заметил Проскер.

— Заткнись ты, — заорал Гринвуд.

Келп тоже вскочил и принялся упрямиться:

— Дортмундер, не заводись. Вы тоже, Майор, нет никакого смысла бросаться друг на друга. На этот раз мы знаем наверняка, где находится изумруд.

— Если Проскер не лжет, — заметил Майор.

— Только не я, Майор, — отозвался Проскер,

— Я сказал, заткнись! — вскочил и Гринвуд.

— Он не лжет, — подтвердил Келп. — Он знает, что если мы заберемся в банк и там не будет изумруда, мы снова нанесем ему визит, и на этот раз ему будет худо.

— Ловкий юрист знает, когда говорить правду, — вставил Проскер.

Гринвуд потянулся и стукнул Проскера.

— Ты все еще не заткнулся?!

Келп продолжал:

— Смысл в том, что теперь мы действительно доподлинно знаем, где камень. Он там, и его нельзя оттуда увести. С нами тот единственный тип, который мог бы это сделать, и мы держим его в руках. Если мы исполним свои обязанности так, как мы их всегда исполняем, камушек будет наш. Поэтому нам незачем кидаться друг на друга. Это не ваша вина, Майор, и не твоя, Дортмундер, это просто перипетии судьбы. Еще один заход — и готово, все будет кончено, и все останутся друзьями.

— Я, конечно, слышал о преступниках по привычке, — произнес Проскер приятным тоном, — но может статься, мы будем иметь в данном случае первый в истории пример привычного преступления.

Гринвуд снова двинул Проскера под ребра.

— Ты продолжаешь вякать?! — прошипел он.

Майор задумчиво сказал:

— Я не понимаю одной вещи, Дортмундер. Вы утверждаете, что вас тошнит от этого дела. Другаям пришлось убеждать вас принять участие в его последней стадии, и на предыдущем этапе для этого потребовалось повышение еженедельных платежей и заключительной суммы. Но теперь вы вдруг согласны продолжать дело без всяких уговоров, без требований об увеличении вознаграждения, без всяких колебаний вообще. Я, признаться, просто не понимаю этого.

— Этот изумруд, — сказал Дортмундер, — он как камень на моей шее, как альбатрос, которого боятся моряки. Я думал раньше, что мне удастся отвязаться от него, но теперь ясно, что это непросто. Я мог бы уйти сейчас отсюда, попытаться найти себе какое-нибудь другое занятие в жизни, но рано или поздно этот проклятый изумруд снова выскочит откуда-то как ни в чем не бывало, и опять я окажусь посреди всей этой путаной истории. Когда Проскер сегодня утром сообщил нам, что он с ним сделал, до меня внезапно дошло, что это судьба. Либо я заполучу этот изумруд, либо он прикончит меня, и до тех пор, пока не случится то или другое, он от меня не отцепится. Если не можешь вырваться, какой смысл бороться?

— Банк на Пятой авеню на Манхэттене, — сказал Майор, — это не лечебница в глубинке и даже не тюрьма на Лонг Айленде.

— Я это знаю, — вздохнул Дортмундер. — Банки Нью-Йорка имеют самые хитрые системы сигналов и теленаблюдения в мире, плюс первосортная охрана, плюс навалом городских полицейских прямо за дверью. Плюс вечные транспортные пробки, из-за которых ты не можешь унести ноги.

— Вы знаете все это, — произнес Майор, — и тем не менее хотите продолжать?

— Мы все хотим, — ответил Келп.

— Это вопрос чести, — подтвердил Мэрч. — Ну, как не давать обгонять себя справа.

— Но прежде, — сказал Дортмундер, — я хотел бы осмотреть банк. Если увижу, что смогу что-то сделать, то буду продолжать. Если не смогу, то это все. Это судьба!

Майор спросил:

— И вы хотите получать зарплату, пока будете решать, не так ли?

Дортмундер посмотрел на него с презрением.

— Вы считаете, что я пришел сюда за двумя сотнями в неделю?

— Я не знаю, — сказал Майор. — Теперь я уже ничего не знаю наверняка.

Дортмундер сказал:

— Я дам вам ответ в течение недели. Если ответ отрицательный, вы потеряете зарплату всего лишь за неделю. Нет, Майор, не так, из-за того, что вы меня раздражаете, в том случае, если я скажу «нет», я лично верну вам эти две сотни.

— Это вряд ли необходимо, — сказал Майор. — Дело не в двухстах долларах.

— Тогда не говорите так, будто дело в них. Я дам вам ответ через неделю.

— Нет нужды спешить, — сказал Майор. — Не торопитесь. Я просто расстроен, только и всего, как и все вы. И Келп прав, нам не стоит ссориться между собой.

— Почему нет? — спросил Проскер, ласково всем улыбаясь.

Гринвуд наклонился и дернул Проскера за ухо.

— Ты опять начинаешь?! — буркнул он. — Лучше не лезь.

Майор указал на Проскера и спросил:

— А что делать с ним?

Дортмундер сказал:

— Он объяснил, как найти ключ в его офисе, так что нам он больше не нужен. Но и отпускать его мы пока не можем. У вас есть подвал?

Майор взглянул на него с удивлением.

— Вы хотите, чтобы я держал его ради вас?

— Временно, — отчеканил Дортмундер.

Проскер посмотрел на Майора и сказал:

— Это называется соучастие после совершения преступления.

Гринвуд вскочил и лягнул Проскера, прорывав:

— Ты заткнешься или нет?

Проскер повернулся к нему и произнес спокойно, но с некоторым раздражением:

— Гринвуд, прекратите это.

Гринвуд уставился на него, совершенно ошарашенный.

Майор сказал Дортмундеру:

— Мне не нравится это, но сдается, что другого места нет.

— Вот именно.

— Ну что ж, делать нечего, — нехотя согласился Майор.

— Мы еще увидимся, — сказал Дортмундер и направился к двери.

— Одну минуточку, — воскликнул Майор. — Пожалуйста, подождите, пока будет подкрепление. Лучше мне не оставаться наедине с моим узником.

— Да, конечно, — согласился с ним Дортмундер, и он и четверо остальных замерли у двери, пока Майор связывался по интеркому со своими сотрудниками. Проскер сидел посреди комнаты и дружелюбно всем улыбался, держа правую руку в кармане своего халата. Через пару минут вошли двое крепких черных людей и отдали честь Майору, рапортовав на каком-то иностранном языке.

— Я буду держать с вами связь, Майор, — сказал Дортмундер.

— Хорошо, — отозвался Майор. — Я по-прежнему верю в вас, Дортмундер.

Дортмундер хмыкнул и вышел, четверо последовали за ним.

Майор на своем родном языке приказал двум крепким людям запретить Проскера в подвале. Они было приступили к выполнению приказа, подхватив Проскера под локти, когда Проскер непринужденно обратился к Майору:

— Симпатичные эти ребята, только чересчур наивные.

— До свидания, адвокат Проскер, — сказал Майор.

Проскер все еще выглядел раскованным и дружелюбным, когда двое крепких людей повлекли его к дверям.

— Удивительно, — легко произнес он, — но до сих пор ни одному из них не пришлось в голову задать себе вопрос, а собираетесь ли вы платить им, когда получите изумруд?

— Мока! — вскричал Майор, и двое крепких людей остановились на полпути к двери. — Камина лоба даи, — скомандовал Майор, и люди развернули Проскера, подтащили назад к стулу и усадили на него. — Торолима, — проговорил Майор, и черные люди покинули комнату.

Проскер улыбался.

Майор спросил:

— Вы никому из них не подбросили эту идею?

— Конечно, нет.

— Почему нет?

— Майор, — сказал Проскер, — вы черный, а я белый. Вы военный, а я адвокат. Вы африканец, я — американец. И тем не менее я ощущаю меж нами родство душ, которого я не обнаруживаю между собой и кем-либо из тех пяти достойных джентльменов, которые только что ушли.

Майор медленно опустился в кресло за письменным столом.

— Что значит это дело для вас, Проскер? — спросил он.

Проскер снова улыбнулся.

— Я надеялся, что это вы объясните мне, Майор, — сказал он.

2

В девять часов вечера в среду, через два дня после встречи в кабинете Майора Айко, Дортмундер вошел в «О.Дж.Бар и Гриль» и кивнул Ролло, который сказал:

— Приятно видеть вас снова.

— Кто-нибудь уже здесь?

— Все, кроме пива с солью. Ваш стакан у другого «бурбона».

— Благодарю.

Дортмундер прошел в заднюю комнату, где Келп, Гринвуд и Чеввик сидели вокруг стола под лампой с зеленым металлическим колпаком. Стол был покрыт непровержимыми свидетельствами готовящегося преступления, как то: фотографиями, эскизами и даже синьками отделения Национального Банка, расположенного на углу Сорок Шестой улицы и Пятой авеню (на телевизионном гербе этого банка красуется немецкая овчарка и девиз «Пусть Наш Банк будет недреманным оком всех ваших банковских нужд»).

Дортмундер сел около пустого стакана, обменялся приветствиями с компаньонами, налил себе «бурбона» и сказал:

— Ну? Что вы думаете?

— Плохо, — ответил Келп.

— Погано, — добавил Гринвуд.

— Согласен с ними, — заключил Чеввик. — А что думаете вы, Дортмундер? Дверь открылась, и вошел Мэрч. Все сказали «хелло», и Мэрч заявил:

— На этот раз я ошибся, — он сел на свободный стул: — Я считал, что будет неплохо рвануть по Пенсильвания авеню до Интерборо, а потом по Вудхайвен бульвар до Куинз бульвар и к Сорок Шестой стрит бридж, но ничего хорошего не вышло. Жуткое

количество транспорта, особенно на Куинз бульвар, знаете, когда они еле тащатся, но занимают все полосы, так что ты застреваешь у каждого светофора. Если бы не это, я был бы здесь...

Дортмундер прервал его:

— Вопрос в том, что ты думаешь об этом деле с банком?

— Ну, смыться оттуда не удастся, — ответил Мэрч, — это уж точно. Во-первых, по Сорок Шестой улице движение в одном направлении на восток, а по Пятой авеню — однонаправленнее на юг, что дает нам только половину обычных направлений, прежде всего. Дальше, имеется проблема регулируемых перекрестков. На Манхэттене светофоры стоят на каждом перекрестке, и везде горит красный. Если мы двинем по Сорок Шестой к Мэдисон, мы застрянем где-нибудь посередине первого же квартала. Если ехать по Пятой авеню, можно умудриться не застрять, потому что там имеется зеленая волна, но даже и она настроена на что-нибудь вроде двадцати двух миль в час, а никто и никогда еще не уходил с дела на такой скорости.

Дортмундер спросил:

— А если ночью?

— Меньше транспорта, но столько же светофоров, — ответил Мэрч. — И всегда поблизости трусся легавые, так что вы не можете сигануть по красному сигналу, но даже если вы это сделаете, в вас обязательно врежется такси на протяжении первых же десяти кварталов. Днем или ночью на машине оттуда не смоешься.

Гринвуд сказал:

— Опять вертолет?

Ему ответил Келп:

— Я думал об этом, но хорошего мало. Там сорокасезмиэтажное здание, банк на первом этаже. Посадить вертолет на улицу невозможно, а если садиться на крышу, отваливать придется на лифте, что само по себе плохо, потому что все, что требуется от легавых, — отключить электропитание, когда мы будем в лифте, а потом пойти и извлечь нас оттуда, как шпроты из консервной банки.

— Точно, — подытожил Мэрч. — Способа смыться с угла Сорок Шестой и Пятой авеню просто не существует, только и всего.

Дортмундер кивнул и обратился к Чевфику:

— Что с замками?

Чеввик покачал головой.

— Я не был в подвале, — сказал он, — но, судя даже по тому, что я смог увидеть наверху, на основном этаже, у них замки не из тех, которые можно вскрыть. Потребуется бы взрывать, да еще, вероятно, и сверлить. Много времени и много шума.

Дортмундер снова кивнул и поглядел на Келпа и Гринвуда.

— Предложения? Идеи?

Келп сказал:

— Я подумывал насчет того, чтобы идти сквозь стены, но этого сделать нельзя. Взгляни на эту синьку, ты увидишь, что подвал не только под землей, не только окружен скальными грунтами, телефонными кабелями, силовыми линиями, водопроводными трубами и еще бог знает чем, но его стены — из железобетона восьми футов толщиной, с чувствительными устройствами, подающими сигнал на пункт ближайшего полицейского участка.

Гринвуд сказал:

— Я потратил некоторое время на то, чтобы понять, что будет, если мы просто войдем, вынем пушки и скажем: «Ограбление». Прежде всего, нас всех сфотографируют, против чего я в принципе не против, но только не в разгар дела. Потом, каждый в этой конторе снабжен ножным сигналом тревоги, установленным под рабочим столом. Дальше, нижний вход в подвал всегда закрыт решеткой, если только кто-то не проходит туда в данный момент по законному поводу, а еще имеются две двери из металлических прутьев с промежуток между ними, которые никогда не открываются одновременно. Я еще думаю, что у них есть дополнительные штучки, о которых я не знаю.

— Все верно, — сказал Дортмундер. — Я пришел к тем же выводам, что и вы, друзья. Я просто хотел услышать, не подумал ли кто-нибудь о чем-то, что я упустил.

— Не подумал, — сказал Чеввик.

— Ты считаешь — хана? — спросил Келп. — Мы сдаемся? Дело сделать нельзя?

— Я этого не говорил, — произнес Дортмундер. — Я не сказал, что дело не может быть сделано. Тут не место для лобовой атаки. Мы заставили Айко достать грузовик, вертолет, локомотив, я убежден, что мы можем вынудить его достать практически все что угодно, если это нам потребуется. Ни одна вещь из тех, что он способен нам дать, этот ларчик не откроет. Он мог бы дать танк, но и танк бы нам не помог.

— Потому что оттуда ни за что не смоешься, — сказал Мэрч.

— Верно.

— Хотя это был бы кайф — вести танк, — произнес Мэрч задумчиво.

Келп сказал:

— Погоди минутку, Дортмундер, если ты говоришь, что никто из нас не может перевернуть это дельце, значит его нельзя перевернуть вообще?! В чем разница? Мы в ауте, как ни говори.

— Нет, мы не в ауте, — сказал Дортмундер. — Нас здесь пятеро, и никто из нас пятерых не может достать изумруд из этого банка. Но это не значит, что никто на свете не может его достать.

Гринвуд насторожился:

— В смысле — пригласить какого-нибудь новенького?

— В смысле — пригласить специалиста, — ответил Дортмундер. — На этот раз нам требуется специалист, не входящий в основной набор, значит, мы должны пригласить его со стороны.

— Какого типа специалиста? — спросил Гринвуд, а Келп сказал:

— Кто этот специалист?

— Великое Чмо, — сказал Дортмундер.

Наступила короткая тишина, а потом все начали улыбаться.

— Это мило, — сказал Гринвуд.

— Ты имеешь в виду Проскера? — уточнил Келп.

— Я не стал бы доверять Проскеру, — отрезал Дортмундер.

Все перестали улыбаться и приобрели растерянный вид. Чевфик сказал:

— Если не Проскер, то кто?

— Служащий банка, — ответил Дортмундер.

И все улыбались вновь.

3

Майор склонился над бильярдным столом в тот момент, когда Келп, сопровождаемый эбеновым человеком в зеркальных очках, вошел в комнату. Проскер в принужденной позе покоился здесь же в кожаном кресле, стоявшем сбоку от стола. Проскера не обременяли более пижама и халат, на нем был аккуратный деловой костюм, в его руке покачивался высокий стакан, в котором приятно позвякивали кубики льда.

Майор сказал:

— А, Келп! Идите-ка, посмотрите, я видел это по телевизору.

Келп подошел к бильярду.

— Вы считаете, это правильно — разрешать ему болтаться повсюду?

Майор мельком взглянул на Проскера и сказал:

— Тут не о чем беспокоиться. Мистер Проскер и я достигли взаимопонимания. Он дал мне слово, что не совершит побег.

— За его слово плюс десять центов вы можете получить чашку кофе, — заметил Келп, — но оно будет вкуснее просто за десять центов.

— Кроме того, — пояснил Майор как бы между прочим, — выходы охраняются. Ну ладно, вы на самом деле должны взглянуть на это. Видите свой шар, а те три шара вон там у бортика, и еще этот шар в дальнем конце, так? Ну вот, я ударю по крайнему правому из этих трех, и все четыре закатятся в четыре разные лузы. Вы полагаете, это невозможно?

Келп, который видел то же самое по телевизору уже несколько раз, был абсолютно уверен, что это возможно, но к чему портить Майору удовольствие?

— Вам придется убедить меня, Майор, — произнес он.

Майор улыбнулся улыбкой человека, который долго тренировался, и, сосредоточив внимание, склонился над бильярдом. Он прицелился кием, сделал несколько пробных движений у своего шара, затем нанес удар. Клак-клак-клак-клак, шары покатались туда и сюда. Один свалился в лузу, следом за ним еще два, а четвертый ударился в бортик, почти упал, но в последний момент передумал и покатали в другую сторону.

— А, провались ты! — воскликнул Майор.

— Вам это почти удалось, — сказал Келп, чтобы улучшить его самочувствие. — И теперь я вижу, что это действительно может выйти. Тот, четвертый, уже почти-почти свалился в лузу.

— У меня получалось перед вашим приходом, — оправдывался Майор. — Правда ведь, Проскер?

— Абсолютная правда, — подтвердил Проскер.

— Я верю вам, — сказал Келп.

— Нет-нет, должен вам показать, — настаивал Майор. — Подождите минуточку, одну минуточку.

Майор спешно расставил шары на исходные позиции. Келп, поглядев на Проскера, обнаружил на его лице улыбочку, свидетельствующую о симпатии к нему. Решив не принимать товарищества, которое эта улыбка предлагала, Келп отвернулся.

Майор был снова готов. Он горячо призвал Келпа смотреть, и Келп ответил, что смотрит. И он смотрел, моля бога, чтобы у Майора на этот раз вышло, потому что тот, очевидно, приготовился повторять трюк целую ночь, если придется, лишь бы продемонстрировать его Келпу.

Клак. Клак-клак-клак. Шар номер один упал в лузу, второй и третий последовали его примеру, а четвертый ударился в борт, задрожал на краю, медленно, как бы нехотя, покрутился, и тоже упал в лузу.

Майор и Келп одновременно с облегчением вздохнули, и Майор положил кий с видом человека, который закончил дело полностью и окончательно.

— Ага, — сказал он, потирая руки, — Дортмундер позвонил вчера вечером и сказал, что он нашел способ завершить операцию. Быстрая работа, очень быстрая! У вас есть для меня список?

— На этот раз нет, — сказал Келп. — Нам нужны только деньги. Пять тысяч долларов.

Майор выкатил глаза.

— Пять ты... — он сглотнул слюну и добавил: — Ради бога, зачем?

— Нам нужен специалист, — объяснил Келп. — Мы не можем в данном случае действовать, как в прошлые разы, нам необходим специалист. И он требует кругленькую сумму в пять тысяч. Дортмундер говорит, что вы можете вычесть ее из наших денег, когда мы доставим вам изумруд, так как это лишний человек, на которого вы не рассчитывали.

Майор посмотрел на Проскера, потом снова на Келпа.

— У меня не найдется столько денег прямо сейчас, — сказал он. — Как скоро они вам потребуются?

— Чем быстрее мы получим деньги, — парировал Келп, — тем быстрее специалист приступит к работе.

— Кто этот специалист?

— Он сам называет себя Великое Чмо.

Майор был явно сбит с толку.

— Чем он занимается?

Келп рассказал ему.

Майор и Проскер обменялись быстрыми напряженными взглядами, и Майор сказал:

— Вы имеете в виду Проскера?

— Нет, — ответил Келп, не обратив внимания на то, какое облегчение вызвало это слово у обоих. — Мы не доверяем Проскеру, он мог бы попытаться симулировать.

— Это хорошо, — дружелюбно вставил Проскер. — Никогда не доверяй чрезмерно, всю жизнь это повторяю.

Майор многозначительно и раздраженно посмотрел на Проскера.

— Мы решили остановиться на одном из банковских служащих, — сказал Келп.

— Значит, у вас есть план, — заключил Майор.

— Дортмундер сотворил еще один шедевр.

— Деньги будут у меня к двум часам завтра пополудни, — сказал Майор. — Кто-нибудь заедет за ними?

— Видимо, я, — сказал Келп.

— Замечательно. Вам не нужно никакого оборудования?

— Нет, только пять тысяч.

— Тогда, — сказал Майор, двигаясь в сторону бильярда, — разрешите мне показать вам еще одну штучку, которую...

— Я был бы счастлив посмотреть, Майор, честное слово, — быстро сказал Келп, — но дело в том, что я обещал Дортмундеру вернуться сразу же. Нам надо подготовиться, сами понимаете...

Майор остановился около стола с явным разочарованием.

— Может, завтра, когда вы придете за деньгами? — спросил он.

— Отличная идея, — ответил Келп, тут же решив послать за деньгами Мэрча. — Ну, до встречи, Майор. Я знаю, как пройти к выходу.

— До завтра, — сказал Майор.

— Мои наилучшие пожелания Гринвуду и всем ребятам, — произнес Проскер радостно, и Келп вышел, закрыв за собой дверь.

Майор повернулся к Проскеру и сказал со злобой:

— Вы напрасно так шутите, это не смешно.

— Они не подозревают ни о чем, — бодро проговорил Проскер. — Ни один из них.

— Это случится, если вы продолжите свои игры.

— Нет, не случится. Я знаю, где остановиться.

— Знаете ли? — Майор нервно раскурил сигарету. — Мне не нравится играть с этими людьми, — сказал он. — Это может стать опасным. Все они могут быть очень, очень опасными.

— Вот почему вам нравится, что я рядом, — сказал Проскер. — Вы знаете, что я знаю, как с ними... обходиться.

Майор окинул его скептическим взглядом.

— Вот как?! А я-то думал, почему это я не держу вас взаперти в погребе?!

— Я вам полезен, Майор, — подсказал Проскер.

— Посмотрим, — сказал Майор, — посмотрим.

4

В костюме и при галстук Дортмундер выглядел как слегка потрепанный скромный бизнесмен. Как если бы, например, он держал прачечную-автомат в бедном районе. Это было вполне подходящее обличье для проведения необходимого мероприятия в банке.

День был пятница, тринадцатое число. Суеверный человек, может, подождал бы до понедельника, но Дортмундер не был суеверным. Он полностью сжился с тем фактом, что Изумруд Талабво — заколдованный объект, приносящий несчастье, — существует в нашем лишенном чар мире в единственном числе, и не позволял этому противоречию затянуть себя в омут иррациональной боязни чисел, или дат, или черных кошек, или просыпанной соли, или каких-нибудь еще химерических пугал, с помощью которых люди доводят себя до умопомрачения. Все остальные неодушевленные предметы были ручными и безобидными, один только Изумруд Талабво был одержим злыми духами.

Дортмундер вошел в банк сразу же после двух, в относительно спокойное время, и подошел к одному из одетых в униформу охранников — сухощавому седому человеку, посасывавшему свои вставные зубы.

— Я хотел бы узнать, как нанять небольшой сейф, — осведомился у него Дортмундер.

— Вам следует переговорить с банковским клерком, — ответил охранник и проводил Дортмундера в закуток, огороженный перилами.

Клерком оказался пухлый молодой человек в засыпанном перхотью костюме рыжеватого-коричневого цвета. Он сообщил Дортмундеру, что аренда сейфа стоит восемь долларов сорок центов в месяц, и, увидев, что от этих слов Дортмундер не окаменел, дал ему заполнить специальную форму, полную обычных вопросов — адрес, место работы и так далее, — на которые Дортмундер ответил специально приготовленным к этому случаю враньем.

Когда письменная работа была закончена, молодой человек отвел Дортмундера вниз, показать ему его ящик. У лестницы стоял охранник в форме, и молодой человек объяснил Дортмундеру процедуру регистрации, которой тот должен следовать всякий раз, когда ему потребуется навестить свой сейф. Первая решетчатая калитка была отперта, и они попали в небольшую комнату, где Дортмундер был представлен второму охраннику в форме, который должен был проводить Дортмундера дальше. Молодой человек пожал Дортмундеру руку, поздравил со вступлением в счастливую семью клиентов Национального Банка и удалился.

Новый охранник, по имени Альберт, сказал:

— Джордж или я всегда готовы обслужить вас...

— Джордж?

— Это тот, что стоит сегодня там, у конторки регистрации.

Дортмундер кивнул.

Тогда Альберт открыл внутреннюю калитку, и они прошли в комнату, которая выглядела как лиллипутский морг со множеством рядов выдвижных ящиков для миниатюрных мертвых тел. К передним стенкам этих ящиков были приделаны кнопки разных цветов, каждый цвет, вероятно, много говорил служащему банка.

Ящик Дортмундера был внизу и слева. Альберт сначала воспользовался своим универсальным ключом, затем попросил у Дортмундера его ключ, только что полученный им наверху у молодого человека. Дортмундер отдал ключ, Альберт открыл ящик и сразу же вернул ключ обратно.

Арендуемый сейф на самом деле представлял собой выдвижной ящик высотой

около дюйма, шириной четыре дюйма и глубиной дюймов восемнадцать. Альберт выдвинул его почти целиком и сказал:

— Сэр, если вы хотите остаться в одиночестве, я могу отнести его в одну из боковых камер.

Он сделал жест в сторону маленьких комнат, отходивших от центрального морга, каждая из них содержала в себе стол и стул, чтобы клиент имел возможность в приватной обстановке пообщаться со своим ящиком.

— Нет, спасибо, — сказал Дортмундер. — Сегодня такое не требуется. Я просто хочу положить в него этот пакет.

И он достал из внутреннего кармана пиджака толстенький заклеенный белый конверт, хранивший семь неиспользованных Клинексов. Он аккуратно положил конверт посреди ящика и отступил назад, предоставив Альберту возможность привести все в исходное состояние.

Альберт пропустил его в первую дверь, а Джордж распахнул перед ним вторую, и Дортмундер поднялся наверх и вышел на улицу, где почему-то почувствовал себя странно, обнаружив, что там все еще день. Он сверился с часами и остановил такси, потому что теперь ему предстояло проехать чуть не полгорода и вернуться назад с Великим Чмо раньше, чем служащие банка разойдутся по домам.

5

— В Нью-Йорке человеку всегда одиноко, Линда, — сказал Гринвуд.

— Ох, еще бы, — сказала она. — Я это так хорошо знаю, Алан.

Он сохранил свое имя, а его фамилия по-прежнему начиналась с буквы Г, что было достаточно безопасно и весьма удобно.

Гринвуд поправил подушку и крепче обнял девушку, лежавшую рядом с ним.

— Когда удастся встретить родственную душу в таком городе, как этот, — произнес он, — очень не хочется ее отпускать.

— О, я знаю, что ты имеешь в виду, — отозвалась она и пристроилась к нему поудобнее, положив щеку на его обнаженную грудь. Им было так тепло и уютно под одеялом.

— Вот почему мне ненавистна сама мысль о том, чтобы уйти из дома сегодня вечером, — продолжал Гринвуд.

— Ой, я тоже ее ненавижу, эту мысль, — сказала она.

— Ну откуда мне было знать, что такое сокровище, как ты, попадется мне именно сегодня? А теперь уже поздно менять другие договоренности. Мне просто позарез нужно уйти, такие дела.

Она подняла голову и изучающе оглядела его. Единственным источником света был искусственный камин в углу, так что ей приходилось вглядываться в неверном красноватом свете.

— Ты уверен, что это не другая девушка? — спросила она. Ей хотелось, чтобы вопрос прозвучал легко, но это у нее не вполне получилось.

Он нежно взял ее за подбородок.

— Другой девушки не существует, — сказал он. — Нигде в целом свете. — Он легко поцеловал ее в губы.

— Мне так хочется верить тебе, Алан, — сказала она. Она выглядела ласковой, и жалобной, и тоскующей.

— А я очень хотел бы рассказать тебе, куда отправляюсь, — сказал он, — но... не могу. Я только умоляю тебя верить мне. И я вернусь через час, не больше.

Она улыбалась, произнося:

— Ты не смог бы очень много сделать за час с другой девушкой, правда?

— Конечно, нет, если я хочу сохранить себя для тебя, — ответил он и поцеловал ее снова.

После поцелуя она промурлыкала ему в ухо:

— Сколько времени у нас до того, как ты уйдешь?

Он скосил глаза на часы у кровати и сказал:

— Двадцать минут.

— Значит, у нас есть время, — пробормотала она, поигрывая его ухом, — добиться двухсотпроцентной уверенности, что ты меня не забудешь.

— Мм-м-м-м, — промычал он, и в результате, когда через двадцать минут прозвучал звонок в дверь, — один длинный, два коротких, один длинный, — он еще не кончил одеваться.

— Вот и они, — сказал он, застегивая брюки.

— Поспеши назад, ко мне, Алан, — сказала она, потягиваясь и извиваясь под одеялом.

Он проследил, как колыхнется одеяло, и сказал:

— О, я буду спешить, Линда. Уж ты не беспокойся, я потороплюсь.

Он поцеловал ее и покинул квартиру.

Чеввик ожидал его на тротуаре.

— Вы прилично подзадержались, — проворчал он.

— А вы не представляете себе и половины того, что с этим связано, — сказал Гринвуд. — Куда?

— Сюда.

Мэрч сидел за рулем своего «мустанга», припаркованного за углом у пожарного гидранта. Чеввик и Гринвуд сели в машину, Чеввик сзади, и Мэрч повез их на Варик стрит, где все офисы уже несколько часов были закрыты на ночь. Он поставил машину напротив нужного им дома, и Гринвуд и Чеввик вышли и пересекли улицу. Гринвуд стоял на ступе, пока Чеввик открывал входную дверь, а затем они вошли внутрь и поднялись по лестнице — лифты в это время не работали — на пятый этаж. Они прошли через холл — Гринвуд освещал путь маленьким карманным фонариком — и отыскивали дверь с надписью «Додсон и Фогг, адвокаты». В левом нижнем углу матового стекла располагался список из пяти фамилий, и вторая из них была «Ю. Эндрю Проскер».

Чеввик прошел сквозь эту дверь так быстро, что могло показаться, будто она и вовсе не была заперта. Теперь они следовали плану, нарисованному Проскером, найдя его офис среди лабиринта комнатушек и опознав его по расположению мебели, которое Проскер описал. Гринвуд сел за письменный стол, до упора открыл нижний правый ящик и обнаружил прикрепленный к задней стенке липкой лентой небольшой желтый конверт. Гринвуд улыбнулся, забрал конверт и закрыл ящик снова. Встряхнул конверт — оттуда выпал маленький ключ, точно такой же, какой дали Дортмундеру в банке несколькими часами раньше.

— Мы заполучили его, — сказал Гринвуд. — Разве это не удивительно?

— Быть может, фортуна начинает поворачиваться к нам лицом, — отозвался Чеввик.

— А ведь сегодня пятница, тринадцатое число. Фантастика!

— Уже нет, сейчас за полночь.

— Неужели? Ну пошли. Вот, передайте это Дортмундеру.

Чеввик спрятал ключ в карман, и они покинули кабинет Проскера. По пути на улицу Чеввик вновь запер все двери. Они сели в автомобиль, и Гринвуд сказал:

— Вы не возражаете сначала подбросить меня? У меня там дома кое-что происходит.

— Я не против, — заявил Чеввик.

— Само собой, — сказал Мэрч. — Почему бы нет?

Они поехали назад и высадили Гринвуда перед его домом, и он поднялся на лифте к своей квартире, где нашел девицу сидящей на кровати и читающей карманное издание книжки Джеймса Бонда. Она отложила книжку в сторону и выключила свет, пока Гринвуд отделялся от массы лишней одежды.

Она сказала мягко:

— Все было хорошо?

— Я снова с тобой, — ответил он просто.

Она поцеловала его грудь и взглянула на него с озорством.

— Ты из ЦРУ, верно? — спросила она.

— Мне не разрешено говорить об этом, — сказал он.

— Мм-м-м-м, — нежно пропела она и начала его покусывать там и сям.

— Люблю патриотических женщин, — промурлыкал Гринвуд.

6

Четверг девятнадцатого октября был одним из переменчивых дней. Он начался с проливного дождя поутру, потом стал холодным и ветренным, затем, к середине дня, облака унеслись прочь и вышло солнышко, и к пяти тридцати стало тепло, как в летний полдень. Альберт Кромвелл, охраняющий арендуемые сейфы в отделении Национального Банка на углу Сорок Шестой улицы и Пятой авеню, был утром одет в потертый дождевик и калоши и шел под зонтиком, а отправляясь домой, нес все эти три предмета в руках. Он не знал, расстраиваться ли от этих перемен погоды или радоваться тому, что в конце концов стало так хорошо, и решил совместить обе точки зрения.

Домом Альберту Кромвеллу служила квартира на двадцать седьмом этаже тридцатичетырехэтажного здания в Верхнем Вест Сайде, и он достигал ее с помощью метро и лифта. Сегодня, когда он вошел в лифт на последнем отрезке своего пути

домой, там уже оказался высокий импозантный человек с пронизательными черными глазами, высоким лбом и густой копной волос, совершенно черных, за исключением проседи на висках. Альберт Кромвелл не заметил, что этот человек входил вместе с ним в лифт каждый вечер на этой неделе, а единственное отличие сегодняшнего заключалось в том, что на этот раз там оказались только они вдвоем.

Они стояли рядом, Альберт Кромвелл и импозантный человек, оба лицом к дверям. Двери сдвинулись, и лифт начал подниматься.

— Вы когда-нибудь обращали внимание на эти цифры? — спросил импозантный человек. У него был глубокий звучный голос.

Альберт Кромвелл с удивлением посмотрел на попутчика. Незнакомые люди не разговаривают друг с другом в лифте. Он сказал:

— Прошу прощения?

Импозантный человек кивнул на ряд цифр над дверью.

— Я имею в виду эти цифры, там, — сказал он. — Взгляните на них.

Заинтригованный, Альберт Кромвелл взглянул. Это были небольшие стеклянные цифры, бежавшие слева направо вдоль длинной хромированной полосы, начинавшейся слева буквой П (подвал), затем шла Х (холл), потом 2,3 и так далее, до 35. Цифры зажигались по одной, обозначая этаж, на котором в данный момент находился лифт. Как раз сейчас, например, горела цифра 4. Пока Альберт Кромвелл смотрел, она погасла и вместо нее зажглась цифра 5.

— Заметьте, какое регулярное движение, — произнес импозантный человек своим звучным голосом. — Как приятно видеть нечто, такое ровное и регулярное, переисчислять цифры, знать, что каждая последует за той, что идет перед ней. Так гладко. Так регулярно. Так успокаивающе. Следите за цифрами. Считайте их, если хотите, это так успокаивает после длинного тяжелого дня. Как хорошо иметь возможность отдохнуть, иметь возможность смотреть на цифры и считать их, чувствовать, как ваше тело расслабляется, знать, что вы отдыхаете, знать, что вы в безопасности в вашем собственном доме, в безопасности отдыхаете и успокаиваетесь, следя за цифрами, считая цифры, чувствуя, что каждая ваша мышца расслабляется, каждый нерв отдыхает, зная, что теперь вы можете расслабиться, можете прислониться к стене и успокоиться, успокоиться, успокоиться. Теперь нет ничего, кроме цифр и моего голоса. Цифр и моего голоса.

Импозантный человек замолчал и посмотрел на Альберта Кромвелла, который прислонился к стенке лифта, уставясь с тупым выражением на цифры над дверью. Цифра 12 погасла, а цифра 14 зажглась. Альберт Кромвелл следил за цифрами.

Импозантный человек спросил:

— Вы слышите мой голос?

— Да, — ответил Альберт Кромвелл.

— Однажды, скоро, — проговорил импозантный человек, — некто придет к вам по месту вашей работы. В банк, где вы работаете. Вы понимаете меня?

— Да, — сказал Альберт Кромвелл.

— Этот человек скажет вам: «Африканская банановая лавка». Вы понимаете меня?

— Да, — сказал Альберт Кромвелл.

— Что скажет человек?

— «Африканская банановая лавка», — сказал Альберт Кромвелл.

— Очень хорошо, — сказал импозантный человек. Цифра 17 ненадолго вспыхнула над дверями. — Вы все так же спокойны, — сказал импозантный человек. — Когда человек скажет вам: «Африканская банановая лавка», вы сделаете то, что он вам велит. Вы меня понимаете?

— Да, — сказал Альберт Кромвелл.

— Что вы сделаете, когда человек скажет вам: «Африканская банановая лавка?»

— Я сделаю то, что он мне велит, — сказал Альберт Кромвелл.

— Очень хорошо, — произнес импозантный человек. — Это очень хорошо, у вас очень хорошо получается. Когда человек покинет вас, вы забудете, что он приходил туда. Вы понимаете?

— Да, — сказал Альберт Кромвелл.

— Что вы сделаете, когда он покинет вас?

— Я забуду, что он приходил туда, — сказал Альберт Кромвелл.

— Отлично, — сказал импозантный человек. Над дверью зажглась цифра 22. — У вас получается отлично, — повторил импозантный человек. Он протянул руку и нажал на кнопку 26-го этажа. — Когда я оставлю вас, — проговорил он, — вы забудете о нашем разговоре. Когда вы приедете на свой этаж, вы почувствуете себя отдохнувшим, вам будет очень, очень хорошо. Вы забудете наш разговор и будете чувствовать себя отдохнувшим. Вы не вспомните наш разговор, пока человек не скажет вам: «Африканская банановая лавка». Вы сделаете то, что он вам велит, и когда он уйдет, вы снова забудете наш разговор, а также то, что он когда-то приходил к вам. Вы сделаете это?

— Да, — сказал Альберт Кромвелл.

Над дверью зажглась цифра 26, и лифт остановился. Двери разъехались.
— У вас вышло замечательно, — сказал импозантный человек, выходя в коридор, — просто замечательно.

Двери снова закрылись, и лифт поднялся на следующий 27-й этаж, где жил Альберт Кромвелл. Двери раздвинулись, Альберт Кромвелл встряхнулся и вышел в холл. Он улыбался. Он чувствовал себя очень хорошо, успокоенным и отдохнувшим. Плавным шагом он двинулся через холл, чувствуя себя превосходно и думая, что это из-за не по сезону хорошей погоды, наступившей сегодня. Но... из-за чего бы ни было, он чувствовал себя превосходно.

7

Дортмундер вошел в банк, припоминая, что сказал ему Великое Чмо вчерашним вечером, когда наконец докладывал об успехе с Альбертом Кромвеллом. «Если это возможно, — сказал он тогда, — сделай свое дело завтра. Если ты пропустишь завтрашний день, тебе придется ждать целый уик-энд, пока возможность представится снова. Гипнотема, должно быть, достаточно прочно зафиксирована и выдержит до понедельника, но, естественно, чем скорее ты запустишь его, тем лучше. Он может смотреть телевизор в субботу вечером, и там кто-нибудь скажет: «Африканская банановая лавка», и он тут же все вспомнит — и прости-прощай. Так что, если можешь завтра, сделай это завтра».

Вот теперь и было это завтра. Завтра после полудня. Дортмундер один раз уже приходил сегодня сюда, в девять тридцать утра, но когда он подошел к лестнице и поглядел вниз, на посту снаружи был Альберт, что означало, что Джордж был на посту внутри, а Джорджа они не обрабатывали, поэтому он ушел, а сейчас вернулся. В надежде, что Альберт и Джордж меняются после ленча, а не торчат каждый на своем посту целую смену.

Повезло. Дортмундер подошел к лестнице, поглядел вниз и увидел там Джорджа. Дортмундер без колебаний сбежал по лестнице, сказал «хелло» Джорджу, расписался и был впущен в первую калитку.

В промежуточной комнатке не было никого, и на секунду Дортмундер где-то между лопаток ощутил холодок мрачного предчувствия. Он вдруг увидел себя запертым здесь злорадствующим Джорджем, которому все известно, и вот его держат здесь, покуда прибудет полиция. Подходящий конец поисков Изумруда Талабво.

Но Джордж сказал:

— Альберт появится через минуточку, сэр, — и дортмундеровская паранойя исчезла, как дым. Он кивнул, и Джордж запер калитку из металлических прутьев и вернулся к своей конторке.

В комнате стояли два стула, но Дортмундер слишком нервничал, чтобы сесть. Он стоял на месте, будто кто-то его там забыл, как забывают зонтики, и через пару минут дальняя дверь запахнула, и из нее выплыли пожилая полная леди, прижимавшая пекинскую собачку к меху чернобурки, а следом за ней шел Альберт.

Альберт закрыл калитку и сказал Дортмундеру:

— Еще один момент, сэр.

— Пожалуйста, не спешите, — сказал Дортмундер.

Альберт открыл другую калитку и выпустил в нее леди, а затем повернулся к Дортмундеру:

— Благоволите следовать за мной, сэр.

Они прошли сквозь внутреннюю калитку и — прямо к дортмундеровскому ящику. Альберт вставил свой ключ, попросил ненадолго ключ Дортмундера, открыл и выдвинул ящик и тут же вернул ключ по принадлежности.

— Я только хотел взять это, — сказал Дортмундер и вынул конверт с Клинексами. Он спрятал его во внутренний карман пиджака.

Альберт с помощью двух ключей закрыл пустой теперь ящик, отдал Дортмундеру его ключ и сказал:

— Сюда, пожалуйста, сэр.

— «Африканская банановая лавка», — произнес Дортмундер.

Альберт застыл на месте. Он повернулся к Дортмундеру и спокойно посмотрел на него, готовый к своей службе.

— Да, сэр, — сказал он.

Дортмундер достал ключ Проскера.

— Теперь мы откроем этот ящик.

— Да, сэр, — Альберт взял ключ и двинулся вперед. Дортмундер последовал за ним, и они, продвигаясь по проходу, дошли до ящика Проскера. Альберт употребил

два ключа и открыл ящик, затем встал рядом, со спокойным и бодрым видом человека, готового услужить.

В ящике Проскера лежало множество бумаг, документов, толстых белых конвертов, свидетельств о рождении и тому подобное. Вместе со всем этим там была маленькая черная бархатная коробочка из тех, в которых хранят запонки или серьги. Дортмундер запустил руку в ящик, схватил коробочку и открыл ее.

Изумруд Талабо. Он занимал ее почти целиком и будто подмигивал Дортмундеру под светом флюоресцентных ламп. Словно усмехался внутри своей коробочки.

Дортмундер захлопнул коробочку и опустил в левый внутренний карман своего пиджака. Он сказал Альберту:

— Ол райт, закройте его.

— Да, сэр.

Альберт запер ящик и отдал Дортмундеру ключ Проскера. Потом он снова принял выражение спокойствия, бодрости и готовности служить.

Дортмундер сказал:

— Это все. Я готов уйти.

— Да, сэр.

Альберт проводил его к первой калитке, открыл ее и отступил в сторону, чтобы пропустить Дортмундера. Затем Дортмундер должен был подождать, пока он закроет ее снова, прежде чем пересечь маленькую проходную комнату и открыть внешнюю калитку. Дортмундер прошел мимо него, и снаружи Джордж сказал:

— Всего вам хорошего, сэр.

— Спасибо, — сказал Дортмундер. Он поднялся наверх, вышел из банка и позвал такси.

— Угол Амстердам авеню и Восемьдесят Четвертой улицы, — сказал он шоферу.

Машина покатила по Сорок Шестой улице, повернула направо и застряла в транспортной пробке. Дортмундер, сидевший сзади, улыбался. Это было невероятно. Они заполучили изумруд! Они в конце концов на самом деле добыли изумруд. Дортмундер увидел, что водитель с недоумением глядит на него через зеркальце заднего обзора, не понимая, чему может улыбаться пассажир, надолго застрявший в пробке. Но Дортмундер не мог остановиться. Он так и продолжал улыбаться.

ФАЗА ШЕСТАЯ

1

Вокруг стола в задней комнате «О. Дж. Бар и Гриль» сидели Мэрч, Келп и Чеввик. Мэрч пил пиво с солью, Келп — чистый «бурбон», а так как еще не наступил полдень, Чеввик не пил свой обычный шерри. Вместо этого он употреблял «диет-колу». Гринвуд был в баре — обучал Ролло приготовлению водочного коктейля со льдом, причем Ролло наблюдал эту процедуру со скептической ухмылкой.

Трое в задней комнате просидели в молчании пять или шесть минут, когда Мэрч внезапно произнес:

— Знаете, я все думаю об этом.

— Нет, нет, — сказал Келп. — Не думай об этом. У тебя может выступить сыпь.

— Я вот сидел тут, — продолжал Мэрч настойчиво, — и все гадал, что, в принципе, может пойти не так на этот раз. Может, кто-нибудь успел со вчерашнего дня перевести банк оттуда. Или кто-то из работающих там совершил растрату, присвоив изумруд...

Чеввик сказал спокойно:

— Я согласен с Келпом. Вы должны немедленно прекратить думать об этом. Или по крайней мере — об этом говорить.

Мэрч сказал:

— Но все это звучит как-то не так. Все, о чем я думаю, как-то не смахивает на лажу того сорта, которая всегда происходит с нами. Я почти готов поверить, что Дортмундер войдет через вон ту дверь с изумрудом в руках.

Мэрч показал на дверь, она открылась, и Гринвуд вошел с водочным коктейлем в руках. Он устоял на палец, которым Мэрч указывал на него, и спросил:

— Кто-нибудь звал меня?

Мэрч опустил руку.

— Нет, — сказал он. — Я просто говорил, что я настроен оптимистически, вот и все.

— Ошибка, — прокомментировал Гринвуд и сел к столу. — Я весьма предусмотрительно ничем не занял сегодняшний вечер, — продолжил он, — исходя из пред-

положения, что мы проведем его, сидя в этой комнате и разрабатывая план следующей операции.

— Даже и не говори об этом... — замотал головой Келп.

Гринвуд отмахнулся.

— Это не значит, что это может произойти. Ну а если бы я договорился с какой-нибудь красивой и горячей желанием дамочкой и предложил поужинать у себя дома, что тогда? Что тогда, а, Келп?

— Да-а, — сказал Келп. — Ты прав.

— Именно, — Гринвуд пригубил свой водочный коктейль.

— Здесь симпатичное местечко, — согласился Мэрч. — Жаль только, что это немного далековато, чтобы просто заскакивать сюда время от времени. Хотя, если я где-нибудь на Окружной или в районе Грэнд Централ, то почему бы и нет. — Он потянул пиво и добавил в него соли.

Келп спросил:

— Который час? — Но когда Чеввик посмотрел на часы, Келп быстро прибавил: — Не говорите мне! Я не хочу этого знать.

Гринвуд сказал:

— Если его прихватят, Дортмундера то есть, мы должны будем, конечно, устроить ему побег. Как вы устроили мне.

— Само собой, — сказал Келп. — А как же!

Гринвуд вздохнул.

— Когда моя дорогая мамочка велела мне определиться и найти постоянную работу, — сказал он, — я сильно сомневаюсь, чтобы она держала в голове все это.

Мэрч сказал:

— Ты думаешь, мы когда-нибудь добудем все-таки этот камень? Может, богу угодно, чтобы мы вступили на праведный путь, и это вроде тонкого намека с его стороны?

— Если пять операций с одним и тем же изумрудом надо считать тонким намеком, — отозвался Келп с горечью, — я бы хотел, чтобы господь приступил к более бесцеремонному воспитанию.

— И все-таки, — сказал Чеввик, задумчиво глядя в свою «диет-колу», — это было так интересно. Мой первый полет на вертолете, например. И когда я вел «Том Там», было так приятно.

— Не надо больше интересных дел, — заметил Мэрч. — Если всем все равно, я хочу, чтобы с этого момента все шло самым скучным путем. Все, чего я хочу, чтобы эта дверь открылась и в нее вошел Дортмундер с изумрудом в руках.

Он снова указал на дверь, и та снова открылась, и Дортмундер вошел с пустым стаканом в руках.

Все уставились на него. А Дортмундер уставился на направленный в его сторону палец, затем ушел с соответствующей линии огня, обошел вокруг стола, добрался до свободного стула и бутылки «бурбона», сел, налил «бурбон» в стакан и сделал глоток. Все смотрели на него, не мигая. Тишина была такой пронзительной, что было слышно, как он глотает.

Он оглядел их. Его лицо было лишено выражения, их лица тоже. Потом Дортмундер улыбнулся.

2

Изумруд лежал посреди обшарпанного деревянного стола наподобие красивого яйца, снесенного светом лампы с зеленым металлическим колпаком, которая висела прямо над ним. Этот свет отражался и преломлялся тысячу раз огранкой камня, так что казалось, будто изумруд смеется, и хмыкает, и хихикает, там, на середине стола. Счастливый, что попал в центр внимания. Счастливый от такого всеобщего восхищения.

Все пятеро некоторое время молча главели на изумруд, как бы пытаясь разглядеть картины своего будущего на его гранях. Внешний мир был далеко-далеко от них, слабый шум транспорта — как с другой планеты. Тишина в задней комнате «О. Дж. Бар и Гриль» была одновременно благоговейной и экстатической. Пять человек имели вид трепетной торжественности, и тем не менее все они улыбались. От уха до уха. Вперяся в подмигивающий, хохочущий камень и улыбаясь ему в ответ.

Келп вздохнул. Он сказал:

— Вот оно.

Остальные изменили позы, как бы очнувшись от транса.

— Я никогда не думал, что это случится, — прошептал Мэрч.

— Однако вот и мы, — сказал Гринвуд. — И какие мы красивые, а?

— Я хотел бы, чтобы Мод увидела его, — сказал Чеввик. — Мне следовало захватить с собой «Поляроид» и сфотографировать это чудо.

— Мне ненавистна мысль, что я должен расстаться с ним, — сказал Келп.

Дортмундер кивнул и проговорил:

— Я знаю, что ты имеешь в виду. Мы через столько прошли ради этого куска камня. Но теперь нам надо отделаться от него, и немедленно. Этот камушек слишком действует мне на нервы. Мне все кажется, что в любую минуту вон та дверь распахнется и миллион легавых ворвется сюда.

— Да они избивают пацанов по всему городу, — сказал Гринвуд.

— Тем не менее, — сказал Дортмундер, — пришло время вручить этот камень Майору Айко и получить наши деньги.

Мэрч спросил:

— Вы хотите, чтобы мы все отправились за ними? Я на своей машине.

— Нет, — ответил Дортмундер. — Вместе мы могли бы привлечь внимание. Кроме того, если что-нибудь пойдет не так, как следует, хоть кто-то из нас должен быть наготове, чтобы помочь. Келп, это с самого начала было твое дело, ты привлек всех нас к нему, с тобой первым связался Майор. И именно ты относил ему списки... Ты хочешь теперь отнести камень?

— Конечно, — сказал Келп. Это предложение явно доставило ему удовольствие. — Если, конечно, вы, ребята, считаете, что я способен в одиночку пересечь город.

— Мэрч может отвезти тебя, — сказал Дортмундер, — а мы вдвоем останемся здесь. И если эта заколдованная штука снова выкинет фортель, она делает это независимо от того, кто понесет камень. Если он тебя достанет, мы это поймем.

Келп не был уверен, ободрили его или нет, и пока он сидел и хмурился по этому поводу. Дортмундер взял изумруд и поместил его обратно в маленькую черную бархатную коробочку. Он подал ее Келпу, который взял ее и сказал:

— Если мы не вернемся через час, один бог будет знать, что с нами.

— Мы будем ждать вестей от вас, — сказал Дортмундер. — После вашего отъезда я позвоню Майору и попрошу его открыть сейф.

— Хорошо, — Келп спрятал коробочку в карман, допил свой «бурбон» и встал. — Пошли, Мэрч.

— Подожди, я допью пиво, — сказал Мэрч. Он был в явном затруднении, делая большие глотки. Наконец он опустошил стакан и поднялся с места. — Готов.

— До встречи, — произнес Келп и вышел. Мэрч двинулся за ним, и остальные расслышали, как он пробубнил: — Вопрос в том, ехать ли нам через парк по Шестьдесят Шестой или... — И тут дверь закрылась.

Дортмундеру пришлось попросить монетку в десять центов. Чеввик дал ему одну, и он вышел в бар, к телефонной будке, и набрал номер посольства. Он переговорил с двумя людьми, прежде чем у телефона оказался Айко, и тогда Дортмундер сказал:

— Сейчас мы его доставим.

— Неужели? — Майор, очевидно, был чрезвычайно доволен. — Это хорошие новости. А я уж было перестал надеяться.

— Как и все мы, Майор. Вы понимаете, что это товар против денег.

— Естественно. Деньги ждут в сейфе.

— Его привезет тот же человек, что и обычно.

— Разве вы не все вместе? — голос Майора звучал растерянно.

— Нет, не стоило ехать всей толпой. Это могло бы привлечь ненужное внимание.

— Возможно, — произнес Майор с сомнением. — Ну что ж, все это устроится, я уверен. Спасибо, что позвонили. Я буду ждать нашего друга.

— Хорошо, — сказал Дортмундер. Он повесил трубку и вышел из будки.

Ролло окинул Дортмундера взглядом, когда тот проходил мимо него к задней комнате, и заметил:

— Вы сегодня бодро выглядите.

— Такой сегодня бодрящий денек, — ответил Дортмундер. — Похоже, в ближайшее время мы не будем пользоваться вашей задней комнатой.

— Поздравляю, — сказал Ролло.

— Ага, — сказал Дортмундер и отправился в заднюю комнату, ждать.

3

Всегдашний эбеновый человек в зеркальных очках впустил Келпа, но не проводил его, как обычно, в бильярдную.

— Эй, — окликнул его Келп, когда они свернули в другую сторону. — Бильярд, помните? — Он сделал несколько характерных движений, как если бы держал кий.

— Сегодня кабинет, — сказал эбеновый человек.

— Ну? Ах да, сегодня случай особый. О'кей, ведите, — кроме всего прочего, Келпу полгечно от мысли, что у Майора не будет шансов показать ему какие-нибудь новые разученные трюки.

Или будет? Эбеновый человек распахнул дверь кабинета, Келп вошел в нее и увидел, что Майора за письменным столом нет. Там сидел Проскер, сидел, будто это была его контора, и дружелюбно улыбался Келпу, как паук мухе.

Келп остановился тут же, у двери, но чья-то рука подтолкнула его в спину. «Эй!» — вскрикнул он и повернулся, и эбеновый человек вошел следом за ним, закрыл дверь, достал из кармана пистолет и приставил его к носу Келпа.

Келп шагнул назад, в глубину комнаты, создавая больший промежуток между собой и дулом пистолета. «Что это значит?» — спросил он и тут же увидел двух других черных людей с пистолетами в руках, которые стояли у стен.

Проскер удовлетворенно хихикнул.

Келп резко повернулся и с ненавистью взглянул на него.

— Что ты сделал с Майором?

Проскер окончательно расхохотался.

— С Майором! О, господи! Вы, друзья мои, как дети в дремучем лесу, сущие дети в лесу! Что я сделал с Майором!

Келп угрожающе шагнул вперед.

— Да, что ты сделал с Майором? Что ты затеял?

— Я говорю от имени Майора, — произнес Проскер, всхлипывая от смеха и утирая слезы. Он слегка оперся руками о стол. — Я теперь работаю у Майора, — сказал он, — и Майор счел, что будет лучше, если я возьму на себя труд разъяснить вам элементарные факты нашей жизни. Ему показалось, что тренированный юридический ум сможет лучше суммировать всю ситуацию в нескольких предложениях, которые вы будете способны донести до своих друзей. Кроме того, я сам разработал солидную часть сценария.

— Сценария? — Келп ощущал, как те три пушки прожигают маленькие дырочки в тыльной части его шеи, но будь он проклят, если проявит что-либо, кроме самообладания и злости. — Какой сценарий? — потребовал разъяснить он.

— Садитесь, Келп, — предложил Проскер. — Мы поговорим.

— Мы не будем говорить, — сказал Келп. — Я буду говорить с Майором.

Улыбочка Проскера изменилась, став печальнее.

— Следует ли мне просить этих людей силой усадить вас? Не лучше ли обойтись без насилия?

Келп обдумал это, затем сказал:

— Ол райт, я тебя послушаю. Пока все это одни слова. — Он сел.

— Я боюсь, что слова — это все, что вы получите, — заявил Проскер, — так что слушайте их внимательно. Прежде всего, вам придется вручить мне Изумруд Талабво, и вы не получите за это никаких денег. Майор выплатил вам сумму в четырнадцать тысяч триста долларов, плюс пять тысяч этому гипнотизеру, плюс почти пять тысяч на остальные расходы, что вместе составляет более двадцати четырех тысяч долларов выплат, и Майор полагает, что этого вполне достаточно.

— За полумиллионный камень? — сказал Келп с горечью.

— Который в действительности и так принадлежит стране Майора, — указал Проскер. — Двадцать четыре тысячи долларов составляют огромную сумму для такой маленькой развивающейся страны, как Талабво, особенно если они выплачиваются за возвращение ее собственного имущества.

— Не должен ли я испытывать жалость к Талабво? — спросил Келп. — Меня схватили, меня и моих партнеров пытаются нагреть на двести тысяч зелененьких, и ты при этом хочешь, чтобы я жалел какую-то африканскую страну?

— Я просто хочу, чтобы вы вникли в ситуацию, — сказал Проскер. — Во-первых, я хочу, чтобы вы поняли, почему Майору представляется справедливым не выплачивать больше ничего за возвращение имущества, принадлежащего его стране. Мне сдается, что я вполне осветил этот пункт, и теперь перейду ко второму. Который заключается в том, что Майор предпочел бы, чтобы вы вели себя смиренно.

— Ах, он предпочел бы? — Келп улыбнулся половиной рта. — Трудновато это достанется Майору.

— Не уверен, — парировал Проскер. — Помните ли вы о склонности Майора к досье?

Келп нахмурился.

— Бумажки в папках, — сказал он. — Ну и что?

— Многое зависит от того, — сказал Проскер, — кто раскроет эти папки и прочтет эти бумажки. Прокурор Манхэттена, например, сочтет досье на вас пятерых захватывающим чтением. Оно позволит ему раскрыть пять весьма ярких преступлений последнего выпуска, равно как представить и некоторые весомые намеки по поводу других нераскрытых дел, совершенных в прошлом.

Келп прищурился, уставясь на Проскера.

— Майор собирается стучать на нас?

— Только если вы доставите ему неприятности, — сказал Проскер. Он откинулся в кресле и развел руками. — Конечно, — проговорил он, — вы закончили дело довольно успешно, принимая во внимание то, насколько неграмотно вы его вели.

— Неграмотно?!

— Вам потребовалось пять операций, чтобы сделать это, — напомнил Проскер. Он поднял руку, чтобы предупредить выплескивавшиеся из Келпа возражения: — Никто вас не критикует. Все хорошо, что хорошо кончается, как было однажды замечено, а вы и ваши друзья в конце концов, сделали то, что требовалось. Но, несомненно, вы не продемонстрировали образца профессионализма, на который рассчитывал Майор, нанимая вас.

— Он задумал крутануть это с деньгами с самого начала, — сказал Келп со злостью.

— У меня нет мнения на сей счет, — сказал Проскер. — Пожалуйста, положите теперь изумруд на этот стол.

— Уж не думаете ли вы, что я свихнулся настолько, чтобы принести его с собой, а?

— Да, я так думаю, — без всякого беспокойства сказал Проскер. — И еще я думаю, что вы не свихнулись до такой степени, чтобы заставить этих джентльменов вынудить вас силой расстаться с ним.

Келп обдумал это со злобой и горечью, и решил, что нет. Не было смысла зарабатывать ненужные синяки. Он просто сдаст этот раунд, утешая себя мыслью, что весь бой еще не окончен. Келп полез в карман, достал черную бархатную коробочку и выложил ее на стол.

— Очень хорошо, — промурлыкал Проскер, улыбаясь коробочке. Он протянул обе руки, открыл коробку, улыбнулся ее содержимому. Затем закрыл коробочку и поглядел мимо Келпа на трех молчаливых вымогателей. — Один из вас может отнести это Майору, — произнес он.

Эбеновый человек, очки которого отражали падающий на них свет, выступил вперед и взял коробочку. Келп проследил глазами, как он вышел из комнаты.

Проскер сказал:

— Теперь, — и Келп повернул голову, чтобы вновь посмотреть на него. — Теперь, — повторил Проскер, — произойдет следующее. Вскоре я покину этот гостеприимный дом и вручу себя в руки полиции. У меня состряпана история о том, как я был похищен группой преступников, ошибочно полагавших, будто мне известно, где укрыта добыча одного моего клиента. Преступникам потребовалось несколько дней на то,

чтобы признать свою ошибку, и тогда они меня отпустили. Я не узнал ни одного из них и не рассчитываю обнаружить ни одной их фотографии в специальных альбомах. Ни Майор, ни я, как видите, не заинтересованы в том, чтобы создать вам, друзья, ненужные трудности. Мы надеемся, что вы учтете это и не станете вынуждать нас к более резким мерам.

— Закругляйся, — сказал Келп. — Что еще?

— Ничего, — сказал Проскер. — Вам заплатили все, что вы должны были получить. Майор и я взяли на себя тяжесть сокрытия ваших преступлений, связанных с изумрудом. Если вы теперь обратитесь к своим делам, все пятеро, это будет конец истории, но если кто-либо из вас доставит неприятности Майору или мне, у нас будет возможность сделать вашу жизнь очень, очень тяжелой.

— Майор может вернуться в Талабво, — заметил Келп. — Но ты-то останешься здесь.

— Как выясняется, нет, — ответил Проскер, дружески улыбаясь. — В Талабво создана вакансия юрисконсульта в связи с разработкой их новой конституции. Хорошо оплачиваемая работа, кстати, с субсидией от правительства Соединенных Штатов. Подготовка новой конституции должна занять около пяти лет. Я с нетерпением жду перемены обстановки.

— О, как бы я хотел устроить тебе перемену обстановки! — воскликнул Келп.

— Надо думать, — согласился Проскер. Он бросил взгляд на часы. — Мне крайне неприятно торопить вас, — сказал он, — но меня слегка поджимает время. Есть ли у вас какие-нибудь вопросы?

— Ни одного, на который бы тебе понравилось отвечать, — заключил Келп. Он поднялся со стула. — До встречи, Проскер.

— Сомневаюсь, — сказал Проскер. — Эти два джентльмена проводят вас.

Эбеновые люди проводили Келпа и плотно закрыли дверь, как только он оказался на улице.

Машина Мэрча стояла за углом. Келп бросился к ней и скользнул на переднее сиденье. Мэрч сказал:

— Все о'кей?

— Все в дерьме, — быстро ответил Келп. — Подай туда, откуда можно заглянуть за угол.

Мэрч среагировал мгновенно; запустив двигатель и направив машину вперед, спросил:

— В чем проблема?

— Надувательство. Я должен позвонить. Если кто-нибудь выйдет из этого посольства прежде, чем я вернусь, сбей его.

— Есть, — сказал Мэрч, и Келп выскочил из машины.

4

Ролло вошел в заднюю комнату и сказал:

— Другой «бурбон» на проводе. Он хочет говорить с вами.

— Я так и знал, — сказал Гринвуд. — Что-то опять не так.

— Может и нет, — сказал Дортмундер, но по его лицу было видно, что он в это не верит. Он встал, проследовал за Ролло в бар и поспешил к телефонной будке. Он влетел в нее, захлопнул дверь, поднял трубу и произнес:

— Да-а?

— Динамо, — прозвучал голос Келпа. — Давайте быстро сюда.

— Даем, — рявкнул Дортмундер и повесил трубку. Он выскочил из будки и помчался к задней комнате, на бегу крикнув Ролло: — Мы скоро вернемся.

— Само собой, — сказал Ролло. — В любое время.

Дортмундер открыл дверь задней комнаты, просунул туда голову и сказал:

— Пошли.

— Как это меня раздражает, — сказал Чевфик. Он со стуком опустил стакан с «диет-колой» на стол и поспешил вслед за Дортмундером и Гринвудом прочь из бара.

Они тут же схватили такси, но понадобилась чуть ли не вечность, чтобы проехать через парк. Во всяком случае, казалось, что вечность. Но все-таки она кончилась, вместе с ней окончилась и поездка в такси, из которого Дортмундер и другие буквально выпали на углу, в полуквартале от посольства Талабво. Мэрч подбежал, когда такси уже отъехало, и Дортмундер спросил:

— Что происходит?

— Надувательство, — ответил Мэрч. — Проскер и Майор сговорились.

— Нам следовало похоронить его в лесу, — сказал Гринвуд. — Я знал это тогда, но просто проявил мягкосердечие.

— Заткнись, — сказал ему Дортмундер и, обращаясь к Мэрчу, спросил: — Где Келп?

— Поехал за ними, — сказал Мэрч. — Минут пять назад Майор, Проскер и еще трое вышли и сели в такси. Они были с багажом. Келп едет за ними в другом такси.

— Проклятье, — сказал Дортмундер. — Мы потратили слишком много времени, чтобы продрасться через парк.

— Будем здесь дожидаться Келпа, — спросил Гринвуд, — или что?

Мэрч показал на застекленную телефонную будку на противоположном углу.

— Он записал этот номер, — сказал он. — Позвонит, когда будет случай.

— Хорошо придумано, — сказал Дортмундер. — Ол райт. Мэрч, ты оставайся у будки. Чэфвик, вы и я идем в посольство. Гринвуд, пушка с собой?

— А как же.

— Одолжи.

Они на мгновение тесно сошлись друг с другом, и Гринвуд передал свой Смит и Вессон. Дортмундер закинул его в карман пиджака и сказал Гринвуду:

— Ты останешься на стреме. Идем!

Мэрч вернулся к телефонной будке, а Дортмундер, Чэфвик и Гринвуд поспешили к посольству. Гринвуд прислонился к узорной решетке и неторопливо раскурил сигарету, пока Дортмундер и Чэфвик поднимались по каменным ступенькам, причем Чэфвик доставал на ходу из карманов небольшие продолговатые инструменты.

Было около пяти часов пополудни в пятницу, и Пятая авеню была забита транспортом: такси, автобусы и немногочисленные частные автомобили и то там, то сям черные лимузины ползли в южном направлении, и этот вялый поток медленно тек по Пятой авеню, оставляя с правой стороны парк, с левой внушительные старые каменные дома. Тротуары тоже были забиты няньками, катившими детские коляски, лифтерами, выгуливавшими собак, и цветными сиделками, прогуливавшими согбенных стариков. Дортмундер и Чэфвик отгородились от всего этого спинами, заслоняя быстрые руки Чэфвика, и он прошел сквозь дверь, как бронированный автомобиль через обруч, затаенный рисовой бумагой. Дортмундер и Чэфвик быстро вошли в здание, причем первый достал револьвер, пока второй закрывал дверь.

Две передние комнаты, через которые они прошли, производя беглый осмотр, были пусты, но третья содержала две пишущих машинки с двумя черными машинистками женского пола. Последние были быстро заперты на задвижку в стенном шкафу, и Дортмундер с Чэфвиком проследовали дальше.

В кабинете Майора Айко, на письменном столе, они нашли блокнот для памятных записей с карандашной пометкой на верхнем листе: «Кеннеди» — рейс 301, 7.15». Чэфвик сказал:

— Должно быть, туда они и отправились.

— Но какая авиакомпания?

Чэфвик еще раз с удивлением посмотрел на запись.

— Здесь не сказано.

— Телефонная книга, — сказал Дортмундер. — Желтые страницы.

Они принялись выдвигать ящики, телефонная книга Манхэттена оказалась в нижнем ящике слева. Чэфвик спросил:

— Вы собираетесь звонить во все авиакомпании?

— Надеюсь, что нет. Попробуем «Панамерикэн». — Он нашел номер, набрал его, и после четырнадцати гудков отозвался приятный, но какой-то пластмассовый женский голос. Дортмундер сказал:

— У меня вопрос, который может показаться глупым, но я пытаюсь предотвратить похищение невесты.

— Похищение невесты, сэр?

— Я против того, чтобы мешать любви, — сказал Дортмундер, — но мы только что выяснили, что он уже женат. Мы знаем, что они улетают из «Кеннеди» сегодня в семь пятнадцать. Рейс три-ноль-один.

— Это рейс «Панамерикэн», сэр?

— Мы не знаем... какая компания и куда они направляются.

Дверь кабинета открылась, и в нее вошел эбеновый человек, отражая свет своими очками. Дортмундер буркнул в трубку: «Подождите секундочку». Он прижал микрофон к груди и направил револьвер Гринвуда на эбенового человека. «Встань туда», — сказал он, указывая на голый простенок вдали от выхода.

Эбеновый человек поднял руки и стал в простенок.

Дортмундер, направив глаза и револьвер на эбенового человека, сказал в трубку:

— Прошу прощения. С матерью невесты истерика.

— Сэр, все, чем вы располагаете, — номер рейса и время отправления?

— И что вылет из «Кеннеди».

— Это может занять некоторое время, сэр.

— Я готов подождать.

— Не вешайте трубку.

— Конечно...

В трубке раздался щелчок, и Дортмундер сказал Чевфику:

— Обыщите его

— Сию минуту. — Чевфик обыскал эбенового человека и вернулся с автоматическим пистолетом Беретта Джетфайр калибра 0,25, маленьким гнусным оружием, с которым Келп уже познакомился немного раньше.

— Свяжите его, — сказал Дортмундер.

— Как раз моя мысль, — отозвался Чевфик. Он сказал эбеновому человеку: — Дайте мне ваш галстук и шнурки от ботинок.

— Вы проиграете, — сказал эбеновый человек.

Дортмундер сказал:

— Если он предпочитает быть застреленным, суньте пистолет поглубже ему в живот, чтобы приглушить звук.

— Естественно, — сказал Чевфик.

— Я окажу сотрудничество, — произнес эбеновый человек, начав снимать галстук. — Но это ничего не даст. Вы проиграете.

Дортмундер продолжал прижимать трубку к уху и держать под прицелом эбенового человека, который отдал галстук и шнурки Чевфику.

— Теперь снимите ваши ботинки и носки и ложитесь на пол, лицом вниз, — приказал Чевфик.

— Неважно, что вы сделаете со мной, — сказал эбеновый человек. — Я ничего не значу, а вы проиграете.

— Если не поторопиться, — сказал Дортмундер, — станешь значить еще меньше.

Эбеновый человек сел на пол и снял туфли и носки, затем лег лицом вниз. Чевфик с помощью одного шнурка связал вместе большие пальцы рук у него за спиной, с помощью другого — большие пальцы ног, а галстук закинул эбеновому человеку в рот.

Чевфик как раз заканчивал всю процедуру, когда Дортмундер услышал еще один щелчок, и женский голос сказал:

— Алло, я нашла его, сэр.

— Я чрезвычайно признателен вам, — сказал Дортмундер.

— Это рейс Эйр Франс в Париж, — сказала она. — Это единственный рейс с таким номером, вылетающий в указанное время.

— Большое вам спасибо, — сказал Дортмундер.

— Как это романтично, да, сэр? — сказала она. — Похищать невесту в Париж.

— Наверное, — сказал Дортмундер.

— Как ужасно, что он уже женат.

— Такие вещи случаются, — сказал Дортмундер. — Спасибо еще раз.

— Всегда готовы услужить, сэр.

Дортмундер повесил трубку и сказал Чевфику:

— Эйр Франс в Париж. Помогите мне оттащить эту пташку сюда, за стол. Не хотелось бы, чтобы кто-нибудь обнаружил его и освободил, и он смог бы позвонить Майору в «Кеннеди».

Они уложили эбенового человека позади стола и покинули посольство, не встретив более никого. Гринвуд все еще торчал у дверей, опираясь на железную ограду. Он присоединился к ним, и пока они шли к углу, пересекали улицу и подходили к будке, в которой сидел Мэрч, Дортмундер сообщил ему, что они узнали. Около будки Дортмундер сказал:

— Чевфик, оставайтесь здесь. Когда Келп позвонит, скажите ему, что мы едем, и пусть он оставит для нас записку в агентстве Эйр Франс. Если они поехали не в «Кеннеди», а в другое место, ждите здесь, и если в Эйр Франс записки не будет, мы вам позвоним.

Чевфик кивнул.

— Очень хорошо, — сказал он.

— Мы встречаемся в «О. Дж.», когда все будет кончено, — сказал Дортмундер. — Если нам придется расстаться, встретимся там.

— Это может быть поздно вечером, — сказал Чевфик. — Лучше я позвоню Мод.

— Не занимайте этот телефон.

— О, нет. Удачи вам.

— Это бы не помешало, — сказал Дортмундер. — Пошли, Мэрч, посмотрим, насколько быстро ты сможешь довезти нас в аэропорт «Кеннеди».

— Ну, отсюда, — проговорил Мэрч, пока они трусили через улицу к его машине, — я рвану прямо по ФДР Драйв к Триборо...

У девушки за стойкой Эйр Франс был французский акцент.

— Мистер Дортмундер? — спросила она. — Да, у меня есть для вас записка. — Она подала небольшой конверт.

— Спасибо, — сказал Дортмундер, и они с Гринвудом отошли от стойки. Мэрч снаружи ставил машину. Дортмундер открыл конверт и внутри него обнаружил маленький листочек бумаги, на котором были нацарапаны слова «Золотая Дверь».

Дортмундер перевернул листок, но противоположная сторона была пуста. Он перевернул бумажку снова, и там по-прежнему значилось: «Золотая Дверь». Просто «Золотая Дверь», больше ничего.

— Этого как раз не хватало, — произнес Дортмундер.

— Минутку, — сказал Гринвуд и подошел к ближайшей из проходивших мимо стюардесс, хорошенькой блондинке с короткой стрижкой в темно-синей униформе. — Простите меня, — сказал Гринвуд, — вы выйдете за меня замуж?

— Я бы с удовольствием, — сказала она, — но мой самолет улетает через двадцать минут.

— Ну, вернетесь, — сказал Гринвуд. — А пока не могли бы вы мне объяснить, где «Золотая Дверь» и что это такое?

— О, это ресторан в Международном Терминале Прибытия.

— Чудно. Когда мы сможем там пообедать?

— О, в следующий раз...

— Прекрасно, — сказал он. — А когда это будет?

— Разве вы не знаете?

— Пока нет. Когда вы возвращаетесь?

— В понедельник, — ответила она с улыбкой. — Мы прибудем в три тридцать пополуночи.

— Идеальное время для обеда. Договоримся на четыре?

— Лучше на четыре тридцать.

— В полпятого в понедельник, в «Золотой Двери». Я закажу столик немедленно. На фамилию Грофилд, — сказал он, сообщив свое самое последнее имя.

— Я обязательно буду, — сказала она. У нее была прелестная улыбка и прекрасные зубы.

— Тогда до встречи, — сказал Гринвуд и вернулся к Дортмундеру. — Это ресторан, в Международном Терминале Прибытия.

— Идем.

Они вышли на воздух и встретили Мэрча, направляющегося в здание. Проинформировали его о последних событиях, попросили носильщика показать Международный Терминал Прибытия и подъехали к нему на автобусе.

«Золотая Дверь» была расположена наверху, у входа с длинного и широкого эскалатора. Неподалеку стоял Келп. Дортмундер и двое других подошли к нему, и Келп сказал:

— Они обжираются там, наверху.

— Они хотят вылететь в Париж рейсом Эйр Франс в семь пятнадцать, — сказал Дортмундер.

Келп взглянул на него:

— Как вы это узнали?

— Телепатия, — сказал Гринвуд. — Мой трюк — «Угадывание веса».

— Пошли наверх, — сказал Дортмундер.

— Я неподходяще одет для такого места, — заметил Мэрч. Он был в кожаной куртке и рабочих штанах, в то время как трое остальных были в костюмах и при галстуках.

Дортмундер спросил Келпа:

— Другие выходы есть?

— Вероятно, но это единственный вход для публики.

— О'кей. Мэрч, ты останешься внизу, на случай, если они прорвутся. Если это произойдет, следуй за ними, но не пытайся ничего предпринимать по собственной инициативе. Келп, Чеввик все еще в телефонной будке?

— Нет, он сказал, что отправляется в «О. Дж.» Теперь мы сможем связаться с ним там.

— Хорошо, Мэрч, если кто-нибудь спустится сверху и ты пойдешь за ним, сообщи нам через «О. Дж.» так скоро, как сможешь.

— Есть.

Трое остальных встали на эскалатор и поднялись наверх, очутившись на темном ковре посреди затененного пустынного зала. Позади метрдотеля декоративная перегородка из легких планок и масса искусственных растений отделяли это пространство

от основного помещения ресторана. Метрдотель собственной персоной, вооруженный французским акцентом, правда, менее чарующим, чем у юной леди за стойкой Эйр Франс, подошел к ним и осведомился, сколько человек в их компании. Дортмундер сказал:

— Мы подождем всех остальных.

— Как изволите, сэр, — метр удалился с поклоном.

Келп сказал:

— Вот они.

Дортмундер поглядел через пластиковые листья. Обеденный зал был обширным и почти совершенно пустым. За столом, примерно в середине зала, у окна, сидели Майор Айко, Проскер и три крепких черных молодых человека. Они не спеша и с приятностью обедали, благо было лишь пять часов с небольшим, и еще два часа оставалось до их рейса.

Келп сказал:

— Мне не хочется брать их здесь. Слишком публичное место, и в то же время мы здесь будто в ящике.

— Согласен, — сказал Дортмундер. — Ол райт, мы подождем их внизу.

Он повернулся и пошел к эскалатору.

Гринвуд сказал:

— Я догоню вас через минутку. У меня тут личное дело.

Дортмундер и Келп спустились вниз, а минутой позже появился Гринвуд. Они ввели в курс Мэрча, после чего вся четверка разбрелась по нижнему холлу, не спуская глаз с эскалатора, ведущего к «Золотой Двери».

Было уже почти шесть часов, и день превратился в вечер за окнами Терминала, когда Майор, Проскер и их тройной эскорт спустились вниз, закончив обедать. Дортмундер мгновенно вскочил на ноги и направился к ним. Когда они увидели его и еще не перестали питься в остолбенении, он изобразил на лице роскошную улыбку, протянул вперед руку и приблизился к ним вплотную, воскликнув:

— Майор! Какой сюрприз! Как замечательно видеть вас снова!

В этот момент он достиг их, охватил обмякшую руку Майора и стал горячо пожимать ее. Сохраняя роскошную улыбку на физиономии, он мягко и негромко произнес: — Остальные рядом. Если вы не хотите стрельбы, то просто стойте спокойно.

Проскер уже успел оглядеться по сторонам и теперь сказал:

— Клянусь господом, они действительно здесь!

— Дортмундер, — сказал Майор, — я уверен, что мы можем все уладить.

— Вы чертовски правы, что можем. Именно мы вдвоем. Без адвокатов, без телохранителей.

— Но вы не станете... э-э... применять насилие?

— Ну что вы, Майор, я — нет, — сказал Дортмундер. — Но насчет остальных я уверен. Гринвуд застрелил бы первым Проскера, что очень естественно, ну а Келп, я думаю, начал бы с вас.

Проскер сказал:

— Вы не осмелитесь в таком людном месте...

— Идеальное место, — сказал Дортмундер. — Стрельба, паника. Мы смешиваемся с толпой... Лучшее место на свете, чтобы спрятаться, это толпа.

Майор проговорил:

— Проскер, не пытайтесь заставить его доказывать правоту его слов, они и так звучат слишком правдиво.

— Вот именно, дьявол их побери, — сказал Проскер. — Ол райт, Дортмундер, чего вы хотите? Еще денег?

— Мы не можем позволить себе еще сто семьдесят пять тысяч, — сказал Майор, — это просто невозможно.

— Двести тысяч, — напомнил ему Дортмундер. — Цена подскочила тогда, при операции номер три. Но я не хочу вести дискуссию перед всеми этими людьми. Пошли.

— Пошли? Куда?

— Мы просто поговорим, — объяснил Дортмундер. — Ваши люди могут постоять здесь, мои люди останутся на своих местах, а вы и я прогуляемся немного и поговорим. Идемте!

Майору этого очень не хотелось, но Дортмундер был настойчив. В конце концов Майор двинулся с места, а Дортмундер через плечо посоветовал остальным:

— Стойте, где стоите, и вам не придется послужить началом посмертной паники.

Дортмундер и Майор отправились прочь по длинному коридору, расположенному над зоной таможенного контроля, по одну сторону которого располагались бесчисленные магазины, а по другую — перила, у которых люди могли стоять и смотреть вниз на своих возвращающихся из поездки родственников или прибывающих иностранных друзей, подвергаемых таможенному унижению.

Майор сказал:

— Дортмундер, Талабво — бедная страна, я могу достать вам еще некоторое количество денег, но не двести тысяч долларов. Может быть, тысяч пятьдесят, еще по десять тысяч на каждого, но мы физически не можем позволить себе больше.

— Значит, вы планировали это надувательство с самого начала? — спросил Дортмундер.

— Не стану вам лгать, — признался Майор.

А в то же время в холле Проскер говорил трем темнокожим людям:

— Если мы разбежимся в разные стороны, они не посмеют стрелять.

— Мы не хотим умирать, — сказал один из черных людей, и остальные согласно кивнули.

— Они не станут стрелять, черт побери! — настаивал Проскер. — Неужели вы не понимаете, к чему ведет Дортмундер? Он же отнимет изумруд у Майора!

Черные люди переглянулись.

— Если вы не поможете Майору, — сказал Проскер, — и Дортмундер отберет у него изумруд, вас даже не просто расстреляют, вам будет много хуже, и вы это знаете.

На черных физиономиях появилось выражение тревоги.

— Я считаю до трех, — сказал Проскер, — и при счете «три» мы разбегаемся, потом разворачиваемся и бежим за Дортмундером и Майором.

Предлагаемое мероприятие вызывало у них ненависть, но мысль о Майоре в плохом настроении была много страшнее, и они с неохотой кивнули.

— Раз, — произнес Проскер. Ему был виден Гринвуд, который сидел неподалеку, прикрывшись газетными листами «Дейли Ньюс». — Два, — сказал Проскер: в другом направлении он заметил Келпа. — Вперед, — сказал он и побежал. Темнокожие люди задержались на секунду-другую, а потом тоже побежали.

В крупном аэропорту обычно не очень обращают внимания на спешащих, бегущих людей, но эти четверо стартовали так внезапно, что дюжина человек уставилась на них в изумлении. Келп, Гринвуд и Мэрч тоже посмотрели им вслед, а потом вдруг бросились навстречу друг другу для короткого совещания.

Тем временем Дортмундер и Майор все еще шли по коридору, причем Дортмундер пытался найти пустынный уголок, в котором можно было бы освободить Майора от необходимости нести изумруд, а Майор пространно рассуждал о бедности Талабво, о своем раскаянии и о горячем желании поправить положение настолько, насколько это в его возможностях.

Отдаленный голос прокричал: «Дортмундер!» Узнав Келпа, Дортмундер оглянулся и увидел, что двое из трех темнокожих несутся к нему, раскидывая на своем пути зевак, наблюдавших за таможенной.

Майор успел подумать, что и он сейчас, должно быть, присоединится к забегу, но вместо этого Дортмундер захватил его руку на болевой прием и огляделся по сторонам. Чуть впереди он обнаружил закрытую дверь золотистого цвета с черной надписью «Входа нет». Дортмундер дернул за ручку, дверь распахнулась, он втолкнул в нее Майора, и они очутились на верхней площадке серой замызанной лестницы.

Майор сказал:

— Дортмундер, я даю вам слово.

— Мне не нужно ваше слово, я хочу этот камушек.

— Не думаете же вы, что он у меня с собой?

— Именно это я и думаю, вы не выпустите его из рук, пока не окажетесь дома, на воле, — Дортмундер вытащил револьвер Гринвуда и сунул его ствол в живот Майора. — Получится дольше, если мне придется обыскать вас.

— Дортмундер...

— Заткнись и гони изумруд! У меня нет времени на все это вранье!

Майор глянул в лицо Дортмундера, находившееся в нескольких дюймах от его собственной физиономии, и закричал:

— Я заплачу все деньги, я...

— Ты сдохнешь, будь ты проклят! Давай изумруд!

— Ол райт, ол райт! — Майор теперь едва бормотал под напором Дортмундера. — Только сохраните его, — проговорил он, вытаскивая черную бархатную коробочку из внутреннего кармана. — Других покупателей не будет. Берегите его, я разыщу вас, я найду деньги, чтобы вам заплатить.

Дортмундер выхватил коробочку из его руки, отступил на шаг и быстро заглянул в нее. Изумруд был на месте. Он поднял глаза и увидел Майора в прыжке. Майор налетел на ствол револьвера и упал на спину.

Дверь открылась, и в нее влетел один из темнокожих людей. Дортмундер, памятуя о том, что они только что плотно пообедали, ударил его в живот, тот произнес: «У-уфф!» — и согнулся пополам.

• Но второй черный человек был где-то позади, недалеко, следовало ожидать

и третьего. Поэтому Дортмундер повернулся и, держа изумруд в одной руке, а револьвер в другой, рванул вниз по лестнице.

Он слышал, как они погнались за ним, слышал, как кричал Майор. Первая дверь, на которую он наткнулся, была заперта, а вторая пропустила его наружу, в прохладную темноту октябрьского вечера.

Но куда? Дортмундер, пробиваясь сквозь темноту, обогнул угол, и оказалось, что темнота до краев наполнена самолетами.

Он прошел сквозь зеркала, пересек ту невидимую черту, которая отделяет посвященных от другой половины мира. Он был там, где были самолеты, в потоках яркого света, окруженные темнотой, прореженной цепочками синих или янтарных огней рулежных дорожек, взлетно-посадочных полос и погрузочно-разгрузочных зон.

А темнокожие люди все еще гнались за ним. Дортмундер бросил взгляд направо, где пассажиры спускались по трапу из самолета компании САС. Присоединиться к ним? Только странно то он будет выглядеть в таможенном контроле без паспорта, без билета и багажа. Он повернул в другую сторону и бросился в темноту.

Следующие пятнадцать минут Дортмундер провел как в лихорадке. Он продолжал бежать, и черные люди бежали следом за ним. Он метался по всей территории, отведенной для самолетов, мчался то по траве, то по гравию, то по бетону рулежных дорожек, перепрыгивая через маркировочные огни, стараясь не показываться силуэтом на фоне ярко освещенных площадок и в то же время пытаясь не попасть под проезжающий «Боинг-707».

Время от времени он видел гражданскую часть аэропорта, его родную часть, по ту сторону ограды или за углом здания, там ходили люди и подъезжали и отъезжали такси, но каждый раз, как он устремлялся туда, преследователи отсекали его, чтобы он оставался на открытом гладком и незащищенном пространстве.

И вот теперь он все дальше и дальше уходил от зданий, ярких огней, от всего, что связывало его с пассажирской частью Терминала. Прямо впереди были взлетно-посадочные полосы, с длинной чередой аэропланов, ожидающих взлета. Ушла в небо реактивная «Олимпия», за ней двухмоторный винтовой «Могоук», следом частный реактивный «Лир», принадлежащий эстрадной звезде, за которыми взлетел древний двухместный «Эркулес», а за ними — громадный «Боинг-707» компании «Люфтганза»; монстры и карлики, один за другим, послушно выстаивали очередь, и гиганты никогда не сталкивали с пути малышей, за чем внимательно следили с контрольной башни.

Один из самолетов, ожидавших разрешения на взлет, был выпущен в Италии и собран в Штатах «Уэко Вела», пятиместная машина с двигателем «Франклин» американского производства. У его панели управления сидел торговец компьютерами по имени Фэргас, друг которого Буллок дрых, развалившись поперек задних сидений. В очереди перед ними был реактивный лайнер компании ТВА, который грузно протрясся на стартовую позицию в начале полосы, постоял там, ревя и вибрируя, несколько секунд, а потом радостно поскакал прочь, будто Сидней Гринстрит, играющий в баскетбол, пока не оторвался от бетона, став сразу же грациозным и прекрасным.

Фэргас двинул свой маленький самолет вперед, к взлетной полосе, и повернул направо. Теперь полоса простиралась прямо перед ним. Фэргас сидел, глядя на приборы, ожидая, пока контрольная башня выдаст разрешение на взлет, и сокрушаясь по поводу свиных отбивных, съеденных за обедом, как вдруг совершенно неожиданно правая дверь распахнулась, и человек с револьвером в руке ворвался в кабину.

Фэргас уставился на него в изумлении.

— Гавана? — спросил он.

— Просто в небо, — ответил ему Дортмундер и посмотрел в окно на трех темнокожих людей, бежавших к ним.

«О'кэй, эн-733-дабл-ю, — произнес диспетчер в наушниках Фэргаса, — взлет разрешаю».

— Ух, — сказал Фэргас.

Дортмундер посмотрел на него.

— Не делайте никаких глупостей, — проговорил он. — Просто взлетайте.

— Да, — отозвался Фэргас. По счастью, он давно привык к своему самолету и мог управлять им в то время, как мысли его витали и выделявали любые антраша. Он тронул «Вела» с места, и они помчались по полосе, оставив стоять у ее начала трех запыхавшихся эбеновых людей, и очень быстро самолет взлетел и набрал высоту.

— Хорошо, — сказал Дортмундер.

Фэргас поглядел на него.

— Если вы застрелите меня, — сказал он, — мы разобьемся.

— Я не буду стрелять, — сказал Дортмундер.

— Мы не дотянем до Кубы, — сказал Фэргас. — С нашим запасом горючего мы долетим разве что до Вашингтона. Ну, чуть дальше.

— Я не хочу на Кубу, — сказал Дортмундер. — И в Вашингтон мне не надо.

— Тогда куда же вы хотите? Только не через океан, это еще дальше.

— А вы куда направляетесь?

Фэргас не мог ничего понять.

— Ну, в общем, в Питсбург, — проговорил он.

— Вот туда и давайте.

— Вы хотите в Питсбург?

— Просто сделайте то, что собирались, — сказал Дортмундер. — Не обращайтесь на меня внимания.

— Ну, — сказал Фэргас, — ол райт.

Дортмундер поглядел на спящего человека на задних сиденьях, потом в окно на летевшие огни. Они уже далеко от аэропорта. Изумруд Талабво в кармане дортмундеровского пиджака. Все более или менее под контролем.

Потребовалось пятнадцать минут, чтобы пролететь над Нью-Йорком и достичь Нью-Джерси, и Фэргас все время молчал. Он, казалось, немного расслабился, когда они очутились над более темными и спокойными нью-джерсийскими болотами, и произнес:

— Друг, я понятия не имею, что у тебя за проблемы, но ты вогнал мою душу в пятки, это уж точно.

— Виноват, — сказал Дортмундер. — Я очень спешил.

— Мне тоже так показалось, — Фэргас мельком взглянул на Буллока, который все еще спал. — Уж он удивится, когда очухается, — сказал Фэргас.

Но Буллок продолжал спать. Прошло еще четверть часа, и Дортмундер спросил:

— Что это там внизу?

— Что именно?

— Да вот это, вроде бледной полосы?

Фэргас посмотрел вниз:

— А, это шоссе номер восемьдесят. Знаете, один из этих строящихся суперхайуэев. Эта часть еще не закончена. А вообще-то, знаете, они устарели. Вот что идет на смену — маленький частный самолет. Почему, знаете ли...

— Она выглядит законченной, — сказал Дортмундер.

— Что?

— Эта дорога, там, внизу. Вроде как ее уже сделали.

— Ну да, только еще не открыли, — Фэргас был раздражен. Он хотел сообщить Дортмундеру замечательную статистику, касающуюся частных владельцев самолетов в Соединенных Штатах.

— Садитесь туда, — сказал Дортмундер.

Фэргас уставился на него.

— Что-о?

— Она достаточно широка для такого самолета, как этот, — сказал Дортмундер. — Садитесь...

— Зачем?

— Чтобы я мог сойти. Не беспокойтесь, я по-прежнему не намерен стрелять в вас.

Фэргас сделал вираж и описал круг над бледной полосой, бежавшей внизу по темной земле.

— Я не знаю, — сказал он с сомнением. — Там нет ни огней, ничего...

— Вы можете это сделать, — сказал уверенно Дортмундер. — Вы хороший пилот, я это вижу. — Он не имел никакого представления о пилотаже.

Фэргас подраспустил хвост.

— Ну, может, я и смог бы сесть туда, — произнес он. — Немного рискованно, но не невозможно.

— Хорошо.

Фэргас описал еще два круга перед попыткой. Он явно нервничал, и его нервозность передалась Дортмундеру, который едва не велел ему лететь дальше, чтобы найти местечко получше. Но ведь оно может и не найтись. Дортмундер не мог позволить Фэргасу приземлиться в каком-либо аэропорту, так что место заведомо должно быть необычным, а тут внизу, по крайней мере, была прямая полоса бетона достаточной ширины для посадки.

Какую Фэргас и произвел с блеском, как только у него накопилось смелости сделать это. Он приземлился легко, как перышко, и уже через семьсот футов полностью остановил самолет и с улыбкой во всю физиономию повернулся к Дортмундеру.

— Вот это я и называю пилотажем, — сказал он.

— И я, — сказал Дортмундер.

Фэргас посмотрел на Буллока и вспылчиво произнес:

— Я бы чертовски хотел, чтобы он проснулся, — он потряс Буллока за плечо. — Проснись!

— Оставьте его в покое, — сказал Дортмундер.

— Если он не увидит вас, — сказал Фэргас, — он ни за что в это не поверит. Эй, Буллок! Будь оно проклято, старик, ты пропускаешь все приключения! — Он опять ткнул Буллока в плечо, немного посильнее, чем раньше.

— Спасибо, что подвезли, — сказал Дортмундер и вышел из самолета.

— Буллок! — прокричал Фэргас, тряся и пихая своего друга. — Да проснись ты ради Христа!

Дортмундер исчез в темноте.

Буллок пришел в себя под градом ударов, сел, зевнул, потер свою физиономию, огляделся, поморгал, нахмурился и сказал:

— Где это мы, черт побери?

— Шоссе номер восемьдесят, Нью-Джерси, — ответил ему Фэргас. — Слушай, ты видел того мужчину? Смотри скорей, пока он не скрылся с глаз!

— Шоссе восемьдесят? Мы же в самолете, Фэргас?

— Да смотри же ты!

— Какого дьявола ты торчишь на земле? Ты хочешь устроить катастрофу? Что ты делаешь на шоссе номер восемьдесят?

— Он исчез из виду, — произнес Фэргас и вскинул руки вверх в отчаянии. — Я же просил тебя посмотреть, так ведь нет!

— Ты, видимо, пьян! — сказал Буллок. — Ты ведешь аэроплан по шоссе номер восемьдесят?

— Нет, я не веду аэроплан по шоссе номер восемьдесят!

— Ну а как это, дьявол его побери, называется?

— Наш самолет был захвачен, будь он проклят! Какой-то тип вскочил в самолет с пистолетом и...

— Тебе следовало быть в воздухе, и этого бы не случилось.

— Да там, в «Кеннеди»! Как раз перед нашим взлетом он ворвался с пистолетом и захватил нас.

— О, ну да, конечно! — отозвался Буллок. — И вот мы в прекрасной Гаване!

— Он не хотел в Гавану.

— Нет, конечно. Он хотел в Нью-Джерси. Он с оружием в руках захватил самолет, чтобы попасть в Нью-Джерси.

— Что я могу сделать? — завопил Фэргас. — Так оно и было!

— Одному из нас снится дурной сон, — сказал Буллок, — и поскольку ты за ба-
ранкой, я надеюсь, что мне.

— Если бы ты очухался вовремя...

— Да-да, ну-ну, вот ты и разбуди меня, когда мы будем у моста через Делавэр. Я не хочу пропустить выражения на их лицах, когда они увидят, как аэроплан подъезжает к кассовым будкам¹, — Буллок покачал головой и улегся снова.

Фэргас остался сидеть, по-прежнему полуобернувшись к нему, глядя на него сверкающими от ненависти глазами.

— Какой-то тип захватил нас, — произнес он подозрительно мягким голосом. — Это действительно произошло.

— Если ты будешь лететь так низко, — сказал Буллок с закрытыми глазами, — почему бы не остановиться у кафе и не тяпнуть по чашке кофе и сэндвичу?

— Когда мы прибудем в Питсбург, — сказал Фэргас, — я врежу тебе по рылу. — Он отвернулся, развернул самолет, поднял его в воздух и вел всю дорогу до Питсбурга, добела раскаленный от гнева.

6

Послом Акинзи в ООН был большой плотный человек по имени Нколими. Одним дождливым октябрьским утром посол Нколими сидел в столовой посольства Акинзи, помещавшегося в узком доме на Восточной Шестидесят Третьей улице, на Манхэттене, когда туда вошел один из сотрудников и произнес:

— Посол, там какой-то человек хочет видеть вас.

В данный момент Посол изволил кушать Лимонно-Ореховый-Кофейный Торт «Сара Ли». В одиночку, весь целиком, что и служило одной из причин того, что Посол был очень, очень полным человеком. Сегодня это составляло его легкий полдник. Он кушал торт, запивая его кофе со сливками и сахаром. Посол получал от этого огромное удовольствие и не любил, когда от подобных занятий его отрывали. Он сказал:

— Чего ради он меня хочет видеть?

— Он говорит, дело касается Изумруда Талабво.

Посол поднял бровь.

— В самом деле?

— Я лично так не думаю, сэр.

¹ За проезд через некоторые мосты в США взимается плата.

— Как вы думаете, кто он такой?

— Полагаю, что гангстер, сэр.

Посол опять поднял бровь.

— В самом деле? — проговорил он. — Так пришлите его сюда, этого гангстера.

— Слушаюсь, Посол.

Сотрудник удалился, и Посол заполнил время ожидания и собственный рот Лимонно-Ореховым-Кофейным Тортом «Сара Ли». Он как раз подливал себе кофе, когда сотрудник вернулся и доложил:

— Он здесь, сэр.

Посол жестом велел ввести гангстера, и Дортмундер предстал перед ним. Посол пригласил Дортмундера сесть за стол напротив, что Дортмундер и исполнил. Посол, все еще жуя и глотая, с помощью жестикуляции предложил Дортмундеру кофе и торт, но Дортмундер сказал: «Нет, благодарю вас». Посол выпил еще немного кофе, сделал мощный глоток, промокнул губы салфеткой и произнес:

— Ага. Вот. Я так понимаю, что вы хотите говорить об Изумруде Талабво.

— Это верно, — отозвался Дортмундер.

— Что вы хотите сказать о нем?

— Прежде всего, — сказал Дортмундер, — все это сугубо между нами. Без полиции.

— Ну, полиция, конечно, ищет его.

— Само собой, — Дортмундер поглядел на сотрудника, бдительно стоявшего у двери, потом снова на Посла. — Я не люблю говорить в присутствии двух свидетелей, — заявил он.

Посол улыбнулся и покачал головой.

— Боюсь, вам придется пойти на это, — сказал он. — Я предпочитаю не оставаться один на один с незнакомцами.

Дортмундер подумал несколько секунд и согласился:

— Ол райт. Немногим меньше четырех месяцев назад кто-то украл Изумруд Талабво.

— Мне это известно, — сказал Посол.

— Его ценность чрезвычайно высока, — продолжил Дортмундер.

Посол кивнул.

— И это я тоже знаю, — произнес он. — Вы пытаетесь договориться о том, чтобы продать его мне обратно?

— Не совсем, — сказал Дортмундер. — Самые ценные камни, — развил он свою мысль, — имеют специальные имитации, копии, изготавливаемые по заказу владельцев, чтобы выставлять их в тех или иных местах. Существуют ли имитации Изумруда Талабво?

— Несколько, — ответил Посол. — И я от всей души желал бы, чтобы одна из них находилась тогда на выставке в Колизее.

Дортмундер взглянул с недоверием на сотрудника, затем произнес:

— Я прибыл сюда, чтобы предложить обмен.

— Обмен?

— Настоящий изумруд на одну из имитаций.

Посол подождал, пока Дортмундер продолжит, потом, недоуменно улыбаясь, сказал:

— Боюсь, что я вас не вполне понимаю. На одну из имитаций и на что еще?

— Ни на что, — ответил Дортмундер. — Прямой обмен, камень на имитацию.

— Я что-то не улавливаю, — признался Посол.

— О, и еще одна вещь, — сказал Дортмундер. — После обмена вы не делаете никаких публичных заявлений о том, что он вернулся к вам, пока я вам этого не разрешу. Через год-два, может, поменьше.

Посол поджал губы.

— Мне кажется, — сказал он, — вы можете рассказать захватывающую историю.

— Только не в присутствии двух свидетелей, — сказал Дортмундер.

— Прекрасно, — сказал Посол и повернулся к своему сотруднику. — Подождите в холле.

— Да, Посол.

Когда они остались одни, Посол произнес:

— Так что же?

— Вот как это произошло, — начал Дортмундер и рассказал ему все целиком, не называя имен, кроме имени Майора Айко. Посол слушал, иногда кивая, иногда причмокивая губами, и когда Дортмундер кончил, он сказал:

— Ну что же. Я подозревал, что Майор имеет отношение к краже. Ол райт, он пытался надуть вас, а вы получили изумруд обратно. Что теперь?

— Когда-нибудь, — сказал Дортмундер, — Майор вернется к нам с двумястами

тысячами долларов. Это может случиться в будущем месяце или на будущий год. Я не знаю, когда, но я знаю, что это произойдет. Он действительно хочет этот изумруд.

— Талабво хочет, без сомнения, — вставил Посол.

— Значит, они выделяют средства, — сказал Дортмундер. — Последнее, что кричал мне вслед Майор, что я должен беречь изумруд и что он вернется с деньгами, и я знаю, что он вернется.

— Но вы не желаете возвращать ему изумруд, так? Потому что он обманул вас.

— Именно. Я хочу теперь рассчитаться с ним делом за дело. И я исполню это. Вот зачем мне нужен этот обмен. Вы получаете подлинный изумруд и держите его некоторое время втихую. Я беру имитацию и храню ее, пока не появится Майор. Потом я продаю ее ему за две сотни тысяч, он везет ее домой в Африку на самолете, а вы объявляете, что настоящий изумруд у вас.

Посол улыбнулся грустной улыбкой.

— Они не очень хорошо обойдутся с Майором там, в Талабво, — проговорил он, — если он заплатит двести тысяч долларов за кусок зеленого стекла.

— Это как раз то, что мне нужно.

Все еще улыбаясь, Посол покачал головой и сказал:

— Мне надо помнить это и никогда не пытаться обмануть вас.

Дортмундер осведомился:

— Сделка состоялась?

— Конечно, состоялась, — ответил Посол. — Помимо того, что к нам возвращается изумруд, помимо прочего вообще, сделка состоялась, ибо я годами ожидал возможности крепко досадить Майору. Я бы мог кое-что рассказать и сам, знаете ли. Вы уверены, что все еще не хотите кофейного торта?

— Разве что маленький кусочек, — сказал Дортмундер.

— И немного кофе. Я настаиваю, — Посол посмотрел на залитое дождем окно. — Не правда ли, какой прекрасный день? — спросил он.

— Очаровательный, — ответил Дортмундер.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию издательства по адресу: 700000, Ташкент, ГСП, ул. Газеты «Правда», 41.

Всеми вопросами подписки и доставки журнала занимаются отделения «Союзпечати» на местах.

Технический редактор Ф. Я. Викнянская.
Корректор З. Г. Байбазарова.

Адрес редакции: 700000, Ташкент, ГСП, ул. Газеты «Правда», 41.

Телефоны: главного редактора — 33-42-68, заместителя редактора и отв. секретаря — 33-40-43; отделов: прозы, поэзии — 33-77-64, публицистики, литературной критики — 33-07-78.

Рукописи объемом менее печатного листа не возвращаются.

Сдано в набор 4.12.89 г. Подписано к печати 16.01.90г. Р-00013. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага тип № 2. Офсетная печать. Условных печ. л. 18,2+0,35 (вкл.). Усл. кр.-отт. 19,95.

Уч.-изд. л. 20,95+0,35 (вкл.). Тираж 207930. Заказ № 2120. Цена 1 рубль.

Ордена Трудового Красного Знамени
типография Издательства ЦК Компартии Узбекистана.
Ташкент, ГСП, ул. Газеты «Правда», 41.

И. ГАРВАРТ. Дары осени

В. ЛЫСОВ. Полевые цветы

В. СТОРОЖЕВ. Фантазия

И. СОКОЛОВ. Осенний виноград

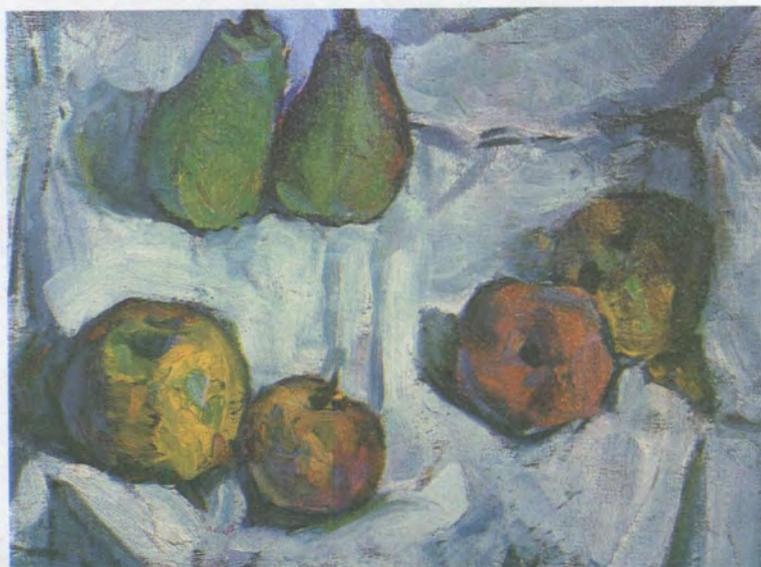

С. ИСАЕВ Розы

Д. УМАРБЕКОВ. Лунный натюрморт

Г. ЧЕРНУХИН. Плоды из моего сада

И. ТАЛДЫКИН. Осенние плоды

Ж. УМАРБЕКОВ. Кумган с цветами

Е. МЕЛЬНИКОВ. Гранаты

Р. АХМЕДОВ. Сирень

ЦЕНА 1 рубль

ИНДЕКС 75273

«ЗВЕЗДА ВОСТОКА», 1990, № 2, 1—208